

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ ИМ. В.Б. СОЧАВЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
V.B. SOCHAVA INSTITUTE OF GEOGRAPHY

GEOGRAPHY OF SIBERIA IN THE EARLY 21st CENTURY

IN 6 VOLUMES

Vol. 1. HISTORICAL GEOGRAPHY

Vol. 2. NATURE

Vol. 3. ECONOMY AND POPULATION

Vol. 4. NATURE MANAGEMENT

Vol. 5. WESTERN SIBERIA

Vol. 6. EASTERN SIBERIA

Editor-in-Chief

Dr. Sci. (Geogr.) V.M. Plyusnin

Editorial Board:

Dr. Sci. (Geogr.) L.A. Bezrukov, Dr. Sci. (Geogr.) A.V. Belov,
Dr. Sci. (Geogr.) Yu.I. Vinokurov, Dr. Sci. (History) Yu.A. Zulyar,
Dr. Sci. (Geogr.) L.M. Korytny, Dr. Sci. (Geogr.) S.V. Ryashchenko,
Dr. Sci. (Geogr.) Yu.M. Semenov, Corr Mem of RAS V.A. Snytko,
Dr. Sci. (Geogr.) N.V. Sysoyeva, Corr Mem of RAS A.K. Tulokhonov

ГЕОГРАФИЯ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В 6 ТОМАХ

Том 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Том 2. ПРИРОДА

Том 3. ХОЗЯЙСТВО И НАСЕЛЕНИЕ

Том 4. ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Том 5. ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ

Том 6. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Главный редактор
д-р геогр. наук *В.М. Плюснин*

Редакционная коллегия:

д-р геогр. наук *Л.А. Безруков*, д-р геогр. наук *А.В. Белов*,
д-р геогр. наук *Ю.И. Винокуров*, д-р истор. наук *Ю.А. Зуляр*,
д-р геогр. наук *Л.М. Корытный*, д-р геогр. наук *С.В. Рященко*,
д-р геогр. наук *Ю.М. Семенов*, чл.-кор. РАН *В.А. Снытко*,
д-р геогр. наук *Н.М. Сысоева*, чл.-кор. РАН *А.К. Тулохонов*

Volume I

HISTORICAL GEOGRAPHY

Editors-in-Chief:

Dr. Sci. (Geogr.) V.A. Snytko

Dr. Sci. (History) Yu.A. Zulyar

NOVOSIBIRSK
ACADEMIC PUBLISHING HOUSE "GEO"
2014

Том I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Ответственные редакторы:
д-р геогр. наук В.А. Снытко
д-р ист. наук Ю.А. Зуляр

НОВОСИБИРСК
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО "ГЕО"
2014

УДК 911
ББК Т218
Гз53

География Сибири в начале XXI века: в 6 т. / В.М. Плюснин (гл. ред.) [и др.]. Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. – Новосибирск : Академическое изд-во “Гео”, 2014. – ISBN

Т. 1. Историческая география / Отв. ред. Ю.А. Зуляр, В.А. Снытко. – 2014. – 000 с. – ISBN

Книга входит в серию монографий, в совокупности дающих полное представление о современном состоянии окружающей среды сибирского макрорегиона и проблемах его социально-экономического развития. В ней рассмотрены в исторической ретроспективе процессы освоения Русским государством и обществом территории Сибири. Исследованы состояние и развитие образа жизни и хозяйствования туземных и новообразуемых социумов, показаны становление и модернизация сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры и поселенческой сети.

Для географов, историков, экономистов, экологов, краеведов, преподавателей высшей и общеобразовательной школ, студентов и учащихся, а также для всех интересующихся географией и историей родного края. Она может быть полезна для сотрудников государственных и муниципальных органов власти и журналистов.

This book forms part of the series of multi-author monographs providing, in their entirety, a thorough idea of the current state of the environment in the Siberian macroregion and the problems of its socioeconomic development. It offers a historical retrospective of the processes of opening up and developing the territory of Siberia by the Russian State and society. The contributions investigate the current status and evolution of the lifestyle and economic pursuits of aboriginal and newly-formed sociums, focusing on the emergence, development and modernization of agriculture, industry, infrastructure and settlement network.

The book should be of interest to geographers, historians, economists, ecologists, specialists in regional studies, teachers of higher and general education schools as well as to all those interested in the geography and history of their home region. It may be useful for officials of governmental authorities and municipal bodies, and for journalists.

Авторы:

И.А. Арзуманов, А.Р. Батуев, В.И. Блануца, С.И. Гольдфарб, С.Д. Дагбаева, Л.М. Дамешек, Ц.Б. Дашилов, М.В. Дукальская, В.И. Дятлов, Ю.А. Зуляр, А.А. Иванов, В.Н. Казарин, Д.В. Кобылкин, Л.М. Корытный, С.И. Кузнецов, Д.Д. Нимаев, В.М. Плюснин, Ю.В. Рыжов, Э.Ц. Садыкова, В.А. Снытко, Н.М. Сысоева, А.К. Тулохонов, М.Г. Туров, В.П. Шахеров

Рецензенты:

д-р геогр. наук *Л.А. Безруков*
д-р ист. наук, профессор *В.В. Черных*
д-р ист. наук, профессор *А.В. Шалак*

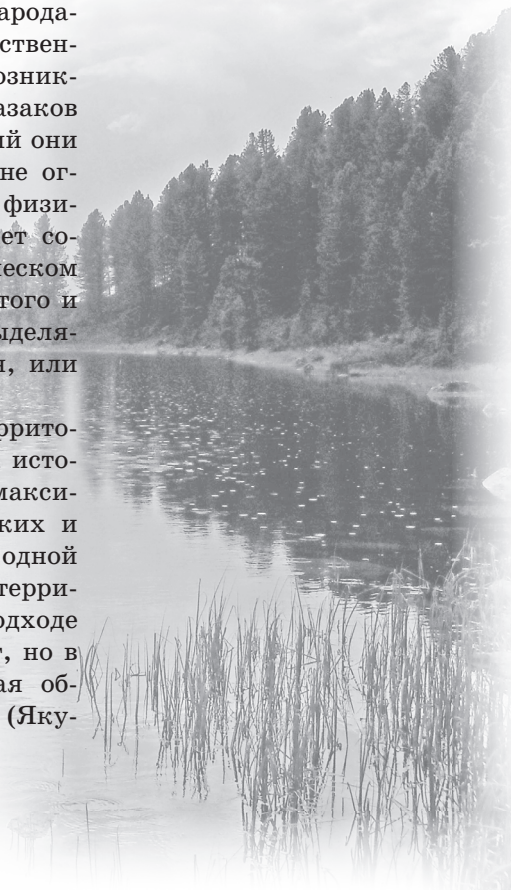
ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН – ведущее географическое академическое учреждение Сибири – издает серию “География Сибири в начале XXI века” в шести томах, дан аналитический обзор важным географическим и экологическим проблемам развития сибирских регионов. Это особенно актуально в связи с современными изменениями природно-климатических условий, глобализацией социальных процессов, увеличением антропогенной нагрузки на геосистемы при возрастающей год от года эксплуатации минерально-сырьевых, водных, лесных и прочих ресурсов Сибири.

Сибирь относится к важнейшим макрорегионам России. Это крупнейший на Земле массив суши, большая часть которого отличается суровостью природно-климатических условий, слабой освоенностью и малой населенностью, и в то же время обладает уникальными сырьевыми ресурсами.

Сибирь издавна заселена аборигенными народами. Ее освоение в рамках российской государственности началось в середине II тысячелетия с возникновения Мангазеи и продолжилось походами казаков и других первопроходцев. За несколько столетий они дошли до Тихого океана, присоединив к стране огромный край, ставший Азиатской Россией. В физико-географическом отношении она представляет собой субконтинент Северная Азия, в гидрографическом занимает два макробассейна Северного Ледовитого и Тихого океанов. В соответствии с последним выделяются две структуры – Североазиатская Россия, или Сибирь, и Тихоокеанская Россия.

Для определения современных границ территории Сибири целесообразно ориентироваться на исторические векторы ее освоения, а также на максимальное соответствие естественно-географических и экономико-географических рубежей Сибири, с одной стороны, и существующего административно-территориального деления – с другой. При таком подходе ядром является Сибирский федеральный округ, но в состав макрорегиона входят также Тюменская область с округами на западе и Республика Саха (Якутия) на востоке.

Сибирь – значительная часть мирового пространства. Она не только занимает более половины территории России, но и составляет по площади 23,1 % Азии, 18,8 % Евразии и 7,5 % суши всей планеты. Уже только этим обусловлена существенная роль Сибири в мировых и природных, и хозяйственных, и политических процессах. Еще более важно, что основную часть этой площади (89 %) занимают свободные или мало нарушенные земли – леса, горы, озера, болота, а селитебные, промышленные, “транспортные”, т. е. наиболее нарушенные земли не превышают в сумме 2 %.

Именно Сибирь – основная “кладовая” природных ресурсов России. В ее недрах содержится: почти 85 % российских запасов природного газа и 80 % нефти; свыше 90 и 75 % соответственно бурого и каменного угля; более 95 % свинца; около 90 % молибдена, платины и платиноидов; свыше 80 % слюды-мусковита и графита; около 80 % алмазов, 75 % золота, 70 % никеля и меди, 50 % олова и цинка. Подчеркнем, что главным образом за счет этого макрорегиона по запасам природного газа, нефти, никеля, цинка, олова, платины, алмазов, угля, золота, меди, свинца, молибдена Россия занимает одно из ведущих мест в мире.

Аналогичная картина и по водным ресурсам. Россия по важнейшей составляющей этих ресурсов – речному стоку – занимает второе место в мире (после Бразилии), и основная величина стока (55 %) приходится на Сибирь. Она сосредоточивает почти две трети водного фонда страны, прежде всего благодаря крупнейшим водохранилищам Ангара-Енисейского каскада, а также множеству озер, из которых выделяется Байкал, содержащий более 85 % пресных озерных вод России. На Ангара-Енисейских ГЭС, установленная мощность которых достигает 22 млн кВт (половина мощности всех ГЭС РФ), вырабатывается самая дешевая в стране электроэнергия, благодаря чему Сибирь играет заметную роль в энергетическом балансе России и развивает уникальный комплекс энергоемких производств.

Еще одно ее природное богатство – лес. Лесопокрытая площадь достигает почти 60 % от российской, причем доля самых ценных – хвойных лесов составляет 68 %. Расчетная лесосека, определяющая возможности получения древесины, в многолесных сибирских регионах – Красноярском крае, Иркутской, Томской и Тюменской областях (с лесистостью более 70 %) – крупнейшая в стране. Около половины охотничьих угодий страны сосредоточено также в Сибири, которая лидирует в добыче пушнины. Особенно важно, что лесные экосистемы сглаживают гидрометеорологические экстремумы, обеспечивают большую часть континентального влагооборота, работают как фильтры при загрязнении атмосферы, продуцируют кислород, фитонциды и т. п. Значительный ассимиляционный потенциал сибирских лесов фактически используется всей планетой.

Промышленность Сибири характеризуется высокой эффективностью, которая “перевешивает” фактор удорожания в сибирских условиях – суровом климате при глубинном макрорасположении. Основными показателями эффективности сибирской индустрии выступают широкое использование высокорентабельных природных ресурсов и их сочетаний, масштабность процессов производства, создание промышленных комплексов, низкая

стоимость электроэнергии при электровооруженности труда, почти в 2 раза превышающей среднероссийскую. Вклад Сибири в объем промышленной продукции России достигает почти 40 %, а в объем экспорта – 66 %.

При этом уровень и качество жизни в восточных регионах значительно ниже, чем в остальных. От центральных регионов к сибирским и дальневосточным падают покупательная способность, среднедушевая площадь жилья, возрастают доля населения, живущего ниже прожиточного минимума и заболеваемость. Явно недостаточно используется богатый научно-образовательный потенциал Сибири, особенно Сибирского отделения РАН и ведущих вузов. Необходима переориентация на инновационное развитие Сибири на основе внедрения высокотехнологичных и наукоемких производств, развития рекреации, индустрии туризма, использования возможностей по созданию трансконтинентальных евразийских транспортных коридоров между Западной Европой и Восточной Азией.

Успешность поиска путей развития России в новом тысячелетии, ее участия в глобальных процессах современности во многом определяется правильностью выбора приоритетов региональной политики. Один из главных ее приоритетов должен состоять в осознании и планомерном использовании того неоспоримого факта, что Сибирь не только является ресурсно-сырьевой кладовой страны, но и важнейшим материально-производственным базисом экономики, основным ее территориальным ресурсом в настоящее время и резервом на будущее.

Для научного обеспечения социально-экономического развития Сибири необходимо системное знание ее современных макро- и внутрирегиональных особенностей. Это возможно только в рамках географии – как единственной науки, сочетающей одновременный анализ природы, хозяйства и населения на основе исторического и пространственного подходов.

Однако до последнего времени полного обзора таких материалов на территорию Сибири не было. Серия “География Сибири в начале XXI века”, подготовленная коллективом Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН с участием других сибирских ученых, призвана в значительной степени восполнить этот пробел.

Серия состоит из шести томов. В первом “Историческая география” изложен процесс освоения Сибири. Второй посвящен природе Сибири, третий – ее хозяйству и населению, четвертый – природопользованию Сибири. Пятый и шестой тома дают комплексную характеристику соответственно Западной и Восточной Сибири в рамках субъектов Российской Федерации. Эти монографии являются логическим продолжением предыдущего крупного труда сибирских ученых – пятитомной серии “Географические исследования Сибири” (2007), а также тесно коррелирует с созданием мелко-масштабных карт природы, хозяйства и населения Азиатской России.

Книги носят характер научно-справочных страноведческих изданий энциклопедического типа. В таком качестве они будут полезны не только ученым, преподавателям, чиновникам и менеджерам разного уровня, но и всем тем, кто интересуется историей, географией, экономикой и экологией востока России.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая география как научное направление входит в систему географических наук. Она в настоящее время определяется как “изучение былых состояний географической среды (за исторический период) и их изменений, в том числе антропогенных, с течением времени” [Котляков, Комарова, 2007, с. 221].

Изучение географической среды сибирских регионов началось с начала XVIII в., до этого сведения были отрывочны и противоречивы. Хотя поколениями людей, осваивавших Сибирь, собирались разнообразные сведения, но они вошли в научный оборот только в XVIII в.

XIX в. ознаменовался трудами исследователей, представивших разнообразие природы, населения и хозяйства Сибири. Попытки рассмотреть эту территорию с историко-географических позиций были редки, главное внимание уделялось отдельным компонентам природы или хозяйства, без рассмотрения их в совокупности.

В XX в., в новейший этап развития географии, накоплено много сведений, показывающих историю развития природы, населения и хозяйства как отдельных частей, так и всей Сибири.

В публикуемой книге делается попытка обобщить имеющиеся сведения по исторической географии макрорегиона. Конкретные данные по природе, населению и хозяйству предваряет глава о палеогеографии ландшафтов, где главное внимание уделяется современному периоду геологической истории Земли – голоцену, в который в основном и сформировались современные ландшафты, хотя иногда в них сохранились и черты ранее существовавших ландшафтов.

Большой объем информации содержит глава о заселении и освоении Сибири, здесь же уделено внимание географическим открытиям и исследованиям. Особая глава посвящена вопросам хозяйственного освоения территории. Новым для подобного плана работ является рассмотрение в историко-географическом аспекте социально-политических процессов, про-

исходивших в Сибири в XIX–XX вв. Отдельная глава посвящена картографированию Сибири, которое рассматривается в исторической географии как интегральный процесс.

Книга подготовлена коллективом исследователей – географов и историков, работающих в институтах СО РАН и вузах Иркутска. Это изначально определило данное исследование как междисциплинарное. Такой подход, использованный при работе над первой книгой многотомного исследования, представляется методологически важным. Ограниченность узкодисциплинарной парадигмы, даже такой универсальной, как географическая, неизбежно приводит к одностороннему взгляду на сложнейшие процессы присоединения, освоения, экономического развития и удержания русской цивилизацией в рамках своей государственности огромной территории Северной Азии.

Естественным образом возникающая разнонаправленная экспансия русского этноса и российского государства в течение четырех столетий непрерывно трансформировала социально-экономическое и политическое пространство северо-восточной части Евразии. Чем были обусловлены эти мощные, непрерывные и неукротимые процессы? Безусловно, сложным комплексом причин, обстоятельств, но прежде всего магистральным развитием цивилизационных процессов, доминировавших в XVI–XIX веках.

Приняв на себя колоссальный по мощи и масштабности удар монголо-китайского цивилизационного симбиоза, древнерусская государственность защитила и позволила укрепнуть до доминирующего состояния европейской социально-культурной общности, но сама погибла в неравной борьбе. Потребовалось три столетия, прежде чем восточно-христианское славянское этническое сообщество создало новые формы государственности, обеспечившее ему доминирование на огромной территории, населенной представителями многих этноконфессиональных сообществ.

Энергия этой государственности оказалась настолько огромной, что ее хватило для успешной экспансии во все части света. Но особенно эффективным оказалось движение на Восток в мало приспособленные для человеческого проживания районы планеты, вобравшие в себя несметные минеральные и органические богатства. Результаты этого движения колоссальны. Движение на Запад и на Юг для России во многом дало противоположные результаты, к тому же в значительной степени в настоящее время аннулированные. Данная “сибирская загадка” является важным побудительным мотивом для нашего авторского коллектива. Исследователи последовательно в широкой исторической ретроспективе рассматривают экономические, демографические, политические, социально-хозяйственные причины и аспекты этого колониального феномена.

Появление русских в Сибири на первых порах не принесло существенных положительных результатов для туземных социумов, но и не оказалось для них губительным. Практически вся последующая история Сибири разворачивалась по классическому колониальному сценарию, предусматривавшему неограниченное и бездумное извлечение прибыли с колонизируемых территорий. Вместе с тем, безграничные богатства, особенно огромная территория, так минимизировали наносимый природе и социумам

урон, что по истечению времени доля негативных последствий уменьшалась и на первое место выходили позитивные результаты и последствия присоединения Сибири к России.

Сибирь становилась фундаментом, неисчерпаемой кладовой, обеспечивающей полуварварской стране выход в клуб великих мировых держав. Благодаря Сибири Россия перестала быть просто большой европейской страной, а превратилась в мирового игрока, граничившего и соперничавшего с мировыми державами во все времена и через это непосредственно влияющего на ход мировых событий. Право распоряжения богатствами Сибири всецело принадлежит Центру, давая ему возможности решать за их счет не только внутригосударственные проблемы, но и покрывать все экономические риски и обязательства внешней политики. Особенно это справедливо для постсоветского периода истории страны.

А что же получила от этого альянса Сибирь? Именно на этот вопрос подробно отвечают авторы разделов первого тома. Проблема эта имеет не только научный, но и остро политический и морально-психологический характер. Ибо в общественном мнении жителей региона превалирует убеждение о колониальном характере отношений между сибирскими территориями и Центром. Тем более что чисто экономгеографический анализ, казалось бы, подтверждает этот тезис.

Вместе с тем, идейно-политический дискурс социально-политического осмысления комплекса проблем взаимоотношений Сибири и Центра (а иногда это понимается как “России и Сибири”) находится совершенно в другой плоскости. Следует начать с того, что само географическое и административно-ментальное явление Сибири возможно только в России, иначе эта территория была бы поделена между рядом государств и как целостное образование просто не существовала бы. Не возникло бы такого набирающего популярность явления, как сибирская самостность и даже некий отдельный патриотизм (не сепаратизм).

Сибирь вошла в рыночное и культурное пространство России, став при этом европейским пространством, не перестав при этом быть вполне азиатской территорией. Она позволила жителям региона быть свободными и мобильными внутри огромного пространства самой большой страны мира, обеспечивая реальные возможности выбора вида, места и формы жизни и деятельности. Нахождение внутри великой державы должно помогать Сибири эффективно решать свои кадровые, демографические, социальные и творческие проблемы.

В первом томе издания рассмотрены как традиционные проблемы, так и вопросы, только становящиеся актуальными среди исследователей. Представлены разные точки зрения; разнообразны форма и технологии подачи материала; рассмотрены как общепризнанные, так и спорные концепции и взгляды. Как и свойственно реальному исследовательскому процессу, авторы данного тома зачастую являются оппонентами друг другу, что позволяет рассматривать это издание как творческую лабораторию, где не только обнародуются полученные результаты, но и определяются направления дальнейших исследований и аналитической работы.

Глава 1

ПАЛЕОЛАНДШАФТЫ СИБИРИ И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК

1.1. РАЗВИТИЕ ПАЛЕОЛАНДШАФТОВ В СИБИРИ В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ГОЛОЦЕНЕ

Историческая география – это специальная историческая дисциплина, изучающая влияние географической среды на развитие человеческого общества. На протяжении десятков тысяч лет ландшафты Сибири являются средой обитания человека. Палеоландшафт – реконструированная прошлая природная обстановка [Свиточ и др., 2004]. Гипотетичность палеогеографических реконструкций связана с неповторимостью развития и эволюции флоры и фауны и неоднократным повторением ландшафтов, обусловленных неорганическими компонентами (ледниковых покровов, эоловых пустынь и др.).

Для отложений позднего неоплейстоцена и голоцена Сибири приведены стратиграфические схемы (см. табл. 1.1–1.3). Первые стратиграфические схемы появились в Сибири в 50–60-е годы прошлого века, когда еще отсутствовали или только начинали внедряться в четвертичную геологию методы радиоизотопного датирования. В последние десятилетия был собран и обобщен большой объем данных о стратиграфии и возрасте различных генетических типов континентальных и морских отложений. Многие стратиграфические схемы претерпели существенные изменения.

Климатические изменения в течение позднего неоплейстоцена и голоцена были всеобщими и носили колебательный характер. Периоды потепления и увлажнения климата сменялись этапами похолодания и иссушения. Всего в течение последних 130 тыс. лет выделено два межледниковья (термохрона) (казанцевское, голоцен), два периода похолоданий (криохрона) – муруктинский (нижнезырянский) и сартанский (верхнезырянский). Между ними выделяется каргинский период в рамках мегаинтерстадиала. Климатические изменения в различных

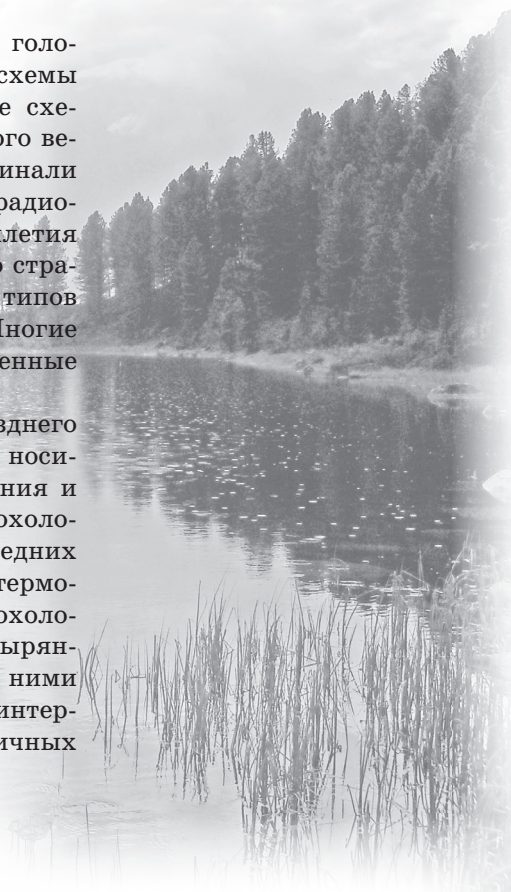

Таблица 1.1

**Стратиграфическая схема позднего неоплейстоцена и голоцена Сибири
[Волкова, Хазина, 2009]**

Радиоуглеродный возраст, тыс. л.н.	Стратиграфические подразделения [Волкова и др., 2009]			Кислородно- изотопная шкала (МИС)
	Раздел	Надгоризонт	Горизонт, хронологический	
0,0–10,3	Голоцен QIV	–	–	1
10,3–24,0	Верхний неоплейстоцен QIII	Зырянский	Сартанский Q ₃ ⁴	2
24–57			Каргинский Q ₃ ³	3
57–71			Муруктинский Q ₃ ²	4
71–82			Казанцевский Q ₃ ¹	5a
82–92				5b
92–102				5c
102–114				5d
114–127				5e

Таблица 1.2

**Детальная стратиграфическая схема конца верхнего неоплейстоцена
и голоцена юга Сибири [Воробьева, 2010; с изменениями и добавлениями]**

Раздел	Хронологические периоды по Блиттеру–Сернандеру		Радиоуглеродный возраст, л.н.
Голоцен QIV	Субатлантический	SA-3	0–800
		SA-2	800–1800
		SA-1	1800–2500
	Суббореальный	SB-3	2500–3200
		SB-2	3200–4200
		SB-1	4200–4600
	Атлантический	AT-3	4600–6000
		AT-2	6000–7000
		AT-1	7000–8000
	Бореальный	BO-3	8000–8300
		BO-2	8300–8900
		BO-1	8900–9300
	Предбореальный	PB-2	9300–10 000
		PB-1	10 000–10 300
Верхний неоплейстоцен QIII	Поздний дриас	DR-3	10 300–10 800
	Аллеред	AL	10 800–11 800
	Средний дриас	DR-2	11 800–12 300
	Беллинг	BO	12 300–13 300
	Ранний дриас	DR-1	13 300–14 300

Таблица 1.3

Стратиграфическая схема верхнего неоплейстоцена Западной, Средней и Восточной Сибири (составлена по материалам [Колесников, 2005; Воробьева, 2010; Зыкина, Зыкин, 2012; Frechen et al., 2005; и др.]

Радиоуглеродный возраст, тыс. л.н.	Западная Сибирь (долина р. Обь)	Средняя Сибирь (Верхний Енисей)	Восточная Сибирь (р. Ангара)	МИС
Голоцен 0–10,3	Современная почва	Современная почва	Современная почва	1
Сартанское оледенение 10,3–24,0	Баганский лесс Суминская почва Ельцовский лесс	Трифоновский лесс	Сартанский лесс 2 Почва 10,8–13,3 Сартанский лесс 2	2
Каргинский мегаинтерстадиал 24–57	Искитимский ПК (2 почвы) Верхняя 24,5–26,3* Нижняя 29,0–33,1	Куртакский ПК 25,7–36,0 Верхняя (позднекаргинская) 24,9–29,8 Средняя (среднекаргинская) 38,5–38,6 Нижняя (раннекаргинская) 45,2–51,0	Осинский ПК (2 почвы) Верхнеосинская 24–31 Нижнеосинская 33–39 Раннекаргинская 44,2–45,8	3
Зырянское (муруктинское) оледенение 57–71	Тулинский лесс	Чанский лесс	Муруктинские пески и лессы	4
Казанцевское межледниковье 71–130	Бердский ПК	Сухоложский ПК Каменноложский ПК	Игетейский ПК	5d–a 5e

* Радиоуглеродный возраст.

районах Сибири существенно различались. Так, в северных районах в оптимум каргинского времени (33–43 тыс. л.н.) было теплее на 2–3°, чем в настоящее время. В южных районах Сибири климат был близок к современному или незначительно холоднее. Для северных и центральных районов Сибири большее значение имели температурные изменения, приводившие к развитию оледенения, многолетней мерзлоты, гляциальным и криогенным процессам. В южных районах Сибири наряду с температурными изменениями важную роль в природном процессе играли осадки, их количество и распределение по сезонам года.

Наиболее древние отложения позднего неоплейстоцена на юге Восточной Сибири относятся к казанцевскому межледниковью (114–127 тыс. л.н.). Широко были распространены темнохвойные и смешанные леса, по долинам лесостепи, степи, луга на бурых дерновых, серых лесных и лугово-черноземных почвах. Среднегодовые температуры воздуха в казанцевское межледниковье были на 1–4° выше современных значений, осадков выпадало на 100–200 мм больше [Палеоклиматы..., 2009]. В муруктинское (ранневалдайское) похолодание (110–57 тыс. л.н.) происходило накопление эолово-делювиальных и эоловых песков и лессовидных супесей. Домини-

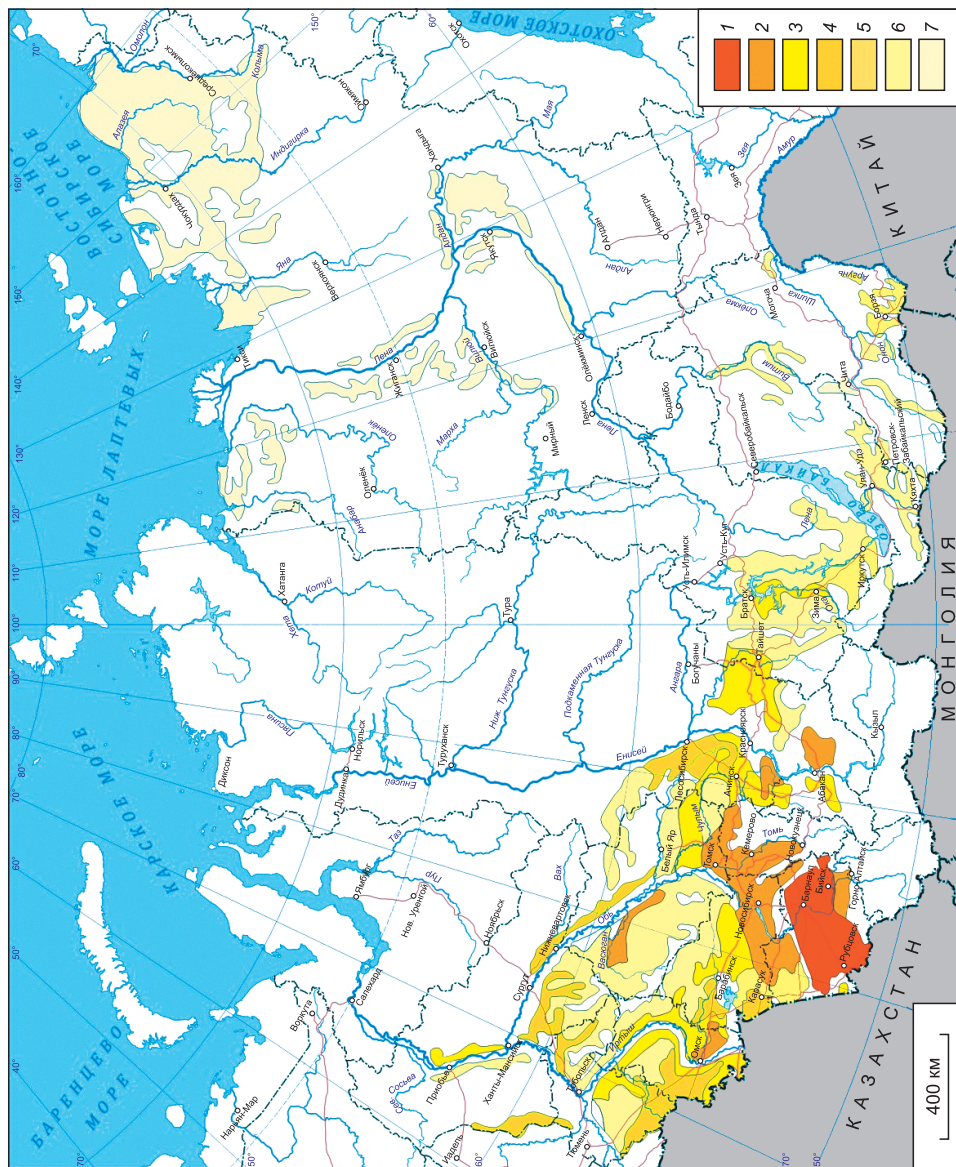

Рис. 1.1. Карта распространения лессовидных отложений Сибири [Лессовые породы..., 1986].

1 – лессы и лессовые породы большой мощности (более 10 м, иногда 40 м и более); 2 – лессовые породы, лессы мощные (более 5 м, достигает 15–30 м); 3 – лессовые породы средней мощности (чаще 5–10 м); 4 – лессовые породы прерывистого распространения небольшой мощности (до 3–5 м); 5 – лессовые породы островного и прерывистого распространения изменчивой мощности; 6 – лессовидные и покровные глинистые породы островного и прерывистого распространения маломощные; 7 – мерзлые покровные пылеватые глинистые породы.

нировали еловые и березовые леса и редколесья, лесостепи и степи. Климат был холодным и сравнительно влажным, формировались слаборазвитые почвы. Большие площади в Сибири занимали многолетнемерзлые породы, активно протекали криогенные процессы, представленные мерзлотными клиньями и криотурбациями [Палеоклиматы..., 2009; Воробьева, 2010].

В каргинское время (57–24 тыс. л.н.) фиксируются неоднократные похолодания и потепления. В Сибири преобладали лесные, лесостепные и степные ландшафты. В периоды потеплений значительные площади занимала темнохвойная тайга. Климат был влажный умеренно теплый. В малохетский оптимум каргинского времени (42–33 тыс. л.н.) и в липовско-новоселовское потепление на юге Сибири формировался искитимский (куртакский, осинский) педокомплекс, представленный серыми лесными черноземовидными и каштановыми почвами. Сартанское похолодание (24,0–10,3 тыс. л.н.) характеризовалось максимальным похолоданием в течение позднего неоплейстоцена и голоцена, широким распространением перигляциальных тундрово-степных ландшафтов, широким распространением многолетней мерзлоты, формированием повторно-жильных льдов и полигонального рельефа, широким распространением лессовидных отложений.

В голоцене климат и ландшафты менялись неоднократно. Периоды потеплений климата чередовались похолоданиями, отмечалось смещение природных зон и вертикальных поясов [Евсеева, Жилина, 2010]. Наиболее крупные изменения в природной среде происходили на рубеже хронологических периодов. Они четко фиксируются в разрезах отложений, этапах накопления отложений и ископаемых почв [Палеоклиматы..., 2009; Воробьева, 2010; Зыкина, Зыкин, 2012].

В позднем неоплейстоцене и голоцене сформировались современные и древние речные и озерные террасы, денудационные и ледниковые формы рельефа, покровы лессовидных отложений различной мощности. В условиях прогрессирующего похолодания и иссушения значительную роль в формировании рельефа стали играть криогенные и эоловые процессы. В целом в периоды потеплений преобладали расчленение рельефа, активное проявление флювиальных, эрозионно-аккумулятивных процессов. Поймы и речные террасы имеют двухчленное строение [Ендрихинский, 1982]. Нижняя часть толщи сложена русловым аллювием представленным песками, галечниками. Верхняя часть сложена песками, супесями, суглинками, глинами. В периоды похолоданий более

выражена была тенденция выравнивания рельефа в результате проявления разнообразных экзогенных процессов (делювиальных, пролювиальных, криогенных, эоловых).

В течение последних 127 тыс. лет происходит образование циклически построенных толщ, состоящих их прослоев лессовидных отложений и горизонтов ископаемых почв (см. табл. 1.3). Лессовидные отложения различного генезиса широко распространены в Сибири (рис. 1.1). Большие по площади и мощности покровы лессовидных отложений образовались в центральной и южной частях Западной Сибири. На восток площади лессовидных пород уменьшаются по площади и мощности. В бассейне рек Енисей и Ангара они сосредоточены на равнинах и в межгорных котловинах. В Забайкалье лессовидные отложения образуют делювиально-пролювиальные покровы и шлейфы в нижней части склонов речных долин и котловин. В Республике Саха-Якутия они приурочены к речным террасам р. Лена.

Погребенные почвы, разделенные на генетические горизонты, формировались в казанцевское межледниковье и каргинский мегаинтерстадиал [Воробьева, 2010; Зыкина, Зыкин, 2012]. В условиях расчлененного рельефа фрагменты ископаемых почв выражены в виде педоседиментов, представленных смесью отложений и почв. В голоцене выделяют до семи этапов почвообразования, разделенных горизонтами отложений [Сычева, 1999; Александровский, Александровская, 2005; Воробьева, 2010].

Северные и высокогорные районы Сибирь неоднократно были подвержены наземному, подземному и морскому оледенению. Наиболее проблематичным остается вопрос о количестве и размерах оледенения на севере Западной Сибири. Здесь ледовые обстановки сменялись морскими трансгрессиями, формируя покров смешанных ледниково-морских отложений. В горных районах наибольших масштабов оледенение достигало в муруктинский и сартанский криохроны. В муруктинское и раннекаргинское время ледники в горных районах занимали обширные площади на плато Путорана, Алтае, в Саянах, Прибайкалье, в сартанское время преобладали преимущественно каровые ледники.

Большие масштабы в позднем неоплейстоцене приобрело подземное оледенение. В сартанское время вся Сибирь находилась в области распространения многолетнемерзлых пород [Палеоклиматы..., 2009]. Позднечетвертичные отложения в криохроны подвергались активному воздействию криогенных процессов, что привело к образованию многочисленных мерзлотных клиньев, криотурбаций, формированию полигонального рельефа на обширных просторах Сибири. На севере Сибири при осушении приморских равнин образовался комплекс эолово-криогенных образований лессово-ледового, ледово-лессового и ледово-песчаного комплексов, или едомы [Развитие..., 1993]. Чередование потеплений и похолоданий обусловило неоднократные разноамплитудные колебания уровня океана и морей Северного Ледовитого океана. Трансгрессии моря на сушу обычно коррелируются с межледниковьями и связаны с поступлением талых вод ледников суши. Особенно глубоко (на 300–500 км) море проникало на север Сибири между Пай-Хоем и Енисейской губой. В периоды наиболее сильных похолоданий и развития обширных ледниковых покровов уровень моря

понижался на 100 м и более, осушались огромные площади шельфа Северного Ледовитого океана, прорезанные многочисленными долинами сибирских прарек. Между Аляской и Чукоткой существовал сухопутный мост (Берунгийский континентальный массив).

Считается, что в холодные эпохи существенно увеличивалась роль открытых ландшафтов, исчезала лесная зона. В теплые периоды происходило восстановление полизональной структуры за счет расширения лесной зоны [Величко, 2011]. Подобные пульсационные процессы характерны для всего плейстоцена Сибири. Они сопровождались постепенным выпадением термофильных элементов на юге региона, приводя к обеднению видового состава флоры и фауны.

На границе неоплейстоцена и голоцена (10,3 тыс. л.н.) происходят события, поставившие на грань существования, а затем и полного исчезновения некогда широко распространенных видов животных и растений. Причин их вымирания посвящено огромное количество работ, часто отражающих взаимоисключающие мнения. В голоцене происходит окончательное становление современной зональной структуры. Все природно-климатические процессы указанных временных рамок тесным образом взаимосвязаны с эволюцией человеческого общества. Палеоклиматические реконструкции [Евсеева, Жилина, 2010] показывают, что в кульминационные фазы каргинского межледниковья (42–33 тыс. л.н.) структура растительного покрова была близка к современной. Доминирующее положение в Западной Сибири занимали леса бореального типа, с увеличением доли неморальных элементов на западе и юго-востоке, в лесостепной и южнотаежной зонах.

Отличительной чертой растительности Восточной Сибири являлось произрастание темнохвойных и березово-сосновых лесов на месте современных лиственных. В других районах, а также на Северо-Востоке доминирующая роль отводилась лиственнице. В горных районах южной части широкое распространение получили темнохвойные формации, а в Забайкалье – степная растительность.

В эпоху последнего, сартанского, оледенения происходил распад сложившейся полизональной растительности за счет изменений в тепло-, влагообеспеченности экосистем. В максимальную стадию (20 000–18 000 л.н.) перигляциально-тундровый тип растительности был распространен севернее 60–65° и представлен арктическими пустынями, горными тундрами и ксерофитно-микротермными степными группировками [Палеоклиматы..., 2009] (рис. 1.2). Характерной особенностью организации растительности во время ледниковой эпохи являлось образование перигляциально-степного типа (тундростепи, тундролесостепи, холодные степи, перигляциальные степи). В его видовом составе присутствовали как растения, характерные как для тундр, так и для сухих степей.

В финальной части ледниковой эпохи происходит смешение зон (гиперзональность). Крайняя суровость и континентальность климата, значительные площади, покрытые ледником, небольшое количество осадков обусловили, судя по палинологическим данным, широкое распространение элементов степной растительности вплоть до крайних северных точек континента.

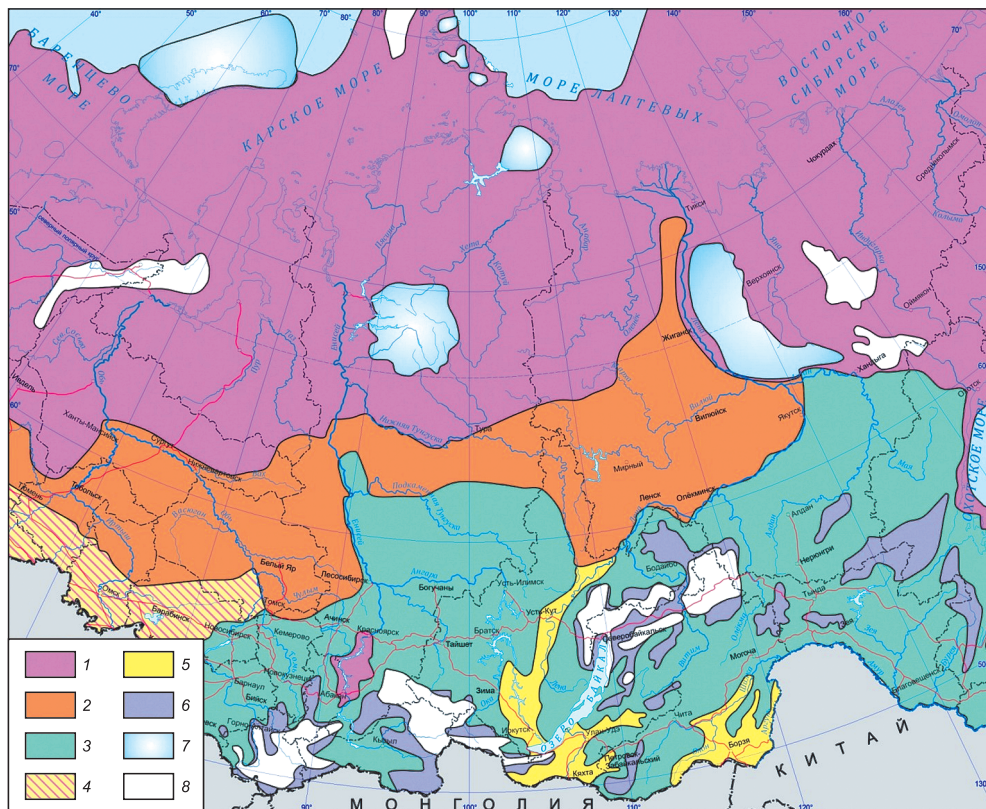

Рис. 1.2. Карта монозональной ландшафтной структуры Сибири в сартанскую ледниковую эпоху [по А.А. Величко, 2011]:

1 – тундра, 2 – перигляциальные степи, 3 – таежные леса, 4 – степи на многолетнемерзлых грунтах, 5 – степи на сезоннопромерзающих грунтах, 6 – высокогорная растительность, 7 – ледники, 8 – районы с горно-долинным оледенением.

В конце плейстоцена происходят резкие колебания климатических параметров и наступает новая геологическая эпоха - голоцен. Несмотря на относительно короткий срок (10 тыс. лет), в течение голоцена происходили значительные изменения природно-климатических условий. Установлено, что климатические события имели сложный пульсирующий и неоднородный характер [Евсеева, Жилина, 2008]. На территории Северной Евразии отмечается три термических максимума [Хотинский, 1982]: бореальный (8900–8300 л.н.); позднеатлантический (6000–4700 л.н.); средне-суббореальный (4200–3200 л.н.).

В пребореальное время (РВ) (см. табл. 1.2) наблюдается повсеместный расцвет древесной лесной растительности с доминирующими березой и сосной, связанный с всеобщим потеплением. Для бореального периода (ВО) в северной части Сибири реконструированные среднегодовые температуры воздуха были выше современных. В южной части Западной Сибири выде-

ляются холодная и влажная фаза (8710 л.н.) когда березово-сосновые редколесья соседствовали с кустарниками. В холодная сухую фазу (8480 л.н.) широкое распространение получили разнотравно-полынные ассоциации с разреженными сосново-березовыми лесами. Бореальное время отличается проникновением далеко на север лесной растительности. В таежной зоне широко распространяются темнохвойные ассоциации вплоть до Центральной Якутии. В настоящее время темнохвойная тайга в этих регионах отсутствует, что свидетельствует о более мягком климате.

Резкое похолодание в конце бореального периода (8 тыс. л.н.) отмечает его границу с атлантическим (АТ). Потепление и увеличение годовых сумм осадков вызвали деградацию мерзлоты, активизацию биогенных процессов (накопления торфа). Потепление климата во второй части атлантического периода (6,5–4,6 тыс. л.н.) привело к усложнению структуры растительности, расширению площади лесов и ареалов теплолюбивых растений. В горах Южной Сибири верхняя граница леса поднималась до максимальных значений за голоцен.

Суббореальный период (SB) (4,6–2,5 тыс. л.н.) – сложный этап в эволюции географической оболочки Северного полушария. Климатические колебания в сторону уменьшения среднегодовых температур в раннее время (4600–4100 л.н.) обусловили сокращение и исчезновение еловых лесов во внутренних районах Сибири и деградацию лесной растительности на севере. В горах происходит снижение границы леса.

Субатлантический (2,5 тыс. л.н.–современность) период (SA) – заключительный этап голоцена и становления современных растительных сообществ.

Видовой состав фауны Сибири на протяжении последних 50 тыс. лет верхнего палеолита Сибири был чрезвычайно разнообразен. В многочисленных палеонтологических и археологических местонахождениях фиксируются представители нескольких зоогеографических областей, что объясняется ее стыковым положением.

По характеру распространения фаунистических таксонов можно выделить виды с голарктическим ареалом (песец, лисица, красный волк, серый волк, бурый медведь, россомаха, горноста́й, ласка, пещерный лев, мамонт, благородный олень, снежный баран, овцебык), бореальные палеарктические (хорь, лошадь, сайгак, бизон), палеарктические лесные и степные (рысь, шерстистый носорог, косуля), степные и полупустынные евразийские (корсак, пещерный медведь, пещерная гиена, кулан, кяхтинская винторогая антилопа), сибирские лесные (соболь) и центрально азиатские (як, дзерен, джейран, горный баран, сибирский горный козел). Распределение указанных видов естественным образом зависело от ландшафтно-климатических условий того или иного временного отрезка и географического положения ареала. Так, центрально-азиатские виды тяготели в основном к степным пространствам Забайкалья и гор Южной Сибири. Многие из них дожили на этих территориях до XX в.

Статистический анализ местонахождений териофауны, проведенный А.К. Марковой и др. [Эволюция..., 2008], позволил выделить подразделения мамонтового комплекса на территории Северной Евразии. В результа-

те в Сибири выделяются следующие фаунистические комплексы: I – мамонтовый арктический (восточный вариант); II – мамонтовый бореальный (сибирский вариант); III – мамонтовый степной; IV – алтайский мамонтовый горный; V – забайкальский. Их краткая характеристика позволяет реконструировать дифференциацию животного мира в интервале 33 – 24 тыс. л.н.

Наибольшую площадь занимал мамонтовый арктический комплекс. Для него были характерны субарктические виды и некоторое число степных млекопитающих (мамонт, шерстистый носорог, лошадь, северный олень, первобытный бизон, песец, сайга, заяц-беляк и т. д.). В сибирском варианте отсутствуют находки благородного и большерогого оленей, что связано с более суровыми, чем в Европе, условиями. Видовой состав млекопитающих комплекса указывает на широкое распространение открытых пространств.

Расположенный южнее мамонтовый бореальный комплекс характеризовался разнообразным видовым составом (мамонт, шерстистый носорог, лошадь, северный, благородный, большерогий олени, косуля, первобытный бизон, сайга, песец, пещерный медведь, пещерный лев, ласка, хорь и т. д.). Отличительной чертой данного комплекса являлось высокое разнообразие тундровых и степных видов в сочетании с лесными. Мамонтовый степной комплекс включал, помимо обитателей степей и открытых пространств (лошадь, сайга, бизон, сурки и т. д.), мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей и др. Тундровые виды встречались крайне редко.

Наиболее разнообразными в видовом отношении принято считать алтайский и забайкальский мамонтовые комплексы. Расчлененность рельефа, более южное географическое положение, особенности палеогеографического развития обуславливали широкий спектр местообитаний.

С наступлением последнего похолодания начинается постепенный распад ядра мамонтовой фауны. В целом начало похолодания, судя по имеющимся датировкам, приходится на 23–22 тыс. л.н. [Украинцева, 2002]. Финал ледникового периода ознаменовался вымиранием большого числа таксонов мамонтовой фауны. На обширных пространствах Евразии вымерли или сократили ареалы мамонты, шерстистые носороги, овцебыки, бизоны, большерогие олени, пещерные львы, гиены и др. Вопрос о массовом вымирании вызывал и вызывает многочисленные дискуссии. Среди них выделяются два направления: истребление человеком [Пидопличко, 1963; Будыко, 1967; и др.] и вымирание вследствие изменений природной среды [Марков и др., 1968; Формозов, 1969; и др.].

1.2. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК

Источниками исторической географии являются письменные и археологические памятники, сведения по топонимике, языкознанию, а также необходимые данные для реконструкции физико-географического ландшафта прошлого. В реконструкции ландшафтов позднего неоплейстоцена и голоцена Сибири важны археологические материалы, дающие важную

информацию об окружающей среде, орудиях и быте древних людей, населявших обширные пространства Сибири. В таблицах 1.1–1.3 приведены данные о стратиграфии и геохронологии, отражающие основные рубежи природно-климатических изменений. В археологии разработана собственная периодизация истории человечества, которая делится на три больших эпохи: камня, бронзы и железа. В свою очередь, каждая из них подразделяется на отдельные периоды и культуры. Например, эпоха камня делится на несколько периодов: палеолит (древний каменный век), мезолит (средний каменный век) и неолит (новый каменный век). Между эпохами камня и бронзы некоторые исследователи выделяют переходный период, отмеченный применением медных орудий труда при сохранении значительной роли каменных – энеолит (меднокаменный век). Следует отметить, что начало и окончание периодов не совпадает для разных районов. В табл. 1.4 приведена схема археологической периодизации.

Большое количество археологических памятников, расположенных в различных природных зонах Сибири, свидетельствуют о появлении и расселении гоминидов в эпоху мустье (150–35 тыс. л.н.). Существуют и другие точки зрения. Так, по исследованиям в Республике Саха (Якутия), выполненным Ю.А. Мочановым [1992] на стоянке Деринг на берегу р. Лена выше Якутска, возраст памятника – 1,8–3,2 млн лет.

В мустьерскую эпоху жили неандертальцы. Отдельные их зубы были найдены в алтайской пещере Сибирячиха. Неандертальцы умели поддерживать огонь, изготавливать из дерева и камня различные орудия труда и охоты, обрабатывать шкуры животных [Малая..., 2011]. Основным видом деятельности была охота.

Более достоверные следы пребывания древнего человека в Сибири датированы для верхнего палеолита (40–11 тыс. л.н.). Многочисленные археологические памятники этого времени достаточно надежно датированы

Таблица 1.4

Археологическая периодизация [Константинов, 1994]

Эпоха	Период	Геохронологические рубежи (тыс. лет)
Железо		0,0–2,2
Раннее железо–поздняя бронза		2,8–2,2
Ранняя бронза		3,8–2,8
Поздний неолит		4,5–3,8
Средний неолит		5,5–4,5
Ранний неолит		7,0–5,5
Поздний мезолит		8,0–7,0
Средний мезолит		10,3–8,0
Ранний мезолит		10,8–10,3
Поздний палеолит	Поздний	18,0–10,8
	Средний	25,0–18,0
	Начальный	40,0(35,0)–25,0
Средний палеолит (мустье)		150,0–40,0(35,0)

радиоуглеродным методом. В Сибири для начального палеолита известны жилища, обогреваемые очагами [Константинов, 1994]. Человек этого времени был преимущественно охотником. Собираательство играло подчиненную роль. Охота на шерстистого носорога, мамонта, бизона, лошадь, северного и благородного оленя, медведя, волка обеспечивала пищей, служила материалом для изготовления орудий. Шкуры животных применялись для изготовления одежды и покрытия жилищ. Непрерывно шел процесс совершенствования каменных орудий и способов их изготовления.

В конце позднего палеолита (13–11 тыс. л.н.) климатические условия резко менялись, происходило вымирание мамонтовой фауны. Изобретались новые способы и орудия добывания пищи. Вооружившись луком и стрелами, гарпунами и другими охотничьими и рыболовными снастями, человек перешагнул в новую эпоху [Малая..., 2011].

Мезолит (среднекаменный век) датируется 10,8–7,0 тыс. л.н., характеризуется потеплением и увлажнением климата в Сибири, совершенствованием каменных и костяных орудий, жилищ, одомашниванием собак. Важное место в хозяйстве древних людей стало занимать рыболовство. Основным средством пропитания оставалась охота. Добывали благородного оленя, косулю, барана, лошадь, кабана, медведя, соболя, белку, колонка. Ряд исследователей (А.П. Окладников и др.) не выделяют мезолит в самостоятельную эпоху.

С изобретением глиняной посуды начался заключительный этап каменного века – неолит (7,0–3,8 тыс. л.н.). Поселения этого возраста широко распространены на просторах Сибири вплоть до побережья арктических морей. Основными способом добывания пищи оставались охота и рыболовство, собираательство и переработка растительных продуктов. Возможно, в это время в южных районах Сибири начинают возникать земледелие и ткачество. Продолжали совершенствоваться способы обработки камня – расщепление, оббивка, ретушь [Малая..., 2011]. Появление керамической посуды позволило нагревать и кипятить на костре воду, готовить пищу, хранить запасы продовольствия. Время появления керамики в Сибири обычно не превышает 7,0 тыс. лет.

Примерно 3,8–3,5 тыс. л.н. начинается эпоха металла. Руды меди, олова добывали в шурфах и шахтах. Основными районами металлургии были Рудный Алтай, Забайкалье. Руду выплавляли в специальных печах, переслаивая ее древесным углем. Металлические изделия в поселениях были редки, основную массу составляли каменные орудия. Продолжали совершенствоваться орудия и жилища, посуда. Древние люди по-прежнему занимались охотой и рыбалкой, собираательством. 3,0–2,5 тыс. л.н. были одомашнены лошадь, корова, овца, коза, свинья, появляется зачаточное земледелие. В лесостепных и степных районах основным видом хозяйства становится кочевое скотоводство. В таежных районах наряду с охотой, рыбалкой все большие масштабы приобретает животноводство.

* * *

Природная среда в целом и ее отдельные компоненты на протяжении позднего неоплейстоцена и голоцена развивались направленно, ритмично,

полихронно. Периоды потепления и похолодания, увлажнения и аридизации обуславливали значительные изменения в ландшафтной структуре, неоднократное смещение природных зон с севера на юг и высотных поясов, широкое развитие и деградацию наземного, подземного и морского оледенения, появление и распространение на территории Сибири особого “перигляциального” типа осадконакопления (ледниковые, перигляциальные, лессовые), преобразование флоры и фауны, возникновение перигляциальных групп животных и растений [Свиточ и др., 2004].

В течение последних 130 тыс. лет (а возможно, и раньше) в Сибири поселился древний человек. Первоначально осваивались южные районы. На первых порах заселения человек почти всецело зависел от окружающей его природной среды. Совершенствуясь, люди научились добывать огонь, пищу, изготавливать орудия, жилища, одежду.

На протяжении тысячелетий неоднократно менялся климат, происходили смены эпох и археологических культур, непрерывно совершенствовались орудия труда, жилища, способы и средства охоты и рыбалки, изготавливались принципиально новые изделия из керамики и металла, одомашнивались животные, развивались скотоводство и зачаточное земледелие. Становление и развитие человеческого социума позволило заселить обширные просторы Сибири, подойти к созданию классовых обществ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ЕЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

2.1. СТЕПНЫЕ ИМПЕРИИ (КОЧЕВНИЧЕСТВО)

С исторических времен Сибирь – малонаселенная территория, где проживали представители многих языковых групп. Границы территорий за весь исторический период неоднократно изменялись, этнический состав часто трансформировался вследствие процессов постоянных миграций населения. Согласно Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. численность коренного населения Сибири составило 879,5 тыс. чел. (15,1 % всего населения) [Патканов, 1923]. На рубеже XVII–XVIII вв. численность аборигенов региона оценивалась примерно в 220 тыс. чел. [Долгих, 1960].

В настоящем обзоре мы ограничиваемся этнокультурной и этнодемографической характеристикой трех крупных коренных народов Южной Сибири: бурят – 461,4 тыс. чел., тувинцев – 263,9 тыс. чел., алтайцев – 74,2 тыс. чел. (данные Всероссийской переписи населения 2010 г.).

Рассматриваемая нами область расселения названных народов – это обширная полоса лесостепной и горнотаежной зоны, характеризующаяся рядом общих признаков по природно-географическим параметрам.

Важно иметь в виду, что степные районы Бурятии (Забайкалье), Тувы (Хемчикская, Убсунурская котловины), Алтая (Кулундинская равнина, Приобское плато) являются неотъемлемой частью крупной историко-культурной области, именуемой центральноазиатской, являющейся восточной половиной Великой степи. Эта территория еще с древности стала

зоной активных контактов и взаимодействий различных племен и народов: монгольского, тюркского, тунгусского, самодийского и иного происхождения. Факты также свидетельствуют о достаточно раннем (не позднее неолита) появлении здесь европеоидного населения, генетически связанного, вероятнее всего, с древнеиранской этнокультурной общностью. Рассматриваемая нами область, расположенная на стыке сибирской тайги и центральноазиатских степей, находилась с давних пор в центре важных этнических и политических событий в регионе. Она постоянно (частично или полностью) входила в составы последовательноменявшихся государственных образований хунну, сяньби, жужаней, орхонских тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов, киданей, монголов.

Именно народы лесостепной и степной зоны, относительно рано, где-то в конце неолита – в самом начале бронзового века сумевшие перейти к производящим способам хозяйствования – земледелию и скотоводству, стали первоочередными катализаторами масштабных этнополитических событий и потрясений, имевших непосредственные воздействия далеко за пределами своего региона. Один из важных факторов подобного рода поворотов событий – хороший или даже избыточный прирост населения – как, например, наглядно показали итоги Всероссийской переписи населения 1897 г., характерен, прежде всего, для земледельческого населения. Бросается в глаза буквально скачкообразный прирост в численности бурят от 27 тыс. в XVII в. до 288,6 тыс. чел. в 1897 г., южносибирских тюрков – от 17 тыс. до 160 тыс. чел., якутов – от 28 тыс. до 226 тыс. чел. [Патканов, 1923].

“В эпоху раннего металла ... культурные области северной части Центральной Азии начальной поры бронзового века приобрели достаточно ярко выраженный этнокультурный характер. Их население оставалось глубоко самобытным и вносило особый колорит в облик археологических культур сопредельных районов, с которыми они поддерживали разнообразные связи. В частности, это проявилось во влиянии монгольских афанасьевцев на облик родственного им населения афанасьевской культуры Горного Алтая” [Цыбиктаров, 2006, с. 174].

Хозяйство степных культур этого времени сочетало производящие и присваивающие отрасли и носило комплексный характер. Скотоводство и, возможно, земледелие при значительной роли охоты, рыболовства и собирательства представляли достаточно высокопродуктивную экономику, которая позволяла населению вести устойчивый оседлый образ жизни. Это предопределило стабильность культурно-исторической и этнокультурной ситуации в Центральной Азии на заре бронзового века.

Формирование своеобразия в культурном облике степного населения Забайкалья и Монголии было ускорено усиливавшимся на протяжении конца III – II начала тыс. до н.э. процессом аридизации климата, сыгравшим, в конечном итоге, решающую роль в утверждении скотоводческого направления в производящем хозяйстве степного населения Монголии и Забайкалья к эпохе развитой бронзы. Вместе с этим завершился процесс этнокультурного разъединения монголо-забайкальского населения на скотоводов-кочевников с характерным для них комплексом материальной и

духовной культуры, с одной стороны, и охотников-рыболовов тайги также со специфической для них материальной и духовной культурой, с другой.

Важно подчеркнуть, что возникновение кочевого скотоводства как самостоятельного хозяйственно-культурного типа явилось знаковым достижением в истории цивилизации народов степной зоны Евразии. Зародившись примерно 3 тыс. лет тому назад, постепенно совершенствуясь и приспособляясь к быстро меняющимся социально-экономическим и политическим условиям, этот хозяйственно-культурный тип в основных формах продолжал активно функционировать еще до 1-й трети XX в.

О культуре и быте ранних кочевников свидетельствуют одни из самобытных памятников археологической культуры региона – плиточные могилы. Поражает, прежде всего, обширная территория распространения названной культуры. Границы ее распространения в настоящее время определяются примерно следующим образом. Северные пределы в Монголии ограничиваются хребтами Восточных Саян, в Бурятии, кроме отдельных, обособленных очагов распространения в Предбайкалье, они проходят севернее г. Улан-Удэ, частично охватывая территорию современных Прибайкальского и Баргузинского районов, далее на восток по долине р. Уда, по линии Чита–Сретенск вплоть до хребтов Большого Хингана.

На этой огромной территории на протяжении многих веков проживало единокультурное или монолитное в этническом плане население, поскольку каких-либо заметных локальных вариантов в культуре не выявлено. В настоящее время большинство исследователей согласно с тем, что культура плиточных могил возникла на местной основе, уходящей корнями в эпохи ранней бронзы и неолита [Цыбиктаров, 2006].

Установлено, что к концу III тыс. до н.э. на территории Монголии складывается две отчетливо выраженные культурные зоны. В западной части начинается развитие культурных традиций, имеющих близкие аналогии на территории Тувы, Алтая и Восточного Туркестана. Зарождение этих традиций обычно связывается с появлением населения индоиранского происхождения. Подтверждением этому служат и антропологические данные, свидетельствующие о преимущественно европеоидном облике носителей рассматриваемой культуры [Алексеев и др., 1987].

Наиболее интенсивный этап этих контактов, приходится, по-видимому, на конец II–начало I тыс. до н.э. Примерно этим хронологическим отрезком датируются расположенные на территории Южной Бурятии и Центральной Монголии курганы-керексуры, которые по характеру погребального обряда совершенно идентичны аналогичным сооружениям на территории Западной Монголии, Тувы, Алтая. Керексуры Бурятии и Центральной Монголии в целом синхронны по времени существования с плиточными могилами. Еще одна особенность этих памятников заключается в том, что их объединяет не только единая хронология, но и общая территория их расположения. Ширина этой контактной полосы, идущей с севера на юг, составляет около 1000 км. И длительное, на протяжении нескольких веков, совместное проживание на одной территории представителей двух разных культурных традиций привело в конечном итоге к своеобразному этническому симбиозу [Нимаев, 2007].

В конце IV–начале III тыс. до н.э. на территории Минусинской котловины и Алтая возникает афанасьевская культура, создателем которой является европеоидное население с развитым скотоводческим комплексом и металлообработкой.

Таким образом, именно рассматриваемая нами область явилась одним из первичных центров соприкосновения и дальнейшего, еще более тесного и разностороннего взаимодействия культур Востока и Запада.

В настоящее время со значительной долей вероятности можно утверждать, что начало собственно процесса этногенеза бурят, как, впрочем, и большинства других современных народов, по крайней мере в рамках сибирско-центральноазиатского региона, относится к периоду не ранее середины I тыс. н.э. Потому что именно с этого времени начинают появляться некоторые конкретные черты, позволяющие провести этнографические параллели в культуре и языке отдельных этнических общностей нашего времени. Разумеется, сказанное отнюдь не отрицает возможности обращения к материалам более ранних эпох для сравнительно-исторического анализа, ибо, как принято считать, в археологических культурах этнические черты начинают проявляться где-то с конца неолита [Нимаев, 2008].

Буряты как народность сформировались на основе длительного и тесного взаимодействия этнических компонентов монгольского, тюркского, тунгусского и, вероятно, иного происхождения.

Основные протобурятские племена – хори (хори-туматы), булагаты (булагачины), эхириты (икарасы, инкарасы) начинают упоминаться в ранних монгольских исторических сочинениях, таких как “Сокровенное сказание монголов” (1240 г.), “Сборник летописей” Рашид-ад-дина (начало XIV в.).

К началу XVII в. н.э. в Прибайкалье происходил процесс консолидации различных родоплеменных групп, в том числе тюркского и тунгусского происхождения, в рамках нескольких крупных территориально-этнических объединений. Этническая карта региона выглядела примерно следующим образом. В долине Ангары и по ее притокам, также Верхней Лене проживали хонгодоры, булагаты, эхириты и отдельные родовые группы западномонгольского происхождения – икинаты, сэгэнуты, зунгары и т. д. В Забайкалье кочевали многочисленные группы собственно монгольского происхождения и хоринцы. Часть хоринцев расселялась также на западной стороне оз. Байкал, занимая о. Ольхон и прилегающие земли.

Такие этнические общности, как хори, эхириты, булагаты, в то время представляли из себя вполне сложившиеся образования племенного типа. У каждого из них имелась сложившаяся структура родословного древа, восходящая к легендарному предку (Хоридою, Эхириту, Булагату (или Буха-нойону)) и подкрепленная соответствующей мифологемой. У каждого из них имелся, как правило, общий тотем (лебеда, налива, быка). Тотемные культы в пережиточной форме сохранялись и среди отдельных родовых групп. В то же время у хонгодоров еще не имелось относительно четко сложившейся племенной структуры и развитой системы родословных преданий, что можно рассматривать как признак еще не завершившегося окончательно процесса объединения разных родоплеменных групп в одно самостоятельное целое.

Основная часть предбайкальских бурят, т. е. эхириты, булагаты и, по крайней мере, часть хонгодоров, к началу XVII в. находилась на определенной стадии этнической консолидации. Это было обусловлено целым рядом факторов – единство территории, периферийное положение к остальному монгольскому этническому миру, сходство природно-географических условий, следовательно, хозяйственно-культурных типов, общность исторических судеб – в их формировании заметную роль сыграли этнические компоненты тунгусского, тюркского и также ойратского происхождения, что во многом определило своеобразие культурного облика западных бурят. Именно в отношении предбайкальского населения был употребительным термин “братья, брацкие люди” в отписках русских служилых людей начала XVII в. Следовательно, можно говорить о существовании у них к тому времени и общего названия.

Появление русских в Восточной Сибири и последовавшее за этим присоединение Бурятии к России придало совершенно иные направленность и характер происходящим в регионе этническим процессам, предопределив во многом их современную специфику. Установление Россией устойчивых пограничных рубежей с Монголией и Китаем привело к обособлению бурятских племен от остального монголоязычного мира, к разрыву их традиционных хозяйственно-культурных связей с народами Центральной Азии, Китая, Тибета, и дальнейшее их этническое развитие шло под непосредственным влиянием русскоязычного населения.

Процесс межэтнической интеграции становится еще более интенсивным и разнохарактерным где-то с рубежа XVIII–XIX вв., когда русскоязычный этнический компонент становится численно преобладающим в регионе. Приводим некоторые статистические данные по материалам Всероссийской переписи 1897 г., которая засвидетельствовала дальнейшее увеличение доли пришлого населения по Иркутской губернии и Забайкальской области. В 1897 г. в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области проживало 1 187 142 чел. Всего в списках упоминаются названия более 40 национальностей, однако основную часть населения составляли представители трех национальностей – русские (68,9 % всего населения), буряты (24,3 %) и эвенки (3,0 %).

Явное преобладание иноэтнического компонента, а также активная русификаторская политика царской администрации, особенно православной церкви, стали причиной довольно интенсивных ассимиляционных процессов среди бурят. В 1897 г. доля перешедших на русский язык среди забайкальских бурят составила 5,2 %, среди иркутских – 12,5 %. Число крещеных среди бурят достигло более 50 тыс. чел.

Вместе с тем было бы неправомерно подходить к оценке этнической ситуации в Бурятии дореволюционного периода только с одной этой позиции. Необходимо учесть, что “подавляющую часть русских Сибири (в начале XIX в. – свыше 80 %) составляло крестьянство – непосредственные производители материальных благ, с их многовековыми трудовыми навыками, значительно более совершенными, чем у местного населения” [История Сибири..., 1968, т. 1]. Это обусловило быстрое освоение незаселенных земель, в хозяйство многих народов Сибири под влиянием русских внедря-

лись новые для них отрасли хозяйства и трудовые навыки: стали интенсивнее развиваться хлебопашество, сенокосение, улучшились орудия труда.

Буряты подразделяются на две основные территориально-этнографические группы: западных (предбайкальских) и восточных (забайкальских), что обусловлено, с одной стороны, своеобразием природно-географических условий, следовательно, хозяйственно-культурных типов, с другой, особенностями их исторических судеб, например, в формировании западных бурят более существенную роль сыграли этнические компоненты тюркского и тунгусского происхождения. Можно выделить также четыре основных подразделения племенного типа – хоринцы, эхириты, булагаты, хонгодоры. Кроме них существует еще одна группа, объединение территориально-административного характера, – селенгинские буряты, включающие в себя представителей родов монгольского и западнобурятского происхождения.

Антропологически буряты (рис. 2.1) в большинстве своем относятся к центральноазиатскому типу северобайкальской расы монголоидов; внутри его выделяется еще два варианта: ангаро-ленский и забайкальский.

Бурятский язык относится к северной группе монгольских языков алтайской семьи. В языке выделяется около 15 говоров, которые объединены в наречия: западнобурятское, восточнобурятское и южнобурятское. В последние годы начали выделять еще одно самостоятельное наречие: саянская группа говоров – диалект жителей современных Тункинского, Окинского и Закаменского районов Бурятии.

Традиционная письменность бурят, основанная на старомонгольском алфавите, в 1931 г. была переведена на латиницу, в 1939 г. – на кириллицу.

Традиционной религией бурят является шаманизм, где своеобразными посредниками между верующими массами и сверхъестественными силами, которым они поклонялись, были шаманы и шаманки (*боо, удаган*).

Рис. 2.1. Бурят и бурятка.

Буддизм – одна из мировых религий – в так называемой тибетской форме начал проникать в Монголию, Забайкалье в XIII–XIV вв. Однако его массовое распространение в Бурятии началось с XVII в. К 20-м годам XX в. в Бурятии имелось 44 дацана, где насчитывалось около 20 тыс. лам и хувараков.

Основу хозяйства бурят составляло скотоводство. Разводили пять видов скота (*табан хушуу мал*): лошадей, овец, крупнорогатый скот, верблюдов, коз. Особую роль в жизни бурятского общества играл конь, воспетый в улигерах, песнях, легендах и преданиях. Было велико не только его хозяйственное значение, конь являлся также своеобразным мерилom ценности, благосостояния. Не менее важное значение, особенно в условиях кочевого хозяйства, имела овца, которая, как и лошадь, относилась к категории скота “с горячим дыханием” (*халуун хушуу мал*). Продукция овцеводства составляла основу хозяйственного быта бурят. Мясо овцы использовалось также в качестве жертвенной пищи духам и хозяевам местности [Бабуева, 2004].

Наряду со скотоводством, важное место в жизни бурят занимала охота, особенно в тех районах, где для этого имелись соответствующие условия. Ценное промысловое значение имели соболь, белка, лиса, выдра, чей мех являлся предметом меновой торговли. Важным подспорьем в пищевом рационе бурят служило мясо косули, оленя, лося, медведя, дикого кабана. Фольклорные и прочие материалы свидетельствуют о существовании в прошлом у монгольских народов облавной охоты – *зэгтэ аба* (*аба хайдаг*).

Одной из древних отраслей хозяйства явилось рыболовство, о чем свидетельствует наличие самобытной народной терминологии: *онгосо* – лодка, *гульмэ* – сеть, *хахуули* – удочка, *хэрээ* – острога и т. д.

Земледелие к XVII в. играло в хозяйстве бурят, очевидно, лишь подсобную роль. Однако нет сомнения в том, что в отдельные исторические периоды, в зависимости от природно-климатических условий, земледелие являлось достаточно важным подспорьем в хозяйстве бурят на что указывает достаточно развитая терминология: *анзаһан* – соха, *хадуур* – серп, *тарьян* – зерно, *тээрмэ* – мельница, *гурил* – мука и т. д.

Поселения бурят по сезонно-хозяйственному назначению делились на зимние – *үбэлжөөн* и летние – *зуһалан*. Содержание скота в разные сезоны в различных местах позволяло наиболее рационально использовать имеющиеся пастбища и сенокосные угодья. Характер поселений – стационарные (преимущественно у западных бурят) и временные (у восточных) зависел от природно-географических условий местности и способа ведения хозяйства (кочевой, полукочевой, полукочевый).

В традиционной одежде бурят всесторонне отразились особенности местных природно-климатических условий, специфика хозяйственно-бытового уклада, характер внешних этнокультурных взаимосвязей. Одежда выражала также половую, возрастную, социальную принадлежность индивида в обществе. Верхняя зимняя мужская и женская одежда совпадала по покрою. Ее обычно шили из овчины (бедняки – из телячьих и жеребьих шкур). Летнюю одежду (*тэрлиг*) шили из тканей, которые приобретали у китайцев, позднее – у русских. Обязательным компонентом жен-

ского костюма являлась длинная распашная безрукавка (*дэгэлэй, хубайси*), которая представляла кофту длиною ниже талии и пришитую к ней в сборку юбку. Большое значение придавалось украшениям, которые выполняли также функции оберега, маркировали социальный и возрастной статус человека. Украшения изготавливались из всевозможных драгоценных металлов (золото, серебро) и камней – жемчуга (*сувад*), малахита (*номин*), янтаря (*хуба*), бирюзы (*оюн*) и т. д.

Шитьем одежды и обуви у бурят занимались женщины. Традиционная одежда бурят – халат: зимний дэгэл и летний на тонком подкладе тэрлиг. Мужские дэгэлы Забайкальских и прибайкальских бурят незначительно различались по крою.

Разновидности бурятской обуви можно свести к двум основным типам, разнящимся характером покроя: 1) поршневидный и 2) башмаковидный.

Основу традиционной бурятской кухни составляли молочные и мясные блюда. Молочных продуктов насчитывалось около 20 наименований. Из мясных наибольшей популярностью пользовались баранина и конина. Соотношение между потреблением мясо-молочных продуктов зависело от времени года, хозяйственного цикла населения. В отдельных районах важное место в пищевом рационе бурят занимали продукты рыбной ловли, охоты и растительного происхождения. Исторически сложившаяся система питания кочевников построена на строгом балансе мясных и молочных продуктов в различные сезоны. В летний период, который длился с апреля по октябрь (время, охватывающее период от отела скота до окончания его дойки), преимущественно потреблялась молочная пища, изредка мясо и мучные изделия. Молоко и все молочные продукты имели сакральное значение.

То же самое можно говорить о существовании двух основных типов жилищ у бурят. 6- и 8-стенный деревянные срубы бытовали в основном на территории Предбайкалья, также в Тунке, Закамне, по типу они сходны с деревянными юртами алтайских тюрков. Со временем под влиянием русских, в связи с переходом к более оседлому образу жизни повсеместно начали строить 4- и 5-стенные деревянные дома.

Бурятское название войлочной юрты – *һэеы гэр*. Юрта собирается из девяти основных частей, в том числе из складных деревянных решеток. Эти решетки состоят из плоских реек, наложенных друг на друга косою клеткой, поэтому конструкция могла сжиматься или растягиваться гармошкой, благодаря чему можно было регулировать размеры юрты и складывать ее во время перекочевок. Юрты всегда ставились на открытом солнцу пространстве, поскольку вся хозяйственная и бытовая деятельность кочевника была связана по времени с круговоротом солнца. Отсчет времени суток буряты и некоторые тюркоязычные народы вели по солнцу, а именно по углу падения солнечного луча через верхнее отверстие юрты – дымник. По мере того, как луч солнца скользил по окружности дымника, затем по кончикам жердей (их количество равнялось 60), поддерживающим свод юрты, далее по поверхности полукруглая войлочного покрытия, по определенным частям мебели, кочевник определял точное время и строил повседневный распорядок рабочего времени. Поэтому пропорции дым-

ника, количество жердей, высота решетчатых стен и всей юрты, а также традиция устанавливать дверь на юг, были подчинены ритмике движения солнца [Бабуева, 2004]. Ориентация в ночное время осуществлялась по наблюдениям за движением звезд по небосклону.

Юрта всегда ориентирована по оси север–юг. Исключения возможны по ландшафтно-климатическим причинам, но исключения, как известно, лишь подтверждают правила. Итак, вход – с южной стороны, а противоположная входу почетная сторона юрты, куда сажают важных гостей и где хранится алтарь с изображением богов, находится на севере. Теперь встанем лицом к югу, спиной к северу (таков способ ориентации по сторонам света) и попробуем разобраться, что у нас справа, а что слева. Правая сторона юрты – мужская, или западная; здесь находятся кровать главы семейства, охотничье снаряжение, конское седло, упряжь для верблюдов или быков, бурдюк с кумысом и прочие принадлежности скотоводческого хозяйства, которые ассоциируются с мужскими видами занятий. Левая сторона – женская, или восточная; здесь мы видим постель старшей незамужней женщины в семье (сестры или дочери хозяина) сразу у входа – полки с посудой и шкафчик с продовольствием, ведра для дойки скота и прочие предметы, связанные с женским трудом в скотоводстве. В центре юрты находится очаг, главный сакральный объект, вокруг очага располагаются другие, менее значимые предметы [Жуковская, 1990].

Следует отметить, что буряты на тот период умели добывать металл и его обрабатывать. Кузнецы изготавливали оружие, топоры, ножи, а также предметы кухонной утвари. Бурятские украшения из металлов, ножи и оружие пользовались большим спросом у соседних племен. В это же время существовала меновая торговля с различными народностями Сибири (эвенками, тувинцами, киргизами), странами Средней Азии и Монголией.

Буряты с раннего возраста прививали детям строгие этические нормы, нравственные принципы, правила поведения в семье и обществе, воспитывали в детях почтительное отношение к родителям, уважение к старшему поколению, особенно к старикам. На примере своих родителей дети с малых лет учились гостеприимству, которым испокон веков славились буряты. К семьям, “не посещаемым народом”, т. е. негостеприимным, буряты относились неодобрительно.

Традиции бурятского народа основаны на экологическом мировоззрении и знании природных процессов. В прошлом буряты остерегались строить большие дома, так как для этого приходилось срубить много деревьев. Долголетие человека напрямую зависело от количества срубленных или посаженных им деревьев. Охотники знали, что нельзя преступать меру дозволенного и убивать зверей понапрасну. Когда приходило время охоты, буряты-охотники проводили обряд очищения, потому что считалось, что они едут не бить зверей, а в гости к хозяину тайги Хангаю. Кочевники знали, какие виды трав пригодны для разных животных, умели определить их качество. Подобные знания о природе, наряду с владением техникой выпаса скота, передавались из поколения в поколение и обеспечивали сохранность пастбищ – основы благосостояния скотовода.

Таким образом, природоохранные традиции бурят обеспечивали жизнь в гармонии с природой.

Тувинцы – тюркоязычный народ, коренное население Республики Тыва (Тува), расположенной в географическом центре Азии и имеющей общую площадь около 170,5 тыс. км². Часть тувинцев населяет другие регионы Российской Федерации, а также Монголию (около 20 тыс.), Китай (около 3 тыс.) [Тюркские народы..., 2008].

Сведения о прошлых поколениях, их культуре, верованиях сохраняют многочисленные археологические памятники, разбросанные в степях Тувы, курганы, каменные изваяния, городища, а также письменные древние памятники. Племена, населявшие территорию Тувы, были частью огромного культурного мира ранних кочевников – скифов и саков (VIII–III вв. до н.э.), живших на огромных просторах Великого пояса степей, простиравшегося от Причерноморья до Центральной Азии [Савинов, 2002].

Искусство ранних кочевников достигло необычайного совершенства. В нем господствовал художественный стиль, получивший название “звериного”, так как его центральным образом была борьба зверей [Ванштейн, 1974]. Один из лучших образцов этого стиля – “свернувшаяся пантера”, отлитая из бронзы, – найден в одном из “царских” курганов в Туве археологами М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом (курган “Аржааан”). В последние годы с участием немецких ученых в той же долине Аржаан раскопан еще один “царский” курган, давший интересные находки, которые хранятся в Государственном Эрмитаже [Цыбиктаров, 1998].

В III в. до н.э. в Туву вторглись воинственные центральноазиатские племена, родственные гуннам; смешиваясь с местным населением, они повлияли, в частности, на его язык и внешний облик. Если раньше в антропологическом типе большинства населения преобладали европеоидные черты, то начиная с этого времени монголоидный компонент стал заметно усиливаться. В настоящее время западные тувинцы – это выраженные представители центральноазиатского антропологического типа, а восточные тувинцы-тоджинцы – представители байкальского антропологического типа с примесью катангского варианта.

С середины I тысячелетия н.э. тувинские племена находились в составе могущественной степной империи – Тюркского каганата [Кляшторный, Савинов, 2005]. Они построили в Туве крепости, а также стену-вал для защиты от набегов соседей – енисейских кыргызов. В IX в. уйгуры пали под ударами воинственных енисейских кыргызов, живших в Минусинской котловине [Бичурин, 1950]. Одним из достижений этой эпохи было создание “своей” древнетюркской “рунической письменности”. Ее тексты, выбитые на камне, можно поныне встретить в степях Тувы. Антропологу М.М. Герасимову удалось по черепу из кургана того времени реконструировать портрет древнего тюрка, жившего в Туве тысячу лет назад [Тюркские народы..., 2008].

В конце XIII–начале XIV вв. этнический состав населения Тувы уже включал в основном все группы, участвующие в формировании тувинского народа – потомков тюрков-тугу, уйгуров, кыргызов, монголов, а также самодийские и кетоязычные племена.

В XVI–XVII вв. племена Тувы вошли в центральноазиатское государство Алтынханов. С середины XVIII в. маньчжурская (цинская) династия Китая подчинила и население Тувы, которая была разделена на несколько основных административных единиц – хошунов (районов). Ими управляли тувинские наследственные “князья” – нойоны. Тувинцы входили также в состав ряда других небольших хошунов, управляемых монгольскими князьями, как в самой Туве, так и на территории Монголии, включая Монгольский Алтай. Каждый хошун делился на более мелкие административные единицы сумоны, а те в свою очередь – на арбаны (десятидворки) [История Тувы, 2001].

В начале XX в. тувинцы образовали девять хошунов: Хаазут, Тоджа, Салчак, Хемчинский (Даа-хошун), Бээзи, Даа-вана (Маады) и Чооду, Ни-базы, Шалык.

Единое административное управление Тувы в немалой степени способствовало консолидации тувинцев в единую народность, формированию общезнаменитого самосознания и самоназвания. Именно в эпоху пребывания племен Тувы в составе маньчжурского Китая в конце XVIII–начале XIX вв. завершилось формирование тувинского этноса. Одним из важных факторов этого процесса было установление административного деления, основанного главным образом не на родовом, а на территориальном принципе, что способствовало стиранию племенных различий.

Китайская администрация проводила первые переписи населения, позволившие выявить численность тувинцев в конце XVIII–начале XIX вв. население Тувы тогда не превышало 40 тыс. чел.

Во второй половине XIX в. Урянхайский край (прежнее название Тувы) начинают заселять русские крестьяне-переселенцы, в основном сибирские старообрядцы. Приезжают также купцы и первые русские предприниматели, в основном для работы на золотых приисках. Постепенно формируются русско-тувинские связи. В начале XX в. русские колонисты, число которых уже составило 10 % от всего населения края, способствовали вовлечению Тувы в геополитическую орбиту России [Дулов, 1956].

В 1911–1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, приведшая к свержению маньчжурской династии цинь. Вслед за этим в Туве, как и в соседней Монголии, развернулось движение против китайской администрации и иноземных торговцев. Правительство России, опираясь на переселившихся в Урянхайский край русских крестьян и промышленников, стремилось подчинить ее российским интересам, что было созвучно также интересам части тувинской элиты. 18 апреля 1914 г. подписан правительственный указ о принятии Урянхайского края под протекторат России.

Основой хозяйства тувинцев было пастбищное скотоводство в сочетании с орошаемым земледелием и охотой. Разводили лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот, в том числе и сарлыков (яков), а северо-восточные тувинцы – оленей. Вьючили лошадей, верблюдов, оленей, быком, особенно сарлыков.

Промышляли пушного зверя и крупных животных – косуль, маралов, оленей, а в горных степях – тарбаганов (сурков). Основным оружием служили лук и стрелы.

Сеяли в небольшом количестве просо и ячмень около весенних и осенних пастбищ, обрабатывали землю примитивной деревянной сохой, снабженной железным наконечником.

Жили в войлочных юртах, а в лесных районах – в конических шалашах, покрытых берестой или корой лиственницы.

Молочная пища в летнее время была главной. Она употреблялась в виде кислого молока, сыра, масла. Зимой преобладала мясная и хлебная пища в виде похлебки из зерен ячменя, приправленной мясом.

В одежде тувинцев запечатлены традиции многих азиатских народов, как и в самом облике народа – черты разных предков, не только тюрков, но и монголов, китайцев, тибетцев (рис. 2.2).

Одежду шили сами из тканей, а также из шкур зверей, добытых на охоте, и домашних животных. Характерной обувью были кожаные сапоги с острым загибающимся вверх носком, на толстой подошве, без каблука, внутрь вкладывались чулки из войлока.

В комплект традиционного тувинского костюма на протяжении веков входят: халаты, шубы, пальто, объединенные общим названием “тон”, пояс – кур, головной убор – борт, безрукавка – кандаазын, шегедек, хорек-тээш, короткополая куртка – хурме, брюки – чувур, сапоги – идик, носки – ук, наколенники – дешки, муфта – чулдургууш, поясные подвески – дерги и украшения – каасталга.

Тувинский язык находится в непосредственной близости к языку древнетюркского населения Тувы, памятниками которого являются енисейские камнеписные тексты. По классификации Н.А. Баскакова тувинский язык, как и язык орхон-енисейских надписей входит в одну уйгуро-тукуюскую группу [Баскаков, 1969].

До недавних пор тувинский народ считался бесписьменным. Появление в 1240 г. самого древнего общемонгольского историко-литературного памятника – “Монголын нууц товчийн” (“Секретная история монголов”) связано с заимствованием древнеуйгурской письменности. С этого времени вплоть до 1921 г. тувинцы входили в состав Монголии и наравне с монголами пользовались старомонгольской письменностью. Часть образованных тувинцев свободно распоряжались ею, но основная масса населения из-за отсутствия приспособленной к тувинскому языку орфографии не могла ее использовать. Поэтому Н.Н. Попе разработал в 1930 г. проект тувинской письменности на основе унифицированного новотюркского латинизированного алфавита. В тувинской культуре присутствуют около 40 видов музыкальных инструментов, древнейший вид певческого искусства “хоомей”, многожанровый фольклор, в котором представлены эпос, сказки, пословицы, поговорки, загадки, частушки, йерээл (благопожелания), алгыш (восхваления), каргыш (заклинания). Развито было народное изобразительное искусство, отдельные памятники которого обнаруживаются иногда при археологических раскопках.

Рис. 2.2. Тувинец.

Среди западных тувинцев основную часть составляют этнические группы, ведущие происхождение от родоплеменных групп: соян, монгуш, маады, ооржак, кужугет, донгак, салчак, тюлюш, тумат, олет, телег, сарыглар, кара-сал, чооду, куулар, иргит, хертек. У восточных тувинцев выявлены следующие родоплеменные группы: хаасут, кезек-маады, каратодут, дарган, соян, кезек-куулар, кыштаг, урат, демчи, маады, даргалар, кара-балыкчы, кара-соян, чооду, хойук. Наиболее древними родами, связанными, вероятно, с периодом тюркских каганатов, являются тюлюш, кыргыс, куулар, байырык. К самодийским по происхождению относятся хаасут, хойук, к кетским – тодут.

Многие из приведенных выше названий указывают на общность происхождения и родство с западными тувинцами ряда групп современных алтайцев – соян, телег, иргит, ховалыг, карасал и др., с восточными – тофаларов: чооду и др. Тувинцы, называвшие себя перечисленными выше этнонимами, далеко не всегда составляли племена и роды. Многие из них были потомками больших тюркоязычных народностей и племен, входивших в конфедерацию тюрков, уйгуров и кыргызов. Общее этническое самоназвание “тыва-кижи” окончательно сложилось к началу XIX в. в процессе консолидации в единый этнос.

К следующей группе степных народов относятся алтайцы. Алтай в силу геополитического расположения – центр Евразии – в разные исторические эпохи объединял разные этносы и культуры. Алтай – прародина всех современных тюркских народов мира. Благодаря появлению письменности в связи с государственностью тюрков, в языкознании появился термин “алтайская семья” языков, куда входят тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская языковые группы. Русские первопроходцы называли алтайцев белые калмыки, так как Алтай в свое время был центром государства калмыков – Джунгарского ханства.

Этногенез южных алтайцев тесно связан с этнокультурными и политическими процессами в Центральной Азии. Истоком их этногенеза стало взаимодействие древних тюрков-теле и тюрков-тукю. Не случайно именно Алтай как широкое географическое и историческое понятие выступает в древнетюркской традиции родиной Ашина – основателя первого тюркского каганата. Название “теле” закрепилось за южноалтайской этнической группой – теленгитами – и сохранилось у алтай-кижи в виде родового наименования “телес” [Тюркские народы..., 2006].

Изучая в целом этнокультурный ареал, сложившийся в раннесредневековый период на юге Сибири, следует отметить следующие три основные ареала – енисейско-кыргызский, кыпчако-кимакский и алтайско-телесский (теленгитский), которые заложили фундамент современного мозаичного тюркоязычного сообщества Сибири.

После распада империи Чингисхана постепенно началось усиление западных монголов-ойратов, или, как называли их турки, калмыков. В конце XVI в. ойратский правитель из “дома” Чорос-Хара-Хула покорил Алтай и сделал его своим доменом [Тюркские народы..., 2006].

То, что все обитатели Алтайских гор сосредоточились под властью одного сюзерена и были данниками его одного, не раздробляясь, несомнен-

но, способствовало сохранению их этнической целостности и тем самым создавало предпосылки для усиления консолидационных процессов.

Южные алтайцы (алтай-кижи, телеуты и теленгиты) до 1756 г. находились под властью джунгаров. После падения Джунгарского государства добровольно стали подданными Российского государства. Северные алтайцы (кумандинцы, тубалары, челканцы) вошли в состав России раньше. Алтайские народы ко времени появления здесь русских занимались только кочевым скотоводством и охотой.

Коренное население Алтая говорит на тюркских языках алтайской языковой общности. Языки южного Алтая относятся к киргизско-кыпчакской группе, а северного Алтая – к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы.

Поскольку южные алтайцы вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством, их рацион включал мясную и молочную продукцию. В структуре кочевого быта были зимние и летние стоянки. Кочевая жизнь степных алтайцев предопределила соответствующий тип поселений, основными чертами которых стали разбросанность и малолюдность. Селились на расстоянии пяти километров и более друг от друга. Алтайцы (рис. 2.3) кочевали с осенне-зимнего пастбища кышту, на весенне-летнее дьайлу.

Основным видом жилища в XIX–начале XX в. у алтайцев была деревянная 6–8-стенная юрта (рис. 2.4), в которой семья жила в течение всего года. Юрты различались по форме и были коническими, цилиндрическими. Зажиточные семьи жили в войлочных юртах, остальные – в деревянных, поскольку даже на самую маленькую юрту требовалась шерсть свыше 50 овец и изготовление войлочных пластин была очень трудоемкой.

Внутренняя обстановка жилищ всех типов была приблизительно одинакова. Как правило, дверь в юрте всегда была ориентирована на восток. В планировке традиционного алтайского жилища выделялся центр – очаг, который считали защитником дома. В обустройстве интерьера отчетливо разделялись мужские (левая сторона от двери) и женские (правая) половины с гендерно акцентированными наборами бытовой утвари. Место для сидения сразу за очагом называлось тор дьер – священное место, постоянное для старейшего в семье мужчины, а также для почетных гостей.

Рис. 2.3. Алтайцы.

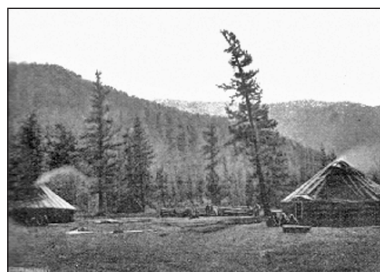

Рис. 2.4. Традиционные алтайские юрты.

Мебели для сидения не было, для этого пользовались шкурами животных. Богатые алтайцы на земляной пол юрты стелили войлок, остальные – необработанные шкуры мехом вниз.

Для южных кочевых алтайцев в мужском и женском наборе одежды были характерны длинная рубаха с широкими рукавами и открытым воротом и широкие штаны, которые традиционно шили из покупной ткани, редко из кожи. Поверх рубахи носили длинную овчинную шубу с характерным запахом на правую сторону, которую подпоясывали длинным полотном из ткани. Жарким летом алтайцы могли вместо шубы носить суконный или матерчатый халат с большим отложным воротником из цветной ткани. Женщины на шубу или халат надевали длиннополую распашную безрукавку – чегедек. Обувью служили высокие мягкие сапоги без каблучков. На голове носили мягкую округлую шапку из цветной ткани, подбитую мехом черного барашка, с меховым околышем.

Костюм алтайцев видоизменялся с течением времени. В конце XIX – начале XX вв. мужское население облачалось летом в суконный халат (чекпен), войлочную шапку, наподобие шляпы с загнутыми краями, кожаные сапоги с войлочным чулком. Штаны шили из замши, а рубашку (чамчу) – из сукна. В зимний период войлочная шляпа уступает место меховой, сделанной из лапок зверей. Бараньи шкуры использовались для пошива тулупов, а звериные шкуры шли на изготовление ичигов (национальной обуви).

В начале XX в. вслед за русскими тканями в костюм алтайцев начали проникать отдельные элементы русской крестьянской и городской одежды, а в районах тесного соседства с русскими зажиточное население стало полностью перенимать русский крестьянский костюм.

Численный состав алтайцев в начале XX в. составлял 25 000 чел. [Головачев, 1902], а согласно переписи 1926 г. численность коренного населения области – 42 278 чел; из них к алтайцам себя отнесли 35 647 чел., к теленгитам – 3414, к ойратам – 1477, к кумандинцам 1384, к телеутам – 344, к тубаларам – 12 чел. [Историческая энциклопедия..., 2009].

К началу XX столетия у алтайцев (алтай-кижи, алтайские горные калмыки) налицо все признаки сформировавшейся самостоятельной этнической группы: этническая однородность дючин; единая территория обитания, осмысливаемая как Родина; общая материальная и хозяйственная культура; единое для всего населения этническое самосознание, выраженное в общем этнониме. Одновременно проходили сложные процессы выработки у алтай-кижи политического сознания в национальной форме. Нагляднее всего это проявилось в борьбе за сохранение статуса “кочевых инородцев”: пребывание в этом разряде обеспечивало по закону особые права и фактическую собственность на занимаемые земли хозяйственного и нехозяйственного назначения. Отстоять названные “особые права” можно было только объединившись, совместно выступая и составляя “общественные приговоры от всего калмыцкого народа” [Тюркские народы..., 2006].

Итак, к началу XX столетия алтайцы (алтай-кижи) бесспорно сформировались как этнически единое целое. Важнейшим фактором, цементиру-

ющим целостность группы и одновременно отражающим сложившееся этническое единство, является национальная идеология – и она появилась у алтай-кижи в 1904 г. в виде национальной религии “бурханизма”, ярко воплотившего “культ собственной национальности”.

Постепенно начали внедряться товарно-денежные отношения, возросла связь с рынком. Но натуральное хозяйство все равно еще имело место во многих районах Сибири. Народы Сибири доставляли на рынок лошадей, рогатый скот, овец, сырые кожи, продукты животноводства, хлеб, пушнину, лес, рыбу, сено и т. д. Ценная пушнина поступала не только на внутренний, но и на внешний рынок.

Строительство и ввод в эксплуатацию великой Транссибирской железнодорожной магистрали радикальным образом изменило хозяйство степных народов. Хозяйство степных народов Сибири начало вовлекаться в общий процесс экономического развития России, ее сибирских земель.

Сибирская железная дорога усилила и укрепила экономическую связь между Сибирью и Европейской Россией, увеличила во много раз товарооборот между регионами и Центром. Соответственно мощно активизировался и внутренний сибирский рынок, появились широкие возможности вывоза товаров за границу.

Таким образом, в хозяйстве степных народов Сибири за рассматриваемый период произошли значительные изменения. Все эти изменения были требованиями времени и имели объективные экономические условия для формирования новых видов хозяйственной деятельности степных народов. В первую очередь складывающиеся экономические отношения коснулись вовлечения в хозяйственный оборот новых материальных ресурсов, взаимосвязанности и взаимообусловленности формирования хозяйств народов и развития рынка.

2.2. ОХОТНИКИ – ОЛЕНЕВОДЫ ТАЙГИ И ТУНДРЫ

С точки зрения этнографии понятие “Народы Сибири” значительно шире заданных географических границ и охватывает все пространство Северной Азии (рис. 2.5). В свою очередь, первоначальное освоение Сибири и появление первых письменных источников о географии и аборигенном населении Сибири отмечаются гораздо ранее походов Ермака [Бичурин, 1861; Василевич, 1969]. Первые сведения о территории “за Камнем” (к востоку от Урала) и обитающих в ней народах относятся к XI–XII вв. и содержатся в записках новгородских, псковских купцов и зверопромышленников, проникавших в ближние пределы Сибири в поисках пушнины.

Столь же условны заданные данным монографическим изданием хронологические рамки первоначального заселения Сибири. Опуская период “доистории”, обеспеченный данными археологии, все же отметим, что формирование современного антропологического и языкового состава населения Западной и Восточной Сибири уходит корнями в эпоху раннего металла и в основных чертах заканчивается к рубежу VI–VIII вв. н.э. [Викторова, 1980; Левин, 1958; Рычков, 1973; Рычков, Ящук, 1985; Туров, 2008]. Требуется уточнения и начало заселения Сибири русскими пер-

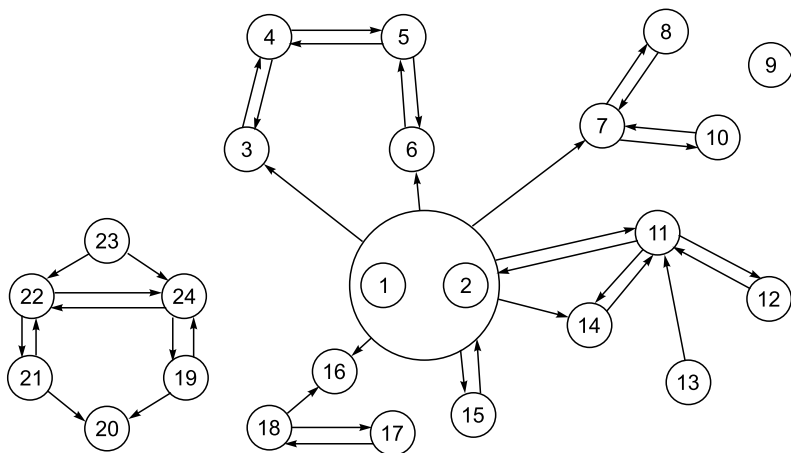

Рис. 2.5. Структура этического уровня популяций Северной Азии по данным о миграциях генов (по Ю.Г. Рычкову):

1 – эвенки, 2 – эвены, 3 – ханты, 4 – коми, 5 – ненцы, 6 – селькупы, 7 – чукчи, 8 – эскимосы, 9 – алеуты, 10 – коряки, 11 – ульчи, 12 – нивхи, 13 – нанайцы, 14 – негидальцы, 15 – буряты, 16 – тофалары, 17 – тоджинцы, 18 – тувинцы, 19 – кумандинцы, 20 – тубалары, 21 – теленгеты, 22 – алтай-кижи, 23 – лебединцы, 24 – шорцы.

вопроходцами, которые положили начало формированию специфического в этнографическом смысле слоя “сибирских старожилов”. Так, первые русские поселения в Сибири (“Обдорская земля” в бассейне среднего течения р. Обь) появляются не позднее XIV в. [Зуев, 2002; Кузнецова, 1997; Народы Западной Сибири..., 2005].

Следует также отметить, что вынесенное в заглавие наименование “охотники-оленоводы” не вполне корректно отражает характер хозяйственной деятельности локальных этнографических групп коренного населения Сибири. В реальности хозяйство каждого этноса и его территориально-диалектных подразделений находились в непосредственной зависимости от экологии конкретной среды обитания и отличались специфическим сочетанием ведущих и второстепенных отраслей – охоты, собирательства, рыболовства, оленеводства. Более того, указанные отрасли хозяйства некоторых этнографических групп населения Западной Сибири уже в XV–XVI вв. были отодвинуты на второй план земледелием и животноводством.

Народы Сибири в начальный период русского освоения

Ранние письменные источники (записки русских первопроходцев и участников иностранных посольств в Монголии и Китае), современные этнографические данные [Анучин, 1888; Бахрушин, 1927, 1928; Анисимов, 1936; Миллер, 1937, 1941; История Сибири, 1968] указывают на то, что к началу XVI в., накануне широкомасштабного освоения Сибири, коренное население находилось в состоянии реформации социальной структуры. Свойственные доклассовым обществам институты родоплеменной организации (матрилокальная родовая община, фратрия, племя) замещаются иными формами, свидетельствующими о переходе сибирских социумов на более высокую ступень социально-экономического развития. Тематическое и углубленное изучение этих структур, а также языка и специфики организации систем жизнеобеспечения началось не ранее второй половины XIX–начала XX вв. По этой причине описания предыдущих этапов формирования народов Западной и Восточной Сибири характеризуют лишь общие черты свойственной им социальной организации, культуры и этнические вариации хозяйств “высших охотников рыболовов”.

Весь комплекс антропологических и лингвистических данных, используемых в этнографии для определения уровня этнической консолидации близкородственных по языку и культуре племен, указывает на то, что ко времени русского освоения приполярных и таежных пространств Западной и Восточной Сибири этнокультурные (прежде всего языковые) границы в основных признаках уже стабилизировались (рис. 2.6). В IV–V вв. до н.э. сообщество сибирских монголоидов – носителей урало-алтайской языковой прасемьи [Алексеев, 1976, с. 114], окончательно распадается на относительно изолированные языковые группы, популяции и локальные варианты хозяйственно-культурного типа “высших охотников таежной и северной зон” [Василевич, 1969; Васильев, 1980]. Не позднее первых веков н.э. в целом оформилось то антропологическое, языковое и хозяйственно-культурное разнобразие, которое фиксируется этнографами-сибироведами второй половины XX в. [Рычков, 1973; Рычков, Ящук, 1985; Хелимский, 1981, 2000].

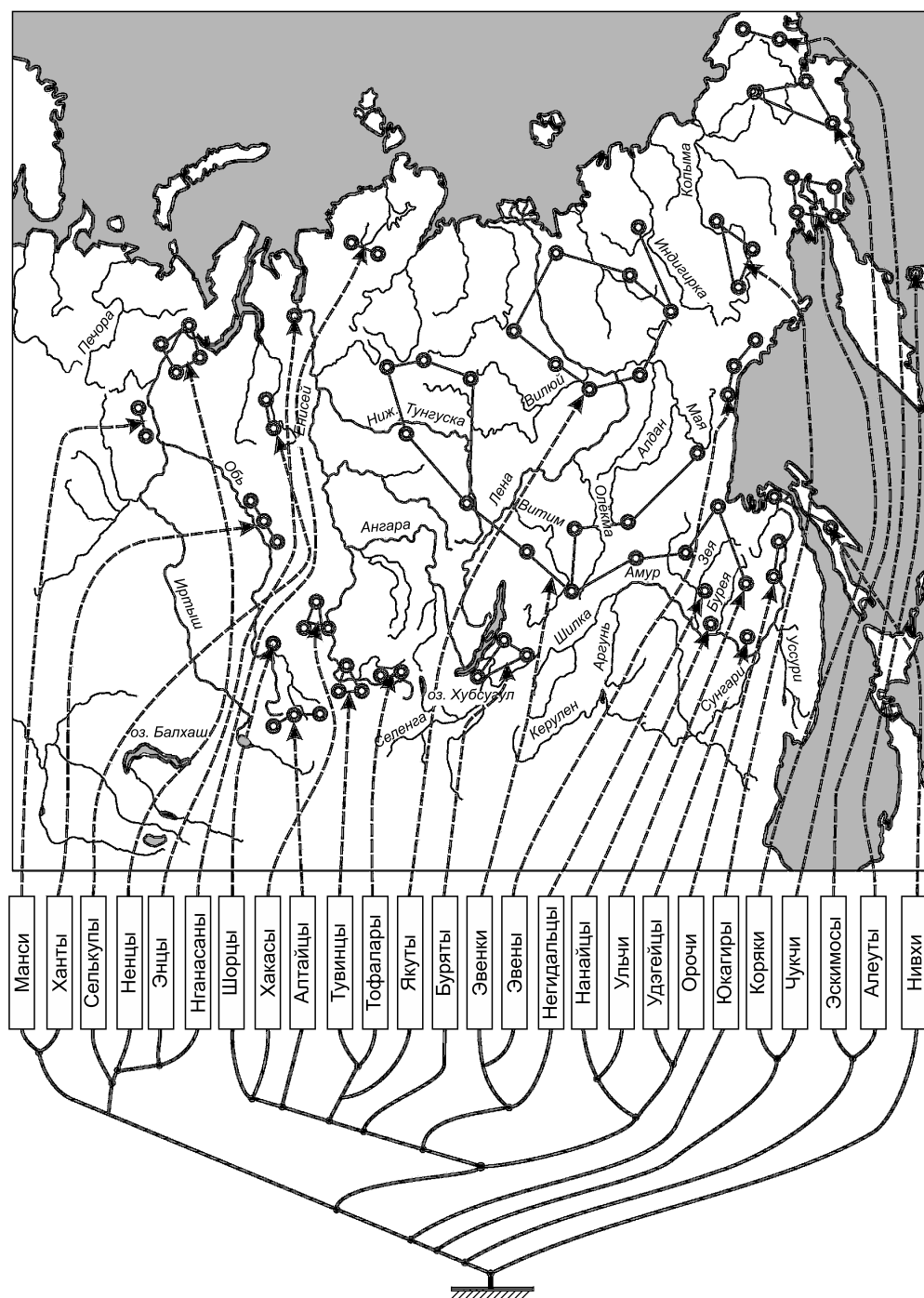

Рис. 2.6. Этнолингвистическое древо населения Северной Азии с его проекцией на изученные популяции (по [Рычков, 1985; Наумова и др., 1997]).

В структуре большой монголоидной расы охотники-оленоводы Сибири образуют особое подразделение “северных монголоидов”, которое в свою очередь распадается на ряд локальных (этнических) популяций, чьи антропологические характеристики формировались в условиях относительной изоляции и взаимодействия с инородным генетическим субстратом. Иными словами, большая часть современных этнических общностей Сибири является продуктом растянувшихся на тысячелетия процессов смешения с иными в языковом, антропологическом и хозяйственно-культурном отношении соседями. Некоторое исключение представляет собой диалектная группа западных эвенков, населяющих северную тайгу и лесотундру бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок. Краниометрические характеристики этой субпопуляции, по утверждению антропологов, в наибольшей степени сохранили признаки древних “чистых монголоидов, выделенных в палеантропологических материалах Приангарья–Прибайкалья и датируемых “серовским этапом” неолита [Мамонова, 1980; Наумова и др., 1997; Рычков, 1973]. В таксономическом ряду сибирских монголоидов эта группа эвенков выделяется антропологами и генетиками в особый “катангский” (по названию верховий двух Тунгусок) тип, который образует некое стабильное популяционно-генетическое ядро всех без исключения североазиатских монголоидов. При отсчете от этого популяционного “ядра” признаки “чистых” монголоидов убывают в популяциях Сибири в западном, восточном и южном направлениях от бассейнов обеих Тунгусок.

Так, расселенные в географических границах Юга Средней Сибири и юго-западной части Забайкалья эвенки относятся к “байкальскому” антропологическому типу “северных тунгусов”, которые в первые века н.э. включили в свой состав территориально близкие скотоводческие группы “центрально-азиатских” монголоидов (предков современных бурят).

Населяющие центральные районы Восточного Саяна тофалары, по тем же данным могут рассматриваться с позиций метисации древних палеосибирских монголоидов (катангский тип) с тюркоязычными носителями того же центрально азиатского типа, тюркоязычными кочевниками-скотоводами, входившими в состав Тюркского Каганата (II–IV вв. н.э.).

Проживающие в таежной и лесотундровой зоне народы Западной Сибири в той или иной степени обнаруживают признаки смешения с европеоидами. Признаки европеоидности достигают своего максимума среди хантов и манси. Есть предположение, что процессы смешения европеоидного и монголоидного субстратов у этих народов имели место еще в эпоху позднего палеолита – мезолита [Молодин, 2005] и обусловлены контактами с обитавшими по соседству близко родственными по языку группами предков современных венгров (мадьяр), а также более поздними (XI–XII вв.) контактами с тюркоязычными кочевниками скотоводами.

Очевидно, как минимум за два столетия до начала русского освоения Восточной Сибири на этнической карте северной тайги и лесотундры п-ова Таймыр начинается формирование этнокультурной общности оленых охотников на тундрового северного оленя. Основу новой этнической общности, отмеченной в этнографических материалах начала XVII в. под общим собирательным названием *Тавги* (в современном самоназвании Нга-

насаны), составила группа аборигенного (палеоазиатского) населения, по языку и типу хозяйства считающегося западной ветвью юкагирских племен. В V-VI вв. н.э. в их состав включаются и практически полностью ассимилируются небольшие группы (вероятно, части разросшихся родов – патронимии) расселявшихся к северу тунгусов. В конце I тыс. н.э. на этой территории расселяется и смешивается с аборигенным населением Таймыра часть вышедших из Зауралья самоедоязычных предков современных энцев и ненцев [Народы..., 2005].

Метисными по происхождению являются также якуты и долганы, освоившие северо-восточную часть Таймыра, районы оз. Ессей и правобережье низовьев и устья р. Лена. Первые из них, означенные в этнографической литературе как “северные якуты-оленоводы”, являются результатом смешения мигрирующих в первой половине XVII в. на север и северо-запад отделившихся от основного этнокультурного ядра якутов-скотоводов отдельных семей, которые смешивались и частично ассимилировали исконных обитателей этой территории – тунгусоязычных эвенков и эвенов [Гурвич, 1978, с. 4, 13].

Еще более сложным и растянувшимся до начала XX в. представляется процесс формирования долган. Современный этноним (самоназвание) этого народа - *Долган* первоначально являлся родовым именем тунгусов (вероятно, эвенов), которые вместе с эвенками родовых групп *донгот*, *эдян*, *каранут* положили начало новой этнической общности. В период XIX–начала XX вв. в завершении процесса ее формирования приняли отдельные патронимии (большие семьи) якутов, энцев, ненцев и, наконец, отошедших от пашенного земледелия и приусадебного животноводства русских первопоселенцев Таймыра – так называемых затундренных крестьян. Адаптации и фактически полному растворению последних в среде палеосибирского населения способствовали крайне неблагоприятные для ведения традиционного хозяйства природные условия Севера. Часть первопоселенцев, вышедших из северных губерний европейской России (поморов), вынужденно переходила к охоте и рыболовству, которые в сочетании с содержанием ограниченного числа крупного рогатого скота составляли единственную относительно надежную основу жизнеобеспечения [Народы России, 1994, с. 149].

Следует заметить, что переход от традиционного крестьянского хозяйства к охоте, собирательству и рыболовству, как и дополняющие земледелие и животноводство сезонные промыслы копытных и добыча пушнины, был широко распространен в семьях русских старожилов по всему северу и в отдельных районах Приангарья, в верховьях Нижней и Подкаменной Тунгусок. Хозяйство, материальная и духовная культура этой категории русского населения Сибири претерпели существенные изменения и резко отличались от культуры более поздней по времени (вторая половина XIX–начало XX вв.) генерации русскоязычных переселенцев из европейских губерний России (см., в частности [Чеканинский, 1914; Шерстобоев, 2001]).

Пожалуй, наибольшее разнообразие в языке, в типологии хозяйства, культуре и, наконец, в своем происхождении демонстрируют группы эвенков Средней Сибири и Забайкалья. Напомним, что на ранних этапах этно-

генеза тунгусоязычного населения этой территории, по классификации антропологов, предки современных эвенков относились к двум генетически связанным и одновременно разным по происхождению типам северных монголоидов.

Если первичный очаг начала формирования угорского и самодийского населения Западной Сибири к настоящему времени с большей или меньшей степенью достоверности определен, то проблема географического положения “исторической прародины” предков современных эвенков и эвенов является предметом острых дискуссий до настоящего времени. Не вызывает возражений лишь сам факт присутствия в материальной культуре современных эвенков двух, как минимум, хронологически и генетически разных слоев.

Первый из них рассматривается как общее наследие древнего (палеосибирского) населения и сохраняется в материальной культуре эвенков до начала XX в. Следы этой культуры фиксируются в относительно единообразном, специфическом для охотников-рыболовов таежной зоны наборе архаических элементов материальной и духовной культуры. По этнографическим материалам XIX–начала XX вв., они присутствуют в общесибирском типе жилых и хозяйственных построек, в названиях отдельных частей внутреннего пространства жилища, покрое одежды, в космогонии, конструкциях погребальных сооружений и т. д. [Василевич, 1948, 1969; Деревянко, 1976; Народы..., 1986; Симченко, 1976; Шавкунов, 1990].

Вместе с тем, архивные материалы второй половины XVII в. и путевые записки западноевропейских путешественников содержат сведения об интенсивных связях эвенков-тунгусов Прибайкалья, среднего и нижнего Приангарья, юго-западного и северо-восточного побережья оз. Байкал с ближайшими иноязычными соседями. Возможно, этим обстоятельством, а также относительно высокой (в сравнении с другими этническими общностями) мобильностью эвенков – тунгусов, благодаря которой еще накануне вхождения Сибири в состав России они расселились на огромном пространстве от Урала до побережья Тихого океана (от лесостепи до приполярной лесотундры), объясняется то языковое и хозяйственно-культурное разнообразие, которое наблюдается в их среде до настоящего времени.

Вероятно, с этими событиями связано формирование второго слоя эвенкийской культуры эвенков, который содержит разного рода заимствования из культур ближайших иноэтничных соседей – групп охотничье-оленоводческого и скотоводческого населения восточных окраин Западной, Южной Сибири и Восточно-Саянского нагорья. В своем описании межэтнических связей эвенков мы частично используем предложенную В.А. Туголуковым [1985, с. 4–5] схему их расселения в шести этногеографических регионах: Прибайкалье, Среднее и Нижнее Приангарье, бассейны Нижней и Подкаменной Тунгусок, Север Средней Сибири и Обь-Енисейский регион.

По схеме В.А. Туголукова [Там же, с. 8–11], Прибайкальский субрегион в географическом и историко-культурно планах разделен на две части. К меньшей по размерам осваиваемой эвенками территории относится правобережная подтаежная и лесостепная часть верховий рек Ангара и

Лена. В первой четверти XVII в. этот субрегион по преимуществу был заселен бурятами, а осваивавшие его эвенки составляли меньшинство.

Левобережная, большая по размерам, часть Ангары, включая верховья ее притоков рек Уда (Чуна) и Ока с ее притоком р. Ия, а также низовья р. Иркут, юго-западное и северо-восточное побережье оз. Байкал представляли собой горно-таежное пространство. Эвенкийское население этого субрегиона численно преобладало над бурятским, которое осваивало в этот период узкие очаги реликтовых лесостепей в бассейнах рек Китой и Белая.

Вероятно, в предшествующий русскому освоению период (X–XIV вв.) эвенкийское население лесостепной (правобережной) и частично горнотаежной (правобережной) территории Прибайкалья уже в значительной степени либо находилось под языковым и культурным влиянием, либо частично ассимилировано и вошло в состав родов и племен так называемых “ордынских” бурят, либо сочетало традиционное охотничье-оленоводческое хозяйство с сезонным рыболовством и скотоводством [Туголуков, 1985, с. 38–39] (рис. 2.7, 2.8).

По всей вероятности, еще до русского освоения в нижнем и среднем Приангарье завершилось формирование метисных по составу интегрированных в них инородных этнокультурных субстратов локальных общин эвенков. Основанием к такой оценке структуры эвенков этого субрегиона являются как многочисленные включения в эвенкийский язык архаичных элементов самодийской лексики, так и более поздних, выделенных в этнографических источниках первой четверти XVII в. свидетельств об интенсивных культурных, экономических и брачных связях с ближайшими соседями. Так, из этнографических материалов Г.М. Василевич [1931, 1949, 1969, с. 3], В.А. Туголукова [1970, с. 237; 1985, с. 43, 94–96] и ряда других авторов следует, что на протяжении тысячелетия (VI–XVII вв. н.э.) связи эвенков распространялись в среде самодийского селькупского и кетоязычного населения левобережной части бассейна верхнего и среднего течения р. Енисей, а также тюркоязычных охотников-оленоводов (тофалар и тувинцев-тоджинцев) Восточного Саяна. Этнокультурными связями с кетоязычным и самодоязычным субстратами объясняется распространение среди эвенков нижнего Приангарья не типичного для большей части эвенков обычая татуировки. К заимствованиям из культур кетоязычных и самодийских соседей, очевидно, следует относить отмеченные среди эвенков нижнего Приангарья навыки примитивной добычи металла и его обработки. Свидетельствами тех же контактов считается распространение в верованиях эвенкийского населения левых притоков Ангары (реки Чуна, Бирюса, Тасеева) “культя коня”, вероятно, заимствованного из культуры их ближайших соседей – скотоводов. Наконец, расселенные в этом регионе группы эвенков, носившие, наряду с родовым, наименование “Топорки”, рассматриваются как результат их смешения с группами кетоязычных “пеших” охотников-рыболовов.

Интенсивные экономические и носившие характер вооруженных столкновений контакты тунгусоязычного населения бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок с ближайшими самодийскими (селькупы, ненцы, энцы) и тюркоязычными (северо-восточные якуты) народами прослежива-

Рис. 2.7. Зимний сетевой лов рыбы.

Рис. 2.8. Оленье стадо возле дымокуров.

ются как в фольклоре, так и в материальной культуре современного коренного населения Севера Средней Сибири. Так из культуры самодийцев в хозяйственно-культурный комплекс эвенков проникает и адаптируется тип прямокопыльной ездовой оленьей нарты. Распространенное среди этой группы эвенков самоназвание “Илэл” (русс. – люди), по нашему мнению, может рассматриваться как производное от древнетюркской (см. якутской) лексической основы “Илэ – человек” [Сравнительный словарь..., 1975, с. 311]. Очевидно, контактами с якутами объясняется распространение у эвенков бассейна обеих Тунгусок распространение в их культуре навыков верховой езды на олене, специализированного верхового седла якутского типа, а также навыков доения оленух и приготовления молочных продуктов. Вероятно, межэтническими контактами и браками якутов и эвенков объясняется распространение в эвенкийском фольклоре мотивов якутских “олонхо”, наличие в фольклоре тех и других сопоставимых имен военных вождей – богатырей (эвенк. *сонинг*) *Нюргувула – Нюргуна-Боотура* [Василевич, 1966; Романова, Мыреева, 1971, с. 4–6].

Народы Сибири в XVIII–конце XIX вв.

Как отмечалось выше, к началу вхождения Сибири в состав Российской империи в основных чертах завершилось формирование языковых и территориальных границ расселения большинства из известных сегодня коренных народов. Следует лишь заметить, что современные названия этих народов (этнонимы) закрепились в научной литературе и справочных материалах после решения очередного пленума Всероссийского центрального исполнительного комитета (декабрь 1930 г.), провозгласившего “окончательное решение национального вопроса у народов Сибири и Дальнего Востока и формирование малых народностей социалистического типа”. До этого постановления коренные народы Сибири носили прежние собирательные названия, оформившиеся в научной литературе и официальных документах еще во второй половине XVII в.: остяки – ханты; вогулы – манси; самоеды – ненцы; хантайские и карасинские самоеды – энцы; авамские самоеды или самоеды-тавгийцы – нганасаны; остяко-самоеды – селькупы; енисейские остяки – кеты; тунгусы – эвенки и эвены; карагасы – тофалары.

Современные материалы об этногенезе и этнической истории перечисленных народов со всей определенностью указывают на то, что официально заявленное завершение процесса консолидации отдельных диалектно-территориальных/этнографических групп этих народов в те формы этнических общностей, которые в современном научно-теоретическом понимании именуются “малочисленными/малыми народами”, не соответствует действительности. Большая часть современных этнографов полагает, что это событие имело место не ранее второй половины XX в. (см., в частности [Абрамян, 2004; Березницкий, 2004; Туров, 2008]).

Определенные сомнения вызывают как оценка общей численности охотничье-оленоводческого населения Сибири, так и те “негативные” последствия (вымирание, сокращение численности, деградация традиционной культуры) для “исторических судеб” коренных народов, которые в

последнее время нередко связываются с русской “колонизацией”. Сомнения обусловлены несовершенством действовавшей до конца XIX в. системы учета численности этих народов. Основу ее составляли так называемые “ясачные списки”, учитывающие исключительно лишь взрослое мужское население возраста от 18 до 45 лет, непосредственно участвующие в пушном промысле и периодически сдающие пушнину в “государеву казну”. К этому числу условно дописывается среднестатистический состав членов семьи (4–5 человек, включая жен и детей). Соответственно, из “переписей” автоматически исключаются не участвующее в промысле старшее поколение локальных групп. Определенную погрешность в таком учете следует усматривать в том, что, несмотря на все меры, предпринимаемые для регуляции поступлений пушно-меховой продукции в “казну”, от выплат ясака неизменно, любыми способами уклонялась некая часть потенциальных “ясачных плательщиков”.

По неполным данным “ясачных списков” численность охотничье-олениводческого населения Сибири второй половины XVII в. представлена в следующем виде:

- угорская группа (ханты и манси) – 16 260 человек;
- самодийские народы (энцы, ненцы, селькупы, нганасаны) – 15 285 человек;
- тюркские народы – 49 710 человек, при этом из общего числа мы исключаем якутов, тувинцев, алтайцев и хакасов, тогда как численность интересующих нас тюркоязычных тофалар уже к началу XVII в. едва ли была более 1,5 тыс. человек;
- группа кетоязычного населения (собственно кеты, коты, асаны, аринцы и пр.) к началу русского освоения бассейна р. Енисей составляла 5630 человек, однако, к концу XIX в., в связи с интенсивной ассимиляцией ближайшими самодийскими и тунгусо-маньчжурскими соседями, их число сократилось до 1,5 тыс. человек;
- еще менее достоверными представляются переписные материалы по тунгусам, численность которых на протяжении всего “досоветского периода” истории Сибири колеблется от 50–79 тыс. (включая все территориальные группы Сибири, Дальнего Востока и о. Сахалин) до 28–30 тыс. человек (собственно эвенки).

Учитывая все изложенное выше, общее число охотничье-олениводческого населения Сибири (включая территории Якутии, Дальнего Востока Камчатки и Чукотки) во второй четверти XVII в. составляло около 103 тыс. человек. При этом плотность расселения для разных языковых групп коренного населения Сибири была крайне неравномерной и весьма зависимой от вида основных отраслей хозяйства и методов хозяйственного освоения охотничьих, рыболовных и пастбищных угодий. По оценкам Б.О. Долгих, на начало русского освоения она составляла в среднем 0,08 чел. на 1 км². В то же время в Средней Сибири (у населявшего ее преимущественно эвенкийского населения), по расчетным данным, на 372 км² приходилось в среднем по 1 чел., у самодийского населения тундровой зоны Западной Сибири – 1 чел. на 161 км², у селькупов таежной зоны – 1 чел. на 68 км² [Общественный строй..., 1970].

Особенности экологии локальных зон компактного расселения народов Сибири явились решающим фактором, определившим разнообразие как форм хозяйственного освоения природных ресурсов, так и сочетания ведущих и второстепенных отраслей хозяйства. По доминирующим видам хозяйства, сохранявшимся практически в неизменном состоянии до первой четверти XVIII в., народы Сибири подразделяются на четыре хозяйственно-культурные группы:

- охотников-оленьеводов тундры и лесотундры;
- охотников-оленьеводов таежной зоны;
- безоленьных или владевших небольшими (от 1 до 5 голов) стадами оленей “пеших” охотников-рыболовов, осваивающих лесостепные и подтаежные долины крупных речных систем;
- рыболовов-охотников низовий Оби и Енисея [Общественный строй..., 1970].

В кластере хозяйств “присваивающего типа” [Левин, Чебоксаров, 1955] интересующие нас народы отнесены к “высшему типу” хозяйств охотников таежной и приполярной зоны Евразии [Марков, 1979]. В сравнении с хозяйствами “примитивных” охотников собирателей Австралии и тропических зон африканского и американского континентов, хозяйство охотников-оленьеводов таежной и тундровой зон Сибири стояло на более высоком технологическом уровне и обеспечивало более эффективное, менее зависимое от природной среды обеспечение всем жизненно необходимым продуктом.

Экономика этого типа отличалась способностью к относительно быстрой реорганизации структуры хозяйственной активности населения, адаптации к разнообразным сочетаниям осваиваемых биоресурсов конкретной экологической ниши. Относительно высокий для экономики “присваивающего типа” уровень технологии ведения хозяйства, разделение труда членов общины по полу и возрасту и видам профессиональной деятельности создавали оптимальные условия и для максимального удовлетворения внутренних потребностей общин, и в регулярном накоплении так называемого избыточного продукта, частично использовавшегося в обмене товарами с ближайшими соседями.

“Немой” (без прямых контактов участвующих в нем сторон) товарообмен эвенков Среднего и Нижнего Приангарья с группами самодийского и кетоязычного населения бассейна р. Енисей отмечен в документах первой половины XVII в. Продукцию своего охотничьего хозяйства эвенки обменивали у соседей на изделия из металла и керамики. Активный обмен “товарами” собственного производства происходил в северных районах Средней Сибири в зонах контакта эвенков верховий Нижней Тунгуски и среднего течения р. Лена с якутами. Существуют предположения, что, поставляя эвенкам металлургическое сырье, якуты получали от них высоко ценимые в их среде кованые ножи, пальмы и рогатины. Скорее всего, смешением приангарских эвенков с группами самодийского и кетоязычного населения объясняется распространение в их среде татуировки лица, использование в качестве охотничьего транспортного средства “корытообразной” нарты, в которую иногда запрягали охотничьих собак, а также

бытование в их обрядовой практике так называемого “культа коня” [Василевич, 1949; Туголуков, 1980, с. 170–171; 1985, с. 38–40; Чеканинский, 1914].

Аналогичные формы обмена отмечены в пограничных зонах контактов эвенков с тувинцами-тоджинцами и тофаларами. Установившиеся еще в “дорусский период” истории Сибири даннические отношения Прибайкальских эвенков с “ордынскими” бурятами, предполагали регулярные, фиксированные межобщинным договором поставки эвенками определенного количества пушно-мехового сырья. Можно предполагать, что по этому договору буряты выполняли роль посредников и именно через них эвенки еще до начала русского освоения территории Приангарья были знакомы с такими товарами, как мука, соль, крупы, табак, ткани монгольского и китайского производства. По сравнению с эвенкийским населением южного Прибайкалья, основная масса эвенков Средней Сибири была включена в структуру ясачных отношений и поддерживала более или менее регулярные товарообменные отношения с иноязычными соседями лишь после включения этих территорий в административное управление российского государства.

Более регулярная посредническая торговля еще в “дорусский период” истории Сибири связывала угрозычное и самодийское население бассейна Оби, верховий р. Енисей и тюркизированных охотников-оленоводо-Восточного Саяна с цивилизациями Поволжья, Средней Азии и Казахстана, северо-западных провинций Монголии и Китая. Можно предполагать, что этот вид внешних экономических связей охватывал практически все локальные группы населения Западной Сибири, за исключением охотников-оленоводо-Заполярья.

Контрагентами этих связей, через посредство которых в среду охотников-рыболовов проникали и становились общедоступными товары “иноземного” производства, являлись племена тюркоязычных кочевников-скотоводов (осколков распавшейся Золотой Орды), населявших лесостепные районы Южного Урала и предгорий Саяна. Посредническая торговля, очевидно, регулировалась и закреплялась традициями “устного договора” между контактирующими сторонами, каждая из которых должна была строго выполнять условия договора, а их исполнение было выгодно обеим договаривающимся сторонам.

В какой-то мере, этот вид социально-экономических связей можно сравнить с отношениями между “вассалом” и “сюзереном”. “Вассалы” (таежные общины охотников-рыболовов) выплачивали своим “сюзеренам” оговоренную договором дань в виде пушно-мехового сырья, а “сюзерены”, кроме выполнения обязательств посредничества в торговле с “зарубежьем”, обеспечивали своим данникам вооруженную защиту от набегов “чужих” враждебных соседей. Скорее всего, именно этими обстоятельствами может объясняться раннее (X–XI вв.) внедрение в бытовую культуру угорского и самодийского населения Западной Сибири посуды промышленных (в том числе “престижной” посуды из золота и серебра, тканей) и продовольственных товаров повседневного спроса среднеазиатского и китайского производства [Народы..., 2005]. Очевидно, постоянные контакты сель-

купов верховий Оби и Иртыша явились причиной распространения в их хозяйстве таких нетрадиционных отраслей, как “примитивное” земледелие и скотоводство [Там же].

Включение Сибири в состав России и последовавшее ясачное обложение до середины XVIII–начала XIX вв. практически не изменили структуры традиционного хозяйства коренного населения. Исключением явилось хозяйство локальной этнографической группы южных (обь-иртышских) селькупов и отдельных родов и патронимий хантов и манси. Доминирующее сетевое рыболовство исключительно потребительского назначения и пушной промысел уже в первые десятилетия XVIII в. носят товарный характер и становятся ведущими средствами обеспечения семей большей части промышленных и продовольственных товаров повседневного спроса [Народы..., 2005]. Есть предположения, что доходность товарного рыболовства и заготовок пушнины (в первую очередь соболя, лисицы), в пересчете на стоимость завозимых товаров российского производства, приносили отдельным семьям и общинам угров и селькупов до 1000 руб. годового дохода.

Безусловно, переход от потребительских (удовлетворявших текущие потребности семей) к товарным занятиям рыболовством и пушным промыслом был, в данном случае, обусловлен близостью указанных групп к центрам российского промышленного и сельскохозяйственного производства. Дополнительным стимулом к развитию товарных отношений с Россией (включая ясачные отношения), помимо регулярного снабжения товарами повышенного спроса, явилась организация вооруженной защиты коренного населения Приобья-Прииртышья от набегов кочевников-скотоводов.

Реорганизация хозяйства и быта затронула и отдельные патронимические группы и общины эвенков Средней Сибири. К середине XVIII в. соотношение пришлого и коренного населения в этом субрегионе выражалось пропорцией 1:8. Часть эвенкийских семей, лишившихся собственных транспортных оленей или потерявших мужчин-“кормильцев”, оседала в русских поселениях верховий Нижней Тунгуски, в долинах рек Илим, Тутура, Киренга и Кута. Переход к оседлости, как правило, сопровождался появлением в эвенкийской среде значительного числа заимствований из русской культуры. Постоянным стационарным жилищем оседлых эвенков становилась русская изба. Нелегальная (в обход государственной монополии) торговля эвенков с местными крестьянами способствовала более раннему (по отношению к кочевым) появлению в составе питания продуктов русского земледелия и животноводства. В ряде случаев в качестве транспортного средства, обеспечивающего сезонные охоты на копытных и добычу пушнины, использовались лошади [Василевич, 1962; Левин, 1936].

Несмотря на различные способы принуждения “ясачных инородцев” к регулярным поставкам в государственную казну пушнины, ясачная политика государства вопреки ожиданию была малоэффективной. До середины XVIII в. в обмен на пушнину ясачные охотники-оленоводы получали от скупщиков тот минимальный набор привозных российских товаров, потребность в которых была полностью удовлетворена уже в первой четверти

XVII в. [Василевич, 1969; Карлов, 1982; Степанов, 1973]. Отчасти по этой причине “инородцы” регулярно уклонялись от исполнения ясачной повинности, предпочитая, в нарушение государственной монополии на торговлю пушниной, “подпольно” обменивать ее на огнестрельное оружие и продовольственные товары у своих русских соседей.

Ситуация несколько изменилась лишь после того, как в середине XVIII в. был официально снят запрет на продажу “замиренным инородцам” огнестрельного оружия российского производства. В течение второй половины XVIII–начала XIX вв. традиционный вид орудий охоты – лук и стрелы был полностью вытеснен так называемым ружейным боем, а огнестрельное оружие и боеприпасы к нему стали для большей части охотников-оленоводо-в “товарами первой необходимости”. К этому же времени относится частичная отмена государственной монополии на ясачные сборы пушнины. С этого момента роль торговых агентов, посредников в заготовках государственного запаса пушно-мехового сырья, одного из важнейших товаров торговли России с зарубежьем, передается “откупщикам” из числа нарождающегося сибирского частного предпринимательства.

Полная отмена государственной монополии на торговлю пушниной, очевидно, произошла не ранее второй половины XIX в. С этого времени пушной промысел становится для большей части “коренного” населения Сибири по-настоящему товарной отраслью хозяйства, обеспечивающей семьи охотников-оленоводо-в всеми ставшими предметами повседневной необходимости продовольственными и промышленными товарами. Товарный пушной промысел органически встраивается в структуру традиционного охотничье-оленоводческого хозяйства, в котором в той или иной степени активно участвует все трудоспособные, владеющие огнестрельным оружием и перешедшие к пассивным способам охоты члены локальных кочевых и перешедших к оседлости общин.

К началу XX в. в окончательном виде формируется система частной торговли пушниной, которая сосредоточивается в руках относительно небольшой группы “вошедшего в силу” сибирского купечества. Торговля пушниной, несмотря на отсутствие среди охотничье-оленоводческого населения Сибири четкого представления о реальной рыночной цене поставляемой купцам пушнины, становится регулярным явлением в хозяйственно-экономической жизни коренного населения. По этой же причине торговые операции между охотниками и купцами, в современном значении, не являются торговлей и по-прежнему носят характер товарообмена.

Несмотря на известный произвол в установлении купцами размера “натуральной платы” за продукцию пушной охоты и рыболовства, в долговой зависимости от конкретного местного поставщика товаров повседневного спроса чаще всего оказывались семьи и общины потерявших оленей и перешедших на оседлость охотников и оседлых рыболовов. В отличие от них обладавшие достаточным количеством транспортных оленей семьи нередко в целях “справедливого” обмена своего “товара” уходили за сотни и тысячи километров и обменивали пушнину на ежегодных торговых ярмарках, расположенных за пределами мест их официальной постоянной “приписки” к той или иной инородческой волости. Кроме того, конкурент-

ная борьба скупщиков пушнины за конкретного регулярного поставщика этого вида охотничьей продукции, скорее всего, была, с точки зрения охотников, достаточно справедливой и, хотя и под предлогом погашения несуществующей задолженности, обеспечивала семью как минимум на полгода оружием и боеприпасами, мукой, солью и другими видами продовольственных товаров.

Прямыми агентами, осуществлявшими закупку пушнины и поставки, часто являлись не сами купцы, а выбранные ими из числа местного населения “грамотные” жители районов компактного расселения охотников-оленьеводов. Нередко именно они выполняли роль “приказчиков” в созданных в этих местах торговых купеческих “магазинах”, к которым дважды в календарный год (в начале зимы и ранней весной) выходили со своим товаром охотники. При этом в качестве приказчиков, как и поставщиков транспорта для завоза в “магазины” товаров, кроме русских крестьян из зажиточных семей являлись также и обученные начальной грамоте в христианских “миссиях” представители коренного населения Сибири.

Указанные изменения в структуре хозяйства коренного населения Сибири, в особенности превращение пушного промысла и интенсивного рыболовства из побочного, второстепенного занятия в самостоятельную товарную отрасль хозяйства, стимулировали ускоренную имущественную и социальную дифференциацию родоплеменной структуры “коренного” населения. Ранее всего эти процессы зафиксированы в этнографии оседлого самодийского населения Западной Сибири. Так, у селькупов, хантов и манси – оседлых рыболовов бассейна среднего течения Оби и Иртыша, еще в первой четверти XVIII в. зафиксировано наличие военно-потестарных объединений (союзов племен) с ярко выраженными социальными стратами: родоплеменной “аристократии” (в русском официальном лексиконе “князей”) со всеми свойственными ей атрибутами социальной иерархии и власти; соподчиненных им слоев среднезажиточного и неимущего населения [Долгих, 1960; Народы..., 2005; Пелих, 1981]. С определенными оговорками можно считать, что среди этой группы самодийцев уже в окончательном варианте сформировались такие формы “постпервобытных” социумов, как “первичная этническая общность” – этнос с признаками единого языка, общей территории обитания и хозяйственно-культурной специфики, общим (выраженным в самоназвании – этнониме) этническом самосознанием. К тем же признакам завершения процессов деструкции первобытно-общинной социальной организации относится формирование среди оседлых рыболовов Оби и Иртыша территориально-соседской (пракрестьянской) общины, объединяющей индивидуальные хозяйства в общины уже не по линии браков, а по совместному хозяйственному освоению локальных участков рыболовных и прочих промысловых угодий.

В отличие от оседлого самодийского населения Западной Сибири, процессы имущественного и социального расслоения среди эвенков происходили гораздо медленнее и в известном смысле завершились лишь к началу XX столетия. Так, начавшиеся еще в XIV–XVI вв. и особенно интенсивные миграции эвенков, обусловленные ясным обложением и

территориальным расширением районов русского земледелия, очевидно, явились причинами исчезновения такой формы объединений, как племя, разделения локальных родовых общин на обособленные в социальном и экономическом отношении патронимии (большие патриархальные семьи) и территориальные объединения совместно осваивающих уголья индивидуальных хозяйств [Василевич, 1972; Карлов, 1982; Общественный строй..., 1970].

Некоторые признаки начавшего формирования военно-потестарной структуры, в частности появление военизированных подразделений, возглавляемых военными вождями (эвенк. – “сонинг”), а также выделение в социальной структуре назначенных общиной лидеров – организаторов хозяйства (эвенк. – “этэйенгни”), отмечены в этнографических материалах по локальной группе эвенков – “ганальчей” (от эвенк. – “гана” – стрела; “ганалчи” – стрелок из лука) [ТМС, 1975, с. 138] бассейна Подкаменной Тунгуски.

По сведениям А.Ф. Анисимова [1936] и материалам эвенкийского фольклора [Василевич, 1966], “ганалчи” регулярно летом совершали набеги на своих соседей – локальные группы эвенков. Как и у части самодийцев, у вступивших на путь формирования предтечи “военной демократии” “ганальчей” результатами военных походов являлось поголовное физическое уничтожение мужской части (включая подростков) соседней общины, пленение женщин и девочек, увод оленей и прочего имущества. Как и у самодийцев, в этой группировке эвенков отмечено существование адаптированного в общине сословия так называемых патриархальных (семейных) “рабов”, используемых в “недостойных охотника – воина” видах хозяйственной деятельности.

Народы Сибири в XX–начале XXI вв.

Настоящая часть как бы подводит итог 400-летнего периода этнической и этнокультурной истории коренных малочисленных народов Севера и Сибири (КМНСС). Богатый на события период XX–начала XXI столетий, вне всякого сомнения, можно оценивать как время кардинальных, революционных по своему характеру преобразований во всем спектре материальной и духовной культуры “коренных” охотников-оленьеводов Сибири. На долю КМНСС, как и всего полиэтнического населения России выпали поистине драматические испытания периода “октябрьского переворота” и гражданской войны, становления власти советов и коллективизации, Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства, распада СССР и перестройки.

Научное переосмысление и разработка новых, деполитизированных оценок “советского” этапа изменений в экономике, культуре и, в целом, жизни малочисленных народов Сибири и Севера, ведущих “традиционный образ жизни”, по существу еще не состоялись. В отечественной и зарубежной историографии последних десятилетий XX–начала XXI столетий с переменным “успехом” продолжают сосуществовать как минимум две противоборствующие точки зрения.

Одна из них, в той или иной степени заданная идеологией “гласности” и “демократизации”, рисует ужасные картины обусловленных “советской идеологией” процессов депопуляции, “геноцида” и “этноцида”, “уничтожения национальной культуры коренных народов” и замещения ее наднациональной “социалистической культурой”. Другая точка зрения, появившаяся в конце 1990–начале 2000-х гг. и обусловленная спадом почти всеобщего отрицания всех без исключения достижений в “национальном строительстве” советского периода, на наш взгляд, присутствует пока лишь в немногих, лишенных конъюнктурных соображений публикациях российских этнологов.

Очевидно, пройдет еще несколько лет до той поры, когда околонуучные и откровенно конъюнктурные публикации об этнокультурной истории народов Сибири XX–начала XXI вв. будут вытеснены фундаментальными трудами больших авторских коллективов российских и зарубежных этнологов, написанных в стиле объективных по существу академических изданий российских этнографов “советского периода”. Не претендуя на обширный анализ периода “советской” истории коренных народов Сибири в объеме настоящей публикации, мы ограничиваемся лишь изложением некоторых соображений.

В первую очередь следует отметить, что большую часть негативных оценок этого периода, как верно отмечают В.А. Тишков и С.В. Чешко [2005], характеризуют стереотипные, восходящие от либерально-демократического слоя российской интеллигенции XIX–начала XX вв., методологически неверные представления о реалиях социально-экономического развития “малых народов” Сибири. Как и прежде, в публикациях последних десяти–пятнадцати лет “рефреном звучала мысль...” о деградации традиционной культуры и “вымирании” малочисленных народов. Действительно, несмотря на изменения в демографических показателях уровня благосостояния, статистические данные о рождаемости и смертности, алкоголизации, численности говорящих на родном языке, развитии социально-бытовой инфраструктуры, они существенно выше средних показателей по группам сельского и городского населения азиатской части России.

В то же время статистические материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. и Всесоюзной переписи населения 1959 г. указывают на то, что численность большинства малочисленных народов Сибири (за исключением нганасан и кетов) либо стабилизировалась, либо несколько увеличилась [Общественный строй..., 1970]. Переписи 1979, 2000 и 2002 и следующих годов фиксируют тенденцию к росту численности коренных народов. Так, к началу 2010 г. общая численность эвенков увеличилась с 29 (1989 г.) до 35 тыс. Можно лишь предполагать, что указанные изменения являются не только и, быть может, и не столько следствиями улучшения медицинского обслуживания сельского населения Севера (в особенности перешедших к оседлости охотников-оленьеводов). Есть определенные основания полагать, что рост числа КМНСС может рассматриваться с позиций “пробужденного” этнического самосознания, актуализированного у части коренного населения законами и концептуальными постановлениями

ми о “Правах малочисленных народов”, территориях “традиционного” природопользования и хозяйственной деятельности как основы сохранения и развития этнической аутентичности.

Показательными в этом смысле оказались результаты наших полевых наблюдений среди окинских сойот. Первые сведения об этой группе населения Восточного Саяна были получены Б.Э. Петри [1926, 1927], очевидно, в период его регулярных сборов этнографического материала среди тофалар. К сожалению, полевые материалы Б.Э. Петри по окинским сойотам, как и его письма в адрес иркутского отделения Комитета Севера, обращавшие внимание на бедственное положение народа, не сохранились. С этого времени сведения о Сойотах как об отдельной этнографической группе тюркоязычного населения Восточного Саяна и верховий р. Ока (приток р. Ангара) из материалов переписей фактически исчезают.

Попытки отыскать следы сойот и собрать этнографические материалы были предприняты в конце 1970-х гг. студентами исторического факультета Иркутского университета С.Г. Ступиным и Б.Г. Дунаевым. Обобщенные в дипломном сочинении результаты полевых сборов этнографического материала показали, что традиционный комплекс культуры горно-таежных охотников-оленьеводов у большей части населения этой территории был замещен культурой ближайших соседей – скотоводческих групп бурят Тункинской долины. Оленеводством и охотой продолжали заниматься лишь две-три семьи и лишь один из старожилов районного центра – пос. Орлик (80–90-летний старик) в разговоре “вспомнил”: “...в старые времена здесь было много оленных людей. Соетами, что ли, их называли”?! Спустя 10 лет мы и С.Г. Ступин, приглашенные для участия в заседании “Круглого стола по проблемам возрождения культуры сойот”, с удивлением узнали, что число жителей Окинского района Республики Бурятия, называвших себя **потомками** этой этнической общности, составило более 1,5 тыс. человек.

Аналогичные процессы “наведенного этнического самосознания” в начале 2000 г. наблюдались нами среди постоянного коренного населения Катангского района Иркутской области. Так, дети от смешанных браков женщин-эвенкиек с местными “поздними переселенцами” (русскими, белорусами, украинцами и другими “русскоязычными” мужчинами – разнорабочими выведенных из района геологических экспедиций) в подавляющем большинстве случаев в документах переписей обозначали себя эвенками (см. также [Тураев, 2010]). Нами приватные беседы с участниками этнографических конференций по проблемам коренных народов дают основания предполагать, что подобные случаи “наведенного этнического самосознания” не единичны и характерны для всех этнографических групп охотников-оленьеводов Западной и Восточной Сибири.

Неоднозначными и противоречивыми представляются нам результаты коллективизации индивидуальных хозяйств охотников-оленьеводов и перевода их на оседлость. Прежде всего, следует заметить, что и то, и другое, как и весь комплекс мер по преобразованию жизни “отсталых первобытных народностей”, представляются первыми для России государственными

ми программами “национального развития” “малых народов Сибири и Севера”, адаптации свойственных им форм традиционного хозяйства и культуры в экономике и культуре нового “многонационального” государства.

Общегосударственный уровень этой политики обозначался созданием при Президиуме ВЦИК РСФСР “Комитета содействия малым народностям северных окраин” (Комитет Севера) и специализированного высшего учебного заведения – “Педагогического института им. А.И. Герцена” (вторая половина 1920–1930-е гг.). Кроме “головного” московского отдела, филиалы Комитета Севера были созданы во всех губерниях Сибири и Дальнего Востока, деятельность их и реализация программ “социалистических” преобразований жизни “малых народов” осуществлялась через широкую сеть полномочных представителей Комитета в каждом из “тузрайонов” [Жуков, Тавадов, 2011]. Председателем Комитета Севера был назначен П.Г. Смидович, а в работе его центрального аппарата принимали участие Е.М. Ярославский, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский, Н.А. Семашко.

В междисциплинарных исследованиях “малых народов Севера” и плановой работе региональных отделов Комитета Севера активно участвовали Л.Я. Штернберг, В.Г. Тан-Богораз, Д.Н. Анучин, Б.Э. Петри и их ученики – Г.М. Василевич, А.Ф. Анисимов, А.Н. Харузин, Б.О. Долгих, И.С. Гурвич, П.Г. Полтораков и другие представители “советской” научной школы [Репрессированные этнографы, 2002, 2003]. Энциклопедическая широта знаний сотрудников Комитета Севера позволяла им не ограничиваться узкой сферой своих научных интересов, активно и профессионально решать весь круг проблем народов Севера от реорганизации традиционного хозяйства и повышения “жизненного уровня” до “ликвидации безграмотности” и формирования национального состава “кадров управленцев, научной и творческой интеллигенции”.

В первоначальном варианте (1924–1926 гг.) в Комитете Севера обсуждались два альтернативных метода решения проблем “малых народностей”. Первый предусматривал создание в районах компактного проживания этнографических групп охотников-оленьеводов “этнокультурных резерватов”, закрытых для всех остальных групп постоянного и временного населения Сибири, ограждающих “отсталые в развитии народы” от “пагубного влияния цивилизации” и обеспечивающих их постепенный переход к новым прогрессивным (социалистическим) формам организации хозяйства и быта.

Предполагалось, что соединение в “резерватах” удаленных друг от друга на сотни километров локальных общин позволит без значительных финансовых затрат государства (особенно финансовой системы экономически слабых сибирских губерний): ликвидировать поголовную неграмотность; более ярко выраженное даже в масштабах Сибири разделение “коренных народов” на социальные группы “бедняков”, “среднезажиточных” и “богатых”; создать разветвленную, доступную для всех сеть медицинского обслуживания и, наконец, обеспечить плавный переход “потребительского” хозяйства в режим самокупаемой товарной экономики.

Прообразом таких резерватов, очевидно, должны были стать появившиеся в начале 1930-х гг. и сохранившиеся до настоящих дней в составе субъектов РФ “национальные автономии”, выбор мест расположения кото-

рых происходил уже в первые годы становления советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Второй подход предусматривал решение тех же проблем без создания “резерватов” (которые ассоциировались с резервациями североамериканских индейцев) в заданные первыми пятилетними планами “социалистического строительства”, максимально сжатые сроки. Достижение конечной цели завершения “социалистического” преобразования жизни малых народностей Севера рассматривалось в контексте решения трех основных задач:

- ускоренной коллективизации индивидуальных хозяйств охотников, оленеводов и рыболовов;
- реорганизацию хозяйства по преимуществу “потребительского” типа в исключительно товарного назначения со свойственными ему элементами “хозяйственного расчета” и самокупаемости;
- перевод большей части кочевых охотников-оленьеводов на оседлость.

Нам представляется, что оптимальное решение этих задач было заложено где-то в “золотой середине” того и другого методов, учитывающей и реализующей все наиболее положительные их стороны. К сожалению, большинство из этих задач до начала 1970-х гг. не были окончательно решены и результаты реорганизации экономики, культуры и быта КМНСС далеко не соответствовали ожидаемым. Скорее всего, не вполне удачное, половинчатое и отягощенное **новыми** бытовыми и социальными проблемами решение вопросов “подтягивания” уровня благосостояния коренных народов до “среднероссийского” может быть объяснено не только тем, что в целом верные идеи и цели социально-экономического и этнокультурного развития коренных народов Сибири реализовывались в условиях общесоветского революционного порыва “окончательного уничтожения отжившего мира” и строительства на “его обломках” нового общества.

Мы склонны считать, что избранный в 1930-х гг. второй из перечисленных методов “социалистического строительства”, со всеми негативными проявлениями спешки и нездорового энтузиазма органов местной исполнительной власти, в силу разных обстоятельств не имел альтернативы. Не идеализируя методов “социалистических преобразований”, следует, очевидно, все же признать, что в условиях индустриализации страны в период локальных конфликтов и решения стратегических задач подготовки к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., послевоенного восстановления “народного хозяйства”, государство не располагало достаточными временем и ресурсами для обеспечения неспешной эволюции экономики и жизни коренных народов Сибири, их естественной интеграции в общероссийскую экономику и культуру.

Очевидно, одной из причин, обусловивших не вполне удачную реализацию программ социально-экономического и культурного развития КМНС в 1920–1960-х гг., явилась действовавшая в этот период схема подбора кадрового состава рядовых местных исполнителей идей преобразований. “Головокружение от успехов”, о котором в начале коллективизации писала газета “Правда”, было, в том числе, официальной констатацией того, что региональные исполнители решений ВЦИК и пленумов ЦК ВКП(б), мобилизованные из числа “лояльных” рабочих и крестьян, по тому време-

ни имели достаточно низкий уровень профессиональной управленческой подготовки. “За плечами” большинства из них было начальное четырехлетнее образование и краткий курс ВППШ (высшей партийной школы).

Очевидно, недостаточный образовательный уровень, явно не вполне четкое понимание специфических методов решения поставленных задач явились одними из причин “волюнтаризма” и “перегибов” в реализации государственных программ. Факты подобных поспешных реагирований на “указания сверху” обнаружены нами в материалах райисполкома Катангского района Иркутской области (большая часть архива сгорела во время пожара 1976 г.). В пересланной Иркутским губисполкомом разнарядке ВЦИК РСФСР (датировано октябрём–ноябрём 1930 г.) указывалось: к январю 1930 г. “обеспечить” 30%-ю коллективизацию и перевод на оседлость индивидуальных хозяйств эвенков и эвенов. Январем 1931 г. датирован отчет председателя Катангского райисполкома, в котором указывалось, что к этому времени коллективизацией было “охвачено свыше 50 % индивидуальных хозяйств, а около 80 % кочевых семей – переведены на оседлость”.

Такого рода “опережающие” темпы “советизации” хозяйства и быта “малых народностей” и решение сопутствующих задач образования и здравоохранения, повышения рентабельности охотничье-оленоводческого хозяйства, улучшения бытовых условий и одновременного сохранения кочевого образа жизни были единственно возможными в условиях крайне не достаточного финансирования разрабатываемых Комитетом Севера мероприятий. Первые типы коллективных хозяйств – “первичные производственные объединения” (ППО), действовавшие в режиме “потребительской кооперации”, были в сжатые сроки (1926–1928 гг.) созданы практически повсеместно и столь же быстро либо самоликвидировались, либо переводились на Устав сельскохозяйственных артелей общесоюзного образца.

Объединение индивидуальных хозяйств в ППО, по существу, не ликвидировало индивидуальный (семейный) характер охоты и оленеводства. Для “малоимущих” семей это был, пожалуй, единственный способ получить от государства недостающий для успешного ведения промысла инвентарь и рабочих оленей, регулярно, через сеть государственных торгово-закупочных организаций (факторий и магазинов) получать весь необходимый набор товаров первой необходимости. Обмен заготовленной охотниками пушнины на необходимые товары осуществлялся по строго фиксированным (более “выгодным”, чем у частных купцов) ценам, что являлось одним из стимулов для вступления в ППО не только мало- и среднеимущих, но и зажиточных семей. Для богатых охотников-оленоводцев, у которых численность оленьих стад по таежным районам иногда доходила до 1,5 тыс., а в тундре – до 5–10 тыс. голов, вступление в ППО кроме того являлось маскируемым “обычаями взаимопомощи” использованием в своем хозяйстве наемных работников из числа разорившихся членов их “родовой” (точнее – территориально-соседской) общины.

Дополнительным стимулом вступления в ППО являлась возможность получить в “безвозмездное пользование” недостающие охотничье-рыболовный инвентарь и оленей, на приобретение и завоз которых из бюджета губерний ежегодно выделялось от 20 до 30 тыс. руб., что в условиях ог-

ромных затрат на индустриализацию страны и дефицита бюджета являлось, безусловно, существенным вкладом государства в реализацию программ социального и экономического развития малых народов. Следует при этом учесть и средства государства для создания и функционирования в кочевых общинах постоянно действующих “красных чумов”, в которых силами “энтузиастов-добровольцев” осуществлялась реализация программ ликвидации неграмотности, оказание первичной медицинской и ветеринарной помощи и, конечно же, разъяснение целей и задач советской власти в деле “строительства социализма”.

Для повышения рентабельности охотничьего и оленеводческого хозяйства и перевода его на “хозяйственный расчет” ППО малых народностей Севера в середине 1930 гг. вводятся в структуры смешанных по этническому составу сельскохозяйственных артелей, которые в первые послевоенные годы преобразуются в колхозы и совхозы. Устав сельскохозяйственной артели, как производственного объединения семей “малых народностей Севера”, так и русскоязычных “крестьян” предусматривает многоотраслевую хозяйственную деятельность, включающую оленеводство, пушной промысел, охоту на копытных, рыболовство и сборы дикоросов, а также мясомолочное животноводство и земледелие.

Многоотраслевое хозяйство артелей предполагает соответствующее, профессионально ориентированное распределение трудовых обязанностей членов артелей. Так, круглогодичный уход за стадами обобществленных оленей осуществляется кочевыми семьями и оленеводческими бригадами, в состав которых включается часть не перешедших к оседлому быту традиционных охотников-оленьеводов. Осевшие в стационарных поселениях семьи, кроме традиционной охоты и рыболовства, занимаются заготовкой сена для обобществленного крупного рогатого скота, в меру способностей, вместе с привычными к крестьянскому труду русскими старожилками, участвуют в производстве зерна и иных подсобных видах работ. Вся производственная деятельность носит плановый характер. “Спущенные” в районы областные планы предусматривают фиксированные объемы заготовок пушнины, мяса диких животных и боровой птицы, рыбы, молочных продуктов и иных сельскохозяйственных товаров. В зачет этой продукции сельскохозяйственные артели получают из областных и краевых “фондов” промышленные и продовольственные товары, которые распределяются среди населения в соответствии с заработанным семьями количеством “трудодней”.

Вместе с тем, несмотря на все меры центральной и местных властей, направленные на внедрение в северные коллективные хозяйства принципов хозрасчета и самоокупаемости, сельскохозяйственные артели и заменившие их в послевоенный период (1946–1960-е гг.) колхозы и совхозы, будучи их частью оставались для государства “планово-убыточной”. Такая оценка рентабельности северных хозяйств объясняется тем, что объем вкладываемых в них государством средств и материалов, в том числе для содержания “непроизводственной инфраструктуры” сельских поселений (школ, больниц, домов культуры и т. п. учреждений), явно не соответствовал доходам государства от производимой хозяйствами продукции.

Положение не изменилось и после того, как, в целях снижения затрат государства, было принято решение о развитии в этих хозяйствах клеточного звероводства и использовании оленей в работах геологических экспедиций и завозе товаров. Как оказалось, заготовки мелкотоварной рыбы, поставляемой на районные рыбозаводы (например, в районный центр Иркутской обл. г. Киренск), не дали ожидаемого эффекта. Не имея иных источников кормов для содержащихся на зверофермах животных, коллективные хозяйства вынужденно скармливали им и без того небольшие запасы заготовленной рыбы.

Переход на этот вид кормов резко снижал рыночную стоимость пушнины, получаемой от содержащихся на зверофермах соболей, чернобурых лисиц, норки и песца. Для прокорма зверей и повышения качества пушнины колхозы, как правило, забивали и без того численно сокращающиеся стада домашних оленей. Особенно сильное сокращение поголовья общественных стад оленей в таежных районах Западной и Восточной Сибири являлось следствием интенсивного (часто не соответствующего биологии животных) использования их в качестве транспорта для перевозки экспедиционных грузов и снаряжения. Так, по опросным данным, произведенным нами в Катангском районе Иркутской области, общее число оленей к началу 1970-х гг. сократилась с 10 тыс. (1930-е гг.) до 3,5–4 тыс. голов.

В несколько лучшем положении оказались крупные оленеводческие хозяйства (колхозы и совхозы), образованные в 1950-х гг. на базе “традиционного крупностадного” оленеводства в приполярных районах Ямало-Ненецкого и Эвенкийского автономных округов. Относительно рентабельными оказались коллективные хозяйства хантов и манси, специализирующиеся на промышленном рыболовстве и заготовках товарной пушнины. По нашему мнению, относительно высокая самоокупаемость и тех, и других объясняется наличием в Западной Сибири крупных городских индустриальных центров, возникших в предвоенный период индустриализации страны и эвакуации промышленных предприятий из европейских областей России, Украины и Белоруссии.

Вместе с тем, плановая этносоциологическая экспертиза, произведенная сотрудниками организованного при Институте этнографии АН СССР сектора по изучению социалистического строительства и исполнявшего задание Совета министров РСФСР, показала, что состояние хозяйства и в целом уровень благосостояния народов Севера оставалось на довоенном уровне [Этнологическая экспертиза..., 2004].

Рентабельность охотничье-олeneводческого хозяйства и общие положительные изменения в уровне социально-экономического развития коренных малочисленных народов Сибири наблюдались некоторое время после передачи имущества колхозов в управление формирующихся на их месте государственных промысловых и кооперативных зверопромысловых хозяйств (“госпромхозов” и “коопзверопромхозов”). Положительные изменения в динамике хозяйственной деятельности и уровне социального жизнеобеспечения КМНСС, на наш взгляд, были обусловлены снятием запрета на массовые заготовки особо ценимого на российских и зарубежных аукционах меха соболя.

В этой связи доходы хозяйств от реализации пушнины, мясных и молочных продуктов и ограниченного количества зерна (обе эти отрасли перешли в экономическую структуру Госпромхозов и КЗПХ) несколько снизили, но не исключили все еще больших финансовых дотаций из областного и краевого бюджетов. Основная часть дотаций расходовалась на содержание и развитие социальной инфраструктуры поселений, транспортные расходы по завозу в отдаленные северные районы горючесмазочных материалов и товаров “народного потребления”, выплату пенсий и заработной платы госслужащих. Существенную роль в развитии социально-бытовой инфраструктуры северных территорий оказали базировавшиеся в них предприятия нефтегазовой промышленности, поисковые партии геологов, ведущих разведку и передачу в эксплуатацию месторождений “стратегического сырья”. С последними связано появление в крупных и мелких поселениях Севера электрогенерирующих станций, регулярных санитарных вылетов медицинских работников в отдаленные стационарные поселения и стойбища, регулярных пассажирских и грузовых авиарейсов и домостроения.

Подобная ситуация сохранялась до начала 1990-х гг. Переход к рыночной экономике сопровождался ликвидацией государственных предприятий, не только осуществлявших закупки пушнины, но и обеспечивающих охотников всеми необходимыми средствами (в том числе транспортом) в сезоны промысла. Передача товарооборота пушнины в руки частных предпринимателей по нашим данным лишь отчасти удовлетворяла запросы охотников. Несколько выиграв в цене на пушнину, охотники проиграли в части снабжения их оружием и боеприпасами, снабжения их средствами связи, горючесмазочным материалом и некоторыми товарами повседневного спроса.

Начиная с середины 1980-х гг. традиционные средства обеспечения охотничьего промысла и рыболовства – домашний олень и весельная лодка – постепенно и неуклонно вытесняются снегоходами и лодками с мотором. В быту коренных жителей поселков (эвенков, хантов, манси и других) обычными становятся телевизор, видеомagneтофон, транзисторный радиоприемник и прочие элементы современной материальной культуры. Все эти изменения, безусловно, имеют положительное значение и являются следствием способности культуры коренных народов к эволюции, адаптации к новым социально-бытовым условиям проживания и хозяйственной деятельности.

Резким контрастом этим изменениям выглядят по-прежнему плохо обустроенные стационарные зимние и временные летние жилища кочевых охотников-оленьеводов. Распространившиеся в начале нового тысячелетия призывы к “возрождению традиций” представляются беспочвенными. Российским этнологам давно известно, что основная масса трудоспособного молодого поколения коренных народов явно не желает вернуться к “кочевому быту” и традициям “заповеданных предками” методов ведения охотничьего и оленеводческого хозяйства [Туров, 2010]. Видимо, большинству современных авторов публикаций о проблемах коренных охотников-оленьеводов Сибири и Севера следует отказаться от “традиционалистского”

взгляда на существо этих проблем, оценить их не иначе как в контексте “стремительно глобализующегося мира” и попытаться понять, каким образом “ценности и символы технократического сообщества” актуализируются и вписываются в культурные традиции коренных народов [Функ, 2013].

2.3. ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ОСТРГОВ И ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Основная часть городских поселений Сибири была основана в процессе открытия и присоединения зауральских территорий в конце XVI–XVII вв. Многие из них возникали вначале как ясачные зимовья или остроги, выполняя чисто военно-административные задачи, заключавшиеся в сборе ясака с коренного населения и контроле за подведомственными территориями. Превращение таких крепостных сооружений в крупные остроги, а затем в города свидетельствовало об умело выбранном месте, жизнеспособности поселения, благоприятных экономических и транспортных условиях его развития. Деревянное оборонное зодчество Сибири основывалось на традициях и стилистике древнерусского градостроительства. Первые сибирские города и остроги представляли собой сложные сооружения, выполненные в лучших традициях русского градостроительного искусства.

Сибирское градостроительство прошло несколько периодов в своем развитии, и в рамках каждого из них в соответствии с новыми задачами освоения края менялись типы и виды сибирских городов, методы и приемы колонизации. Первый этап начинается со строительства Тюмени в 1586 г. и заканчивается основанием Томска, ставшего основной базой для дальнейшего продвижения России на восток. В условиях продолжавшегося противостояния со степными южносибирскими народами российские власти старались строить достаточно мощные крепостные сооружения, способные отстоять российские претензии на новые земли. Появление в этот период хорошо укрепленных городов и острогов Тобольска (1587), Березова и Пелыма (1593), Тары и Сургута (1594), Нарыма (1595), Кетска (1596), Верхотурья (1598), Мангазеи и Туринска (1600–1601) и, наконец, Томска (1604) закрепляло новые сибирские земли за Россией и усиливало контроль за основными торговыми путями как северными морскими, так сухопутными от Верхотурья в Сибирь.

Новый этап градостроительства начинается с выходом русских землепроходцев в бассейн Енисея и Лены. В это время появляются Кузнецкий и Маковский остроги (1618), определявшие путь на Енисей через Маковский волок, Енисейский (1619), Красноярский, Рыбинский (1628) на Енисее, а также сеть ангаро-ленских острожков: Киренский, Илимский, Братский и Усть-Кутский (1631), а также Якутский острог (1632), ставший основной базой колонизации всего северо-востока Сибири. На плечи Кузнецка и Красноярска легла задача дальнейшего продвижения в южную Сибирь, из Енисейска и Якутска осуществлялось проникновение в Забайкалье и Приамурье.

С 1640-х гг. начинается продвижение в Приангарье и Забайкалье и далее в Приамурье. В этот период появляются Балаганский и Албазинский (1654), Иргенский (1657), Нерчинский и Телембитский (1658), Ир-

кутский (1661), Селенгинский (1665) и Верхнеудинский (1666) остроги. Всего за вторую половину XVII в. в Сибири было основано более 80 городов, острогов и слобод. Однако собственно городов и острогов как уездных центров насчитывалось всего 19.

В делопроизводстве XVII в. термины “город”, “острог” и “слобода” имели разное значение [Резун, 1979]. Официальное название “город” получали те населенные пункты, особенно на первых порах присоединения Сибири, которые были административными центрами больших регионов, как, например, Тобольск, Томск, Якутск, или же центрами значительных уездов, имеющих важное оборонное или торгово-хозяйственное значение: Березов, Верхотурье, Тара, Мангазея и т. д. Их городской статус утверждался царскими указами, во главе их находились воеводы, назначаемые из Москвы. Города имели также свой герб и печать. Большинство острогов также имело подведомственную территорию, состоящую из сельских населенных пунктов, но не были самостоятельными в административном плане. Некоторые из них со временем получили статус города, другие остались на положении острогов.

На первых порах все сибирские города и остроги имели военно-политическое значение, ибо они строились для закрепления вновь присоединенных территорий и для организации экспедиций по “приисканию” новых земель и ясажных народов. Но у одних городов эта эпоха окончилась уже в самом конце XVI в. (Тобольск, Тюмень, Верхотурье) у других – в первые десятилетия XVII в. (Тара, Березов, Сургут), а у некоторых продолжалась почти весь век (Красноярск, Кузнецк, Нерчинск, Верхнеудинск и др.). Практически с первых лет существования сибирских городов и острогов они становятся центрами торгово-промысловой деятельности, что было вполне естественно для освоения такой фронтирной территории, какой была Сибирь. В свое время А.Дж. Тойнби [1991] отмечал, что для колониальных территорий характерны три функции: финансовая, военная и административная. Несмотря на то, что приоритетность их неравнозначна и меняется во времени и пространстве, наиболее “существенной и никогда не исчезающей стороной колонизации является финансовая”.

Дальнейшее развитие городских поселений было теснейшим образом связано со спецификой социально-экономических, общественных и культурно-бытовых процессов, ролью и местом в истории края. Различной была их судьба. Одни рано оформились как значительные административные и торговые центры локальных территорий (Тюмень, Мангазея, Енисейск, Красноярск, Якутск, Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Тобольск, Томск, Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Троицкосавск с Кяхтой). Большинство же городов Сибири оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли. Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхолениск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена, но постепенно превратились в сельские поселения (Илимск, Селенгинск и др.).

Очередной этап активного крепостного строительства в Сибири был связан с уточнением и укреплением южной пограничной линии в первой

половине XVIII в. Инициатором постройки новых и реконструкции старых крепостей на юго-востоке Восточной Сибири стал посол в Китай граф С.Л. Владиславич-Рагузинский [Константинов, Константинова, 2002]. Осмотрев городские укрепления пограничных городов, он нашел их неудовлетворительными и принял меры для усиления обороноспособности региона. По указанию посла были разработаны планы укрепления старых городов Иркутска и Верхнеудинска. Они были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами. Кроме того, изыскивались возможности для переноса крепостных сооружений Нерчинска и Селенгинска, местоположение которых было крайне неудачно. Также были разработаны проекты строительства новых крепостей Петропавловской на Чикойской стрелке и Троицкой на речке Кяхте.

Не все планы С.Л. Владиславича-Рагузинского были претворены в жизнь. Так, Селенгинск и Нерчинск были перенесены на другие места только спустя столетие. Однако Петропавловская и Троицкая крепости, а также Кяхтинская слобода были построены солдатами Тобольского полка во главе с полковником И.Д. Бухгольцем почти в полном соответствии с проектными чертежами. Столь знаменитая впоследствии Кяхта возникла на базе двух отдельных поселений. Сначала была заложена в июне 1727 г. в пустынной широкой долине небольшой речушки Кяхты крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее была основана торговая слобода Кяхта. Хотя в официальных документах XVIII в. Кяхта называлась форпостом Троицкой крепости и действительно имела укрепления, ей суждено было длительное время играть важнейшую торговую роль как единственного пограничного пункта всей обширной меновой торговли между Россией и Китаем. В этом качестве Кяхта заметно отличалась по своему статусу и даже внешнему виду от других городов региона, являясь общероссийским центром международной торговли. Торговля наложила заметный отпечаток на застройку и характер домостроения в Троицкосавской крепости и Кяхтинской слободе. Фактически они представляли собой единое городское пространство. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города и здесь формируется основная городская инфраструктура. После того как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключением купечества, непосредственно участвующим в торговых операциях, она превращается в элитный пригород города, застроенный добротными купеческими особняками.

География распространения крепостных сооружений в эти годы переместилась к южным границам Сибири, где повсеместно внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы. От Тобола, например, была образована пограничная линия укреплений, протянувшаяся к северо-востоку на тысячу верст до самого Иртыша. Чуть позднее, в 1740-х гг., была создана Ишимская линия, в 1752 г. началось строительство новой укрепленной системы – Новоишимской, а на Алтае – Колыванской линии. В то же время, ввиду отсутствия непосредственной военной опасности, необходимость в острожных и крепостных сооружениях в старых сибирских городах отпала, и они постепенно приходят в полную негодность и разрушаются. Деревянный палисад Иркутска уже к 1760-м гг.

в значительной степени сгнил, местами развалился, ров осыпался. Последние остатки укрепления уничтожил пожар 1775 г. Острог же просуществовал до 1790-х гг. [Иркутск..., 2002]. Не намного дольше простояли стены Верхнеудинской крепости. В некоторых городах острожные сооружения в разное время XVIII в. были уничтожены пожарами (Баргузин, Селенгинск) либо разрушены наводнениями (Петропавловская крепость, Нерчинск).

Для сибирских городов, так же как и для большинства русских, свойственно было прибрежное расположение, поскольку речные артерии в это время выступали главными магистралями, по которым, собственно, и шло освоение новых территорий. Даже названия многих городов и острогов были связаны с реками, на берегах которых они были основаны (Тобольск, Томск, Енисейск, Илимск, Иркутск и др.). Во всех этих городах набережные становились главными фасадными частями. Реки играли ведущую роль в организации городской застройки, которая, так или иначе, ориентирована была на береговую часть, создавая выразительную панораму сибирского города. Как подчеркивала Э.Г. Истомина [2004], «город легко “ложился” на рельеф местности, плавно входил в природное окружение. Его доминанты – башни крепости, храмы, колокольни – обычно располагались свободно и царили над низкой жилой и общественной застройкой» [Истомина, 2004]. В то же время прибрежное расположение большинства острогов и городов Сибири приносило дополнительные трудности жителям. Частые разливы рек сопровождались разрушением берега, подтоплением и сносом жилых построек. Вообще, следует сказать, что выбор места для основания того или иного города был больше связан с общим местоположением его как стратегического и административного центра, а не с конкретными условиями местности. Даже Иркутск, быстро ставший важнейшим общесибирским центром, по мнению некоторых историков, был построен далеко не на идеальном месте [Словцов, 1995]. Из-за неудачного расположения некоторые остроги и города Сибири были позднее перенесены на другое место. Еще в XVII в. были перенесены Верхоленский острог и Якутск, в следующем столетии – Балаганский острог.

Официальная статистика относила к городам только административные центры губерний и уездов или являвшиеся таковыми в прошлом. Многие из них ни по числу жителей, характеру их занятий, ни по экономическим параметрам не соответствовали понятию “город”. По стандартам конца XVIII–первой половины XIX вв. города с населением свыше 25 тыс. относились к большим городам, от 5 до 25 тыс. – к средним, менее 5 – к малым [Миронов, 1990]. В Сибири все было иначе. Только такие города, как Тобольск, Иркутск, Енисейск, отчасти Томск, можно было отнести к большим, остальные города не подходили под параметры даже среднего. В соответствии с Уставом 1822 г. М.М. Сперанского сибирские города разделялись на три разряда в соответствии с количеством проживающего в них населения: многолюдные, средние и малолюдные [Дамешек, 2002]. Основная часть городских поселений составляла вторую и третью группы.

В то же время в Сибири было значительное количество населенных пунктов с достаточным количеством жителей, развитой торговлей и про-

мышленностью, которые причислялись к сельским или иным поселениям. В течение рассматриваемого периода существовали остроги с посадским населением, пригороды, подгородные слободы, горнозаводские промышленные поселения. Они отличались более сложной, чем сельские поселения, социальной структурой своих жителей и вместе с крупными городскими поселениями играли важную роль в формировании и реализации товарно-денежных отношений. Все эти поселения были не только тесно связаны с окружающей их сельской округой, но и являлись важным звеном в межлокальных хозяйственных связях крупных городов и территорий в целом, поэтому “около крупнейших экономических городских центров быстро вырастают вспомогательные, более или менее значительные города” [Семенов-Тянь-Шанский, 1910]. Более того, в тех территориях, где город только формировался или был слабым, эти малые города и поселения брали на себя выполнение хозяйственных функций, формируя экономическую иерархию поселений в рамках существующего регионального рынка. Ибо, как отмечал Ф. Бродель, “не было ни одного города, ни одного городишки, у которого не было бы своих деревень, своего подчиненного клочка сельской жизни, который бы не навязывал своей округе своего рынка, пользование своими лавками, своими мерами и весами, своими ростовщиками, своими законниками и даже развлечениями” [Бродель, 1990, с. 512]. Кроме того, сибирские города находились в значительном территориальном отрыве друг от друга, что затрудняло не только экономическое, но даже личностное общение горожан. Еще иркутский губернатор начала XIX в. А.М. Корнилов писал о необходимости радикального увеличения городских поселений в крае. “Ныне города в Сибири так редки, что в самых населеннейших местах один от другого отстает от 250 до 500 верст. Какое неудобство, какое затруднение предстоит крестьянам того края на торжищах их сбывать свои продукты! На сколько времени должен он оставить дом свой! Сколько времени потеряет он в одних проездах!” [Корнилов, 1828, с. 20]. Поэтому остроги и поселки, даже самые малые, наполняли сельскую округу “городским сознанием” и отчасти возмещали недостаток городов в регионе.

Первые сибирские города были “государевыми” поселениями, что существенно отражалось на составе их населения. В XVII в. самой многочисленной группой городского населения были служилые люди, которые делились на несколько разрядов. В 1625 г. в восьми сибирских городах (Тобольск, Тюмень, Тара, Верхотурье, Туринск, Пелым, Березов и Сургут) их было 2181 человек, в 1699 г. – 4655 человек [Никитин, 1988]. Самым крупным по концентрации военно-служилого населения был Тобольск, затем шли Тюмень и Тара. К концу XVII в. положение несколько изменилось: в количественном плане служилое население выросло, но в процентном отношении ко всему населению оно сократилось. К 1710 г. в 19 городах с приписанными к ним уездами проживало 154 388 душ мужского пола в 36 472 дворах. Самыми крупными по числу жителей в Западной Сибири были Тобольский уезд (69 760), Верхотурский (15 616) и Томский (10 975). Менее 10 тыс. жителей имели Тюменский (8521), Енисейский (8360), Тарский (5300), Красноярский (4363), Туринский (3648 чел.) и Кузнецкий

(2449 чел.); в остальных проживало менее тысячи человек. Среди восточносибирских уездов самым крупным по числу жителей был Иркутский (8950), затем шел Илимский (6454), Нерчинский (5019) и замыкал этот ряд Якутский – 2590 человек [Водарский, 1973].

Развитие местной экономики, формирование локальных хозяйственных связей наряду с размахом торгово-промысловых операций привели к заметному росту посадского населения. Во многом оно формировалось за счет переселенцев из северных уездов России. По крайней мере, две трети иркутских купцов вели свои родословные от предпринимателей Поморья. Большинство из них приходили в Сибирь без какого-либо значительного состояния и активно использовали возможности природных ресурсов края, прежде всего пушных, а также пограничную торговлю с монгольскими княжествами и Китаем. Уже в первой четверти XVIII в. посадское население заметно превосходило служилое. Так, количество служилых слоев составляло в Тобольске 16,9 %, Туринске 6,1, Верхотурье 5,6, Енисейске 19,5, Иркутске 27,5 и Илимске 11,1 %. Правда, в северных районах Сибири еще оставались города, в которых служилое население явно преобладало. Например, в Таре их доля доходила до 84 %, а в Березове до 90,7 %. [Водарский, 1973].

Следует отметить, что в целом городское население Сибири росло очень медленно, было весьма незначительным и составляло в середине XIX в. всего 3,2 % от общей численности горожан России [Рындзюнский, 1958]. Темпы его роста значительно уступали динамике крестьянского населения. Состав городского населения отличался от сельского значительно большей социальной и сословной пестротой и сложностью. Особенно наглядно это проявлялось в крупных городах, таких как Тобольск, Енисейск и Иркутск. В Иркутске уже в начале XIX в. проживало более половины всего купечества и мещанства губернии и более 80 % всех цеховых ремесленников, что свидетельствовало о превращении его в один из крупнейших центров ремесла и торговли Сибири и привлекало переселенцев из европейской части России и Западной Сибири. Динамика численности населения других городов была более стабильна. Как правило, некоторый рост отмечался в уездных городах. Малые и северные города Сибири оставались малолюдными в течение всего рассматриваемого периода.

Состав городского населения отличался большей социальной и сословной пестротой и сложностью. Одним из первых обратил внимание на многообразие социальных и этнических групп в сибирском городе ученый-натуралист, участник Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллер. В 1745 г. он писал об Иркутске, что «...в городе имеются жители трех сортов: сибиряки, ссыльные, или новые русские, и братья, или буряты. К жителям, однако, могут быть причислены еще и промышленные. Они пришли из самых бедных местностей России – с целью обогатиться сравнительно со своим прежним состоянием, но многие из них поселяются здесь насовсем... Промышленные являются выходцами из всех городов России и Сибири, но большинство из них со времени прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также из городов Арзамас, Ярославль и Рязань.

В России их называют бурлаками и гулящими, но здесь они бесосновательно получили название “промышленные”. Они могут заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходил компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам сряду и тому подобные вещи» [Стеллер, 2007, с. 37–38].

Жители городов делились на две большие группы. В первую входили неподатные сословия: чиновники, духовенство, военные, выполнявшие в основном административные функции. В губернских и окружных уездных центрах эти слои составляли до половины населения, в остальных городах – не более трети. Ведущая роль в развитии городской экономики принадлежала податным сословиям (купцы, мещане, цеховые) и отдельным межсословным группировкам, по своему положению и занятиям тяготевшим к податному населению. К ним относились отставные нижние чины, осевшие в городах крестьяне и ссыльные, разночинцы. Вместе они составляли торгово-промышленное население городов. Численность их постоянно колебалась. В конце XVIII в. в Восточной Сибири на их долю приходилось 58 % горожан, в 1820-х гг. – 44, а в середине XIX в. до 55 % [Воробьев, 1975].

К концу XVIII в. наблюдается рост поселений, получивших статус города, соответственно с этим росла численность городского населения. На территории двух сибирских наместничеств Тобольского и Иркутского в 1780-х гг. насчитывалось уже 37 городов [Описание..., 1982]. По сравнению с XVII в. их численность возросла в 1,9 раза. При этом не просто наблюдается рост городов, но складывается собственно сама система городов, во главе которой находились центры наместничеств – Тобольск и Иркутск. Ниже их располагались провинциальные (областные) и уездные города. Все городское население насчитывало 60,8 тыс. душ мужского пола, что составляло 11,1 % от всего населения Сибири в 1782 г. Наибольшее количество горожан проживало в Тобольском наместничестве – 44,7 тыс. душ м. п. В Иркутском наместничестве горожан было заметно меньше – 16,1 тыс. душ м. п. [Кабузан, Троицкий, 1968]. Необходимо отметить, что городские жители здесь размещались крайне неравномерно. Основная масса горожан проживала в Иркутске, который уже в середине XVIII в. становится крупнейшим административным и экономическим центром Сибири. За XVIII в. население Иркутска выросло почти в 9 раз. Если в 1700 г. в городе считалось 726 ревизских душ, то к 1798 г. здесь проживало уже 6255 человек, а если считать с женским населением, то около 11 тыс. человек (Российский государственный исторический архив). Наиболее активной частью городского населения Иркутска было купечество, составлявшее почти 3 % от общероссийского [Яковцевский, 1953]. В Иркутской губернии было сосредоточено до 40–45 % всех сибирских купцов. Основная их масса была сосредоточена в Иркутске. Уже в XVIII в. Иркутск по количеству купечества превосходил все другие сибирские города. В первой половине XIX в. здесь проживало более 60 % всех восточносибирских купцов.

Среди старых городов Западной Сибири по-прежнему лидировал Тобольск (10,5 тыс.), затем шли Томск (5,8 тыс.), Енисейск (5,0 тыс.), Тара (4,5 тыс.) и Тюмень (4,1 тыс.). Меньше всего жителей в этой группе городов было в Кузнецке – 996 чел. Вторую группу городов составили те поселения, которые были преобразованы из земледельческих слобод XVII в. (Ишим, Курган, Ялutorовск). В них издавна развивалось товарное хлебопашество, а многие жители, будучи еще формально крестьянами, занимались промыслами, ремеслами и торговлей. Проведение через эти поселения или рядом Московского тракта лишь ускорило их развитие. Примечательно, что эти города, хотя и уступали по численности старым городским центрам, развивались более динамично. Третья группа западносибирских городов состояла из бывших крепостей и острогов, построенных в начале XVIII в. для защиты южной границы Сибири. К таким городам относились Омск (2,8 тыс.), Бийск (2,4 тыс.), Семипалатинск (1,1 тыс.) и совсем небольшие поселения Колывань (410) и Каинск (303) [Ивонин, 2000]. Самым динамично развивающимся городом в этой группе был Омск. В Восточной Сибири самым крупным городом оставался Иркутск (6,9 тыс.), вторым по значению шел Верхнеудинск (3,1 тыс.), процветание которого зависело исключительно от русско-китайской торговли. Затем шли Селенгинск (1,6 тыс.), Якутск (1,5 тыс.) и Нерчинск (1,2 тыс.). Все остальные малые города, возникшие из деревень, ясачных зимовий и крепостей, имели меньше одной тысячи жителей, а такие уездные города, как Олекминск и Доронинск, всего 10 и 4 души мужского пола.

Созданная в конце XVIII в. административная система городского устройства Сибири претерпела к середине XIX в. определенные изменения. Основной ведущей тенденцией было увеличение численности городов, но этот процесс имел свои особенности. Ряд старинных городов по разным причинам потеряли черты и функции города и были переведены в разряд сельских поселений. Такая же участь постигла и ряд острогов и даже городов на короткое время по прихоти властей выросших из сельских поселений. В то же время для решения новых задач по управлению краем некоторые остроги и села, имевшие к тому же определенный экономический потенциал, такие как, например, Минусинск, Канск, Ачинск, Туруханск, в 1822 г. при образовании Енисейской губернии или Чита, ставшая областным центром в 1851 г., получили статус городского поселения. В результате число городов с 37 в 1782 г. увеличилось до 44 в 1825 г. и 46 в 1847 г. Однако размещались эти города на карте Сибири весьма неравномерно. В самой большой по территории Енисейской губернии было шесть городов; в обширной Иркутской губернии 12 городов и еще семь пограничных крепостей. Самой городской губернией (по соотношению территории и числу городов) была Тобольская – 12 городов, затем шла Томская – девять. Численность горожан при этом росла очень медленно. Если в 1782 г. их было 60,8 тыс. душ мужского населения, то в 1825 г. – 63,0 тыс., а в 1847 г. – 170,8 тыс. человек. Наименьшее соотношение числа горожан к числу всех жителей наблюдалось в Иркутской губернии (10,2 %). Немного больше было в Енисейской (12,6 %), Томской (14,2 %) и даже Тоболь-

ской (14,3 %). Возросла и численность гильдейского купечества и мещанства. В общей сложности в четырех сибирских губерниях и Якутской области численность купцов достигала 4871 и мещан 68 326 человек. Наибольшее число купцов было в самой обжитой губернии – Тобольской (1530 чел.), затем в Иркутской (1444), Томской (1214) и меньше всего в Енисейской (532) и Якутской (151 чел.) областях. Среди губернских столиц к середине века выделяется Иркутск, в котором проживало 17,5 тыс. человек, затем следовал Тобольск (14,2 тыс.), потом Томск (12,7 тыс.) и замыкал этот список Красноярск с 6,3 тыс. человек. Среди уездных городов, по разным причинам, выделялись как старые, так и новые городские центры – Енисейск (5,9 тыс.), Нерчинск (3,8), Омск (13,3), Тара (4,7), Барнаул (10,1 тыс.).

Более быстрыми темпами городское население начинает расти в середине XIX в. Так, с 1825 по 1858 г. численность городского населения выросла в 1,8 раза с 112,5 тыс. человек до 201,8 тыс. Причем, если численность горожан Западной Сибири возросла в 1,5 раза, то в Восточной Сибири почти в 3 раза. В это время в Сибири насчитывалось шесть городов с населением более 10 тыс. человек, в пяти проживало от 5 до 10 тыс., больше всего (20 городов) имели от 1 тыс. до 5 тыс. человек, и еще в шести городах насчитывалось менее 1 тыс. человек [История..., 1968].

К концу XVIII в. города Сибири вслед за российскими встали на путь перехода к плановому и рациональному освоению территории. На смену живописной, органично вписанной в природный ландшафт города застройки с середины XVIII в. внедряется регулярная, ориентированная на перспективное планирование. Изменения, произошедшие в архитектурном облике сибирского города, были напрямую связаны с социально-экономическим развитием как региона в целом, так и конкретного города в частности. Вместе с утратой военно-административных функций города теряли вид военных крепостей и все больше обзаводились торгово-ремесленной инфраструктурой. “Образцовые” проекты становятся стержнем массовой городской застройки, обеспечивая ей высокое качество и уникальное стилевое единство. Отмеченные изменения в городской планировочной среде и архитектурном облике в первую очередь затрагивали наиболее крупные города региона. Иркутск, Тобольск, Томск, Красноярск во второй половине XVIII в. все больше приобретают приметы новой городской архитектурно-пространственной среды, в которой заметное место уделяется планировочным решениям и благоустройству. Градообразующими факторами становятся гостиные дворы, рыночные площади, пристани и торговые тракты. Горожанин перестал чувствовать себя в городе, как в осажденной крепости. В городе уже четко выделяются торговый и административный центры, ремесленные кварталы и предместья. Принципиальное значение имела начавшаяся каменная застройка городов. Первым началась каменная застройка административных и казенных зданий, затем церквей, но к концу века уже появляется, хотя и в ограниченном количестве, частная каменная застройка. Каменное строительство оказало заметное влияние на изменение привычного представления о городе. Если деревянный город

воспринимался только в одноэтажной плоскости, за исключением церквей, то сейчас появились уже двух- и трехэтажные вертикаль и горизонталь. При этом у горожанина возникло ощущение праздничности, ибо все эти здания строились в стиле барокко – весьма нарядном и праздничном.

Необходимо отметить, что радикальные перемены во внешнем облике и общественной жизни сибирского города приходятся на последнюю четверть XVIII в. Если даже многие из купцов середины века не все могли подписаться за себя, то их дети и внуки, получившие образование, обладали более широким кругозором. Они уже по-иному расценивали свое значение в экономической и общественной жизни страны. Среди них появляются новые морально-этические нормы и ценности. Несмотря на устойчивое существование чисто русских обычаев, все больше появляется горожан, одетых в “немецкую”, европейскую одежду.

Во многом меняется и общественная городская жизнь. Со второй половины XVIII в. наблюдается развитие городских и профессиональных школ. В практику постепенно входят губернские балы, маскарады, приемы. Неудивительно, что посетивший Иркутск в августе 1787 г. американский путешественник Дж. Ледьярд оказался “в кругу столь же веселом, богатом, вежливом и ученом, как и в Петербурге” (25). В Тобольске открывается частная типография и начинает выходить первый печатный литературный журнал. В Тобольске, Омске, Барнауле и Иркутске силами любителей из числа чиновников и дворян, богатых купцов и мещан и членов их семей ставятся первые любительские постановки драматических произведений. В Иркутске возникают первые в провинциальной России публичная библиотека и музей. Приоритетными в городском обществе становятся просвещение, собирание предметов культуры и старины, любовь к книге, благотворительная деятельность. Один из первых иркутских краеведов Н.С. Щукин имел все основания гордиться высоким уровнем культуры своего родного города. “Представь себе, – писал он, – здешние купцы имеют богатые библиотеки, выписывают все журналы, все вновь выходящие книги. Дочери их и жены занимаются чтением, играют на фортепиано. В Сибири, любезный друг, в Сибири, о которой все имеют такое низкое мнение, – в этой дикой и холодной стране, удивляются стихам Пушкина и читают Гомера” [Щукин, 1828].

Отмеченные изменения в большей степени были характерны для наиболее крупных городов региона, в то время как облик средних и, особенно, малых городов по-прежнему сохранял черты сельского поселения и быта. Внешний вид малых городов Сибири менялся крайне медленно. Все они были небольшими деревянными поселениями с населением в несколько сотен жителей. Жилая застройка в них мало чем отличалась от деревенских усадеб. Приметами города могли служить лишь церкви, кое-где каменные, да несколько торговых лавок и казенных строений. Даже то, что некоторые из этих поселений на какое-то время становились уездными центрами, почти не сказывалось на их развитии. Так, Нижнеудинск, получивший в 1783 г. статус города благодаря тому, что таковым перестал быть Балаганск, вплоть до середины XIX в. оставался одним из самых не-

больших городов края. Он был настолько мал, что даже присутственные места находились в основном в расположенной на другом берегу Подгородной слободе.

Наряду с поселениями, получившими официальный статус города, на территории Сибири насчитывалось немало острогов, которые по своим функциям и составу населения более соответствовали городским, нежели сельским поселениям. По существу, они представляли собой переходное состояние между собственно сельским и городским населенным пунктом и играли заметную роль в формировании урбанистической среды региона. Возникнув как сугубо военные крепости, они при определенных возможностях могли перерасти в малые городские поселения. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, мещане, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1775 г. посадское население острогов Иркутской губернии насчитывало более 2 тыс. человек, что составляло 32,6 % всего торгово-промышленного населения края [ПСЗРИ, 1830]. Ильинский острог в Забайкалье по численности населения уступал только Иркутску. Всего же на территории губернии числилось 22 сельских населенных пункта с посадским населением, в том числе 14 острогов. Некоторые из них (Киренск, Верхоленск, Балаганск, Баргузин, Чита, Сретенск, Доронинск) были преобразованы в города, пусть даже и на короткое время, но основная их масса постепенно все более превращалась в сельские поселения.

Наиболее заметную роль играли остроги, находившиеся на пересечении водных путей и вдоль дорожных магистралей. Так, от Братского острога расходились пути в Забайкалье и на Енисей, через Ленский волок – в Якутию. На Лене в качестве транспортных и хозяйственных центров выделялись Усть-Кутский и Чечуйский остроги. В Забайкалье такую же роль играли Кабанский, Ильинский и Итанцинский остроги. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. По данным верхнеудинского городского управления, в 1792 г. в этих острогах числилось 356 купцов, мещан и цеховых, что составляло почти 29 % всего торгово-промышленного населения Верхнеудинского уезда (Государственный архив Республики Бурятия). Однако строительство Кяхты, развитие Нерчинских горных заводов и связанных с ними поселений, изменение путей сообщения привели к тому, что эти “городские” функции забайкальских острогов не смогли развиваться, и они в демографическом и хозяйственном отношении сформировались как сугубо сельские населенные пункты, сохранив, однако, за собой функции административно-хозяйственных центров деревенской округи. Следует отметить также, что развитие рыночных отношений оказывало заметное влияние и на инфраструктуру сельских поселений региона. Речь идет, конечно, о крупных селах, ставших узловыми транспортными или торговыми центрами. Например, ряд больших и богатых сел, расположенных вдоль Московского тракта, “особенно поражал своим городским характером” [Ровинский, 1875, с.78].

Анализ городских поселений будет не полон, если обойти молчанием поселки, возникшие вокруг казенных заводов и предприятий кабинетского ведомства. Как полагают некоторые исследователи, “горнозаводские поселки отчасти сами выполняли роль городов” [Рындзюнский, 1958]. Конечно, поселения при горно-добывающих заводах не могли быть идентичны городу, так как не имели соответствующего юридического статуса. Кроме того, значительная часть их населения состояла из людей подневольного состояния – ссыльных мастеровых и каторжан. В то же время в таких поселениях концентрировалось большое количество людей, занятых в обслуживании производства и фактически оторванных от сельскохозяйственных операций. Если к ним добавить представителей администрации, охрану и инженерно-технический персонал, то социальный состав поселения окажется несравненно более сложным и многофункциональным, нежели в любом самом многочисленном селе. Нередко заводские поселки отличались более организованной застройкой, планировкой усадебного пространства и благоустройством. Так, одним из наиболее обустроенных поселений был поселок при Тельминской казенной мануфактуре. “По устройству своему и населенности, – писал о Тельме В. Паршин, – она походила уже на небольшой уездный город. В ней улицы прямые и широкие, много домов выстроено по городскому фасаду, некоторые из них с торговыми лавками” [Паршин, 1857]. Так же как и города, поселки при горных заводах притягивали к себе окрестное крестьянство, предоставляя возможности для заработка и для сбыта сельскохозяйственной продукции. В середине XIX в. Ю.А. Гагемейстер отмечал, что базары большого Нерчинского и Шилкинского заводов превосходили ассортиментом и оборотом уездный город Нерчинск. Всего же в этих заводских поселках насчитывалось около 4,5 тыс. жителей [Гагемейстер, 1854].

Следует отметить, что горообразование процессы в таких специфических территориях, как горные округа, находившиеся в ведении кабинетского управления, во многом зависели от позиции и задач Горного ведомства, что серьезно ограничивало развитие общественного самоуправления. Не только хозяйственная, но и вообще вся административно-общественная жизнь подобных поселений была жестко регламентирована. В результате из заводских поселений в города были преобразованы лишь единицы. Официально понятие “горного города” и его особый статус были введены в России Горным положением 1806 г. Таковым городом считался Екатеринбург и еще ряд заводских поселений на Урале. В Сибири после ряда административных преобразований конца XVIII–начала XIX вв. городской статус получили Бийск (1782, 1804), Колывань (1822), Барнаул (1822). Их пример был скорее исключением из правил. Так, жители большого Нерчинского завода в 1873 г. обращались с ходатайством о преобразовании заводского поселения в город. После длительной переписки с министерством императорского двора рассмотрение вопроса в итоге было передано местному Горному совету, который посчитал, что отвод земельных участков под усадебные и выгонные земли будущего города нанесет ущерб интересам Кабинета [ГАИО, ф. 29].

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на территории Сибири шли урбанизационные процессы, приведшие к созданию разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков. Определяющими для их развития факторами стали специализация на промысловых и обменных операциях, а также формирование торгово-промышленного населения. «Для страны колонизируемой, – справедливо замечал Д.Я. Резун, – какой являлась Сибирь в XVII–XIX вв., главным двигателем городского развития все же выступала торговля, которая успешно справлялась со своей градообразующей и регулирующей функцией не только тогда, когда уровень развития городского производства был еще недостаточным, но и тогда, когда города Сибири вышли на “мануфактурно-промышленную” стадию развития» [Резун, 1998].

Изучение изменений в формировании городских поселений Сибири позволяет выделить два хронологических этапа. Первый связан с появлением первых городских поселений и становлением системы городского хозяйства и населения с конца XVI в. до 1780-х гг. Наиболее важные изменения, ставшие следствием реформ второй половины XVIII в. (“Жалованная грамота городам” 1785 г.), происходят в городском обществе и самом городе в конце XVIII–первой половине XIX в. К середине XIX в. в городском обществе наиболее экономически развитых городов Сибири (Иркутск, Омск, Тобольск, Томск, Барнаул, Иркутск, Красноярск, Кяхта) произошли заметные изменения, свидетельствующие о начале формировании городского пространства нового типа. В то же время в Сибири было достаточно много уездных городов и малых городов, особенно в северных и восточных районах, которые насчитывали менее 1 тыс. человек и отличались низкими темпами развития. Практически все сибирские города в той или иной степени сохраняли сельский вид, характерный для “аграрных городов” провинциальной России. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых городских поселений региона отличался от крестьянских сел, прежде всего, некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, розничной торговли и производственно-потребительских интересов городского населения.

2.4. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ

Поэтапное рассмотрение географических исследований Сибири проведено на основе известных историко-географических серий [История Сибири ..., 1968; Магидович, Магидович, 1985], а также более ранней нашей работы [Антипов и др., 2007]. При этом исследования северных территорий выделены в отдельный раздел 2.5.

Первые шаги

Географические исследования Сибири связаны с освоением этого региона субпланетарной размерности русскими людьми. До их появления в XI–XII вв. в Сибири население немногим превышало 300 тыс. чел. Про-

никновение русских за Урал началось еще походами жителей древнего русского города Новгорода. Переваливая через Полярный и Северный Урал в бассейн Северной Сосьвы (система Оби), новгородские дружины встречались там с таежными охотниками и рыболовами югра (манси), затем с их северными соседями самоеды. Уже в середине XIII в. Югра значилась среди новгородских волостей. В XII–XIII вв. русские промышленники-поморы в поисках пушнины и новых лежбищ моржей заходили в устья Оби и Таза, начали торг с местными жителями – хантами и ненцами. С этого начиналась знаменитая Мангазея.

Однако основное освоение и одновременно изучение Западной Сибири началось во второй половине XVI в. – после походов Ермака, после присоединения этой территории к России. Особую роль здесь сыграло создание острогов, впоследствии – сибирских городов: Тюмени (1586), Тобольска (1587), Березово (1593), Салехарда (1593) и др.; этот процесс описан в разд. 2.5 книги. Участники военных походов и идущие за ними промышленники составляли географические описания пройденных мест, в том числе картографические. В итоге была пройдена вся Западно-Сибирская равнина, выяснены ее примерные размеры (площадь около 2,6 млн км²). Продвижение русских продолжалось по направлению к горам юга Западной Сибири.

В бассейне верхней Томи, по рекам Кондома и Мрас-Су, жили оседлые шорцы, по происхождению и культуре близкие северным алтайцам. Русские стали называть их кузнецами, так как их область славилась богатыми месторождениями железных руд, из которых они выплавляли железо и вырабатывали различные изделия, включая доспехи, котлы и холодное оружие – стрелы, ножи и т. д. Проникнув в их земли, русские открыли Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау и вышли к западным склонам Абаканского хребта.

Освоение бассейна верхней Оби началось после основания Кузнецка: в 1624–1625 гг. служилые люди из этого острога перевалили Салаирский кряж из долины р. Кондома на запад и проникли в долину р. Чумыш. Первые достоверные географические сведения о северо-восточной части Алтая собрал сын боярский *Петр Собанский*. Из Томска во главе отряда казаков он вышел на Бию и проследил ее до истока, т. е. открыл Телецкое озеро. После его похода русским стало известно все течение Оби.

В начале XVII в. начинается освоение Восточной Сибири. Как и для Западной, оно началось с севера. Уже в 1607 г. промышленники основали в месте впадения в Енисей его левого притока Турухан Новую Мангазею. Через водораздел они проникли и на средний Енисей, где впервые встретились с самым распространенным североазиатским народом – тунгусами (эвенками), в честь которых и были названы три крупнейших правых притока Енисея. В 1618 г. казаки заложили острог Енисейск, ставший одним из основных опорных русских пунктов в Сибири, а через 10 лет – и острог Красный, ставший Красноярском.

На верхний Енисей русские проникли в 1609 г. Для этой цели они использовали Кемчужский волок (между р. Кемчуг, бассейн Чулыма, и Енисеем), опираясь на Томск в качестве основной базы. Казаки вышли на

Енисей, поднялись по его долине на 300 км и открыли р. Туба. Таким образом, томские служилые люди положили начало освоению и изучению степей Минусинской котловины, межгорной впадины с увалисто-равнинным рельефом. В итоге уже в первой четверти XVII в. русские завладели всеми важнейшими речными путями и волоками, ведущими от Оби на Енисей, и ознакомились с течением Енисея на протяжении более 2500 км.

Землепроходец *Пянда* за 3,5 года прошел новыми речными путями около 8 тыс. км. Он обследовал Нижнюю Тунгуску приблизительно на 2300 км и доказал, что верховья ее и Лены сближаются, и через открытый им Чечуйский волок русские вскоре начали проникать на Лену. В течение одного лета Пянда прошел вниз и вверх по Лене около 4000 км, причем проследил ее течение на 2400 км. Он первый указал русским на удобный путь от верхней Лены к Ангаре, и этим путем – в обратном направлении – вышел в 1628 г. от Енисея на верхнюю Лену землепроходец *Василий Бугор*. Наконец, Пянда был первым русским, проследившим течение Ангары почти на 1400 км от истока и доказавшим, что она и Верхняя Тунгуска – одна и та же река.

В конце первого–начале второго десятилетия XVII в. из Туруханска как основной базы русские начали продвижение на север. Они открыли р. Курейка, еще один крупный правый приток Енисея, севернее обнаружили другой – р. Хантайка – и поставили на ней зимовье. Опираясь на него, промышленные и служилые люди открыли Хантайское озеро и три более северных – Лама, Кета и Пясино, исток одноименной реки. В горах этого района они начали добывать руду и выплавлять медь и серебро. Проникновение в “землю Пясиду”, т. е. Северо-Сибирскую низменность, осуществлялось медленно из-за сурового климата страны. И все же в поисках новых “землиц” мангазейцы прошли по этой земле на восток близ северного подножия Среднесибирского плоскогорья, обнаружили р. Хета и по долине Котуя поднялись на Среднесибирское плоскогорье с севера, проследив эту составляющую Хатанги на 500 км. С одного из восточных притоков Пясины, возможно с р. Дудыпта, через короткий волок промышленники перешли на реки системы Таймыры – сначала на Верхнюю Таймыру, а затем, открыв озеро Таймыр, – и на Нижнюю Таймыру. За первую половину XVII в. казачьи отряды морским путем открыли устья остальных восточно-сибирских рек – от Пясины до Колымы.

Первый известный поход русских северным путем с Енисея па Лену относится к 1630 г., когда *Мартын Васильев* с 30 служилыми людьми от “Новой Мангазеи” поднялся по Нижней Тунгуске до того места, где она сближается с Чоной, спустился вниз по Чоне до Вилюя, а по нему – до Лены. Путь русских проходил через районы, заселенные эвенками, и только в низовьях Вилюя они встретили первых оседлых якутов и кочевников-долган (народность, говорящая на одном из диалектов якутского языка). Затем Васильев поднялся по Лене до ее среднего течения. Он обнаружил, что Лена в этой части населена гуще, чем известные уже русским районы по Енисею.

Уже с 1619 г. небольшие отряды казаков отправлялись из Енисейска в низовья Ангары для сбора пушнины среди местных эвенков; вскоре они

начали подниматься далеко вверх по Ангаре. Во время похода 1628–1630 гг. *Василий Бугор* открыл самый южный путь, ведущий из бассейна Енисея на Лену. Бугор шел с десятью людьми вверх по правому притоку Ангары – Илим – и его притоку Игирме – до того пункта, где она сближается с Кутой, перешел через невысокий водораздел на Куту, а по ней спустился до верхней Лены.

Летом 1629 г. атаман *Иван Галкин* с отрядом в 33 человека отправился на Илим. Он исследовал судоходные речки у Ленского волока – водораздела между Илимом и Кутой – и поставил зимовье у того пункта на Илеме, выше устья Игирмы, до которого могли доходить речные суда. Этот пункт стали называть Ленским волоком, затем он был переименован в Илимск. Затем Галкин пошел вверх по Алдану за устье р. Амга примерно на 400 км, потратив на подъем один месяц. Присоединив к России новые “землицы” на Алдане, он вернулся на верхнюю Лену и составил первую характеристику реки между устьями Куты и Вилюя на протяжении более 2000 км. Он перечислил шесть правых крупных притоков (Киренга, Чая, Чичуй (Чуя), Витим, Олёкма, Алдан) и три левых (Ичера, Пеледуй, Вилюй). Он хорошо понимал экономическое значение Якутии для Русского государства.

Осенью 1630 г. на Лену через Усть-Кутское зимовье пришел енисейский сотник *Петр Бекетов*. С 20 казаками он поднялся по Лене до устья “реки Оны” (Анай, у 107° в.д.) и открыл более 500 км ее верхнего течения, немного не дойдя до истоков. Весной 1631 г. Бекетов с 30 людьми начал сплав по Лене, а вверх по р. Киренга направил А. Дубину с семьей казаками. Повторив путь Пянды, Бекетов вышел на среднюю Лену и обследовал южную часть гигантской излучины реки. У вершины дуги (близ 130° в.д.) осенью 1632 г. в очень неудобной местности Бекетов поставил Якутский острог, в полую воду постоянно страдавший от наводнений, и через 10 лет его пришлось перенести на 15 км ниже, туда, где теперь стоит г. Якутск. Но зато этот район, наиболее выдвинутый к востоку, выбран был Бекетовым исключительно удачно, и Якутский острог немедленно стал отправной базой для русских поисковых экспедиций не только не север, к Студеному морю, но и на восток, а позднее и на юг – к р. Шилкар (Амуру) и к Теплому морю (Тихому океану).

В конце июня 1632 г. Бекетов направил в поход девять казаков под командой *Ивана Падерина*. И. Падерин стал первым русским, прошедшим почти всю (4400 км) великую восточносибирскую реку. У устья Олёкмы в 1635 г. Бекетов поставил острог и из него ходил “для ясачного сбора” по Олёкме и ее главному притоку Чаре, а также по Большому Патому и Витиму и первый побывал у северных и западных окраин Патомского нагорья.

Весной 1637 г., отряд конных казаков в 30 человек под командой *Посника Иванова Губаря* сухим путем из Якутска за четыре недели прошел к верховьям Яны, перевалив “Камень” – Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от Яны.. Летом 1637 г. Посник продолжил конный поход. Продвигаясь на восток по р. Туоетах (правый приток Яны) не позже ноября 1637 г. он дошел до “Индибирской реки рыбной”. В Якутске

он рассказал о новой, богатой соболями Юкагирской земле, а также принес первые сведения о р. Колыма и р. Погыча, расположенной к востоку (р. Анадырь).

Итак, приблизительно через 20 лет после похода Пянды названные землепроходцы, а также другие (Ерастов, Буза, Стадухин и др.) открыли большую часть бассейна Лены, проследили почти все ее течение от верховьев до устья, открыли реки Яна, Индигирка и продвинулись на восток до Колымы. С открытием водного пути по Алдану передовые отряды землепроходцев уже приближались к водораздельным хребтам, отделяющим бассейн Лены от рек Тихоокеанского бассейна.

В Забайкалье русские проникли впервые с севера, с р. Лена. В 1638 г. для “проведывания новых земель” по р. Витим был направлен *М. Перфильев* с партией служилых и промышленных людей (36 человек). Он поднялся по реке на лодках бечевою, перезимовал в пути, а на другое лето добрался до устья р. Ципа, берущей начало из озера Баунт, проследив около 1000 км течения Витима, т. е. впервые пересек Становое нагорье и достиг Витимского плоскогорья. От местных эвенков он собрал первые сведения о даурах, живущих на р. Шилкар (Шилке), где добываются медная и серебряная руды. По возвращении *М. Перфильев* составил карту Витима, которой пользовались до середины XIX в.

В начале 40-х гг. XVII в. русские, зимовавшие на верхней Лене, в устье р. Илга, собрали от местных бурят первые сведения об озере Байкал (Лама), вода в котором “стоячая и пресная, а рыба... всякая и зверь морской”, об истоках Лены “из ключей” близ Байкала и о богатстве прибайкальских районов серебряной рудой. Летом 1643 г. один из зимовщиков – казачий пятидесятник *Курбат Иванов* – первый проведаль путь от верхней Лены на Байкал. От устья Куленги в июле он достиг западного берега озера и у 53° с.ш. за Малым морем (залив Байкала) открыл о. Ольхон. На построенных судах *К. Иванов* направил партию Семена Скорохода (36 человек) вдоль северного берега озера. Тот достиг северной оконечности Байкала и обнаружил устье Верхней Ангары, где поставил зимовье. В конце 1643 г. с половиной отряда он прошел по льду почти до р. Баргузин. Итогом его похода стало открытие более 600 км побережья Байкала и Баргузинского хребта. *Иванов* к середине сентября составил “чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам”. До весны 1645 г. он собрал еще ряд сведений о Прибайкалье и составил новую карту верхней Лены и Байкала. На Байкале и в Забайкалье русские окончательно укрепились несколько позднее, с основанием Иркутска.

Сначала (в 1652 г.) на островке Дьячий, близ устья Иркуты (левый приток Ангары), *Яков Похабов* построил зимовье. Затем (в 1661 г.) на правом берегу Ангары, против устья Иркуты, был поставлен острог, вскоре преобразованный в г. Иркутск. В XVIII в. он стал центром русского господства в Восточной Сибири.

Движение русских на восток продолжалось. В 1639 г. члены отряда под предводительством *Ивана Москвитина* достигли Охотского моря, а в последующие 15 лет открыли и описали большую часть его побережья. Примерно в те же годы Якутск стал начальным пунктом для открытий

новых земель на юге Дальнего Востока, в бассейне Амура. Отряды *В. Пояркова, Е. Хабарова, П. Бекетова, О. Степанова* и др. достигли сначала составляющих Амура – Аргуни и Шилки, а затем и самого Амура в среднем и нижнем течении, прошли и описали его основные притоки – Зею, Уссури и др., поставили несколько крепостей-острогов, впервые встретились с коренными дальневосточными народами – нанайцами, нивхами и т. п.

Таким образом, к концу XVII в., фактически за сто лет, русскими землепроходцами – военными и промышленниками – в сложнейших природных условиях были пройдены, описаны и частично присоединены к России огромные североазиатские пространства вплоть до Тихого океана общей площадью более 10 млн км². Это можно назвать русской частью эпохи великих географических открытий.

Начало научных исследований

По инициативе Петра I в начале XVII в. в России впервые стал применяться научно-экспедиционный метод исследований. Начались многолетние работы московских землемеров, которые приступили к составлению “чертежей” русских, в том числе восточных, земель.

Пионером съёмочных работ в Сибири стал геодезист *Петр Чичагов*, Итогом работы П. Чичагова явилась карта р. Иртыш на протяжении более 2000 км – первая карта Западной Сибири, основанная на астрономических определениях. В 1727 г. он составил карту бассейна Оби, основанную на астрономических определениях 1302 пунктов. В 1725–1730 гг. он продолжил съёмочные работы в бассейне верхней Оби, положив ее на карту на протяжении 1000 км. Таким образом, общая длина заснятого им течения Оби составила 3000 км. В те же годы П. Чичагов выполнил съёмку бассейна Енисея: он заснял 2500 км течения главной реки. Описью левых притоков Енисея, включая реки Сым, Елогуй и Турухан, он завершил картографирование территории более 2 млн км², составляющей часть Западно-Сибирской равнины, причем четко установил, что ее восточной границей служит Енисей, правобережье которого гористо. П. Чичагов выполнил первые съёмки Минусинской котловины, Восточного Саяна и Средне-Сибирского плоскогорья, нанеся на карту нижнее течение Абакана, левого притока Енисея, ряд его правых притоков, в том числе Ою, Тубу, Ману и Кан, а также Ангара (заснятую на 500 км выше устья) с Тасеевой и ее составляющими Чуной и Бирюсой. П. Чичагов верно показал Камень Норильский (плато Путорана), с которого берут начало реки Пясины и Хатанга, а также ряд притоков Енисея; все они нанесены по расспросам. Карту бассейна Енисея, опирающуюся на 648 астрономических пунктов, П. Чичагов закончил в начале августа 1730 г. Она использовалась при составлении ряда генеральных карт России вплоть до 1745 г.

Для составления карт горной страны бассейна верхнего Енисея, расположенной в самом центре Азии, были направлены геодезисты *А. Кушелев* и *М. Зиновьев*, включенные в состав посольства в Китай русского дипломата Саввы Лукича Рагузинского-Владиславича. В 1727 г. геодезисты завершили съёмочные работы: они положили на карту верхнее течение

Енисея, образованного слияния Бий-Хема (правая составляющая) и Ка-Хема (левая составляющая, названная ими “Шишкит”), впервые верно решив вопрос о его истоках. В результате работ А. Кушелева, М. Зиновьева и П. Чичагова на карту впервые был положен весь Енисей (около 4,1 тыс. км), от истоков до устья.

С. Рагузинский-Владиславич, готовивший договор с Китаем по русско-китайскому разграничению, направил также в Забайкалье четырех геодезистов – *П. Скобельцына, В. Шетилова, И. Свистунова и Д. Баскакова*. К 1727 г. они положили на карту среднюю и верхнюю Аргунь с притоками Газимур и Урюм-кан, все течение Шилки и ее составляющих Онона и Ингоды. Из притоков Ингоды обследованы реки Чита и Нерча. Было заснято также бессточное озеро Тарей (Зун-Торей) с впадающей в него р. Улдза.

В итоге была составлена огромная серия топографических материалов, а также позже и единая карта под названием “Большой чертеж”, результирующая работы тысяч землепроходцев и десятков землемеров.

Первой сибирской комплексной экспедицией следует считать путешествие *Д.-Г. Мессершмидта* (1720–1727 гг.). Даниил Готлиб Мессершмидт, доктор медицины, уроженец города Данцига (Гданьска), в 1716 г. был приглашен в Россию Петром I для изучения “всех трех царств естества” Сибири. В 1720 г. он выехал в первую правительственную научную экспедицию “для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян”. Чередую сухопутные и речные маршруты, он прошел и проехал весь юг Западной и Восточной Сибири до Забайкалья, проследил долины Оби, Томи, Чулыма, верхнего и среднего Енисея, верхней Лены. Во время плавания по Ангаре Д. Мессершмидт заснял всю реку, описал все ее пороги. Маршрут по Нижней Тунгуске прошел по центральной части Среднесибирского плоскогорья, и, следовательно, Мессершмидт стал его первым научным исследователем. Минусинскую котловину Мессершмидт описал как чистую степь, к югу и юго-западу холмистую, участками гористую, с большим количеством мелких озер, курганов и могильников; он обнаружил там письменность хакасов VII–XVIII вв. и первый выполнил археологические раскопки ряда курганов края. Он первый обнаружил такое явление, как вечная мерзлота, совершив тем самым крупное географическое открытие. В результате Мессершмидт собрал крупные минералогические, ботанико-зоологические, этнографические и археологические коллекции, уточнил гидрографию многих рек. Итогом стало 10-томное “Обозрение Сибири, или три таблицы простых царств природы” на латинском языке.

Герард Фридрих Миллер выполнил в Сибири огромную работу по сбору материалов. Он был фактическим руководителем сухопутного (Академического) отряда. Г. Миллер и его геодезисты составили много карт страны, значительно более совершенных, чем имевшиеся в их распоряжении изображения этой огромной территории; они описали ряд крупных регионов, в том числе Якутию, и некоторые реки. Вскоре после возвращения в Петербург, в марте 1744 г., Г. Миллер закончил две монографии, оставшиеся в рукописи, – “Общая география Сибири” и “Особенная или специальная география Сибири”.

В 1733 г. начались десятилетние путешествия *Иоганна Георга Гмелина*. Свои Результаты он опубликовал на немецком языке в четырехтомной работе “Путешествия по Сибири с 1733 по 1743 г.” (Геттинген, 1751–1752). Обобщив сведения, полученные от многих промышленных и торговых людей, краеведов и сопоставив эти данные с личными наблюдениями, он создал первую орографическую схему Южной Сибири. Им было открыто огромное количество новых растений, многие из которых сейчас носят его имя; была подготовлена пятитомная “Флора Сибири”. Фактически именно И. Гмелин доставил первые научные сведения об Алтае, Кузнецком Алатау, Салаире, Западном Саяне, Становом и Яблоновом хребтах, Кузнецкой и Минусинской котловинах, был вторым – после Мессершмидта – научным исследователем Среднесибирского плоскогорья, Прибайкалья и Забайкалья. Гмелин продолжил его работы по изучению вечной мерзлоты и создал в Сибири первые метеорологические станции. Им впервые выделены Западная и Восточная Сибирь, причем Западную Сибирь он считал частью Европы.

На 1730–1750-е гг. приходится деятельность выдающегося отечественного историка и географа *Василия Татищева*. Он не только заложил многие основы теории географической науки (дал ее определение, классификацию, обосновал выделение экономической географии, определил связи истории и географии и т. п.), но и первым обосновал организацию транспортной сети Сибири, аргументировал, что именно Уральский хребет является природной границей между Европой и Азией.

В 1758 г. *М.В. Ломоносов* возглавил созданный еще в 1739 г. в Академии наук Географический департамент. Его деятельность развивалась для восточных территорий в нескольких основных направлениях. Прежде всего, это обоснование идеи Северного морского пути и организация для изучения Арктики нескольких экспедиций. Во-вторых, это постановка на постоянную основу производства карт, в том числе первых карт по экономической географии Азиатской России. Суждения, принадлежащие Михаилу Ломоносову, о причинах континентальности климата в Сибири верно объясняли более сильные морозы в Иркутске или Нерчинске, чем в Тобольске, различной удаленностью от морей. Наконец, это начало издания в Академии наук журнала, в котором географическая тематика занимала центральное место; в частности, именно здесь были опубликованы известные работы Г. Миллера.

В последней трети XVIII в. важное значение имели академические сибирские экспедиции Палласа и Георги. Путешествие *П.С. Палласа* длилось с 1768 по 1773 г. и достигло южной Сибири и Забайкалья, дало много ценных комплексных описаний, которые были вскоре изданы в трех томах, не потеряв своей ценности до настоящего времени. Наиболее богатые ботанические и зоологические сборы пришлось на Южное Забайкалье и Прибайкалье. Паллас дал общую характеристику Забайкальской горной страны, отметил суровость ее климата. Ботанические сборы на территории Сибири позволили Палласу отвергнуть мнение И. Гмелина, проводившего границу между Европой и Азией по Енисею; она, по его мнению, должна проходить по Уралу.

Доктор медицины *И.И. Георги* в 1771 г. исследовал Алтай, а в следующем году его откомандировали в экспедицию Палласа. Летом 1772 г. он описал более 900 км побережья Байкала: от устья р. Бугульдейка до Верхней Ангары и оттуда – уже по восточному берегу озера – до устья р. Селенга; он плывал по Байкалу, описал о. Ольхон и составил карту озера. Вернувшись к устью р. Баргузин, Георги прошел вверх по его долине, а оттуда к верховьям р. Ина, левого притока Баргузина, перевалил Икатский хребет и вышел в бассейн Витима; он был первым ученым, посетившим Витимское плоскогорье. Маршрутом он прошел от устья Селенги через Читу в Нерчинский край и обследовал забайкальские рудники.

Наиболее крупным исследователем Алтая XVIII в. был врач и натуралист *П.И. Шангин*. В 1786 г. его назначили руководителем поисково-разведочной экспедиции с задачей отыскать новые месторождения руд и поделочных камней и описать весь Алтай в пределах России. В мае–начале июня того же года он положил на карту долину р. Чарыш, в последующем изучал речную и водораздельную сеть в бассейне Катунь. За пять месяцев работы в горах Алтая П. Шангин открыл около 150 месторождений полезных ископаемых и составил карту, убрав ряд “белых пятен”. В 1816 г. Генеральный штаб издал карту Алтая, на которой гидрографическая сеть нанесена по данным П. Шангина.

Первые достоверные данные о суровом горном крае, включающем две горные системы (Западный Саян и Восточный Саян), собрал в 1772–1781 гг. пограничный комиссар и геодезист сержант *Егор Пестерев*. По поручению тобольского губернатора в течение десяти летних сезонов ежегодно он совершал поездки по долинам многочисленных горных рек, прорезающих себе дорогу в каменных ущельях, причем всегда достигал их истоков. Во время скитаний с помощью компаса и мерительной веревки он составлял карту обследуемой местности. Он обследовал почти весь Восточный Саян, длиной более 1000 км. Поднявшись к истокам р. Кизир, впадающей в Казыр, правую составляющую Тубы, он обнаружил одну из высочайших вершин Южной Сибири – пик Грандиозный (2922 м). Летом 1779 г. Е. Пестерев завершил в основном открытие всего Западного Саяна, длиной около 600 км. Итогом его десятилетних странствий по неизведанным горам Южной Сибири явилась первая географическая карта Саян. Ему же принадлежит первая этнографическая характеристика жителей этой горной страны – бурят, тофаларов и тувинцев.

Исследования гор Южной Сибири успешно продолжались в первой половине XIX в. Весной и летом 1826 г. ботаническое изучение Алтая проводила научная экспедиция, возглавляемая ботаником *Карлом Фридрихом Ледебуром*, профессором Дерптского (Тартуского) университета. В качестве помощника он пригласил врача *А.А. Бунге*, обследовавшего значительную часть Горного Алтая. Результаты изложены Ледебуром в работе “Описание Алтайских гор и Зоонгорско-Киргизских степей”, опубликованной на немецком языке в 1829–1830 гг. и ставшей первым фундаментальным трудом по естественно-исторической характеристике региона. Значительными оказались и ботанические сборы: около 500 новых видов из 1600 описанных в четырехтомной монографии “Флора Алтая”, вышедшей в

свет тремя годами позже. А. Бунге вновь путешествовал по Горному Алтаю летом 1832 г.: проследил все течение р. Чуя до истоков и описал высокогорную Чуйскую степь, побывал также в верховьях Чулышмана и его левого притока Башкауса и дал краткую характеристику Чулышманского нагорья. В эти же годы Алтай исследовал врач *Ф.В. Геблер*, открывший в верховьях Катунь первые алтайские ледники и установивший, что вершина Белуха представляет собой высшую точку Алтая (4506 м). По маршрутам 1833–1835 гг. Геблер составил первую карту Горного Алтая. Важное значение также имеют результаты путешествия по Алтаю и Западному Саяну в 1842 г. географа и геолога *П.А. Чихачева* по Чуйской степи и в районе истоков Чуи, Чулышмана и Абакана.

Важным этапом исследования Сибири следует считать экспедиции *А.Ф. Миддендорфа* в 1843–1845 гг. Миддендорф был первым ученым-исследователем Таймырского п-ова. Он установил рельеф обширной области между нижним Енисеем и Хатангой, открыл и описал отдельные возвышенности на западе Северо-Сибирской низменности и центральную часть гор Бырранга – систему невысоких (400–600 м) хребтов широтного простирания в центре Таймырского п-ова. Миддендорф первый охарактеризовал геологию этой области. Это позволило ему изменить представление географов того времени, будто Сибирь является низменной болотистой равниной. Он предложил ограничить это представление речной областью Оби, а в остальном пространстве – только частью самой последней окраины Ледового моря Восточной Сибири. После экспедиции в Забайкалье Миддендорф предложил выделить Яблоновой хребет, доставил первые гидрографические сведения о южных склонах Станового хребта и был первым его исследователем. Он первый определил южную границу распространения вечной мерзлоты в Восточной Сибири. В опубликованном в 1860–1877 гг. труде “Путешествие на север и восток Сибири” (две части) Миддендорф впервые разработал классификацию тундр, привел доказательства зонального распределения растительности этой территории и разработал общую характеристику ее климата. Новыми для науки были также данные о таймырских эвенках, нганасанах, долганах и северных якутах.

Исследования Русского географического общества

Во второй половине XIX в. главной задачей стала систематизация и обобщение полученных материалов, а также использование возможностей новых картографических и инструментальных методов. Эта деятельность почти полностью сосредоточилась в созданном в 1845 г. Русском географическом обществе (РГО) и его региональных отделах: Сибирском в г. Иркутск (образован в 1851 г., переименован в Восточно-Сибирский в 1877 г.), Западно-Сибирском в г. Омск (1877 г.), Якутском (1913 г.) и в их комиссиях, подотделах и отделениях.

Главным способом получения географических знаний остались экспедиционные исследования. Необходимо отметить, что большинство экспедиций, в отличие от предыдущего этапа, были комплексными геолого-топографо-географо-этнографическими. Они сопровождались точным астроно-

мическими, геодезическими и метеорологическими работами, и поэтому их материалы имеют особую ценность.

Первым предприятием созданного в 1851 г. Сибирского отдела Географического общества стала Вилуйская экспедиция, получившая задание исследовать долину Вилуя и “белое пятно” к северу от него. Возглавил ее уроженец о. Сааремаа (Эстония) учитель-естественник *Ричард Карлович Маак*. Он стал первым исследователем центральной части Восточной Сибири, впервые показал, что большая часть бассейна Вилуя представляет собой плоскую возвышенность (Среднесибирское плоскогорье), первый оконтурил Центрально-Якутскую равнину.

С 1855 г. начал работать экспедиционный отряд Географического общества, организованный в Иркутске астрономом *Л.Э. Шварцем*. В состав этого отряда вошли военные топографы (*А.Ф. Усольцев, И.В. Орлов, И.С. Крыжин* и др.), выполнявшие большие самостоятельные маршруты. Он оконтурил Витимское плоскогорье, открыл и нанес на карту несколько высоких хребтов в Становом нагорье и Олекмо-Чарском плоскогорье, а также в Приамурье, положил на карту почти все течение Витима и Зеи, ряд их мелких притоков, Киренгу, Баргузин и Верхнюю Ангару, выполнил первую съемку Восточного Саяна. На основании собранных материалов Шварц составил карту Забайкалья и Амурского края, долгое время служившую единственной основой для исследований.

В 1865 г. в Забайкалье по поручению Географического общества работал горный инженер *И.А. Лопатин*. Его маршруты в бассейне Витима пролегали по труднодоступной местности, где никогда не ступала нога исследователя. Собранные материалы позволили Лопатину прийти к выводу, что изученная территория с вечномерзлыми грунтами представляет возвышенность, постепенно понижающуюся к Витиму. Южнее истоков Витима он обнаружил следы древних вулканов. Летом 1877 г. И.А. Лопатин исследовал Среднесибирское плоскогорье: собрал первые сведения о южной окраине Тунгусского плато, обнаружив значительную территорию, сложенную траппами.

На то же время приходится экспедиции *Петра Алексеевича Кропоткина*, окончившего Пажеский корпус, но отказавшегося от открывающейся перед ним карьеры и отправившегося в Восточную Сибирь. Летом 1865 г. Кропоткин проследил до истоков р. Иркут, в долине которой, впервые исследовал систему котловин общей длиной около 200 км, установил их прежнюю связь с Байкалом и открыл признаки недавнего вулканизма – значительные потоки лавы и мелкие кратеры. В 1866 г. Кропоткин возглавил крупную экспедицию, организованную Сибирским отделением Русского географического общества на средства золотопромышленников, для изыскания скотопрогонного тракта с Ленских приисков к Чите. Собранные многочисленные географические и геологические факты Кропоткин дополнил огромным литературным материалом и использовал их в работе “Общий очерк орографии Восточной Сибири” (1875 г.), в которой дал свою схему рельефа Северо-Восточной Азии.

В те же годы началась “польская” страница исследований: польские ссыльные стали ведущими учеными Сибирского (позднее Восточно-Сибир-

ского) отдела РГО. *А.Л. Чекановский*, уроженец Волыни, за участие в польском восстании 1863 г. был осужден на бессрочную ссылку в Сибирь. По заданию отдела в 1869–1872 гг. Чекановский исследовал геологическое строение Иркутской губернии. За три летних месяца 1873 г. он провел научную экспедицию по Нижней Тунгуске, открыл огромный трапповый покров, прослеженный по долине реки на протяжении более 1900 км. Он впервые охарактеризовал всю территорию по Нижней Тунгуске как плоскогорье – возвышенность с характерными столовыми горами. В два последующих года его исследования продолжились в бассейнах Оленека, Хатанги, Лены. Общая длина его рабочих маршрутов составила около 27 тыс. км. Он оставил ценнейший материал, на основе которого написано несколько монографий по различным отраслям естественных наук. Карты Лены, Оленека и Нижней Тунгуски впоследствии были сведены в стоверстную карту, долгое время бывшую единственной для Средней Сибири.

Б. Дыбовский и *В. Годлевский* также были политическими ссыльными, участниками польского восстания 1863 г. Их основная заслуга – в изучении фауны Байкала, а также его юго-западного побережья. За эти работы, внесшие много нового в представление о зоографии и биологии Восточной Сибири, Дыбовский и Годлевский были награждены золотыми медалями Географического общества. Кроме того, они начали измерения физических характеристик великого озера, разработав для этого специальные приспособления; были произведены определения глубин и температуры воды озера на разных глубинах.

Иван (Ян) Черский 18-летним юношей принял участие в польском восстании 1863 г., за что был сослан в Сибирь и зачислен рядовым в Омский линейный батальон. В 1873–1875 гг. он исследовал Восточный Саян и Кузнецкий Алатау, с 1877 по 1881 г. детально изучил геологию берегов Байкала, а позже – Прибайкалья и положил начало современным знаниям о строении этой горной области Сибири, намного углубив результаты предыдущих исследований. Им разработана стратиграфическая схема пород Прибайкалья, составлены геологическая карта и орографическая схема этого края, сделаны выводы о происхождении впадины озера Байкал и выдвинуто представление о древнем темени Азии как главном структурном элементе восточной части Азиатского материка. В 1891–1892 гг. *И.Д. Черский* провел важнейшие исследования гор Северо-Восточной Сибири, проходившие в тяжелейших условиях. В конце этой экспедиции Черский скончался. Ее завершала жена – *М.П. Черская*, она же подготовила отчет с уникальными материалами, на долгие годы ставшими основными сведениями об орографии этой обширной территории.

Одновременно проходили исследования, организованные Западно-Сибирским отделом Русского географического общества (отделился как самостоятельный от Сибирского в 1877 г.). Военный топограф *Н.К. Хондажевский* собрал первые географические сведения об огромном регионе – севере Западной Сибири – и составил карту этой территории, представляющей, по его данным, почти совершенно ровную низменность, приподнятую в центре (позже это поднятие названо Сибирские Увалы). Эти исследования продолжил *А.А. Дунин-Горкавич*, работавший в Западной Сибири с 1890 г.

К востоку от долины нижней Оби он выделил водораздел осмотренных им притоков Оби и рек, направляющихся на север, в Обскую и Тазовскую губы. Сибирские Увалы оказались богаты “зыбунами” (болотами), содержащими ключи – истоки многих рек региона; незначительная часть их начинается из небольших озер. В 1904–1911 гг. Дунин-Горкавич опубликовал трехтомную работу “Тобольский Север”, содержащую также этнографическую характеристику хантов и ненцев.

Строительство в конце XIX в. крупнейшей в мире Сибирской железнодорожной магистрали сопровождалось геологическими исследованиями стоверстной полосы вдоль трассы, которые проводились несколькими горными партиями; одновременно изучались золотоносные сибирские округа. В 1892 г. начались геологические исследования по линии Сибирской железнодорожной магистрали, продолжавшиеся 6 лет. К западу от Байкала работали *К.И. Богданович*, *А.А. Краснопольский*, *Н.К. Высоцкий*, *А.К. Мейстер*, *П.К. Яворовский*, *Н.Л. Ижицкий*, *Л.А. Ячевский*, к востоку – *В.А. Обручев*, *А.П. Герасимов*, *Д.Л. Иванов*, *М.М. Иванов* и др. Отчеты и карты, составленные ими, были изданы в специальных выпусках – “Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги”. В результате 6-летних работ удалось составить первую в истории геологическую карту районов Сибири и Северного Казахстана в масштабе 100 верст в дюйме и сделать географические открытия. Так, геолог *Л.А. Ячевский* установил, что от устья Ангары до Подкаменной Тунгуски почти параллельно Енисею протягивается широкий (210–270 км) горный кряж, названный им Енисейским, а на востоке к нему примыкает горное плато (Среднесибирское плоскогорье), имеющее меньшую высоту и иное геологическое строение. В результате работ Забайкальской партии под руководством *Владимира Афанасьевича Обручева* была создана новая карта Южного Забайкалья: открыты и засняты многочисленные хребты, в том числе такие крупные, как Черского и Борщовочный, и установлена гидрографическая сеть, а также определено истинное направление и характер Яблонового хребта. Продолжая исследования в бассейне Байкала – в Селенгинской Даурии и на Хамар-Дабане, результаты их *В.А. Обручев* опубликовал позже в первом своем капитальном труде “Орографический и геологический очерк Юго-Западного Прибайкалья”, где изложил свои взгляды на происхождение рельефа Забайкалья в связи с его тектоникой. С этого началась блестящая научная карьера выдающегося геолога и географа, впоследствии академика, которая длилась более 70 лет, причем горы Южной Сибири оставались одним из основных объектов его исследований.

В начале XX в. геолого-географические исследования в других горных районах Сибири продолжались. *С.А. Подьяконовым* были изучены Алданское нагорье и Становой хребет, *А.П. Герасимовым* и *П.И. Преображенским* – Патомское и Северо-Байкальское нагорья. Хатангская экспедиция под руководством *И.П. Толмачева* впервые составила карту громадной (более 1 млн км²) территории, ограниченной с запада Енисеем, с юга – Нижней Тунгуской, с востока – Оленёком, уточнили гидрографическую сеть региона, проследили все течение рек Хатанга, Котуй, Мойеро и Анабар, значительно исправили карту Хатангского залива, оконтурировала и дала пер-

вое описание Анабарского плато, орографически представляющего собой часть Среднесибирского плоскогорья.

Важную роль сыграли предпринятые в конце XIX–начале XX вв. силами членов Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества – *Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца, Н.М. Мартянова* и др. – в Южной Сибири, особенно в Минусинском районе и на Алтае, археологические и этнографические работы. Эти неутомимые исследователи Сибири много сделали для организации научно-краеведческой работы: организации экспедиций и научных изданий, развития музейного дела, популяризации науки.

Ряд ценных работ по изучению Сибири был связан с развитием переселенческого движения, подготовкой колонизационного земельного фонда, нуждами сельского хозяйства. В 1908–1914 гг. Переселенческим управлением и местными агрономами велись почвенно-ботанические исследования в Западной Сибири, Енисейской губернии, Забайкалье и Приамурье. Эти исследования охватывали почти всю Южную Сибирь, часть северных районов Тобольской и Енисейской губерний и юг Якутской области. Задача экспедиции заключалась в том, чтобы выявить площади, пригодные для колонизации переселенцами и для сельскохозяйственного освоения. В 1912 г. по инициативе ученого-почвовода *К.Д. Глинки* был создан Докучаевский почвенный комитет, который внес ценнейший вклад в изучение почв Сибири.

Изучением Сибири занимались как ученые, совершавшие экспедиции в Сибирь, так и местные краеведы, группировавшиеся вокруг музеев и сибирских отделов Географического общества. Особо ценную научно-краеведческую и культурно-просветительную работу вели следующие музеи: Иркутский (впервые открыт в 1782 г.), Тобольский (1870), Минусинский (1887), Енисейский (1883), Красноярский (1889), Якутский (1891), Барнаульский (1892), Тюменский (1892), Читинский (1892), Троицкосавско-Кяхтинский, Хабаровский (1902). В 1890-х гг. открылись новые отделы Географического общества: Троицкосавско-Кяхтинский, Забайкальский (в Чите). Все они внесли ценный вклад в изучение природы, экономики, истории, этнографии Сибири, издавали “Записки”, “Известия” и отдельные монографии.

Западносибирский отдел Географического общества организовал несколько “озерных экспедиций”, в которых участвовали *Л.С. Берг, П.Г. Игнатьев, В.С. Елпатьевский, В.Ф. Ладыгин, А.Н. Седельников* и др. Исследовались озера Зайсан, Телецкое, Кокчетавское. При изучении этих озер производились ботанические и общегеографические исследования прилегающих к ним районов. Растительный и животный мир Западной Сибири исследовали ботаник *М.М. Сиязов* и зоолог-охотовед *И.Я. Слоцов*. Изучению почвенно-сельскохозяйственных условий края посвящали свои труды *Н.М. Здравомыслов* и *П. Лебедев*. Значительное внимание Западносибирский отдел уделял также изучению этнографии населения Западной Сибири: русских старожилов, ненцев, хантов, эвенков, алтайцев (работы *Н. Григорьевой, Н.С. Шевцова, А.Е. Новоселовой*). Этнографические наблюдения сопровождалась статистико-экономическими исследованиями.

В 1891 г. в Барнауле возник новый очаг краеведения – Общество любителей исследования Алтая, преобразованное в 1902 г. в Алтайский подотдел Западносибирского отдела Географического общества. Он организовал несколько экспедиций по естественно-географическому исследованию Алтая, собрав ценные ботанические, экономические, зоологические материалы (экспедиции ботаника *В.И. Верещагина*, орнитологов *А.П. Велижанина*, *А.И. Лаврова*, энтомолога *Е.Г. Родда*). Алтайские краеведы изучали также сельское хозяйство, собирали материалы по статистико-экономическому описанию переселенческих поселков, издавали “Алтайские сборники”.

Активно развивалась научно-краеведческая деятельность старейшего в Сибири Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Видное место в его работе в конце XIX и начале XX в. занимало изучение вопросов народного хозяйства и быта русского населения края, хакасов и бурят. В этом направлении вели исследования *В.С. Арефьев*, *П.Е. Кулаков*, *П.А. Молодых*, *М.Н. Хангалов*, *Н.П. Протасов*. Краеведами широкого профиля были *Н.А. Аганитов* и *А.М. Станиловский*, изучавшие природу и этнографию Прибайкалья. Растительность южной части Восточной Сибири изучали *Я.П. Прейн* и *Т.И. Юринский*, фауну Байкала и Прибайкалья исследовал *В.Ч. Дорогостайский*. Геологические исследования на западном побережье Байкала и в Тункинских Альпах производил *А.В. Львов*. Предметом изучения *С.П. Перетолчина* были ледники прибайкальских гор, он собирал также геологические и ботанические материалы. Исследования *А.В. Вознесенского* и *В.Б. Шостаковича* посвящены вопросам метеорологии и сейсмологии. Под их руководством развивалась работа Иркутской метеорологической и магнитной обсерваторий и был создан ряд метеорологических станций в Восточной Сибири. В результате археологических работ *М.П. Овчинниковым* и *Н.И. Витковским* были открыты в Приангарье стоянки эпохи неолита, могильники, писаницы.

В Енисейской губернии первым очагом краеведения был Красноярский музей; в 1901 г. образовался Красноярский подотдел Восточносибирского отдела Географического общества. Им была снаряжена специальная географическая экспедиция под руководством *В.А. Ошуркова* в Западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола. *А.Я. Тугаринов* подготовил капитальный труд по орнитологии Приенисейского края, *Я. П. Прейн* и *А.И. Кытманов* изучали растения. *П.Е. Островский* проводил этнографические исследования в Туруханском крае. Этнограф *В.И. Анучин* изучал историю края и диалектологию, опубликовал “Материалы к областному словарю сибирского наречия”. Были изданы труд *К.И. Горохова* “Материалы по антропологии Сибири” и 2 тома публикаций “Русские и инородческие сказки”.

Крупный вклад в изучение Якутии внесла Якутская (Сибиряковская) экспедиция Восточносибирского отдела Географического общества (1894–1896 гг.). В ней участвовали политические ссыльные – *Н.А. Виташевский*, *Л.Г. Левенталь*, *В.М. Ионов*, *И.И. Майнов*, *Ф.Я. Кон*, *Э.К. Пекарский*, *С.В. Ястремский* и др. Экспедиция собрала много ценных материалов по этнографии, экономике, истории якутов и русского населения Якутской области.

Троицкосавско-Кяхтинское отделение было открыто в 1894 г. по инициативе местных учителей и политических ссыльных. Кяхтинские краеведы обследовали долины рек Селенга, Чикой, Хилок, а также местности Северной Монголии. Научно-исследовательские экспедиции дали много ценных материалов по географии, геологии, ботанике, зоологии, археологии, антропологии и этнографии. С увлечением занимались изучением природы Забайкалья *М.В. Лисовский, В.С. Моlessон, М.И. Моlessон, П.С. Михно* и др. Известны труды *Ю.Л. Талько-Грынцевича* по антропологии и археологии Забайкалья. Хозяйство, быт, устное народное творчество русского, бурятского и тунгусского (эвенки) населения Западного Забайкалья изучали этнографы *Я.С. Смолев, Г.М. Осокин, С.Р. Рыбаков, А.Д. Корнакова, А.Н. Орлова*. *Г.М. Осокин* известен как автор книги “На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Западного Забайкалья”.

12 июля 1894 г. состоялось открытие Читинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Его члены очень много сделали для изучения Забайкалья. Среди них были *К.А. Крюков* – автор трудов, характеризующих Западное и Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении, *И.С. Боголюбский*, освещавший в своих трудах процесс развития горной и горнозаводской промышленности Сибири, исследователь забайкальской флоры *Г.А. Стуков*, организатор музейно-краеведческого дела *А.К. Кузнецов*, изучавший историко-археологические памятники. Работы врача *Н.В. Кириллова* посвящены широкому кругу вопросов: охота и охотничье хозяйство, русская народная, тибетская, японская и китайская медицина, вопросы климатологии, минералогии и др. Самым крупным мероприятием Читинского отделения была экспедиция, организованная под руководством председателя отделения *Д.М. Головачева* в 1908 г. для изучения Агинской степи в почвенном, ботаническом, оросительном и хозяйственном отношениях.

Особенностью периода на рубеже веков стала подготовка научных аналитических обзоров почти всех проведенных экспедиций в многочисленных специальных изданиях, выпускаемых РГО и его региональными подразделениями, сохранивших свою ценность до настоящего времени. Кроме того, был выпущен ряд классических трудов, в издании которых огромная заслуга многолетнего руководителя РГО *Петра Семенова*: перевод с немецкого “Землеведения Азии” *К. Риттера*, Географо-статистический словарь Российской империи, страноведческая серия “Россия”, “История полувековой деятельности Императорского РГО. 1845–1895”. В 1901 г. вышел классический труд *Э. Зюсса* “Лик земли”, в котором 4 главы первой части III тома посвящены Сибири. В этом труде подытожены основные результаты геолого-географического изучения Сибири во второй половине XIX в.

Географические исследования в СССР и постсоветской России

В советское время существенно изменились цели, организация и методы географических исследований Азиатской России. Их задачами становится обеспечение индустриального развития восточных регионов и во-

енно-политических приоритетов. Организация исследований постепенно возвращается к Академии наук, которой в 1938 г. передается и Русское географическое общество. В Москве и Ленинграде создаются специализированные географические учреждения, как комплексные, так и по отраслям географических знаний, поскольку география к этому времени достаточно сильно дифференцируется. Набирает силу университетская географическая наука, особенно в Московском и Ленинградском университетах. Для восточных регионов важную роль начинают играть такие правительственные географо-экономические учреждения, как Комитет по Северу, Совет по развитию производительных сил (СОПС), Комиссия по развитию естественных производительных сил и др. Усиливается значение точных геофизических, гидрометеорологических, аэрофотографических методов, создается сеть специализированных пунктов наблюдений и научно-исследовательских станций, в том числе на территории Сибири.

Продолжались и экспедиционные исследования. Так, экспедициями *Б.Н. Городкова* в 1920-е гг. были впервые изучены территория Западной Сибири севернее Сибирских увалов в бассейнах Пура и Таза, впервые выполнены съемки полуострова Гыдан и значительной части Арктического побережья. Продолжение этих съемок к востоку, а также исследования огромного полуострова Таймыр и второго по площади (после Байкала) озера Таймыр связано с экспедициями в 1920–1930-х гг. геолога *Н.Н. Урванцева* и ботаника *А.И. Толмачева*; ими же там были изучены крупные озера на плато Путорана.

Основоположник отечественного мерзловедения профессор *М.И. Сумгин* в конце 1930-х годов подготовил обстоятельную перспективную программу исследования вечной мерзлоты в Якутии, способствовал созданию научно-исследовательской мерзлотной станции, переросшей впоследствии в Институт мерзловедения СО АН СССР. Бурно развивающиеся алмазодобывающая, нефтегазовая, транспортная, строительная, угольная отрасли промышленности в Сибири требовали разрешения геокриологических проблем. Были организованы крупные экспедиции по изучению геокриологических условий на газовых и алмазных месторождениях в Западной Якутии, изучению подземных льдов в Центральной Якутии, ледников и наледей в Восточной и Южной Якутии. На стационарах начались фундаментальные исследования теплообмена в системе атмосфера–земная поверхность–почва–грунт.

Самые крупные экспедиционные исследования проходили в 1940-е гг. в Северо-Восточной Сибири, до того времени очень слабо изученной. В результате работ *А.А. Романова*, *П.К. Хмызникова*, *И.П. Атласова*, *А.П. Васьковского*, *И.Ф. Молодых* и др., а более всего – *С.В. Обручева*, была очень значительно изменена на картах водораздельная и гидрографическая сеть в бассейнах Оленека, Анабара, Яны, Индигирки и Колымы. Но самым важным событием стало обнаружение экспедициями сначала *Б.К. Бероева*, а затем *Л.Л. Бермана* огромного горного массива Сунтар-Хаята альпийского облика с десятками ледников. Это стало одним из последних крупных мировых географических открытий.

Прагматический характер носили организуемые СОПСом и другими правительственными учреждениями комплексные экспедиции на восточные территории. Одной из первых была Якутская экспедиция в Центральной Якутии (1925–1934 гг.), раскрывшие особенности этой территории, позже позволившие обнаружить здесь месторождения алмазов и природного газа. Работали также Алтайская (1927–1928), Кулундинская (1931–1934), Ойротская (1936–1937) и другие экспедиции. Аналогичный характер имели работы в Кузнецкой котловине, обеспечивающие еще в 1930-х гг. индустриализацию Кузбасса – первого промышленного района на востоке страны. За ним последовали создание Норильского медно-никелевого, Западно-Сибирского нефтегазового и других промышленных районов и территориально-производственных комплексов (ТПК), опирающихся в основном на минеральные ресурсы. Понятно, что обеспечивающие их создание работы носили преимущественно геолого-экономический характер, а роль географического изучения сводилась к изучению природных условий, способствующих или, наоборот, препятствующих промышленному развитию.

Особый характер носили комплексные экспедиции 1940–1950-х гг. на юге Восточной Сибири, связанные с изучением гидроэнергетического потенциала и созданием на его основе мощных ТПК. Более тесная зависимость планируемых комплексов, использующих местные гидроэнергетические, водные, лесные, минеральные ресурсы, от природных условий и географического, в том числе экономико-географического и, особенно, транспортно-географического положения, заставляли увеличивать географическую составляющую в исследованиях, обеспечивающих плановую и проектную документацию. Сложные проблемы создания восточно-сибирских ГЭС, промышленных узлов и ТПК обсуждались на месте в серии научных конференций по развитию производительных сил Сибири, первая из которых состоялась в 1947 г. в г. Иркутск.

Экспедиции и конференции сыграли большую роль в развитии экономического потенциала востока страны. Однако обнаружилась недостаточность проведения исследований силами только столичных ученых. Стали создаваться учреждения на местах, первыми из которых географической направленности стали лимнологическая станция в пос. Листвянка на Байкале (с 1925 г.), Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция в Якутске (с 1941 г.) и отдел экономики и географии в Иркутске (с 1949 г.). Работали также географические кафедры и факультеты в университетах Томска и Иркутска. Однако настоящее развитие сети географических учреждений на востоке страны началось только после создания в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР.

Уже в 1957 г. было принято решение о создании в Иркутске Института географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР (в настоящее время Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН) – крупнейшего географического учреждения на востоке страны. Становление коллектива Института прошло в 1960-е гг., когда он перенял традиции географических исследований, проведенных ранее на востоке нашей страны. Оно продолжилось в 1970-е гг., когда по полной программе заработали географические стаци-

онары, создавая основу для уникальной сети сбора экспериментальных данных. 1980-е – годы крупных социально значимых проектов: в зонах БАМ, КАТЭК, в Западной Сибири (по проектам переброски части стока из сибирских рек в Среднюю Азию). Институт в 1990-е гг. нашел свою “нишу” экологического сопровождения крупнейших хозяйственных проектов. В начале нового века появилась необходимость в методологическом совершенствовании географической науки, на основе новых картографических, геоинформационных, дистанционных технологий, необходимости решения актуальных задач природной и общественной географии.

В итоге более чем полувековой деятельности были сформированы сибирские географические школы российского и мирового уровня, получившие значительные научные и практические результаты.

Создание академиком *Виктором Борисовичем Сочавой* учения о геосистемах предоставило возможность пересмотреть логические основы учения о ландшафтной сфере, четко разграничить задачи физической географии и отраслевых географических дисциплин. В становлении представления о ландшафте как полиструктурном единстве природных геосистем и их антропогенных модификаций, основанном на системной ориентации с использованием различных форм моделирования, решающую роль сыграли многолетние стационарные исследования в разных регионах Сибири. Прикладным направлением геосистемной школы стало ландшафтное планирование, которое начало развиваться в Институте с начала 1990-х гг. под руководством *А.Н. Антипова* и представляющее собой инструмент оценки земель, объединяющий посредством эффективных механизмов взаимодействия различных ведомств, властных структур, предпринимателей и населения для принятия оптимальных экологически взвешенных решений. Используя методологию ландшафтного планирования, в рамках выполнения федерального закона “Об охране озера Байкал” *В.М. Плюснин* объединил большой коллектив научных сотрудников, ряда академических институтов Сибирского отделения РАН для решения задач научного обоснования охраны природы и особого природопользования Байкальского региона. Были разработаны методики выделения экологических зон, цифрового тематического картографирования, создания ГИС Байкальской природной территории.

На базе стационарных исследований, дополняемой многолетними экспедиционными маршрутами в горах, на равнинах и в долинах рек Западной и Восточной Сибири, под руководством *Л.Н. Ивановского* родилась иркутская школа экзогенной геоморфологии. В ее основе лежит новое направление, включающее комплекс оригинальных теоретико-методических подходов к изучению современных процессов рельефообразования, позволяющих создавать теорию экзогенного морфогенеза. Под руководством *В.А. Снытко* сформировалась сибирская школа геохимии ландшафта, характерной чертой которой стала опора на режимные наблюдения за динамикой вещества пространственно сопряженных рядов элементарных геосистем – от среднетаежных Западной Сибири до степных Юго-Восточного Забайкалья, а также создание балансовых моделей обмена в системе атмосфера–растения–почвы.

Отличительной чертой гидрологических исследований стал особый комплексный подход, в котором природные воды рассматривались как неотъемлемый компонент географического ландшафта. В основу ландшафтно-топологического направления, возглавляемого *А.Н. Антиповым*, положено описание структуры гидрологических режимов в иерархии “ключевые участки – биогеоценоз – элементарный склон – малый бассейн”. Второе направление, геосистемно-региональное, руководимое *Л.М. Корытным*, рассматривает речной бассейн как целостное образование в рамках общедисциплинарного системного подхода, на основе которого предлагает решение водно-ресурсных и водохозяйственных проблем Сибири.

Школа географии хозяйственного освоения *К.П. Космачева* развивалась как органическое слияние опыта освоения территории сельским и промысловым хозяйством, неизбежности индустриального развития и необходимости рационального сочетания этих разных и по-своему ценных стадий хозяйства в зоне тайги. Ее реализация опирается на систему понятийно-терминологического выражения изучаемых процессов и явлений и экономико-географическую экспертизу нормативной базы освоения.

В своих обобщающих работах академик *В.В. Воробьев* доказал, что рост численности населения в Восточной Сибири на протяжении XVIII–начала XX вв. происходил в основном за счет естественного прироста, роль же миграций была подчиненной. Было установлено решающее значение первоначального ядра старожилов для всего процесса формирования населения, выявлена важная роль коренных народностей Восточной Сибири в создании современного состава населения. Обосновано, что для закрепления населения прежде всего следует обеспечить в Сибири более высокий, чем в обжитых районах страны, жизненный уровень. Учениками *В.В. Воробьева* были изучены демографические процессы на Обском Севере, в Саянском ТПК, на КАТЭКе, в Нижнем Приангарье, в Байкальском регионе.

В Институте еще в 1960 г. была создана первая в стране специализированная научная ячейка – сектор медицинской географии. В 1960–1970-е гг. главными задачами медико-географических исследований стала разработка методов оценки природной среды и ее отдельных компонентов, медико-географической дифференциации (районирования) таежных территорий и прогноз влияния таежной среды на жизнедеятельность и здоровье как коренного, так и пришлого населения. Одновременно развивалось биогеохимическое направление, прежде всего анализ распространения эндемических болезней, а также изучение географии болезней с природной очаговостью, в первую очередь клещевого энцефалита в таежной зоне Сибири. В последующие десятилетия шла разработка социально-географической концепции эволюции территориальных систем жизнедеятельности населения Сибири, на основе анализа антропоэкологических систем; проводятся исследования качества жизни для регионов Восточной Сибири.

Институт является признанным лидером отечественной тематической картографии на востоке России. Картографическая школа была основана *Б.Б. Сочавой* и развивалась многие годы под руководством *В.В. Воробьева* работами их учеников, в первую очередь *А.В. Белова*, *Б.А. Богоявленского*, *А.Р. Батуева*. Особенностью школы стала ориентация на комплексное раз-

номасштабное картографирование системы природа–хозяйство–население Азиатской России и отдельных регионов в виде серийных и атласных произведений: мелкомасштабных карт всего азиатского макрорегиона и юга Восточной Сибири, серий карт сельского хозяйства юга Красноярского края, зон КАТЭКа, БАМ, Амурской области, Байкальского региона, атласов “Забайкалье”, МНР, бассейна оз. Хубсугул, “Иркутская область: экологические условия развития”, “Атлас развития Иркутска”, серий электронных карт “Природа, хозяйство и население Байкальского региона” и “Слюдянский район Иркутской области: природа, хозяйство и население”, а также регионального блока в атласе социально-экономического развития России. Подробнее это рассмотрено в гл. 5.

Институт – основной организационный центр географической науки на востоке России. Проводятся традиционные конференции: географов Сибири и Дальнего Востока, молодых географов Сибири и Дальнего Востока, по тематической картографии, гидрологии ландшафта, оценке природно-ресурсного потенциала, рекреационной географии, социальной географии, геоинформационным и аэрокосмическим методам, моделированию геосистем, научные Чтения памяти академика В.Б. Сочавы и других выдающихся географов. Продолжаются работы на стационарах и в многочисленных экспедициях. С 1980 г. выходит журнал “География и природные ресурсы”, а с 2008 г. за рубежом начала издаваться его англоязычная версия.

Комплексная географическая тематика преобладает в исследованиях еще нескольких институтов СО РАН, но носит преимущественно региональный характер. Основные работы Института водных и экологических проблем СО РАН, созданного в 1987 г. в г. Барнаул, под руководством академика *О.Ф. Васильева* и *Ю.И. Винокурова* направлены на изучение водно-ресурсных и водно-экологических проблем, оптимизацию природопользования и охрану окружающей среды Западной Сибири. Широко используются аппарат математического моделирования и средства ГИС-технологий. Институт уделяет большое внимание гляциологическим исследованиям: рассчитаны снегозапасы водосборов рек Салаирского края и Кузнецкого Алатау, изучен современный режим ледников Алтая, создана имитационная модель расчета режима ледников как источников гарантированного речного стока. В области изучения береговых процессов проводятся исследования рельефообразования и осадконакопления котловин равнинных водохранилищ. Разработаны теоретические основы выделения региональных систем аграрного природопользования и методика комплексного анализа аграрно-природного потенциала территории юга Западной Сибири. В последние годы важное место в работах Института занимают исследования по разработке модели устойчивого развития западно-сибирских регионов.

В открытом в 1991 г. Байкальском институте природопользования СО РАН (г. Улан-Удэ) под руководством чл.-кор. РАН *А.К. Тулохонова* разработана региональная модель природопользования, включающая цели развития, условия и систему реализации, механизмы природопользования и отражающая смену парадигм развития региона. Создана система геоинформационного мониторинга природопользования как информационно-анали-

тическая база оценки динамики природопользования и изменения географической среды Байкальского региона. Для территории Забайкалья и Прибайкалья определены четкие границы распространения семиаридных, сухих субгумидных и полусухих субгумидных территорий. Установлена ведущая роль дельты р. Селенга в формировании экосистемы оз. Байкал и ее особое значение в иерархии мировых дельт.

Учеными Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита), начиная с 1981 г., под руководством А.А. Недешева разработаны функциональная модель управления рациональным природопользованием региона, схемы развития и размещения производительных сил Читинской области. Выполнен анализ социально-демографической обстановки Забайкалья; исследованы горно-геологические, экономико-географические и эколого-природоохранные аспекты освоения Северного Забайкалья; дано обоснование территорий традиционного природопользования эвенков Восточной Сибири. Следует отметить многолетнюю плодотворную работу Забайкальского филиала Географического общества СССР в 1960–1980 гг., где А.И. Сизиков объединил географов и геологов, работавших в Забайкалье, путем публикаций результатов работ в Записках Забайкальского филиала ГО СССР.

В ряде других институтов СО РАН решаются задачи географического изучения отдельных сред и объектов. Феномен “вечной мерзлоты” успешно изучался в Институте мерзлотоведения СО РАН (г. Якутск) и Институте проблем криосферы СО РАН (г. Тюмень) под руководством академиков П.И. Мельникова и В.П. Мельникова. Были установлены основные закономерности формирования, распространения и развития многолетнемерзлых толщ. Лимнологический институт СО РАН (г. Иркутск) ведет научные исследования по выяснению закономерностей функционирования экосистемы уникального водоема планеты – озера Байкал: механизмов вертикального водообмена, влияния гидрофизических факторов на биологические процессы, биоразнообразия эндемичной фауны и флоры; химического состава байкальских вод, донных осадков, биологических объектов, аэрозолей в атмосфере над Байкалом. Академики Г.И. Галазий и М.А. Грачев – руководители института, создали квалифицированную систему исследования уникального озера планеты, оснастили новейшими приборами научные лаборатории, сотрудники которых постоянно следят за экологическим состоянием озера Байкал. Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск) ответствен за изучение и моделирование сложнейших природно-климатическими систем, непрерывно изменяющихся в существенно различных временных масштабах по параметрам состояния и процессам взаимодействия под одновременным воздействием земных и внеземных факторов, включая антропогенные воздействия. Крупнейшее на Земле Васюганское болото – объект исследований современными методами и новейшей аппаратурой сотрудниками института.

Институты биологического профиля, наряду со своими основными задачами всестороннего изучения биолого-экологических процессов и систем, вносят значительный вклад в географический анализ биоты сибирских ландшафтов: почвенного покрова (Институт агрохимии и почвоведения СО

РАН, г. Новосибирск), растительности (Центральный ботанический сад СО РАН, г. Новосибирск; Институт леса СО РАН, г. Красноярск), животного населения (Биологический институт СО РАН, г. Новосибирск). Не отстают и геологические институты. Так, Институт земной коры СО РАН (г. Иркутск) известен как ведущее учреждение Сибири по изучению под-земной гидросферы и формированию берегов сибирских водохранилищ. В Институте геологии и геофизики (г. Новосибирск) была организована работа по созданию серии монографий по истории развития рельефа Сибири и Дальнего Востока (гл. редактор *Н.А. Флоренсов*) – классического произведения, удостоенного Государственной премии СССР.

Важное место в современных экономико-географических исследованиях занимает Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск). Под руководством *М.К. Бандмана* было проведено изучение формирования сибирских территориально-производственных комплексов (Западно-Сибирского, Братско-Усть-Илимского, Саянского, Нижнеангарского и др.), продолженное моделированием социально-экономического развития Востока страны в контексте исторического опыта его освоения. Основные научные задачи института – исследование динамики производства и социальных отношений, направленные на формирование государственной региональной политики, территориального управления и комплексного развития Сибири, – тесно коррелируют с предметом изучения социально-экономической (общественной) географии, особенно в последние десятилетия – период становления рыночных отношений, коренной трансформации экономики и общества в целом.

До создания Сибирского отделения Академии наук СССР в Сибири активно работали столичные географы. В 30–40 гг. прошлого столетия была поставлена задача познания природных условий малоизученных районов Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Для проведения экспедиционных работ был создан Совет по изучению производительных сил (СОПС) – научная структура, хорошо финансируемая, обеспеченная транспортом и материальными средствами. Сотрудники Института географии АН СССР принимали участие в экспедициях СОПСа в Западной и Восточной Сибири. По результатам исследований они создали монографические произведения, включающие данные о природе, население и хозяйстве Сибири (*Н.В. Думитрашко, С.С. Коржуев, В.С. Преображенский, Г.Д. Рихтер, М.И. Помус, Л.И. Мухина, Д.А. Тимофеев, В.Н. Олюнин, В.П. Чичагов, А.А. Минц* и др.).

Подготовкой географических кадров с одновременным проведением научных исследования занимаются классические и педагогические университеты в Томске, Иркутске, Барнауле, Тюмени, Красноярске, Улан-Удэ, Нижневартовске, Чите и других городах Сибири. Здесь же имеются географические и географо-экологические ячейки ряда министерств и ведомств, которые ведут многоаспектные исследования в области природопользования, тесно переплетающиеся с географическими. Особо необходимо отметить многолетние исследования на сети особо охраняемых природных территорий во всех восточных регионах страны.

Томский государственный университет давно ведет исследования ледников на Алтае. *М.В. Тронов* и его многочисленные ученики создали сибирскую гляциологическую школу, важным результатом работы которой в теоретическом плане стало установление связи между оледенением, климатом и рельефом. Разработаны учение о снеговой линии и хионосфере, теория подпруживания ледников, малые формы оледенения, устойчивость и эволюция ледников Сибири. Михаил Владимирович за эти работы награжден Большой золотой медалью Географического общества СССР в 1972 г. Им была организована единственная в стране проблемная научно-исследовательская лаборатория гляциоклиматологии, сотрудники которой занимались исследованиями ледникового рельефа, древнего оледенения гор, климата, особенностей эволюции ледников и др.

Географические исследования в Иркутском государственном университете связаны, прежде всего, с именем профессора *А.Г. Золотарева*. В конце 1970-х гг. им был предложен методический прием расчетов суммарных амплитуд новейших вертикальных движений. На основе этих вычислений составлена карта новейшей тектоники юга Восточной Сибири, дающая новые представления о кайнозойской тектонике этой территории. Им разработаны новые теоретические представления о переходных зонах, рассматриваемых как в узком неотектоническом смысле, так и в более широких – геоморфологическом и даже физико-географическом аспектах, при которых определяются основные контуры природно-территориальных комплексов. Другими преподавателями велись ландшафтные исследования Приангарской лесостепи, топонимики Восточной Сибири, водно-балансовым расчетам, демографии Сибири, рекреационным оценкам природных комплексов, географии сельского хозяйства.

В Бурятском государственном университете сформировалась группа географов – исследователей Республики Бурятия. Исследования природных ресурсов, динамики антропогенных ландшафтов, режима особого природопользования, транспорта, систем расселения, влияния хозяйственной деятельности на окружающую среду, а также проблемы опустынивания, рекреации на берегах Байкала, выявление памятников природы – вопросы, поднимаемые и решаемые профессорами и преподавателями вузов г. Улан-Удэ.

Большую работу по исследованию природы Сибири выполняют московские вузы и в первую очередь МГУ им. М.В. Ломоносова. Экспедиции в Западную Сибирь, Алтай, Забайкалье, Среднюю Сибирь совершались, начиная с 50-х годов прошлого столетия. Руководители многолетних экспедиций академик *Н.С. Касимов*, профессора *С.С. Воскресенский*, *Ю.Г. Симонов*, *Н.И. Алексеевский*, *Р.С. Чалов*, *Г.Н. Огуреева* и др. создавали научно-производственные ячейки, в которых отрабатывались новые методики исследований, привлекались к работе студенты и молодые ученые, формировались коллективы единомышленников, вырабатывались взгляды на различные географические проблемы, подтвержденные полевыми исследованиями. По результатам работ издавались комплексные географические монографии по отдельным регионам Сибири и тематические обобщения по

рельефу, распространению биоты, древнему и современному оледенению, лесным, водным, сельскохозяйственным и минеральным ресурсам, антропогенным воздействиям. Особо следует отметить профессора *Н.И. Михайлова*, подготовившего несколько книг по физической географии Сибири, по ним до сих пор обучаются студенты географических факультетов вузов Сибири. В горах Алтая, Тувы много лет ведут исследования древнего и современного оледенения, климата, водных ресурсов сотрудники Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета. Многие годы этими работами руководил профессор *Ю.П. Селиверстов*, бывший в 2000–2002 гг. Президентом Русского географического общества.

Еще один “пласт” исследований Сибири связан с деятельностью Комитета по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Гидрометслужбой), который не только обеспечивал наблюдения на сети метеостанций и гидрометпостов, но и силами своих научных учреждений, в первую очередь Главной геофизической обсерватории и Государственного гидрологического института, подготовил ставшие классическими обобщающие справочные климатические и гидрологические издания.

С приходом в руководство старейшим обществом России – Русским географическим обществом (РГО) – *С.К. Шойгу* и созданием Попечительского совета общества под председательством *В.В. Путина* возобновился интерес к географии, экологии в стране. Реорганизованы региональные отделения общества, во многих из них созданы Попечительские советы из представителей власти, бизнеса, средств массовой информации, образования. По грантам региональных отделений проводятся экспедиции, развивается краеведческая работа школьников, осуществляется издательская деятельность, организуются мероприятия по выявлению и сохранению памятников природы. Решаются вопросы воспитания экологической культуры, охраны природы.

В сплаве академической и вузовской науки с массовым географо-краеведческим движением РГО в сибирских регионах видится будущее географических исследований Сибири.

2.5. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В АРКТИКЕ (СИБИРСКИЙ СЕКТОР)

Для настоящего обзора использованы обобщающие работы Г.П. Аветисова [2009], М.И. Белова [1977], В.Ю. Визе [1948], В.М. Пасецкого [2000, 2008] и др.

Вдоль всего азиатского побережья Северного Ледовитого океана от Карских ворот до Берингова пролива пролегает Северный морской путь – самый короткий морской путь, связывающий западную и восточную части России. Путь этот, носивший до начала XX в. название “Северо-восточный проход”, с давних времен привлекал внимание русских и западноевропейских мореплавателей, стремившихся найти наиболее короткую морскую дорогу в Индию и Китай. Самые значительные географические открытия на азиатском севере России связаны именно с изучением и освоением Северного морского пути.

Исследование Арктики в XVI–XVII веках

Начало освоения западного участка Северного морского пути было положено в XI–XII вв. плаваниями поморов. В середине XVI в. русские мореходы на небольших деревянных судах-кочах регулярно плавали через Карское море в Обскую губу. В 1601 г. в устье реки Таз был построен первый русский город за Полярным кругом – Мангазея, откуда начинались многие походы на север и на восток. Из устья Оби, передвигаясь по рекам, а местами перетаскивая кочи волоком, поморы добирались и до Енисея. В середине XVII в. мореходы и промышленники из Северного Поморья первыми из мореплавателей попытались преодолеть самый трудный участок Северного морского пути – вдоль полуострова Таймыр через пролив Вилькицкого.

В конце XVI–начале XVII в. в Сибирь пришли казаки, а следом за ними – промышленники и торговые люди. Постепенно продвигаясь к северу по крупным сибирским рекам, строя на их берегах многочисленные остроги и зимовья, они вышли на побережье Северного Ледовитого океана. С походов между устьями сибирских рек началось освоение восточного участка Северного морского пути.

Сохранились сведения о том, что в Смутное время мореход по имени Лука, выйдя из Оби, по морю дошел сначала до устья Енисея, а затем до реки Пясины на Таймыре. В 1610 г. в тех же местах побывал торговый человек Кондратий Курочкин, живший на Северной Двине. В 1623 г. русские первопроходцы достигли среднего течения Лены, в начале 1630-х гг. – Хатангского залива, а в середине XVII в. отряды под командованием Якова Семенова и Василия Сычева добрались до устья реки Анабары. В 1630 г. с Енисея на Лену прошел енисейский казак Михаил Стадухин. Из Якутска казаки и промышленники, спускаясь вниз по Лене, достигли ее устья и вышли в Северный Ледовитый океан. Первым в 1633 г. прошел этот путь тобольский казак Иван Ребров, который по морю Лаптевых дошел до устья Яны и выстроил там два острога, а через три года открыл устье Индигирки, впервые в истории пройдя через пролив Дмитрия Лаптева. В 1636 г. казачий десятник Елисей Буза плавал на запад от устья Лены и достиг устья реки Оленек. В 1641–1642 гг. красноярский казак Иван Ерастов прошел на восток от Индигирки и, совершив плавание по Восточно-Сибирскому морю, открыл устье Алазеи и стал первым русским, побывавшим в этих местах. В 1644 г. Михаил Стадухин и Иван Беляна спустились по Индигирке и морем добрались до Колымы, где основали Нижнеколымский острог. В 1646 г. мезенский промышленник Исай Игнатьев первым прошел путь от устья реки Колымы до Чаунской губы. В 1648 г. небольшой отряд под командованием Федота Алексеева и Семена Дежнева из устья Колымы дошел до самой восточной оконечности азиатского континента и открыл пролив между Евразией и Северной Америкой (рис. 2.9).

Путешествуя между устьями сибирских рек, русские мореходы нередко отклонялись от пути вдоль берега, заходя значительно севернее и открывая при этом острова и архипелаги арктических морей. В 1702 г.

Рис. 2.9. И.П. Рубан “Кочи Семена Дежнева в Чукотском море. 1648 год”.

Михайло Наседкин, совершая плавание из Колымы в Индигирку, увидел вдали один из Медвежьих островов в Восточно-Сибирском море, а в 1720 г. на этих островах побывал промышленник Иван Вилегин. В самом начале XVIII в. казак Яков Пермяков, совершая плавание из Лены в Колыму, открыл остров, который позже был назван Большим Ляховским (Новосибирские острова). В мае 1712 г. казак Меркурий Вагин по льду переехал на этот остров, объехал его кругом и увидел с него другой остров, названный Малым Ляховским. Постепенно на географических картах появлялись очертания береговой линии Сибири с мысами, проливами, заливами, полуостровами и островами.

Таким образом, к середине XVII в. русскими первопроходцами – опытными мореходами-поморами, служилыми людьми-казаками и промышленниками – были совершены походы практически по всем участкам морского пути вдоль побережья Северного Ледовитого океана между устьями всех крупных рек Сибири и изменены бытовавшие до этого представления о Крайнем Севере. Открытием Берингова пролива завершился первый этап освоения Северного морского пути.

Экспедиции первой половины XVIII века

В XVIII в. исследование северных побережий России и морского пути вдоль них стало государственной задачей. Создание военно-морского флота и Морской Академии способствовало воспитанию опытных морских офицеров, способных поднять исследования на новый уровень, а учреждение Академии наук оказало влияние на саму организацию научных исследований. В первой половине XVIII в. был снаряжен ряд крупных государственных экспедиций, внесших серьезный вклад в изучение Арктики.

Начало новому этапу русских открытий на севере и северо-востоке страны положила Первая Камчатская экспедиция, организованная по инициативе Петра I. В 1728 г. экспедиция под руководством Витуса Беринга на судне “Святой Гавриил”, выйдя из Нижнекамчатска, дошла до пролива между Евразией и Северной Америкой, вышла через него в Чукотское море, а затем вернулась обратно на Камчатку. Так был вторично

открыт пролив между материками, позже получивший имя Беринга, поскольку донесение С. Дежнева об открытии пролива затерялось в Якутском городском архиве и было обнаружено лишь спустя 100 лет.

Одним из самых значительных событий в освоении Арктики в XVIII в. стала Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг., организованная для исследования всего севера России от Печоры до Чукотки и составления его географического, геологического, ботанического, зоологического и этнографического описания. Руководил экспедицией капитан-командор В. Беринг, его помощниками были назначены А.И. Чириков и М.П. Шпанберг. На азиатском побережье Северного Ледовитого океана работали несколько отрядов: от Оби до Енисея – отряд Дмитрия Овцына и Дмитрия Стерлегова, восточнее Енисея – отряд Федора Минина, район Лены обследовали западный отряд Василия Прончищева, Харитона Лаптева и Семена Челюскина и восточный – Петра Ласиниуса и Дмитрия Лаптева.

Экспедиция продолжалась около десяти лет. Ее участники во время морских и пеших походов исследовали и впервые нанесли на карту почти все русское побережье Северного Ледовитого океана, а также берега Охотского и Берингова морей. В 1746 г. по материалам Великой Северной экспедиции Дмитрий Овцын, Софрон Хитрово, Алексей Чириков, Иван Елагин, Степан Малыгин, Дмитрий и Харитон Лаптевы составили “Карту генеральную Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных через морские плаванья западных американских берегов и острова Япо́на”.

Исследования Арктики во второй половине XVIII века

После окончания Великой Северной экспедиции интерес к географическому изучению северных регионов усилился. Особое внимание во второй половине XVIII в. было уделено исследованию крайней северо-восточной части Сибири, а также решению проблемы морского сообщения между Леной и Камчаткой. В 1760 г. сибирские купцы Никита Шалауров и Иван Бахов дошли из устья Лены до устья Яны. Летом 1762 г. отряд Шалаурова добрался до мыса Шелагского, открыл остров Айон и обследовал Чаунскую губу. Результатом плаваний Шалаурова стала карта побережья от устья Лены до Шелагского мыса, на которой было дано изображение Чаунской губы, близкое к действительному, а также показаны устья впадающих в губу рек.

В 1760 г. сибирский губернатор Федор Соймонов поручил командиру Анадырского острога подполковнику Федору Плениснеру организовать исследования в северной части Тихого океана и на северо-востоке Азии с целью поиска новых неизведанных земель. По указанию Плесинера на Медвежьих островах была направлена экспедиция под командованием сержанта Степана Андреева. В 1763–1764 гг. Андреев совершил два похода на острова, во время которых составил их первую карту и дал первое топографическое и геологическое описание островов. В 1769–1771 гг. более точная карта Медвежьих островов была составлена прапорщиками геодезии Иваном Леонтьевым, Иваном Лысовым и Алексеем Пушкаревым.

В 1770 г. купец Иван Ляхов, занимаясь пушным промыслом в районе Святого Носа, по следам оленей дошел до острова, позже получившего название Большой Ляховский, а затем побывал на втором острове архипелага – Малом Ляховском. В 1773 г. Ляхов вместе с купцом Протодяковым вновь посетил эти острова и открыл третий остров, названный Котельным.

Последней в XVIII в. крупной экспедицией, организованной для исследования крайнего северо-востока Сибири, стала Северо-восточная географическая и астрономическая морская экспедиция под руководством Иосифа Биллингса и Гаврилы Сарычева, положившая на карту берега Чукотского полуострова на юго-востоке, северные отроги хребтов и наиболее крупные реки.

К концу XVIII в. в России были созданы достаточно точные (для того времени) и правильные географические карты Крайнего Севера. На них нашли свое отражение Гыданский полуостров, устье Енисея, Енисейские острова, Каменные острова, шхеры Минина, Таймырский полуостров, река Таймыра и озеро Таймырское, остров Бегичева, дельта Лены с многочисленными островами, мыс Святой Нос, Ляховские и Медвежьи острова, мыс Баранов Камень, Чаунская губа, мыс Шелагский Нос, внутренняя горная часть Чукотского полуострова.

Исследования Арктики в первой половине XIX века

Исследования Арктики первой половины XIX в. во многом связаны с решением задачи о морском сообщении между Тихим и Атлантическим океанами, а также с поисками новых земель. Следует отметить, что в начале XIX в. еще бытовало мнение о наличии в Северном Ледовитом океане обширной земли, лежащей к северу от устьев Индигирки и Колымы и простирающейся до Американского континента. Для отыскания этой земли в Арктику было отправлено несколько экспедиций.

Значительную роль в изучении севера Сибири и арктических островов сыграли сибирские промышленники и купцы. Так, в конце XVIII в. исключительное право на песцовый промысел в районе Новосибирских островов получили купцы Сыроватниковы. В 1800 г. один из их артельщиков Яков Санников при возвращении с Малого Ляховского острова открыл небольшой остров, который назвал Столбовым. В 1805 г. Санников сделал еще одно открытие – к востоку от острова Котельный обнаружил остров Фаддеевский; в следующем году группа промышленников под руководством Санникова открыла западную часть острова Новая Сибирь. В 1808 г. промышленник Бельков обнаружил к западу от острова Котельный еще один остров архипелага, названный позже его именем.

Для проведения описи и картирования Новосибирских островов весной 1808 г. в Арктику была направлена специальная экспедиция, которую возглавил коллежский регистратор М.М. Геденштром. По заданию Геденштрома остров Фаддеевский описывал землемер Кожевин, обследованием пролива, разделяющего Котельный и Фаддеевский острова, занимался Санников, сам Геденштром составлял опись острова Новая Сибирь. Вернувшись на материк, отряд Геденштрома выполнил опись устья р. Яна и

морского берега до Индигирки. В 1810 г. экспедиция вернулась на остров Новая Сибирь, где завершила его обследование. Весной 1810 г. Геденштром начал поиски Большой Северной земли, которая, как он полагал, находилась либо к северу от Шелагского мыса, либо к северу от Баранова Камня, однако, не обнаружив земли, вернулся на Колыму. В 1811–1812 гг. исследования на Новосибирских островах были продолжены Санниковым, Решетниковым и Пшеницыным. Во время этих походов были составлены карты Новой Сибири, Котельного и Фаддеевского островов, а также открыт небольшой остров, названный позднее Землей Бунге. После окончания работ экспедиции открытия в районе Новосибирских островов продолжались. Так, в 1815 г. в районе Новосибирских островов якутом Максимом Ляховым были открыты еще два небольших острова – Васильевский и Семеновский.

Для продолжения работ, начатых Геденштромом, в начале 1820-х гг. были снаряжены две экспедиции на северо-восток России. Они должны были описать морской берег от Лены до Берингова пролива и завершить работу по поиску новых земель. Янскую экспедицию возглавил П.Ф. Анжу, Колымскую – Ф.П. Врангель.

В задачи Янской экспедиции входила опись материкового берега на запад и восток от устья Яны, а также поиск так называемой Земли Санникова на северо-востоке от островов Фаддеевский и Котельный. Весной 1821 г. участники экспедиции начали опись Новосибирских островов. Трижды Анжу пытался добраться до того места, где, по предположениям, располагалась Земля Санникова, но каждый раз его останавливало открытое море. Весной следующего года экспедиция продолжила работу и совершила еще одну попытку найти мифическую землю, вновь завершившуюся неудачей. В 1823 г. отряд экспедиции в третий раз побывал на Новосибирских островах.

В результате работы Янской экспедиции на карту было положено северное побережье от р. Оленек до Индигирки, обследована на значительном протяжении р. Лена, произведена опись островов Фигурина, Семеновский, Васильевский, Бельковский, Котельный, Фаддеевский, Большой и Малый Ляховские, а также Новой Сибири и Земли Бунге.

Колымской экспедиции Врангеля было предписано описать материковый берег к востоку от Шелагского мыса и группу Медвежьих островов, а также произвести поиски земли к северу от Чукотского полуострова. В феврале 1821 г. экспедиция начала работу, выполнив съемку берега от р. Колыма до мыса Шелагский, а на обратном пути описав остров Айон. В марте, после небольшого отдыха, участники экспедиции по льду направились к Медвежьим островам; самый восточный остров из них Врангель назвал Четырехстолбовым. Поиски земли, лежащей к северо-востоку от Медвежьих островов (так называемой Земли Андреева) не увенчались успехом; в конце апреля экспедиция вернулась в Нижнеколымск. В марте следующего года экспедиция вновь направилась по льдам на поиски новых земель, которые также были безрезультатными. По возвращении на материк экспедиция обследовала берег от р. Колыма до р. Чаун, а также составила опись Чаунской губы. Весной 1823 г. Врангель совершил по-

пытку пройти морем от Шелагского мыса как можно дальше на север, но, встретив обширную полынь, вынужден был повернуть назад.

Колымская экспедиция внесла существенный вклад в исследование северо-восточной части Сибири. Впервые на карту были точно положены побережье северо-восточной Сибири от р. Индигирка до Колючинской губы, описаны Медвежий острова, обследованы устье Колымы, Большой и Малый Анюй, изучена Каменная тундра. Врангель также собрал от чукчей сведения о существовании к северу от мыса Якан гористой земли, которая впоследствии была открыта и названа его именем.

К середине XIX в. усилиями русских мореплавателей, путешественников и ученых была исследована и положена на карты огромная территория севера Сибири, включающая побережье и острова Северного Ледовитого океана. Северо-восточными правительственными и торговыми экспедициями был сделан ряд географических открытий, в частности, открыты острова в составе архипелагов Медвежий и Новосибирские острова.

Исследования Арктики во второй половине XIX века

Во второй половине XIX в. серьезный интерес к проблеме Северного морского пути и открытию новых земель в северо-восточном секторе Арктики обнаружил ряд европейских стран. В эти годы состоялось несколько иностранных экспедиций, внесших заметный вклад в освоение Северного морского пути. В это время значительно возросла роль научных и технических знаний, что не могло не отразиться на результатах арктических исследований. Создание новых и более совершенных приборов привело к важным сдвигам в картографии. Карты арктического региона, составленные в XIX в., были значительно более точными по сравнению с картами XVIII в.

Начались регулярные плавания по Карскому морю в устья сибирских рек. Их инициатором и вдохновителем был сибирский промышленник М.К. Сидоров, учредивший специальную премию капитану судна, который первым пройдет Карским морем в устья Оби и Енисея. Первым этот путь проделал английский капитан И. Виггинс на пароходе “Диана” в 1874 г. К северу от Енисейского залива Виггинс открыл новый остров, впоследствии названный островом Вилькицкого. В последующие годы Виггинс еще одиннадцать раз проводил торговые пароходы в устья Оби и Енисея, доказав тем самым возможность регулярного плавания на западном участке Северного морского пути.

Опыт Виггинса привлек шведского полярного исследователя Н.А.Э. Норденшельда, который в 1875 и 1876 гг. совершил два плавания из Скандинавии к Енисейскому заливу. Экспедиция 1875 г. на судне “Превен” обследовала западные берега южного острова Новой Земли, а затем дошла до небольшого острова при северо-восточном входе в Енисейский залив. Бухту, в которой стоял “Превен”, Норденшельд назвал Гаванью Диксона. Впоследствии это название было дано и самому острову. В следующем году на транспортном пароходе “Имер” Норденшельд совершил второе путешествие из Швеции к Енисею. В северной части Енисейского зали-

ва был обнаружен небольшой остров, названный им островом Сибирякова. Этот остров (под названием остров Кузькина) уже был известен русским.

В 1878 г. Норденшельд на судне “Вега” предпринял попытку сквозного прохода Северным морским путем из Атлантического океана в Тихий. Финансировали экспедицию шведский король Оскар II, шведский промышленник О. Диксон и русский золотопромышленник А.М. Сибиряков. Выйдя из Гетеборга в начале июля 1878 г., 14 августа “Вега” бросила якорь у западного берега острова Таймыр в бухте, названной Норденшельдом бухтой Актиния, а 19 августа судно было уже у мыса Челюскин. Следуя далее вдоль берегов Таймыра, 24 августа “Вега” была у острова Преображения, 1 сентября – на траверзе дельты Лены. 30 августа судно подошло к острову Большой Ляховский, 3 сентября – к Медвежьим островам. В конце сентября судно оказалось затерто льдами восточнее Колычинской губы, у селения Питлекай. Не дойдя 200 км до Берингова пролива, экспедиция зазимовала. В июле следующего года судно продолжило свой путь и 20 июля 1879 г. вошло в Берингов пролив. Впервые в истории Северный морской путь был пройден!

Особое место в истории полярных исследований принадлежит американской экспедиции на судне “Жаннетта” под руководством Дж. Де Лонга. В августе 1879 г. “Жаннетта” через Берингов пролив вышла в Чукотское море и взяла курс на северо-запад. Планировалось, что экспедиция продвинется на судне как можно дальше на север, а затем на собачьих упряжках совершит поход к полюсу. Но уже 5 сентября судно было затерто льдами в 20 милях к северо-востоку от острова Геральд. Дрейф судна вместе со льдами продолжался в течение двух лет. Во время дрейфа участники экспедиции открыли несколько островов, названных ими Жаннетта, Беннетта, Генриетта (позже эти острова были названы архипелагом Де Лонга). 13 июня 1881 г. судно было раздавлено льдами и затонуло, участники экспедиции по льдам направились в сторону Новосибирских островов, а затем к дельте Лены. На их долю выпали тяжелые испытания – из 33 человек в живых осталось лишь 13.

Важный вклад в изучение дельты Лены внесли сотрудники полярной станции Сагастырь, работавшей во время проведения Первого международного полярного года 1882–1883 гг.

В 1885 г. Академия наук организовала экспедицию, целью которой было изучение побережья Северного Ледовитого океана к востоку от Лены, а также Новосибирских островов. Возглавил экспедицию доктор медицины А.А. Бунге. Вместе с ним в Арктику отправился молодой геолог Э.В. Толль. В 1885 г. экспедиция обследовала Приянский край, в 1886 г. работала на Новосибирских островах. Спустя пять лет, в 1892 г., Толль возглавил новую экспедицию на Новосибирские острова. За год работы экспедиция обследовала острова Большой Ляховский и Котельный, прошла через низовья Лены, обследовала участок материкового берега на маршруте Оленек–Анабар–Хатанга, произвела съемку Анабарского залива и реки Анабар.

В 1893–1896 гг. состоялась знаменитая экспедиция Фритьофа Нансена на судне “Фрам”. Вмерзнув в лед в районе Новосибирских островов, за

три года “Фрам” вместе с дрейфующими льдами дошел до Шпицбергена. В результате этой экспедиции были получены первые данные о природе Арктического бассейна, опровергнуто бытовавшее мнение о наличии в центре Арктики обширного материка, нанесены на карту остров Свердруп, острова Скотт-Гансена, остров Мон, архипелаг Норденшельда, расположенные к северу от сибирского побережья Северного Ледовитого океана.

На рубеже XIX–XX вв. русское правительство обратило самое пристальное внимание на исследование Северного морского пути. В 1893 г. по Карскому пути была отправлена первая государственная экспедиция, целью которой была доставка морским путем через Карское море в устье Енисея грузов для железной дороги. Енисейскую экспедицию, организованную при участии Главного морского штаба и Главного управления кораблестроения и снабжений Морского министерства, возглавил Л.Ф. Добротворский. В ней приняли участие три судна – пароходы “Лейтенант Овцын” под командованием Л.Ф. Добротворского и “Лейтенант Малыгин” под командованием Е.Л. Шведе и парусная баржа “Лейтенант Скуратов” под командованием П.К. Тундермана. Во время похода через Карское море экспедиция провела попутные наблюдения и обследовала пролив Малыгина. На южном берегу острова Вилькицкого была обнаружена бухта, получившая имя Шведе. Экспедиция показала, что для дальнейшего развития регулярного морского сообщения с Сибирью требуется проведение подробных гидрографических исследований, особенно в Обь-Енисейском районе.

В 1894 г. для детального исследования Обской губы, Енисейского залива и Обь-Енисейского района Карского моря, изучения ледовых условий, а также для выяснения наиболее благоприятного времени для безопасного плавания морских судов Морским министерством была утверждена Гидрографическая экспедиция Карского моря, которую возглавил А.И. Вилькицкий. В 1894–1897 гг. экспедиция произвела опись Обской губы и Енисейского залива и внесла исправления в карту этого района, положив тем самым начало новому этапу гидрографического изучения морского побережья Сибири. В 1898 г. для гидрографического исследования морского пути к устьям Енисея и Оби была организована новая экспедиция, по материалам работы которой в 1898–1904 гг. Главное гидрографическое управление в 1910 г. издало Генеральную карту Обь-Енисейского района.

Конец XIX в. был ознаменован значительным прогрессом промышленности, транспортной техники и средств связи. В 1899 г. в Ньюкасле (Англия) по заказу русского правительства был построен первый арктический ледокол “Ермак”. Ледокол имел хорошо укрепленный стальной корпус округлой формы, который позволял судну преодолевать льды толщиной до одного метра (рис. 2.10). По замыслу инициатора постройки “Ермака” С.О. Макарова, ледокол был предназначен в первую очередь для проводки транспортных судов по Карскому пути.

Таким образом, к началу XX в. усилиями ряда экспедиций плавания на западном участке Северного морского пути стали значительно более бе-

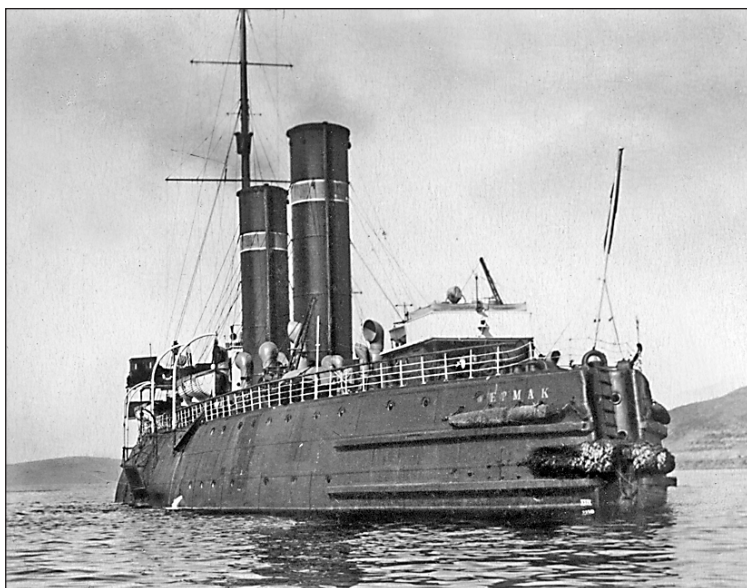

Рис. 2.10. Первый линейный арктический ледокол “Ермак”.

зопасными. В повестку дня был поставлен вопрос об исследовании центрального и восточного участков этого пути.

Исследования Арктики в начале XX века

В 1900 г. Академия наук организовала экспедицию для всестороннего исследования берегов Таймырского полуострова и Новосибирских островов, а также поиска новых земель в районе к северу от архипелага (рис. 2.11). Возглавил экспедицию Э.В. Толль, которому предоставилась возможность реализовать свою мечту – найти загадочную Землю Санникова.

Экспедиция покинула Петербург на яхте “Заря” в начале июня 1900 г. В сентябре у побережья Таймыра судно встало на зимовку, во время которой были обследованы и описаны около 40 островов архипелага Норденшельда, а также проведена топографическая съемка береговой линии Западного Таймыра и прилегающих островов. В августе 1901 г. “Заря” продолжила путь и вскоре достигла острова Котельный, где встала на вторую зимовку. Время до следующей весны было потрачено на обследование архипелага. В мае 1902 г. Толль вместе с тремя спутниками переправился на остров Беннетта, откуда осенью того же года их должна была забрать “Заря”. Однако из-за сложных ледовых условий судно не смогло пробиться к месту встречи в назначенное время. Лишь в августе 1903 г. спасательная группа на вельботе вышла в открытое море и взяла курс на мыс Эмма острова Беннетта, где были обнаружены стоянки Толля, а также гурий, в котором находился краткий отчет, адресованный на имя президента Академии наук. Из этого документа стало ясно, что Толль и его спутники приняли решение пробиваться по льдам на юг, к острову Новая Сибирь. Следы их так и не были обнаружены.

Рис. 2.11. Участники Русской полярной экспедиции Академии наук 1900–1902 гг.

Русская полярная экспедиция под руководством Э.В. Толля привлекла внимание широкой общественности к исследованиям в Арктике, но, несмотря на это, в начале XX в. на севере страны работали лишь малочисленные экспедиции, решавшие небольшие, локальные задачи. Поражение России в русско-японской войне заставило правительство по-новому посмотреть на Северный морской путь, использование которого позволило бы в короткие сроки перебросить военный флот с запада на восток или с востока на запад. В 1906 г. при Морском министерстве была создана специальная комиссия, признавшая необходимость организации экспедиции для исследования пути к Берингову проливу через Северный Ледовитый океан. Эта экспедиция получила название Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. В 1909 г. специально для нее были построены два ледокольных транспорта – “Таймыр” и “Вайгач”. Экипажи судов были укомплектованы военными моряками, многие из которых уже имели опыт работы в условиях Арктики. Начальником экспедиции был назначен И.С. Сергеев, в 1913 г. его заменил Б.А. Вилькицкий.

В 1912 г. экспедиция произвела опись побережья от устья Колымы до устья Лены, исследовала Медвежий острова, острова Большой и Малый Ляховские, а также Столбовой, Васильевский и Семеновский (Новосибирские острова). Значительные результаты были достигнуты экспедицией в 1913 г. Ледовые условия летом этого года были благоприятными для плавания. 20 августа 1913 г., оглябая Новосибирские острова с севера, участники экспедиции к востоку от острова Новая Сибирь открыли небольшой остров, названный островом генерала Вилькицкого. Затем были обследованы бухта Прончищевой, острова Самуила (в настоящее время – острова

Рис. 2.12. Подъем флага на вновь открытой земле Николая II (Северная Земля). 4 сентября (22 августа ст. ст.) 1913 г.

Комсомольской правды) и залив Фаддея. 2 сентября был открыт остров Малый Таймыр, а 4 сентября состоялось наиболее значительное событие – был открыт архипелаг, названный Землей Николая II (с 1926 г. – Северная Земля) (рис. 2.12). При дальнейшем продвижении на юг был открыт остров, позже названный именем Старокадомского. В навигацию 1913 г. была проведена морская съемка побережья полуострова Таймыр от Хатангского залива до мыса Челюскин, а также восточных берегов открытого архипелага.

В 1914–1915 гг. “Таймыр” и “Вайгач”, выйдя из Владивостока и зазимовав в районе Таймырского полуострова, впервые в истории совершили сквозной проход по Северному морскому пути с востока на запад. 27 августа 1914 г. во время следования к северу от Новосибирских островов участники экспедиции открыли остров, впоследствии названный островом Жохова.

Благодаря работам, выполненным участниками Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, были созданы новые точные генеральные карты Русской Арктики и лоции Северного морского пути.

Исследования Арктики в 1920–1940-е годы

Уже в первые годы Советской власти новое государство приступило к разработке широкой программы исследования Крайнего Севера с целью практического использования его природных богатств и транспортных возможностей. В 1918 г. была восстановлена Гидрографическая экспедиция

Северного Ледовитого океана, включавшая в себя две самостоятельных экспедиции. Экспедиция Западно-Сибирского района была организована для исследования Карского моря, экспедиция Восточно-Сибирского района – для исследования моря Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Общее руководство экспедицией взяло на себя Главное гидрографическое управление. В задачи экспедиции входило изучение условий мореплавания, составление лоций, проведение гидрометеорологических наблюдений и пр.

Важной вехой стало создание в 1920 г. Северной научно-промысловой экспедиции (Севэкспедиции) под руководством Р.Л. Самойловича. (В 1925 г. Севэкспедиция была реорганизована в Институт по изучению Севера, на базе которого в 1930 г. организован Всесоюзный арктический институт (ВАИ). В 1938 г. институт получил название Арктический научно-исследовательский институт (АНИИ), а в 1958 г. был переименован в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ).) Ученые Севэкспедиции и ее преемников внесли огромный вклад в дальнейшее изучение Арктики. Уже в первое десятилетие существования новой организации она организовала ряд экспедиций на острова Советской Арктики, в ходе которых был произведен комплекс научно-исследовательских работ, а также построены полярные станции. Многие экспедиции имели не только научное, но и важное государственное значение, поскольку способствовали закреплению этих территорий за страной.

В 1930 г. экспедицией на ледокольном пароходе “Георгий Седов” (начальник экспедиции О.Ю. Шмидт, капитан В.И. Воронин, руководитель научной группы В.Ю. Визе) впервые была исследована северная часть Карского моря. 13 августа во время похода от Земли Франца-Иосифа к Северной Земле в районе, расположенном на северо-востоке от мыса Желания (Новая Земля), участниками экспедиции был открыт небольшой остров, существование которого в 1924 г. предсказал В.Ю. Визе (остров Визе). 21 августа на севере Карского моря были открыты еще два острова, названные именами Исаченко и Воронина, а на следующий день – остров Длинный. Спустя некоторое время пароход подошел к группе островов архипелага Сергея Каменева (с 1937 г. – архипелаг Седова). Один из этих островов – остров Домашний – был выбран для строительства первой североземельской полярной станции. 30 августа, оставив на острове участников Североземельской экспедиции ВАИ, пароход “Георгий Седов” продолжил путь на север. На широте 80°55′ и долготе 90°06′ был открыт еще один остров, который назвали в честь начальника экспедиции островом Шмидта.

Оставшиеся на острове Домашний участники Североземельской экспедиции ВАИ Г.А. Ушаков, Н.Н. Урванцев, С.П. Журавлев и В.В. Ходов в течение двух лет во время санных и пеших походов обследовали все острова архипелага Северная Земля и составили его первую карту. Было выяснено, что архипелаг состоит из четырех крупных островов (Комсомолец, Октябрьской революции, Большевик, Пионер) и ряда мелких, расположенных группами и порознь. Экспедиция открыла проливы Шокальского и Красной Армии, побывала в самой северной точке архипелага. В августе

1932 г. четверка полярников закончила работу, а на географической карте Арктики впервые появилось точное изображение Северной Земли.

В 1932–1933 гг. страна приняла участие в проведении Второго международного полярного года. В рамках этой программы на островах и побережьях арктических морей была значительно укрупнена сеть полярных станций, а также проведен ряд экспедиций для исследования морей Северного Ледовитого океана. Так, в 1932 г. экспедиция на ледокольном пароходе “Русанов” (начальник Р.Л. Самойлович) выполнила работы в восточной части Карского моря, проливах Вилькицкого и Шокальского, а экспедиция Главного гидрографического управления на ледокольном пароходе “Таймыр” (руководитель А.М. Лавров) провела гидрографическую съемку северной и северо-восточной частей Карского моря, а также впервые обследовала североземельские проливы.

Наиболее выдающимся событием этого года стал первый в истории сквозной проход по Северному морскому пути за одну навигацию, осуществленный экспедицией на ледокольном пароходе “А. Сибиряков” под руководством О.Ю. Шмидта. “А. Сибиряков” под командованием капитана В.И. Воронина вышел из Архангельска в конце июля 1932 г. (рис. 2.13),

Рис. 2.13. Проводы участников экспедиции на ледокольном пароходе “Сибиряков”. Архангельск, 1932 г.

а в начале августа подошел к острову Диксон. 12 августа во время следования от Диксона на север участниками экспедиции был открыт остров, названный именем гидрографа К.Е. Сидорова. Параллельным курсом из Диксона за “А. Сибиряковым” шел ледокольный пароход “Русанов”, следовавший на мыс Челюскина с грузами для полярной станции. Примерно в 60 милях к северу от острова Сидорова участники экспедиции открыли еще один остров, принадлежащий к архипелагу, открытому в 1933 г. и получившему по предложению В.Ю. Визе название островов Известий ЦИК. 13 августа “А. Сибиряков” подошел к острову Домашний, где состоялась встреча с четверкой участников Североземельской экспедиции. Пользуясь картой Северной Земли, предоставленной Н.Н. Урванцевым, руководство экспедиции приняло решение об изменении маршрута судна. Во второй половине августа пароход впервые в истории обошел архипелаг Северная Земля с севера. 26 августа экспедиция прибыла в Тикси, 3 сентября была уже у мыса Медвежий (устье Колымы). Дальнейший поход проходил в сложных ледовых условиях, но, несмотря на все сложности похода, 1 октября “Сибиряков” вышел в Берингов пролив.

17 декабря 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути (ГУСМП), одной из главных задач которого стало обеспечение безопасного плавания по арктическим морям. Возглавил ГУСМП О.Ю. Шмидт. В навигацию 1935 г. транспортные караваны судов прошли Северным морским путем с запада на восток и с востока на запад. Северный морской путь, объединивший в единую водную магистраль путь через арктические моря и великие сибирские реки, начал работать. Использование Северного морского пути дало толчок бурному развитию экономики и народного хозяйства Крайнего Севера. К концу 1930-х гг. для обеспечения судоходства на Северном морском пути была создана развитая инфраструктура: в устьях сибирских рек построены арктические порты, на островах и побережьях вдоль трассы СМП открыты новые полярные станции.

Исследовательские работы и транспортные операции в морях Северного Ледовитого океана нередко приводили к новым географическим открытиям. Так, в 1934 г. во время работы ледокола “Ермак”, обслуживавшего карскую и ленскую операции, были открыты расположенные к северу от архипелага Норденшельда острова Кирова и небольшой островок Орловского.

В 1935 г. начался новый этап в исследовании Арктики – ученые ВАИ приступили к изучению высокоширотных районов, т. е. приполярных областей земного шара. Первая высокоширотная экспедиция на ледокольном пароходе “Садко” (начальник экспедиции Г.А. Ушаков, капитан Н.М. Николаев) началась в июле 1935 г. в европейском секторе Арктики. От Новой Земли пароход направился в Карское море к острову Визе. Северная часть Карского моря представляла собой “белое пятно”. В этой части моря участники экспедиции обнаружили обширное мелководье, которое оказывало влияние на ледовый режим Карского моря. На мелководье был открыт небольшой остров, названный в честь руководителя экспедиции островом Ушакова. 8 сентября по пути от этого острова к мысу Литвинова на Северной Земле были открыты еще три небольших островка.

Обследовав восточную и центральную часть мелководья, “Садко” взял курс на север. 13 сентября судно дошло до широты $82^{\circ}41,6'$ – был установлен рекорд свободного плавания во льдах.

21 мая 1937 г. на льду в районе Северного полюса начала работать первая советская научно-исследовательская дрейфующая станция “Северный полюс”. Исследования, выполненные И.Д. Папаниным, Е.К. Федоровым, П.П. Ширшовым и Э.Т. Кренкем, открыли новый этап изучения природы Арктического бассейна с помощью дрейфующих станций.

Во второй половине 1930-х гг. в Арктике работало множество морских экспедиций, проводивших гидрографические исследования морей и расположенных в них островов. Этим экспедициям удалось обнаружить ряд отсутствующих на географической карте островов, проливов и заливов. Благодаря усилиям гидрографов, карты морей Советской Арктики были уточнены, на них появились новые названия. В 1938 г. вышла в свет “Обзорная географическая карта Севера СССР”, подготовленная коллективом сотрудников АНИИ.

В годы Великой Отечественной войны была подтверждена стратегическая необходимость решенной в предвоенные годы задачи превращения Северного морского пути в действующую транспортную магистраль. Все трудные военные годы с запада на восток и с востока на запад шли караваны транспортных судов, которые перевозили грузы, необходимые для фронта и тыла. Для проведения ледовой разведки использовались самолеты полярной авиации, которые не только совершали полеты над трассой Северного морского пути, но и удалялись к северу от нее, что позволило окончательно закрыть проблему “белых пятен” в советской Арктике.

Исследования Арктики во второй половине XX века

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны советские ученые развернули широкую программу исследований Арктики, при этом наибольшие силы были направлены на изучение Арктического бассейна.

В 1948–1950 гг. АНИИ при поддержке ГУСМП начал наблюдения в ранее неизученных и труднодоступных районах Арктики, расположенных к северу от Новосибирских островов. В первой послевоенной Воздушной высокоширотной экспедиции “Север” принимали участие восемь самолетов, в научный состав экспедиции входили ведущие сотрудники АНИИ. Самолеты доставляли экспедиционные группы в заранее намеченные точки в приполюсном районе. В течение нескольких суток группы проводили серии научных исследований, в частности, были измерены глубины океана.

В результате работ, выполненных Воздушными высокоширотными экспедициями в конце 1940-х гг., советские ученые сделали открытие, существенно изменившее прежние представления о природе Арктического бассейна. На картах рельефа дна приполюсной части Северного Ледовитого океана впервые появилось изображение мощного подводного хребта, простиравшегося от Новосибирских островов через Северный полюс к Гренландии и Земле Элсмira. В 1951 г. этот хребет получил имя М.В. Ломоносова.

В 1950 г. была открыта дрейфующая станция “Северный полюс-2” (СП-2) (начальник М.М. Сомов), в 1954 г. почти одновременно открылись

станции СП-3 (А.Ф. Трешников) и СП-4 (Е.И. Толстиков). С этого времени и до начала 1990-х гг., сменяя друг друга, дрейфующие станции работали в Арктике постоянно.

В 1957–1958 гг. Советский Союз принял участие в программе Международного геофизического года (МГГ). Значительные исследования по программе МГГ были выполнены в морях Северного Ледовитого океана во время морских экспедиций, а также на дрейфующих станциях “Северный полюс”.

Исследования в последующие годы, проведенные сотрудниками дрейфующих станций и высокоширотных экспедиций, позволили более подробно изучить дно Полярного бассейна и выявить новые детали рельефа этой части Северного Ледовитого океана. Вслед за подводным хребтом Ломоносова были открыты трансарктический хребет Менделеева, хребет Гаккеля, котловины Макарова, Нансена, Амундсена, Канадская, Подводников, поднятие Альфа и Чукотское.

На основании многолетних исследований, выполненных сотрудниками ААНИИ и других ведомств в Арктике, были подготовлены и опубликованы фундаментальные “Атлас океанов. Северный Ледовитый океан” (1980 г.) и “Атлас Арктики” (1985 г.), удостоенный Государственной премии.

Исследования Арктики в начале XXI века

Начало третьего тысячелетия было связано с новым этапом в исследовании Арктики. В апреле 2003 г. после двенадцатилетнего перерыва была открыта дрейфующая станция “Северный полюс-32”. 14 апреля 2003 г. в целях восстановления экспедиционных исследований и работ в центральной части Северного Ледовитого океана в составе ААНИИ была организована Высокоширотная арктическая экспедиция (ВАЭ). Начиная с 2004 г., мероприятия по организации и эвакуации дрейфующих станций осуществляются в рамках комплексной морской высокоширотной экспедиции “Арктика”. В задачу экспедиций входит также комплексное изучение природных условий высокоширотной Арктики и их изменчивости в современную эпоху.

Центральным событием первого десятилетия XXI в. стало проведение по инициативе России Международного полярного года 2007/08, программа которого была направлена на привлечение научного и общественного внимания к полярным регионам, к изменениям в них окружающей среды и к оценке влияния этих изменений на планету в целом. В мероприятиях МПГ в России принимали участие более 80 институтов и организаций, восемь министерств и ведомств, а также ряд негосударственных организаций, ассоциаций и фондов. Многочисленные экспедиции, проводившиеся в различных районах Северного Ледовитого океана, носили комплексный характер и позволили собрать уникальный объем натурных данных по всем направлениям научной программы МПГ.

Во многом благодаря МПГ в России были приняты важные стратегические решения по развитию деятельности России в высоких широтах, такие как “Основы государственной политики Российской Федерации в

Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу”, “Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом аспектов изменения климата)”, “Климатическая доктрина Российской Федерации на период до 2020 года” и др.

В эти же годы ученые различных ведомств и организаций развернули работы по определению внешней границы континентального шельфа России в Арктике. Полученные в ряде экспедиций 2000-х гг. материалы легли в основу заявки России на принадлежность шельфа арктических морей, подготовленную для Комиссии ООН.

* * *

Таким образом, анализ процессов заселения Сибири и первоначально-го освоения ее природных ресурсов, а также истории и современного состояния научных исследований ее территории, природных богатств и регионального социума позволяет выявить особенности и господствовавшие тенденции колонизации Россией данной территории.

Освоение человеком Сибири и использование ее богатств началось десятки тысяч лет назад во время первоначального заселения планеты и в ходе последующих великих переселений народов. К моменту прихода сюда русских здесь сложились два основных цивилизационных типа народонаселения: кочевой и скотоводческо-промысловый, которые определялись географией проживания народов. В численном отношении преобладали кочевники степной и лесостепной зоны Сибири, меньшая по численности часть была представлена охотниками и оленеводами тундры, лесотундры и тайги.

Проживавшие в регионе народы не представляли собой разрозненные и изолированные племена, а находились в состоянии сложного социально-экономического взаимодействия. Среди них доминировали хозяйственные связи в виде прямого обмена продуктами промысла и ремесел, а также практиковался транзитный (посреднический) обмен товарами, поступавшими в регион из развитых частей континента и, прежде всего, из Китая и Монголии. Все народы региона прямо или опосредованно входили в состав или сферу интересов степных империй и Китая или квазигосударственных образований возникших на их руинах.

С приходом в Сибирь русских начались сложные процессы, приведшие к замене традиционных вассальных и экономических взаимоотношений между туземными народами. Разные виды повинностей, разрушение традиционных иерархических связей, привнесение новых товаров и технологий, постепенно, но неуклонно меняли образ жизни, способы хозяйствования, ментальность и приоритеты местного населения.

Движение русских на Восток по необъятным малозаселенным и недружественным землям осуществлялось с целью их присоединения к российскому государству. Покорение территории предусматривало установление над ней контроля, обеспеченного укрепленными поселениями служивых людей. Укрепления располагались в местах, наиболее целесообразных с военной точки зрения, поэтому значительная часть из них была неудобна для городов, возникших на их основе. Основная часть городских поселе-

ний Сибири была основана в процессе открытия и присоединения зауральских территорий в конце XVI–XVII вв. Ряд старинных городов по разным причинам потеряли черты и функции города и были переведены в разряд сельских поселений. Рост сибирских городов продолжался весь имперский период, что привело к созданию разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков. Определяющими для их развития факторами стали специализация на промысловых и обменных операциях, а также формирование торгово-промышленного населения.

Освоение и колонизация Сибири русскими людьми, государственными институтами и бизнес-структурами требовали изучения, систематизации, анализа и распространения знаний о регионе, его природных богатствах и населении. Вслед за военными отрядами шли исследовательские экспедиции, занятые поиском месторождений золота и серебра для пополнения казны. В соответствии с этим, перед первопроходцами ставилась задача исследования и постоянного информирования власти о географии и возможных путях передвижения служилых людей и крестьянства.

Впоследствии правительство империи стало целенаправленно снаряжать специализированные экспедиции для изучения, уточнения и дополнения информации о присоединенных и осваиваемых территориях. С середины XIX в. эти функции выполняло Русское географическое общество, в процессе функционирования которого в регионе создавались его отделы и отделения. Затем в эту работу включилась Академия наук, а с середины XX в. ее Сибирское отделение и вузы региона.

Глава 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

3.1. ТРАНСПОРТНОЕ ОСВОЕНИЕ

В процессах освоения огромной территории Сибири большая роль принадлежала и принадлежит транспорту. В истории транспортного освоения можно выделить пять этапов (рис. 3.1).

Первоначальная транспортная система Сибири (до 1735 года)

До появления русских на этой территории уже имелось коренное население, которое занималось в основном кочевым или полукочевым скотоводством, рыболовством и охотничьим промыслом. Здесь использовался выючный и гужевой транспорт, способный проникать в любые экстремальные районы.

Первопроходцами географическое положение Сибири изначально оценивалось как не вполне благоприятное для развития здесь торговых путей сообщения. С юга Сибирь глухо отрезана труднопроходимыми горными массивами и пустынными областями от Индии и Китая, с запада на тысячи верст удалена от европейской части России.

Почти все основные маршруты первоначального русского продвижения в глубь новых районов связаны с реками как наиболее доступными, а иногда и единственными путями проникновения в необжитые восточные местности. В начале XVI в. русские землепроходцы открыли морской путь в Обскую губу и Тазовскую губы. Пользуясь услугами проводников-эвенков и других коренных жителей края, хорошо знавших его топографию и гидрографическую сеть, отряды землепроходцев уверенно двигались на восток из бассейнов Таза и Оби на Енисей, от Енисея на Лену, а оттуда по Алдану в систему Амура и к берегам Охотского моря.

В это время основной и единственной сквозной широтной магистралью был Великий Сибирский вод-

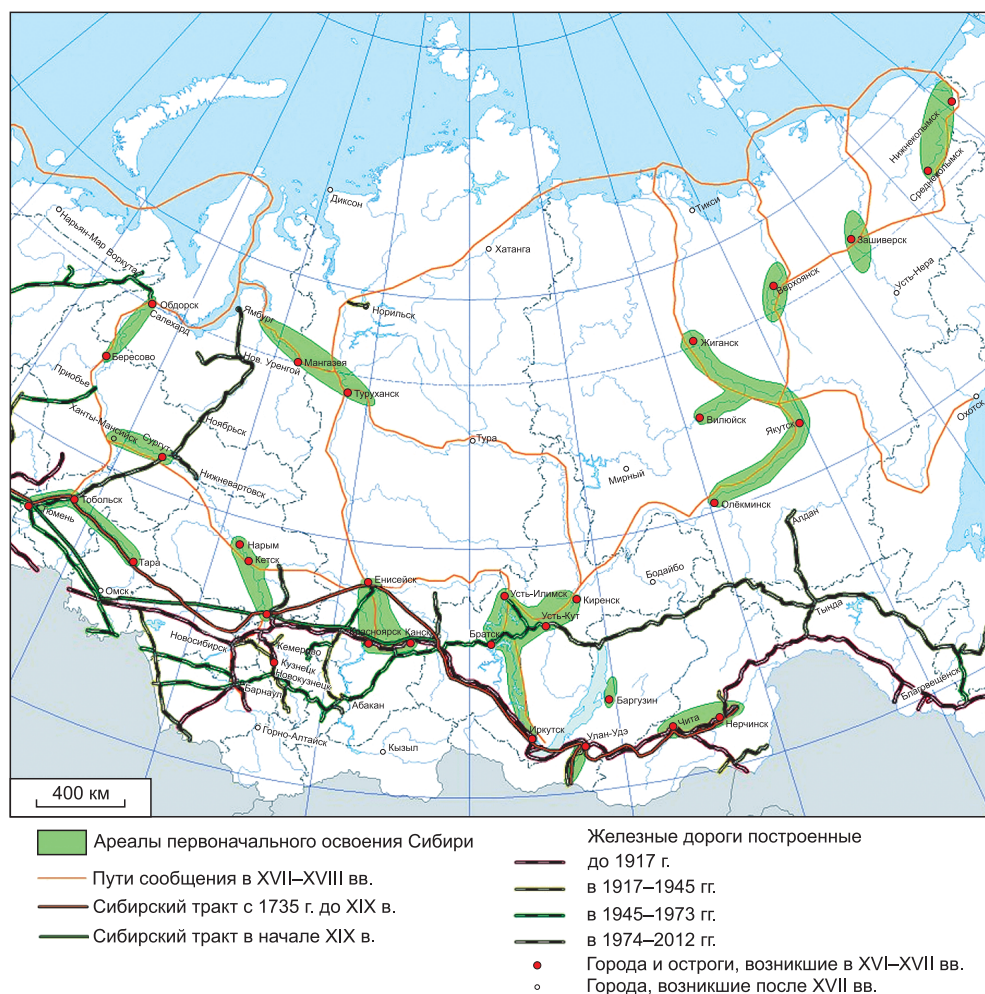

Рис. 3.1. Транспортное освоение Сибири.

ный путь по системе рек Тура–Тобол–Иртыш–Обь–Енисей–Ангара–Байкал–Селенга. По этому пути осуществлялись торговые связи России с Китаем. В этот период большую экономическую и стратегическую роль играли волоки, на которых в первую очередь стремились закрепиться русские служилые и промышленные люди. Между Обью и Енисеем проходили волоки, связывавшие реки Вах и Елогуй, Тым и Сым, Кеть и Кас (Маковский волок). Между Нижней Тунгуской и Леной использовался волок Чечуйск–Подволошино. Но особенно большое значение имел Ленский волок, ведущий из системы Ангары на Лену через Илим и р. Кута [Каючкин, 2003].

Морской путь в Мангазею был закрыт царским указом в 1620 г. и в дальнейшем не возобновлялся. Зато к востоку от Таймырского полуострова, в морях Лаптевых и Восточно-Сибирском, прибрежное плавание на ко-

чах широко использовалось в XVII в. русскими землепроходцами для связи между устьевыми участками Лены, Оленека, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы, а также организации морского зверобойного промысла. Благодаря созданию более надежных гужевых путей в северных районах морской путь уже с конца XVII в. утратил свое значение. Однако в XVIII в. проводились многочисленные морские плавания в связи с работами Великой Северной экспедиции, составлявшей описание побережья и занимавшейся поисками новых земель в Северном Ледовитом океане.

В начале XVIII в. русские начали заселять юг Западной Сибири и Восточный Казахстан. Появились широкие возможности для развития гужевого транспорта. Большую роль в экономическом развитии Сибири в XVII–XVIII вв. играл торговый капитал. Пушно-меховая торговля, торговые связи с Монголией и Китаем, а позднее с владениями Российско-Американской торгово-промышленной компании на Алеутских островах и на американском материке служили источниками состояния сибирских купцов. Торговые связи с Китаем через Кяхту получили широкий размах после заключения в 1728 г. Кяхтинского трактата. До постройки Сибирского тракта торговля осуществлялась водным путем по Селенге, далее через Байкал и далее по рекам Ангара и Енисей. В первый период главными предметами торговли были меха, вывозившиеся в Китай, и шелковые и хлопчатобумажные ткани, шедшие из Китая. Позже важное значение приобрела чайная торговля, размер которой непрерывно возрастал.

Присоединение Сибири к России создало для местных народов возможность преодоления вековой экономической отсталости и перехода на более высокую ступень в развитии хозяйства. Основные перевозки грузов осуществлялись по водным путям. Из-за большой протяженности и краткости навигационного периода перевозки были дорогими и медленными. С развитием производительных сил, усилением торговых связей потребовалось изыскание новых путей и средств транспорта.

Трактовое развитие транспортной системы Восточной Сибири (1735–1890 гг.)

Устройство Сибирского тракта (1735–1772 гг.) имело большое значение для изменения географии транспорта Сибири и развития производительных сил в регионе, усиления межрайонных торговых связей. Тракт начинался от Екатеринбурга и проходил через Тюмень, Тобольск, Колывань, Томск, Енисейск, Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск и заканчивался Сретенской станицей. В дальнейшем Сибирский тракт постепенно перемещался все более к югу. Он использовался преимущественно в зимнее время, так как большая часть его в летний период, а тем более во время осенней и весенней распутиц, была непроезжей. Несмотря на высокую стоимость провоза грузов гужевым транспортом на санях, Сибирский тракт (позже названный Московским) имел важное преимущество перед старыми водными путями в том отношении, что обеспечивал более быстрое продвижение товаров, ускорял обороты торгового капитала. Тракт позволил переместить широтные экономические связи Сибири к югу, в более

ценные для сельского хозяйства лесостепные районы, способствовал их скорейшему заселению и освоению [Покшишевский, 1951]. У тракта располагались сотни постоянных дворов, фуражных складов, тележных, санных и сбруйных мастерских, занятых обслуживанием постоянно возрастающего грузопотока. От тракта шли ответвления на Крайний Север (Тюмень–Тобольск–Самарово–Березов), в Нарым и на Алтай.

Во 2-й половине XVIII в. было снаряжено более 100 промысловых экспедиций на Аляску и Алеутские острова. Деятельность Российско-Американской компании вызвала массовые перевозки грузов по Верхне-Ленским гужевым трактам и р. Лена до Якутска, а оттуда по рекам Алдан, Мая и Юдома и вьючными тропами к Охотскому порту, где производились постройка и снаряжение экспедиционных судов. В последней четверти XVIII в. был устроен почтовый тракт вдоль р. Лена, где через каждые 25–30 км были установлены “станки”, на которых были поселены русские крестьяне-ямщики, обязанные перевозить почту, грузы и пассажиров зимой по льду реки, а летом бечевой в лодках. Охотский вьючный тракт, устроенный для перевозки грузов Камчатской экспедицией Беринга, а затем получивший важное значение в связи с деятельностью Российско-Американской компании, обеспечивал связи Якутска с побережьем Охотского моря. В конце XVIII в. ежегодно в порядке гужевой повинности, 6–10 тыс. якутских лошадей и 1200–1600 проводников было занято на перевозках грузов по этому тракту [Восточная Сибирь, 1963].

Основное снабжение Якутии и Ленского золотопромышленного района осуществлялось по Якутскому (Иркутск–Жигалово), Илимскому (Тулун–Усть-Кут) и Шалашниковскому (Тыреть–Жигалово) трактам. Внутренних трактов в дореволюционной Сибири (до 1917 г.) насчитывалось около 80, а их общая протяженность составляла около 6 тыс. км [Винокуров, 2002].

Несмотря на постройку Сибирского и других трактов, значение водных путей в ряде мест оставалось очень большим, и часто перевозки грузов осуществлялись смешанно – и по трактам, и по воде. Так, длительное время осуществлялись перевозки чая через Байкал, а затем сплавом вниз по Ангаре с проводкой судов через Ангарские пороги. Большое место занимал сплав грузов по Лене, где он, особенно в мелководной верхней части от Качуга до Усть-Кута, сохранял свое значение и после революции 1917 г. В поселениях, расположенных по берегам верховьев Лены (Бирюлька, Чанчур, Тарель и др.), широкое развитие получило карбазостроение – ежегодно сооружались сотни карбазов.

Значимую роль в дореволюционном экономическом развитии Сибири играла золотодобывающая промышленность. В связи с этим в середине XIX в. возникают пароходства на Енисее, Лене, Витиме, Шилке. Строятся гужевые дороги и прокладываются скотопрогонные пути к приискам и перевалочным пунктам – речным пристаням.

Постройка Сибирского и других трактов стала новым этапом в освоении и хозяйственном развитии сибирских губерний. Главные тракты связывали сибирские губернии и области с Центральной Россией. По ним осуществлялись основные пассажирские и грузовые перевозки.

**Магистральное развитие транспортной системы Сибири
(1890–1945 гг.)**

С ростом объема перевозок все более остро начинает ощущаться низкая мобильность системы путей сообщения. Особенную тревогу вызывает недостаточность главной транспортной артерии – Сибирского тракта, все более остро встает вопрос о необходимости строительства Сибирской железной дороги. Его начинают рассматривать в правительственных кругах в 1857 г. [Каючкин, 2003]. Однако серьезное решение этого вопроса начинается лишь в последние десятилетия XIX в.: в 1887 г. правительство формирует для железнодорожных изысканий три инженерных экспедиции: Уссурийскую, Средне-Сибирскую и Забайкальскую [Несколько слов о Сибирской железной дороге, 1890]. Решение о постройке Великого Сибирского железнодорожного пути одновременно с двух сторон (от Челябинска и от Владивостока) было принято в начале 1891 г.

Сибирская магистраль делилась согласно проекту на следующие линии: Западно-Сибирская (Челябинск–Обь); Средне-Сибирская (Обь–Иркутск с веткой к Томску); Кругобайкальская (Иркутск–Мысовая); Забайкальская (Мысовая–Сретенск); Амурская (Сретенск–Хабаровск); Уссурийская (Хабаровск–Владивосток).

Сооружение Великого Сибирского пути началось в 1891 г. (17 мая 1891 г. во Владивостоке состоялась закладка железной дороги), но в более широких масштабах развернулось в 1892–1894 гг. В 1895 г. закончилась постройка ж.д. линии Челябинск–Обь, а 6 декабря 1895 г. первый поезд прибыл в Красноярск. В марте 1897 г. железная дорога доходила до Канска, а 9 сентября 1897 г. первый поезд встречали в Нижнеудинске. 16 августа 1898 г. первый поезд прибыл в г. Иркутск [Каючкин, 2003]. В 1893 г. было решено, не дожидаясь окончания строительства Кругобайкальской дороги (где объем работ был очень велик и сроки затягивались), проложить ветку от Иркутска до пристани близ мыса Баранчик на западном берегу Байкала и устроить от нее регулярное сообщение паромами через озеро до Мысовой, что и осуществили к 1901 г. В 1900 г. были сданы в эксплуатацию участки Иркутск–Байкал и Мысовая–Сретенск, а в 1901 г. – ветка на Маньчжурию. В 1905 г. закончилось строительство кругобайкальского участка, и поезда пошли по сквозной магистрали. Со строительством Китайско-Восточной железной дороги Россия получила выход к своим дальневосточным портам. Вся Китайско-Восточная железная дорога была сдана в эксплуатацию к 1904 г. Необходимость сооружения Амурского участка Транссибирской магистрали временно отпала. После русско-японской войны Порт-Артур и Дальний были потеряны для России, а южное направление КВЖД попало под контроль Японии. Это заставило вновь вернуться к идее строительства Амурского участка Транссиба. Амурская линия вступила в эксплуатацию в 1916 г. [Винокуров, 2002].

Ввод в эксплуатацию Транссиба явился выдающимся событием в деле ликвидации экономической изолированности огромного Сибирского края. Перевозки интенсивно нарастали, и, чтобы их обеспечить, в 1907 г. было начато строительство второй колеи, которое было полностью завершено в 1916 г. на всей Транссибирской магистрали. В 1912 г. было организовано

общество Кузнецких каменно-угольных копей, которое начало строительство Кольчугинской железной дороги и в 1916 г. сдало в эксплуатацию железную дорогу Юрга–Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий). В 1915 г. закончилось строительство первого звена Турксиба Новониколаевск–Семипалатинск с веткой Алтайская–Бийск.

В Иркутской области существовавшая схема транспортных сообщений пополнилась еще одним направлением – Ангара-Ленским. Перевозки стали осуществляться из Иркутска по Ангаре до пристани Заярск и далее по тракту до Усть-Кута, где передавались на суда Ленской флотилии.

Железнодорожные и речные перевозки, где использовались моторные транспортные средства, по сравнению с гужевыми обходились намного дешевле. Существенно сократить этот разрыв гужевой транспорт был уже не в состоянии, он доживал свой век, на смену ему шел автомобильный транспорт. Несмотря на значительное улучшение транспортно-географического положения, общий уровень экономического развития Сибири в начале XX в. был невысок. Предметами вывоза по-прежнему оставались золото и пушнина. Транссиб выполнял преимущественно транзитные функции.

С первых лет советской власти большие усилия были направлены на ликвидацию разрухи после гражданской войны и иностранной интервенции. В этот период осуществляются усиление и переустройство под автомобильное движение гужевых трактов, а также строительство ряда новых автодорог во всех прижелезнодорожных административных районах.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны исходил из сочетания идеи “сверхмагистрализации” транспортной системы и строительства новых путей сообщения. Первой железной дорогой, строительство которой было начато в годы первой пятилетки, стала Обь–Инская–Проектная. Из других линий, построенных в связи с осуществлением проекта сверхмагистрализации, следует отметить железную дорогу Шарташ–Курган. В годы первых пятилеток были уложены вторые пути на участках Омск–Челябинск, Карымская–Хабаровск. В предвоенные годы в Сибири были построены ряд преимущественно субмеридиональных железных дорог, идущих от Транссиба: Ачинск–Абакан (1925), Заудинский–Наушки (1940), Борзя–Соловьевск (1940), Томск–Асино (1937 г.). В третьей пятилетке разворачиваются работы на Южно-Сибирской магистрали по направлению Карталы–Целиноград–Павлодар–Кулунда–Алтайская–Артышта.

Строительство автомобильных дорог в Сибири широко началось после революции 1917 г. лишь во второй пятилетке. Большие реконструкционные работы стали осуществляться на Сибирском тракте, с 1931 г. начались работы на Усинском тракте (Абакан–Кызыл), строились Чуйский тракт, дорога Новосибирск–Ленинск-Кузнецкий. Настоящее благоустройство дорог началось позже, только в 1960-е гг. [Колесов, 1982].

17 мая 1928 г. в Иркутске организуется управление сибирских воздушных линий. В августе 1928 г. с открытием авиагидролинии Иркутск–Якутск положено начало развития воздушного транспорта. В мае 1929 г. открылась почтовая авиалиния Красноярск–Иркутск. Тогда это был конечный участок Московской авиамагистрали. По обоим направлениям долгое

время перевозилась только почта. В 1932 г. открылись воздушные линии Иркутск–Владивосток, Новосибирск–Сталинск (Новокузнецк), Новосибирск–Томск–Каргасок. В 1943 г. гидролиния и гидропорт в Иркутске были закрыты, авиаперевозки стали осуществляться самолетами на колесном шасси по спрямленным сухопутным авиатрассам не только в Якутск, но и в другие пункты. Введенные в эксплуатацию поршневые самолеты АН-2, ЛИ-2 и турбовинтовые ИЛ-14 осуществляли перевозки пассажиров, грузов и почту.

В ходе рассмотренного этапа железная дорога прочно заняла подобающее ей ведущее место в транспортной системе Сибири, надолго оттеснив гужевые тракты на второстепенную роль подъездных путей к железнодорожным станциям и речным пристаням. Повсеместно произошла переориентация транспортного обслуживания. Основная тяжесть грузооборота колесных дорог перераспределилась с магистрального на внутренние перевозки. Появился новый вид транспорта – воздушный.

Формирование комплексной транспортной системы Сибири (1945–1990 гг.)

После Великой Отечественной войны железнодорожное строительство активизировалось во всех районах Сибири. В 1946 г. началась электрификация Транссибирской магистрали. Весной 1949 г. началось строительство Южно-Сибирской железнодорожной линии на участке Новокузнецк–Абакан, а с 1950 г. приступили к прокладке дороги Аскиз–Абаза. Обе эти железные дороги были сданы в эксплуатацию в 1959 г. Первым участком Средсиба (в пределах Сибири) была линия Карасук–Камень. В 1961 г. линия была сдана в постоянную эксплуатацию. В сентябре–октябре 1956 г. развернулись работы на линии Карасук–Иртышское–Омск, которые закончились в 1960 г. Железная дорога Чум–Салехард была сдана в эксплуатацию в 1955 г.

К концу 1958 г. закончилось начатое в довоенное время строительство железной дороги на участке Тайшет–Лена, необходимое для успешного освоения гидроэнергетических ресурсов Ангары. С выходом железной дороги на Лену утратили свое магистральное значение Якутский и Шелашниковский тракты и судоходство на Верхней Лене, грузопотоки для северо-востока Иркутской области и Якутии были переключены на новое, более рентабельное железнодорожно-водное сообщение через Тайшет и порт Осетрово, ставший впоследствии одним из крупнейших речных портов страны. Пристани Качуг и Жигалово к 1960 г. прекратили свое существование.

К 1960 г. в основном была закончена техническая реконструкция Транссибирской железной дороги на всем протяжении от Москвы (через Челябинск) до Байкала. После сооружения в 1950-х гг. Иркутской ГЭС участок Транссибирской магистрали от Иркутска до ст. Байкал попал в зону затопления водохранилищем. В связи с этим была построена новая электрифицированная линия Иркутск–Слюдянка, заменившая Кругобайкальский обход.

Начал развиваться трубопроводный транспорт. В 1956 г. закончилось строительство первого нефтепровода Туймазы–Омск. Вторую нитку нефтепровода Туймазы–Омск–Ангарск стали вести в 1957 г., до Ангарска ее провели в 1964 г. Наряду с сооружением нефтепроводов в 1959 г. было завершено строительство продуктопровода Омск–Сокур [Колесов, 1982]. В конце 1970-х гг. в Иркутской области был проложен подземный газопровод (этиленопровод) от Ангарска до Саянска [Винокуров, 2002]. В 1972 г. введен в эксплуатацию нефтепровод Сургут–Стрежевой–Анжеро-Судженск.

В начале 1960-х гг. начинается строительство железнодорожных линий Ачинск–Лесосибирск (сдана в эксплуатацию в 1967 г.), Обь–Ивдель (1967 г.), Красная Сопка–Кия–Шалтырь (1968 г.), Енисей–Дивногорск (1969 г.). В 1965 г. вступила в строй железная дорога Тайшет–Абакан (656 км). В 1966 г. началось строительство железной дороги Тюмень–Тобольск–Сургут–Нижевартовск. В 1969 г. она вышла к г. Тобольск, а в 1975 г. к Сургуту. Железная дорога Решоты–Богучаны (306 км) строилась по частям и в разное время. На своем первоначальном участке (в пределах Красноярского края) до ст. Глинная (90 км) она проектировалась как лесовозная дорога и строительство ее здесь, по мере надобности, велось с 1938 по 1953 г. С 1959 г. началась прокладка дороги дальше до ст. Новобирюсинская (22 км). С 1977 г. линия от ст. Решоты до ст. Карабула (264 км) находится в постоянной эксплуатации, дальше ее строительство до станции Богучаны планируется. Железная дорога Хребтовая–Усть-Илимск (214 км), предназначенная для обеспечения строительства Усть-Илимской ГЭС, была сдана в постоянную эксплуатацию в декабре 1973 г.

С вводом в эксплуатацию ангарских ГЭС – Иркутской (1956 г.), Братской (1961 г.), Усть-Илимской (1974 г.) – сквозной водный путь по Ангаре оказался разделенным на замкнутые водоемы-водохранилища и стал использоваться в основном для местных внутрирайонных перевозок. При этом значительно улучшились судоходные характеристики как по бывшему ангарскому фарватеру, так и по боковым рекам, захваченным подпором воды от построенных плотин [Каючкин, 2003].

В январе 1974 г. возобновилось строительство БАМа. Из с. Половинка вышли 18 строителей, чтобы проложить зимник к будущей станции Таюра. Иркутский участок от Усть-Кута до Дабана введен в эксплуатацию в 1986 г. В постоянную эксплуатацию дорога от ст. Лена-Восточная до ст. Хани принята в ноябре 1989 г. [Винокуров, 2002]. Одновременно была начата и закончена в 1975 г. электрификация линии Тайшет–Лена и возвращено здесь (с 1974 г.) строительство 2-го главного пути, полностью закончившееся в 1982 г. Усиленная и продолженная на восток северная широтная магистраль внесла большое оживление в промышленное развитие притрассовых районов.

Выход железной дороги к северному берегу Байкала сильно повысил его транспортное значение как связующего магистрального звена. Сразу стала очевидной необходимость усиления берегового хозяйства и флота озера Байкал и прежде всего создания конечных главных причалов – северного (Нижеангарск) и южного (Култук).

С 1960-х гг. начинают вестись крупномасштабные работы по благоустройству автомобильных дорог региона. Для повышения эффективности работы автотранспорта проводятся мероприятия по совершенствованию дорожного покрытия по многим существующим направлениям. Кроме того, в 1962–1966 гг. строится капитальная автодорога Братск–Усть-Илимск, а с 1974 г. велось строительство автодорог Седаново–Богучаны и Тайшет–Братск.

В сентябре 1956 г. в Иркутск прибыл первый реактивный самолет Ту-104, а в 1972 г. – Ту-154. В последующие годы сеть магистральных и местных авиалиний Сибири расширялась. Самолеты и вертолеты перевозили большое количество не только пассажиров, почты и багажа, но и различного оборудования, машин и сборных конструкций на объекты новостроек.

Этот период отличается интенсивным развитием транспортной системы Сибири. Усиленными темпами строились новые железные и автомобильные дороги. В годы индустриализации проводилась коренная реконструкция основных видов транспорта и дорожной сети. Электрификация железных дорог привела к тому, что паровозы заменялись электровозами, на речном транспорте паровые суда заменялись дизельными, в авиации старые поршневые самолеты заменялись на турбореактивные и реактивные самолеты. Увеличились грузооборот и пассажирооборот всех видов транспорта.

Транспортная система Сибири в настоящее время

После распада Советского Союза экономический кризис 1990-х гг., охвативший все сферы хозяйственной деятельности, снизил эффективность работы транспортного комплекса как в Сибири, так и в стране в целом. Общий объем грузоперевозок всеми видами транспорта за период с 1990 по 1997 гг. уменьшился в несколько раз. Сократились капитальные вложения, направляемые на модернизацию подвижного состава и дорожной сети. Произошло старение основных фондов. Спад транспортной работы снизил прибыль при одновременном росте затрат на содержание и эксплуатацию транспортного комплекса.

С началом экономического роста (1999 г.) и соответственно увеличением объемов перевозок работа транспорта стала сдерживаться нехваткой подвижного состава и его низким техническим состоянием, нерациональностью структуры парка, отставанием в развитии дорожной сети.

Наиболее знаменательным событием этого периода явилось завершение строительства самого крупного тоннеля на БАМе – Северомуйского, с протяженностью главного хода 15 км. Летом 2002 г. по нему было открыто сквозное рабочее движение поездов. Немаловажным событием стал также перевод в конце 1995 г. достаточно протяженного участка Зима–Слюдянка с постоянного на переменный ток, а к 2000 г. электрификация БАМа была продолжена до ст. Таксимо. В 1996 г. БАМ прекратила свое существование как самостоятельное подразделение. Западный участок БАМа (от ст. Лена до ст. Хани) был передан Восточно-Сибирской железной дороге и стал составной частью ее Северобайкальского отделения [Винокуров, 2002].

В постсоветский период воздушный транспорт, по сравнению с другими видами транспорта, претерпел наибольший упадок, обусловленный расчленением и раздроблением единой компании (существовала единая технологическая и производственная система) на многочисленные компании, которые не оправдали надежд на то, что постоянная конкуренция между ними станет залогом повышения комфорта и безопасности полетов. Но поскольку воздушный транспорт необходим для дальних скоростных и особенно местных перевозок в слабоосвоенных районах, постольку принимаются соответствующие меры по преодолению кризиса в авиаперевозках. Роль гражданской авиации, особенно в северных районах Сибири, чрезвычайно велика, так как большая их часть из-за отсутствия железнодорожного транспорта и постоянно действующих автомобильных дорог практически полностью оторвана от экономически освоенной территории.

С 2009 г. введен в эксплуатацию новый нефтепровод Восточная Сибирь–Тихий океан (от г. Тайшет до Сковородино). В недалекой перспективе он будет продолжен до порта Козьмино. Началась прокладка газопроводов от местных месторождений, в частности, для газификации г. Братск.

Таким образом, современный магистральный каркас транспортной Сибири составляют железнодорожные, автомобильные, водные, воздушные и трубопроводные пути сообщения. В процессе расширения и углубления хозяйственного освоения территории сибирских регионов все более явственнее определялась ведущая роль железнодорожных магистралей. Начиная с ввода в строй Транссиба, схема железнодорожных путей неуклонно пополнялась новыми линиями, и, таким образом, увеличились их зоны непосредственного обслуживания и районов тяготения. Широтные и меридиональные железнодорожные магистрали с многочисленными ответвлениями обеспечивают устойчивые круглогодичные и рентабельные перевозки массовых грузов и пассажиров для довольно значительной части территории Сибири, особенно в зонах непосредственного обслуживания. Развитие железных дорог вносит существенные коррективы в систему функционирования других видов транспорта, прежде всего автомобильного и водного. Для удовлетворения потребностей экономики и населения Сибири необходима модернизация всех видов транспорта. Транспортная система Сибири должна полноценно обеспечить экономический рост и повысить качество жизни населения.

3.2. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЧТОВОЙ СЕТИ

Сегодня в эпоху господства информационно-коммуникационных технологий трудно представить, что примерно сто лет назад основным средством общения сквозь пространство была почтовая корреспонденция. Телеграфные линии соединяли далеко не все поселения, а телефонная связь функционировала в основном в больших городах. Что касается более далеких времен (свыше 150 лет назад), то тогда существовала только почтовая связь. На огромных просторах Сибири почта выполняла важную социально-экономическую функцию – соединяла в единое целое всех людей вне зависимости от их положения в пространстве. В организации почтового дела в Сибири было много проблем, порой приводивших к существенному

почтово-пространственному неравенству отдельных поселений, но развитие сети государственных почтовых учреждений позволяло надеяться на достижение равнодоступности услуг связи для всех жителей. Известны даже случаи, когда местное население проявляло повышенную активность в определении конкретного поселения для размещения там нового почтового отделения [Блануца, 2012].

Почтовое освоение территории, как и рассмотренное в предыдущем разделе транспортное освоение, являлось линейно-узловым. Это приводило к формированию “каркаса освоения” [Космачев, 1974], состоящего в данном случае из почтовых учреждений и соединяющих их почтовых трактов. Развитие такой структуры трактуется как почтово-сетевое (или просто почтовое) освоение территории. Акцентирование внимания именно на процессе развития линейно-узловой структуры (с момента зарождения до определенного года) необходимо для того, чтобы выявить некоторые историко-географические закономерности становления почтовой сети Сибири.

Историко-географический анализ направлен в первую очередь на получение нового знания о прошлом. Однако не следует забывать, что почтовая сеть была первой информационной сетью. Выявление закономерностей становления первой сети весьма важно для понимания последующих информационных сетей вплоть до современных компьютерных сетей. Отсюда следует, что, изучая прежние информационные сети, мы ищем подходы к познанию топологии и метрики будущего сетевого мира [Блануца, 2012].

Под почтовой сетью понимается конечное множество почтовых учреждений, связанных между собой почтовыми трактами и при этом находящихся во взаимодействии посредством обмена почтовой корреспонденцией. В досоветский период основными почтовыми учреждениями были почтовое (почтово-телеграфное) отделение и почтовая (почтово-телеграфная) контора. Изначально вся почта перевозилась на лошадях (на Севере на оленях и собаках) по почтовым трактам. Затем появились почтовые пароходы и вагоны. Впрочем, гужевой транспорт и лодки во многих местах оставались основным средством перевозки почты. К примеру, на р. Лена почтовые лодки даже имели собственное название – “шитик”. Для удобства изложения железнодорожные пути и пароходные линии будут также называться почтовыми трактами. Взаимодействие между двумя учреждениями, заключающееся в отправлении и получении почтовой корреспонденции, в досоветский период называлось “обмен почт”. Именно этот обмен определял территориальный размер (границы) почтовой сети каждого конкретного учреждения.

Стационарные почтовые учреждения (существовали также “подвижные почтовые отделения” – почтовые пароходы и вагоны) находились не только в городах, поселках, селах и деревнях, но и на пристанях, приисках, рудниках, заводах и иных социально-экономических объектах. Чтобы отличать эти поселения от множества населенных пунктов без каких-либо почтовых учреждений, будем использовать термин “почтовое поселение” (т. е. населенный пункт, в котором размещено как минимум одно почтовое учреждение).

Историю отечественной почты можно разделить на три периода – русский, советский и российский [История..., 2013]. В данном разделе рассматривается период функционирования русской почты. Регулярная доставка почты в Сибирь была организована в конце XVII в. По данным А. Вигилёва [1975], первый почтарь выехал из Москвы 8 января 1699 г. Он вез 28 царских указов воеводам различных городов Урала и Сибири, а также 12 грамоток (так на языке того времени назывались купеческие письма). При этом почтовых учреждений еще не было, а обязанности по получению и отправлению почты возлагались на воевод. Только в 1782 г. открылись почтовые конторы в Тобольске и Томске, соединенные почтовым трактом с Екатеринбургом [Добин, 2009]. Это была первая почтовая сеть Сибири. Ее развитие будет анализироваться по 1916 г. – последний статистически целый год Российской империи. Далее пошли смутные времена, отсутствие информации по которым не позволило продолжить статистический анализ. В итоге изучаемый период времени составил 135 лет, а с учетом фиксации сведений об изменениях почтовой сети по месяцам – 1620 точек на оси времени. Все даты записывались по применявшемуся тогда юлианскому календарю. Перевод этих дат в ныне используемый григорианский календарь производится путем прибавления 11 дней к датам 1700–1799 гг., 12 – к датам 1800–1899 гг. и 13 дней – к датам с 1900 г. по 1 февраля 1918 г.

Территориальные рамки исследования устанавливались по двум трактовкам понятия “Сибирь” – современной (Западная и Восточная Сибирь, включая Якутию) и дореволюционной. В те годы вся территория Российской империи от Урала и Степного края до тихоокеанского побережья называлась Сибирью. Для согласования с другими разделами предпочтение отдано первой трактовке, но в отдельных случаях для лучшего понимания специфики развития почтовой сети – второй. В качестве единой сетки операционно-территориальных единиц исследования выбрана схема административно-территориального деления Сибири 1916 г., представленная Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниями и Забайкальской, Якутской, Амурской, Камчатской, Сахалинской, Приморской областями. Из этой сетки выпадают город Омск и ближайшие поселения, так как тогда Акмолинская область относилась к Степному краю, а не к Сибири. Однако при анализе ситуации в отдельные годы до образования указанной области Омск, Петропавловск и некоторые другие города рассматривались как сибирские поселения. При этом все расстояния фиксировались в верстах (1 почтовая верста = 1066,7 м).

Потребовалось более десяти лет, чтобы собрать сведения обо всех почтовых учреждениях и трактах Сибири, существовавших до 1 января 1917 г. Основными источниками служили приказы и распоряжения по почтовому ведомству, опубликованные в официальных газетах “Правительственный Вестник” и “Санктпетербургские сенатские ведомости”. Кроме этого, расстояния между почтовыми станциями приводились в регулярно переиздаваемых “Почтовых дорожниках Российской империи”, а приказы начальников почтово-телеграфных округов публиковались в губернских (областных) ведомостях. На основе этих и некоторых других ис-

точников была создана уникальная база данных о почтовой сети Сибири 1782–1916 гг.

Некоторые результаты исследования развития почтовой сети Сибири уже опубликованы [Блануца, 2010, 2011, 2012в]. Поэтому сосредоточимся на генерации нового знания, а именно выявлении историко-географических закономерностей становления почтовой сети Сибири. В данном разделе рассмотрим семь таких закономерностей.

Первая закономерность: пионерное почтовое освоение Сибири стремительно продвигалось на восток в виде последовательности переходов вперед–назад.

Как уже отмечалось, в 1782 г. была создана первая почтовая сеть Сибири, состоящая из двух почтовых поселений (Тобольск, Томск) и связывающего их почтового тракта (1175 верст). Целью дальнейшего расширения сети стала прокладка почтового тракта до тихоокеанского побережья. За 1782–1786 гг. было введено в эксплуатацию более 10 тыс. верст от Тобольска до Петропавловской гавани (ныне Петропавловск-Камчатский), не считая “боковых” трактов (табл. 3.1). Часть маршрута проходила по уже относительно обустроенному Московскому тракту (Тобольск–Иркутск), официально открытому в 1768 г. [Нефедьева, Тихонов, 2010].

Продвижение на восток подразумевало открытие почтовых контор (почтамтов) в основных административных центрах. Тогда Сибирь была разделена на Тобольское, Колыванское и Иркутское наместничества, первое из которых включало Тобольскую и Томскую области, а последнее – Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую области. В идеале почтовые учреждения для начала следовало бы создать во всех областных и уездных городах. Однако на самом деле для сохранения скорости продвижения на восток пришлось пропустить многие города. В итоге почтовые учреждения были открыты только в 13 поселениях.

Анализ пространственно-временной последовательности открытия почтовых учреждений в ходе пионерного освоения Сибири (1782–1786 гг.) показал, что каждый раз после создания нового учреждения на пути к Тихому океану происходил своеобразный отход назад для открытия почтовой конторы в противоположном направлении. Затем опять следовало стремительное продвижение на восток. Так сложилась последовательность пере-

Таблица 3.1

Характеристика пионерного продвижения почтовой сети Сибири на восток

Год	Открыто почтовых учреждений всего, шт.	Открыто почтовых учреждений в восточном направлении, шт.	Введено почтовых трактов всего, верст	Введено почтовых трактов в восточном направлении, верст
1782	2	2	1175	1175
1783	1	0	929	0
1784	5	3	2442	2188
1785	2	1	2482	2482
1786	3	1	4835	4835
Итого	13	7	11 863	10 680

ходов вперед–назад: 1) Тобольск–Томск; 2) Томск–Тобольск–Березов; 3) Томск–Енисейск; 4) Енисейск–Томск–Тобольск–Тюмень; 5) Енисейск–Нижнеудинск; 6) Нижнеудинск–Томск–Колывань; 7) Нижнеудинск–Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ); 8) Верхнеудинск–Иркутск; 9) Иркутск–Якутск; 10) Якутск–Иркутск–Нижнеудинск–Ачинск; 11) Якутск–Петропавловская гавань; 12) Петропавловская гавань–Охотск.

Выявленная историко-географическая закономерность указывает на то, что, несмотря на ускоренное движение к Тихому океану, периодически происходило возвращение назад для своего рода почтового закрепления пройденной территории. Такая тактика пионерного освоения имела ряд недостатков, которые представлены в виде следствий.

Следствие 1.1: вне главного почтового тракта оказалась целая область – Нерчинская. Из трех возможных вариантов прокладки почтового тракта до Камчатки два проходили через Нерчинск (Верхнеудинск–Нерчинск–Удский острог–Петропавловская гавань и Верхнеудинск–Нерчинск–Якутск–Петропавловская гавань), но в итоге был выбран третий вариант (через Иркутск и Якутск).

Следствие 1.2: при примерной сопоставимости охвата уездов почтовыми учреждениями в Тобольском и Иркутском наместничествах (6 учреждений на 16 уездов и 5 на 17 соответственно) в худшую сторону выделялось Колыванское наместничество (одно учреждение на 5 уездов).

Следствие 1.3: удаленность поселений от почтовых учреждений на востоке Сибири была больше, чем на западе. Если считать только расстояние от каждого уездного города до ближайшей почтовой конторы, то в Тобольском наместничестве эта средняя величина составляла 286 верст, а в Иркутском – 549 верст.

Вторая закономерность: при создании главных почтовых трактов от западной границы Сибири до Тихого океана каждый новый тракт располагался значительно южнее старого тракта.

Для сибирской почты досоветского периода характерно то, что, несмотря на создание множества различных почтовых трактов, один из них всегда являлся главным. Таких главных почтовых трактов в истории Сибири было три. Первый тракт (Тюмень–Тобольск–Томск–Иркутск–Якутск–Петропавловская гавань) был введен в эксплуатацию в 1786 г., второй (Тюмень–Омск–Томск–Красноярск–Иркутск–Чита–Благовещенск–Николаевск) – в 1858 г., третий (Курган–Омск–Ново-Николаевск–Красноярск–Иркутск–Чита–Харбин–Владивосток) – в 1902 г. (табл. 3.2). Первые два главных тракта представляли собой в той или иной мере обустроенные грунтовые дороги, а третий тракт – это железнодорожный путь из Челябинска во Владивосток через Маньчжурию.

Развитие почтовой сети Сибири шло от одного главного тракта к другому. При этом каждый раз старый главный тракт продолжал функционировать, но основной объем перевозок почты перемещался на новый главный тракт. Такая стратегия позволяла подключать к почтовой сети Сибири новые поселения на “боковых” (от главного тракта) почтовых дорогах. В результате этого происходило увеличение количества почтовых поселений (см. табл. 3.2) и изменение конфигурации сети. Топология сети отно-

Таблица 3.2

Характеристика главных почтовых трактов Сибири

Конечные пункты главного тракта	Начало функцио- нирования всего тракта, год	Длина главного тракта, верст	Длина всех трак- тов сети, верст	Количество почтовых поселений на главном тракте, шт.	Количес- тво всех почтовых поселе- ний, шт.	Среднеарифме- тическое зна- чение северной широты почто- вых поселений главного тракта
Тюмень–Петропавловская гавань	1786	10 305	11 863	10	13	56°30'
Тюмень–Николаевский порт	1858	7452	22 008	27	69	54°10'
Курган–Владивосток	1902	4463*	28 856	32**	273	53°19'**

* Без учета Китайско-Восточной железной дороги (1388 верст).

** Без учета Петропавловска, Омска, Харбина, станций Маньчжурия и Пограничная, поскольку они были расположены за пределами Сибири.

сительно первых двух главных трактов показана на рис. 3.2, а схема сети при третьем главном тракте опубликована [Блануца, 2010].

При сравнении географического положения трех главных почтовых трактов Сибири видно, что каждый раз при переходе во времени к новому тракту происходило пространственное смещение на юг. Особенно это видно на Дальнем Востоке: Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре) и Хабаровка (ныне Хабаровск) южнее Якутска и Охотска, а Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск) и Владивосток еще южнее. Однако и на западе Сибири происходил перенос главного тракта на юг: Ишим южнее Тобольска, Курган – Ишима, Ново-Николаевск (ныне Новосибирск) – Томска. Для количественной оценки величины сдвига на юг были рассчитаны среднеарифметические значения северной широты для почтовых поселений на каждом из трех главных трактов (см. табл. 3.2).

Выявленная историко-географическая закономерность не является тривиальной, поскольку (а) никем ранее не была сформулирована, (б) впервые получила количественную оценку и (в) не совпадает с общепринятым представлением о северном векторе процесса освоения Сибири. Например, железнодорожное освоение, во многом похожее на почтовое освоение, продвигалось именно на север: первоначально Транссиб проходил через Маньчжурию, затем ввели в эксплуатацию Амурскую железную дорогу, в советское время построили Байкало-Амурскую магистраль, а ныне планируют строительство Северо-Сибирской (Севсиб) железной дороги.

Следствие 2.1: создание каждого нового субширотного главного почтового тракта не сопровождалось прокладкой множества субмеридиональных трактов, повышающих надежность почтовой сети Сибири. В результате этого первый и второй главные тракты на восток от Иркутска не имели между собой ни одного сухопутного соединения. Только в 1910-е годы в период навигации устанавливалась почтовая связь между Никола-

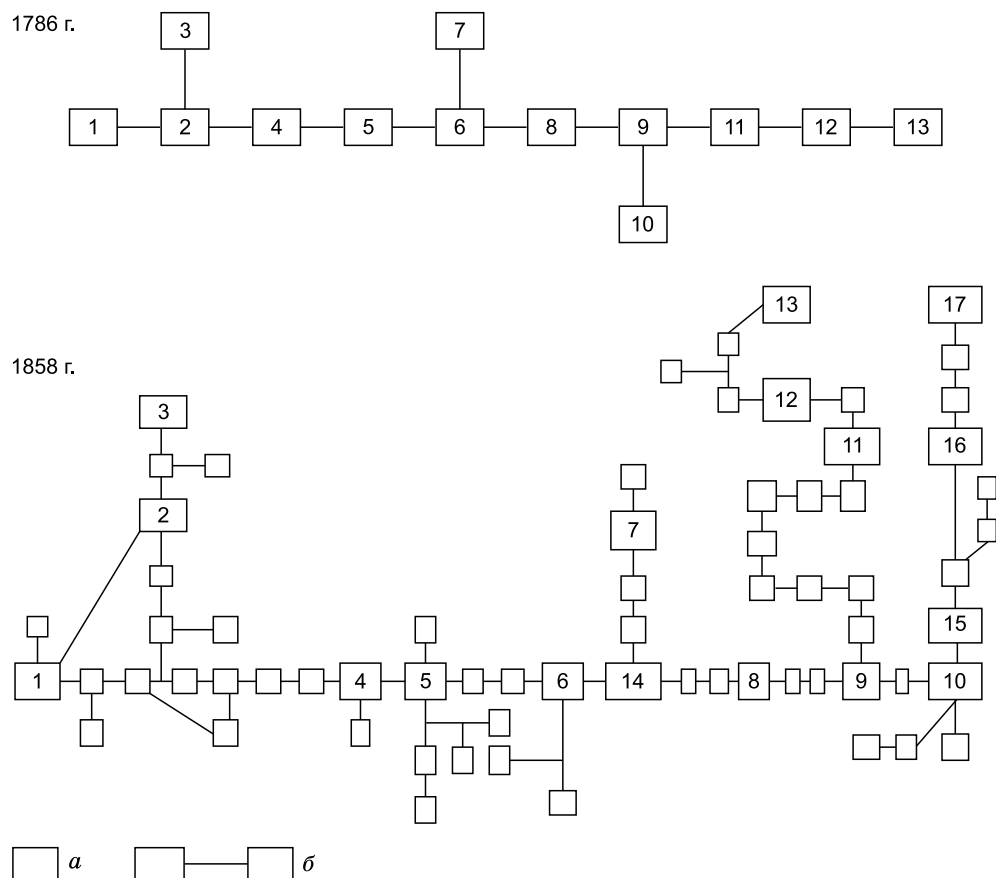

Рис. 3.2. Схемы почтовой сети Сибири 1786 г. и 1858 г.

а – почтовое поселение (1 – Тюмень, 2 – Тобольск, 3 – Березов, 4 – Колывань, 5 – Томск, 6 – Ачинск, 7 – Енисейск, 8 – Нижнеудинск, 9 – Иркутск, 10 – Верхнеудинск, 11 – Якутск, 12 – Охотск, 13 – Петропавловская гавань, 14 – Красноярск, 15 – Чита, 16 – Благовещенск, 17 – Николаевск); б – почтовый тракт между поселениями.

евском и Петропавловским портом посредством почтовых пароходов Добровольного флота. Второй и третий главные почтовые тракты на восток от Забайкальской области соединялись только трактом Владивосток–Хабаровск и почтово-пароходной линией Владивосток–Николаевск.

Следствие 2.2: запуск нового главного тракта повышал почтовую значимость поселений, в которых пересекались старый и новый тракты. Такие поселения становились узловыми, что влияло на их почтово-географическое положение [Блануца, 2010].

Следствие 2.3: поскольку наибольшая скорость и частота отправления почты достигалась на главных трактах, то значительное смещение на юг основной почтовой магистрали привело к тому, что северные поселения Сибири оказались еще более отдаленными от европейской части России,

чем южные поселения по главному тракту. Это проявляется не в расстоянии, которое если и изменялось, то незначительно, а во времени доставки почтовых отправок. Об этом можно судить по сохранившейся дореволюционной сибирской корреспонденции, представленной на веб-сайте “История русской почты” [Все..., 2013].

Третья закономерность: развитие почтовой сети Сибири сопровождалось уменьшением связности линейно-узловой структуры.

С некоторой условностью можно выделить два пути почтового освоения территории – экстенсивный и интенсивный. В первом случае создается минимум почтовых трактов – только необходимые для подключения новых почтовых учреждений к существующей сети. Этому пути развития соответствует топологическая структура “общая шина” [Блануца, 1989]. Представленные на рис. 3.2 схемы почтовой сети Сибири 1786 и 1858 г. можно отнести к типичным примерам формирования линейно-узловой структуры по принципу “общей шины”. В качестве “шины” выступает главный почтовый тракт и к нему присоединяются все остальные – “боковые” – тракты. При таком построении информационной сети количество линий (трактов) M между узлами (почтовыми поселениями) V определяется простым правилом: $M = V - 1$. Появление дополнительных трактов между тем же количеством почтовых поселений ведет к повышению надежности информационной сети. В предельном случае получается полностью связная топологическая структура [Блануца, 1989], в которой от любого поселения напрямую идут тракты ко всем остальным поселениям ($M_{\max} = V(V - 1)/2$). Такая структура является самой надежной и вместе с тем самой дорогой. Достичь наивысшей надежности – главная задача интенсивного пути развития информационной сети ($M \rightarrow M_{\max}$).

Вся история формирования почтовой сети Сибири показывает, что был выбран экстенсивный путь ($M \rightarrow M_{\min}$). В табл. 3.3 приведено количество почтовых поселений и трактов между ними для почтовой сети Сибири 1786 г. ($M - M_{\min} = 0$), 1858 г. ($M - M_{\min} = 2$), 1902 г. ($M - M_{\min} = 17$) и 1910 г. ($M - M_{\min} = 18$). В данном случае расчет производился для почтовой сети Сибири без Дальнего Востока (поэтому между табл. 3.2 и табл. 3.3 есть расхождение в значениях в связи с исключением дальневосточных почтовых поселений).

Количество трактов между поселениями является важной характеристикой, указывающей на связность почтовой сети. Чем больше трактов между одним и тем же количеством почтовых поселений, тем более свя-

Таблица 3.3

Связность почтовой сети Сибири

Год	Количество почтовых поселений	Количество трактов между всеми почтовыми поселениями	Максимально возможное количество трактов при существующих почтовых поселениях	Степень связности почтовой сети
1786	11	10	55	0,1818
1858	59	60	1711	0,0351
1902	210	226	21 945	0,0103
1910	263	280	34 453	0,0081

занной и, соответственно, надежной является сеть. Анализ почтовых сетей при главных трактах Сибири, дополненный ситуацией 1910 г. [Блануца, 2010], показал, что степень связности сети (отношение зафиксированного количества трактов к максимально возможному количеству трактов или $M/M_{\max}$) по мере расширения всей сети только уменьшалась (см. табл. 3.3). Эта историко-географическая закономерность развития почтовой сети заставляет обратить внимание на ряд проблем, которые сформулированы в виде следствий.

Следствие 3.1: расширение сети при снижении ее связности привело к повышенным требованиям соблюдения регулярности перевозки почты по главному почтовому тракту. Любое нарушение ритма перевозок при отсутствии альтернативных путей доставки почтовой корреспонденции приводило к тому, что значительная часть Сибири какое-то время оставалось без почты.

Следствие 3.2: отсутствие кольцеобразных структур [Блануца, 1989] в отдельных частях почтовой сети порождало “слабые места”. Одно из таких “мест” – почтовый тракт Бодайбо–Витим (Иркутская губерния). Ежегодно осенью, когда заканчивали ходить почтовые пароходы по реке Витим, а сама река еще не покрылась льдом для санной перевозки корреспонденции, почтовая связь между городом Бодайбо и всем остальным миром прекращалась (работал только телеграф), поскольку не было альтернативного (грунтового) пути из центра ленской золотодобычи до тракта Иркутск–Якутск. Данная ситуация повторялась каждой весной вплоть до начала навигации.

Следствие 3.3: чем дальше от западной или восточной границы Сибири находилось поселение, тем меньше была надежность его почтовой связи со всем миром. Если, например, перекрывался почтовый тракт Нерчинск–Благовещенск, то корреспонденцию (с 1902 г.) можно было направлять “окольным путем” через Китайский разъезд, Харбин, Владивосток и Хабаровск. При аналогичной ситуации на западе Сибири можно было воспользоваться трактами, идущими через Степной край. Хуже всего обстояло дело на участке между Ново-Николаевском (выход через Змеиногорск на Семипалатинск) и Иркутском (выход через Монды к русским почтовым конторам в Монголии и далее в Кяхту, Туркестан или русские конторы в Китае). На этом участке не было боковых трактов, идущих через соседние (не сибирские) территории.

Четвертая закономерность: эффективность создания почтовых учреждений в Сибири снижалась с запада на восток.

В Сибири с каждым годом возрастало количество почтовых учреждений. Однако при этом отдельные учреждения признавались неэффективными и закрывались. Их было немного – 74. Некоторые из них потом опять открыли. К примеру, Рыбинское почтовое отделение (Тобольская губерния) закрыли в январе 1896 г. и вновь открыли в августе 1916 г., Самаровскую почтовую контору (Тобольская губерния) закрыли в августе 1873 г., а в августе 1888 г. открыли с понижением статуса – как почтовое отделение, Макковеевское почтовое отделение (Забайкальская область) закрыли в сентябре 1897 г., а в июле 1898 г. открыли как почтово-телеграфное отделение.

Таблица 3.4

**Количество открытых и закрытых почтовых учреждений
в губерниях и областях Сибири**

Губернии и области (открыто/ закрыто)	Годы					Ито- го	Эффек- тив- ность
	1782–1810	1811–1840	1841–1870	1871–1900	1901–1916		
Тобольская:							
открыто	11	1	6	20	227	265	26,5
закрыто	0	0	0	7	3	10	
Томская:							
открыто	7	3	4	36	176	226	13,3
закрыто	0	0	0	7	10	17	
Енисейская:							
открыто	3	3	9	16	72	103	9,4
закрыто	0	0	1	5	5	11	
Иркутская:							
открыто	3	2	8	38	59	110	9,2
закрыто	0	0	1	6	5	12	
Забайкальская:							
открыто	6	1	8	48	73	136	6,8
закрыто	0	0	0	10	10	20	
Якутская:							
открыто	2	0	3	1	20	26	6,5
закрыто	0	0	0	1	3	4	

Количество открытых и закрытых почтовых учреждений в разрезе разных периодов времени и административно-территориальных единиц приведено в табл. 3.4. Эти данные можно использовать для количественной оценки эффективности открытия почтовых учреждений. Будем считать, что чем менее заметны случаи закрытия учреждений на фоне большого количества открытых учреждений, тем эффективнее идет созидательный процесс в той или иной губернии (области). При такой постановке мерой эффективности является отношение количества открытых учреждений к количеству закрытых (см. табл. 3.4). По этому параметру административно-территориальные единицы Сибири выстраиваются в строгую географическую последовательность снижения эффективности открытия почтовых учреждений по мере продвижения на восток.

Следствие 4.1: относительно среднесибирской величины эффективности открытия почтовых учреждений (11,7) вся исследуемая территория разделяется на относительно эффективную (более 11,7) Западную и неэффективную (менее 11,7) Восточную Сибирь.

Следствие 4.2: несмотря на долгий – 135-летний – путь становления почтовой сети Сибири почти половина всех закрытых почтовых учреждений и до трех четвертей открытых учреждений приходится на 1901–1916 гг.

Следствие 4.3: пока не наступил XX в., административно-территориальные единицы Сибири не сильно отличались друг от друга по эффективности открытия почтовых учреждений (от 5,2 до 7,3 при средней 6,3).

Пятая закономерность: при движении по почтовому тракту из Тобольска в Якутск в каждой следующей губернии (области) было открыто меньше вспомогательных почтовых пунктов, и этот процесс проходил за более короткие отрезки времени, чем в предыдущей губернии.

В связи с недостатком почтовых учреждений в сельской местности Российской империи с конца XIX в. стали открывать вспомогательные почтовые пункты при волостных правлениях. Эти пункты не являлись государственными почтовыми учреждениями, казна не несла расходы по их содержанию, все обязанности по получению и отправлению корреспонденции возлагались на глав волостных правлений, выдавалась и принималась только простая и заказная корреспонденция (за ценными письмами, почтовыми переводами и посылками надо было ехать в ближайшую почтовую контору или отделение). В Сибири вспомогательные почтовые пункты открывались не только при волостных правлениях, но и при сельских управлениях, станичных правлениях, кредитных товариществах и инородческих управах [Robinson, 1990]. Меньше всего корреспонденции шло через инородческие управы [Почта..., 2013]. На рис. 3.3 в качестве примера приведена почтовая карточка, отправленная из почтового пункта при Боханской инородческой управе. Вспомогательные пункты открывались также на железнодорожных станциях [Блануца, 2012в].

В 1895–1916 гг. в Сибири открыли 519 почтовых пунктов при волостных правлениях и приравненных к ним учреждениях. Наибольшая активность по открытию этих пунктов происходила в 1895–1898 гг., 1903–

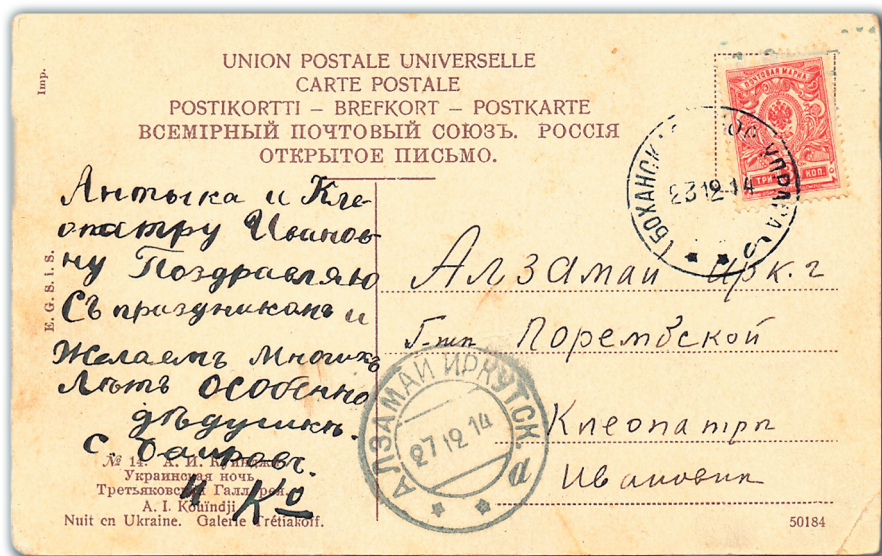

Рис. 3.3. Почтовое отправление 1914 г. из вспомогательного почтового пункта при Боханской инородческой управе в Алзамай (Иркутская губерния). Одно из двух сохранившихся почтовых отправлений со штемпелями инородческих управ Российской империи [Почта..., 2013].

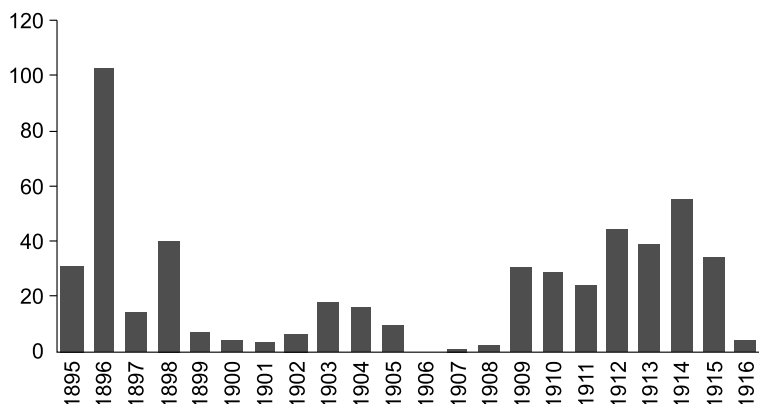

Рис. 3.4. Динамика открытия вспомогательных почтовых пунктов при волостных правлениях Сибири.

1905 гг. и 1909–1915 гг. (рис. 3.4). Затем в связи с невозможностью проведения денежных операций и создания сберегательных касс при вспомогательных пунктах их стали закрывать или преобразовывать в почтовые отделения в основном в 1916 г.

Анализ процесса открытия вспомогательных пунктов по административно-территориальным единицам Сибири показал, что по мере продвижения на восток по первому главному тракту происходило уменьшение числа открытых пунктов: 239 – в Тобольской, 167 – в Томской, 51 – в Енисейской, 11 – в Иркутской губерниях, 10 – в Якутской области. В стороне осталась Забайкальская область с ее станичными правлениями (открыт 41 пункт). Впрочем, если от Забайкалья двигаться в сторону Якутска, то закономерность сохраняется (41 → 10).

По продолжительности периодов наибольшей активности в открытии вспомогательных пунктов сибирские губернии и области выстраиваются в аналогичном порядке: Тобольская (1895–1896 гг., 1898 г., 1909–1915 гг.) – Томская (1895–1897 гг., 1909–1915 гг.) – Енисейская (1896 г., 1912–1913 гг.) – Иркутская (1909 г., 1912 г.) губернии – Якутская область (1910 г., 1912 г.). В Забайкальской области отмеченная активность пришла на 1903–1904 гг.

Следствие 5.1: несмотря на территориальное превосходство Восточной Сибири и нахождение здесь множества населенных пунктов, значительно удаленных от почтовых поселений, все же более трех четвертей сибирских вспомогательных почтовых пунктов было открыто в Западной Сибири.

Следствие 5.2: по распределению вспомогательных почтовых пунктов при “экзотических” правлениях (всех, кроме волостных) выделяются Томская губерния (9 из 10 пунктов при кредитных товариществах), Забайкальская область (все 20 пунктов при станичных правлениях) и Якутская область (6 из 9 пунктов при инородческих управах). Кроме этого, единственный вспомогательный пункт при сельском управлении находился в Томской губернии.

Шестая закономерность: первоначальное почтово-железнодорожное освоение Сибири, проходившее по Транссибу на восток, сменилось запуском почтовых вагонов сначала к северу от основной магистрали, а затем к югу.

Один из важных разделов истории русской почты – железнодорожная почта [Kiryushkin, Robinson, 1994]. Всю корреспонденцию, которая обрабатывалась в стационарных железнодорожных почтовых отделениях на вокзалах, вспомогательных почтовых пунктах на станциях и специализированных почтовых вагонах, принято относить к железнодорожной почте. Поскольку вспомогательные пункты на станциях анализировались [Блануца, 2012в], а железнодорожных почтовых отделений в Сибири было всего семь (Тюмень, Татарская, Ново-Николаевск, Красноярск, Иркутск, Чита и Сретенск), остановимся на почтовых вагонах.

Следует особо подчеркнуть, что почтовые вагоны не только перевозили почту, но на каждой станции любой человек мог подойти к такому вагону и передать разъездному почтово-телеграфному чиновнику простую корреспонденцию. Это позволило на многих сибирских станциях, не имеющих ни государственных почтовых учреждений, ни вспомогательных почтовых пунктов, обеспечить хотя бы прием почтовых отправок от населения. Более того, даже на станциях с почтовыми конторами (отделениями) местное население предпочитало передавать свои почтовые карточки и письма в почтовый вагон, что обеспечивало быструю доставку корреспонденции, минуя продолжительные операции обработки почты в местном почтовом учреждении, о чем свидетельствует анализ сохранившейся железнодорожной почты [Железнодорожная почта, 2013]. На такой корреспонденции разъездной чиновник ставил оттиск своего календарного штампа с указанием номера почтового вагона.

Первый почтовый вагон прибыл в Сибирь в июне 1891 г. Это был номерной вагон 81/82 “Пермь–Тюмень”. С октября 1896 г. по этой железнодорожной линии стал ходить вагон 169/170 “Екатеринбург–Тюмень”. Однако данный почтовый вагон не мог существенно повлиять на работу всей сибирской почты, так как лишь ускорил доставку корреспонденции из(в) город Тюмень.

Серьезные изменения в почтовом деле Сибири начались с запуском почтовых вагонов по Транссибу и формированием третьего главного тракта. Почтово-железнодорожное продвижение на восток происходило в следующей пространственно-временной последовательности: Челябинск–Омск (июнь 1895 г.; безномерной вагон “Челябинск–Омск”, с октября 1896 г. вагон 167/168) – Болотная (февраль 1896 г.; “Омск–Болотная”, с июля 1897 г. вагон 185/186 “Омск–Обь”) – Красноярск (ноябрь 1896 г.; “Обь–Красноярск”, с июля 1897 г. вагон 187/188) – Канск (июль 1897 г.; “Красноярск–Канск”) – Ключи (январь 1898 г.; “Красноярск–Ключи”) – Зима (июль 1898 г.; вагон 197/198 “Красноярск–Зима”) – Иркутск (сентябрь 1898 г.; вагон 197/198 “Красноярск–Иркутск”) – Чита (июль 1900 г.; вагон 241/242) – Сретенск (июль 1900 г.; вагон 243/244) – Маньчжурия (март 1901 г.; вагон “Кайдалово–Маньчжурия”, с февраля 1902 г. вагон 259/260 “Чита–Маньчжурия”). В этот период (июнь 1895 г.–март 1901 г.) происхо-

дид запуск почтовых вагонов по Транссибу в пределах Сибири (в феврале 1902 г. пошли вагоны 261/262 “Маньчжурия–Харбин” и 263/264 “Харбин–Владивосток”). Ветку на Сретенск (в те годы Транссиб проходил южнее – из Читы на Харбин) и почтовый вагон “Тайга–Томск” (ноябрь 1896 г.; с июля 1897 г. вагон 189/190) можно считать слабой попыткой освоения северных (от Транссиба) территорий на фоне основного продвижения на восток.

Второй этап почтово-железнодорожного освоения Сибири проходил с октября 1912 г. по март 1914 г., когда были запущены три “северных” почтовых вагона: “Куэнга–Могоча” (октябрь 1912 г.; безномерной вагон), “Могоча–Керак” (октябрь 1913 г.; вагон 243/244 “Карымская–Керак”) и “Екатеринбург–Тюмень–Омск” (март 1914 г.; вагон 115/116).

Последний – третий – этап освоения связан с началом работы почтовых вагонов к югу от Транссиба: “Ново-Николаевск–Алтайская–Семипалатинск” (октябрь 1915 г.; вагон 327/328), “Алтайская–Бийск” (октябрь 1915 г.; вагон 329/330), “Татарская–Славгород” (январь 1916 г.; вагон 173/174) и “Юрга–Кольчугино” (май 1916 г.; вагон 331/332 “Тайга–Кольчугино”). В итоге к середине 1916 г. сформировалась единая система перевозки почты по железным дорогам Сибири (рис. 3.5).

Рис. 3.5. Основные маршруты перевозки почты по железным дорогам Сибири (1916 г.).

a – узловая или конечная железнодорожная станция (1 – Екатеринбург, 2 – Челябинск, 3 – Тюмень, 4 – Омск, 5 – Новониколаевск, 6 – Тайга, 7 – Красноярск, 8 – Иркутск, 9 – Чита, 10 – Маньчжурия, 11 – Харбин, 12 – Владивосток, 13 – Бочкарево, 14 – Хабаровск, 15 – Алтайская, 16 – Семипалатинск, 17 – Бийск, 18 – Кольчугино, 19 – Славгород, 20 – Томск); *б* – маршрут почтового вагона (указан номер вагона в обоих направлениях или б/н – вагон без номера).

Следствие 6.1: отсутствие “перемычек” и параллельных железнодорожных маршрутов привело к слабой сетевой надежности почтовых перевозок в Сибири. Только в марте 1914 г. появилась возможность в случае проблем на участке Омск–Челябинск переводить транспортировку почты на маршрут Омск–Тюмень–Екатеринбург–Челябинск. Вся остальная железнодорожная сеть Сибири не предоставляла такой возможности.

Следствие 6.2: запоздалый запуск почтовых вагонов 327/328, 329/330, 331/332 и 173/174 относительно компаний по созданию вспомогательных почтовых пунктов на железнодорожных станциях Сибири привел к тому, что густонаселенный юг Томской губернии остался без таких пунктов.

Седьмая закономерность: последовательность открытия городских почтовых отделений в Сибири соответствовала маятниковым колебаниям запад–восток относительно Иркутска.

Открытие городских почтовых (почтово-телеграфных) отделений не получило широкого распространения в Сибири. Всего выявлено 20 таких учреждений, из них семь находилось на Дальнем Востоке. В связи с малочисленностью городских отделений Сибирь будет рассмотрена в границах от Урала до Тихого океана.

Появление в городе второго (после основной почтовой конторы) и следующих почтовых учреждений приближало места оказания почтовых услуг к жителям нецентральных районов города. Распознавание корреспонденции, прошедшей через городские почтовые отделения, производится по указанному на календарном штемпеле номеру городского отделения или названию городского района (рис. 3.6).

Рис. 3.6. Почтовое отправление 1915 г. из Хабаровска через Иркутскую почтовую контору во 2-е Иркутское городское Знаменско-Ремесленное почтово-телеграфное отделение.

Анализ последовательности открытия городских почтовых отделений показал, что имели место два цикла и “сбой” между ними. В первом цикле (1905–1909 гг.) открытие городских отделений шло следующим образом: Иркутск (два отделения)–Каинск (ныне Куйбышев)–Чита–Томск (два отделения)–Владивосток. Нетрудно заметить, что относительно Иркутска все городские отделения сначала открывались на запад от Иркутска, а затем – на восток. Процесс открытия таких почтовых учреждений в Сибири носил маятниковый характер колебаний запад–восток.

Второй цикл (1913–1916 гг.) проходил примерно по такой же схеме: Иркутск–Томск–Тобольск–Хабаровск–Владивосток (три отделения)–Нижегород–Никольск–Уссурийский (ныне Уссурийск). Между двумя циклами был своего рода небольшой “сбой”, проявившийся в переходе к последовательности восток–запад относительно Иркутска и несимметричности колебаний: Иркутск–Благовещенск–Боготол–Красноярск.

Следствие 7.1: без городских почтовых отделений остались северо-восточные области – Якутская, Камчатская, Сахалинская – и большинство уездных городов (такие учреждения были только в четырех уездных центрах).

Следствие 7.2: несмотря на разное время открытия городских почтовых отделений Сибири, все они (за исключением 1-го городского отделения Благовещенска) просуществовали до конца 1916 г.

Следствие 7.3: неодинаковый экономический потенциал и численность населения на Дальнем Востоке, в Восточной и Западной Сибири не отразились на равномерности распределения городских почтовых отделений (6, 7 и 6 отделений соответственно; по состоянию на 31 декабря 1916 г.).

3.3. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ

Сибирь отличается разнообразием климата. На большей ее части он суровый, резко-континентальный, но на юге Западной Сибири природные условия позволяют возделывать сахарную свеклу и овощи, фруктовые деревья. Осадков выпадает от 200 мм в тундре до 500–600 мм в западной части таежной зоны, а в горах Алтая – до 1000–2000 мм. До 80 % годовой суммы приходится на теплый период года, вследствие чего снежный покров незначителен, и озимые культуры зимой вымерзают, поэтому в Сибири возделывают только яровые культуры.

Низкие температуры и неглубокий снежный покров способствуют глубокому промерзанию грунтов. Многолетняя мерзлота занимает более 60 % территории Сибири. Над мерзлым слоем почва оттаивает летом лишь на небольшую глубину. Поэтому земледелием на мерзлоте заниматься практически невозможно, единственные пригодные территории – долины крупных рек, вокруг которых почва оттаяла на достаточную глубину. Это практически единственные территории, пригодные для постоянного проживания и занятия сельским хозяйством [Климат Сибири, 2012]. Сибирь представляет собой территорию контрастных ландшафтов, где общим правилом оказывается смягчение основных неблагоприятных для человека свойств таежной и степной зон.

Казалось бы, при таких природных характеристиках нет смысла рассматривать земледелие Сибири в качестве значимой составляющей ее истории. Однако в силу исторических, политических и геостратегических обстоятельств земледелие и связанные с ним отрасли и социально-экономические отношения занимали и занимают важное место в системе взаимоотношений макрорегиона с европейской частью страны и привлекают внимание ее власти и элит.

Говоря об освоении Сибири, ее колонизации, об эксплуатации природных и трудовых ресурсов, мы неизбежно упираемся в земледельческую проблему. При поверхностном рассмотрении она кажется частной, мало-значимой и неактуальной, особенно в нынешних условиях, при более глубоко – начинает восприниматься как ключ к пониманию истории макрорегиона и осознанию перспектив российской цивилизации. Земледельческое освоение позволило сделать Сибирь неотъемлемой частью России, ибо только оно позволяет эффективно контролировать территорию, и, напротив, утрата этой отрасли или переход ее под контроль другого государства приведет к потере всего Зауралья.

В земледельческом освоении Сибири выделяется два периода, дифференцирующихся по политике правительства и практике ее реализации: феодальный и модернизационный. На этапе начальной колонизации (до конца XVI в.) основные проблемы обуславливались транзитным положением макрорегиона на стыке общественно-хозяйственных систем лесных и степных народов и природными факторами, формировавшими местные общества. Колонизационные процессы конца XVI–XVII вв. определялись встраиванием образующегося здесь русского социума в сложившуюся пространственную систему сибирского природно-хозяйственного комплекса. В XVIII–первой половине XIX вв. завершился процесс полного подчинения сибирских территорий, вовлечение их в правовое и экономическое пространство и хозяйственную ассимиляцию аборигенов.

Модернизационный период начался в конце XIX в. со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, усиленной аграрной миграцией из европейской части России, заселением Северного Казахстана, бурным ростом новых местных центров, а завершился в начале 1990-х гг.

Рассматривая эволюцию сельскохозяйственного освоения территории, мы должны постоянно учитывать пять параметров, определяющих и объясняющих его темпы и объемы. Прежде всего, диалектика вовлечения в сельскохозяйственный оборот территории как основную компоненту процесса. Во-вторых, структура самих сельхозугодий: пашенные, сенокосные и пастбищные, причем в пашенных принципиальное значение имеет площадь посевных угодий. Следующей важнейшей особенностью процесса является численность населения (городского и сельского), а также изменение поголовья скота и его структуры. Огромное значение имеют форма собственности на сельхозугодия и скот, а также формы организации сельского хозяйства. И, наконец, государственная политика в сельском хозяйстве, которая оказывает решающее воздействие на все вышеперечисленные параметры [Зуляр, 2002].

К моменту появления русских в Сибири большинство коренных народов в той или иной мере переживало разложение первобытно-патриархальных связей, и хозяйственная деятельность аборигенных этносов в основном не вела к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Здесь существовало сложное полипрофильное хозяйство, основанное на комплексном использовании угодий и водных ресурсов, включающее в себя охоту и рыболовство, полукочевое скотоводство, земледелие. Земледелие в Сибири появилось позднее, чем в соседних регионах, и по ряду исторических причин испытало резкий упадок и фактически было разрушено задолго до прихода русских.

Незначительные по размерам запашки имелись на юге Западной Сибири, где южные манси и некоторые группы татар сеяли ячмень, полбу и овес. Именно здесь пашни местного населения получили наибольшее продвижение на север почти до 59-й параллели. Далее на восток мотыжное земледелие было известно в более южных районах – у населения северной части Алтая (кумандинцев), Кузнецкой котловины (шорцев) и низовьев Томи (татар-эуштинцев). Только на территории Тувы землю пахали сохой с железными наконечником и практиковали искусственное орошение. На среднем Енисее небольшие посевы ячменя и гречихи имели качинцы и кызыльцы. В Прибайкалье просо, гречиха и ячмень незначительно культивировалось западными бурятами.

Слаборазвитое земледелие восполнялось сбором дикорастущих растений (сарана, дикий лук, пион, кедровый орех). Оно было вспомогательным занятием при ведущих отраслях хозяйства (скотоводство, рыболовство, охота) [Хозяйственное освоение Сибири..., 2012].

В противоположность сибирским народам русский этнос формировался в процессе земледельческих миграций и преобразования природного ландшафта. Заселение русскими свободных земель носило характер естественного расселения. Являясь земледельцами, они искали нетронутые земли. Пространства, осваиваемые русскими переселенцами, превращались в земледельческие области [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

Переселенцы своей деятельностью разрушали сложившийся социально-хозяйственный баланс и насаждали, где только могли, моноотраслевое хозяйство, основанное на возделывании зерновых. Они ориентировались на выращивание зерна, но на этапе первоначального освоения основные районы, в которых русские вводили свое хлебопашество, к этому не располагали по своим природно-климатическим условиям. Потому в условиях нехватки продовольствия переселенцы обратились к тем же самым промыслам: охоте и рыболовству [Об особенностях..., 2012].

Русская колонизация Сибири началась с завоевания Сибирского ханства – его самой развитой и близкой к “основной” территории Московского царства части. Осваивающий социум адаптировал сложившиеся черты общественной географии региона для нужд своей цивилизации. Столица Сибири (Тобольск) на 100–150 лет возникла в непосредственной близости от прежней ханской ставки. Здесь до середины XVIII в. сосредоточился хозяйственный и демографический “центр тяжести” Сибири – наиболее заселенный и освоенный район: на рубеже XVII–XVIII вв. в Верхотурском,

Туринском, Тобольском и Тюменском уездах сосредоточилось 75% всего крестьянского населения макрорегиона. Район стал ареалом сплошного русского заселения [Рассказов, 2008].

Основывая города и остроги, казаки нуждались в хлебе. Единственно правильным и возможным в тех условиях был курс на развитие хлебопашества и обеспечение собственным продовольствием. Вторая волна освоения Сибири началась по инициативе государства с переселения в эти земли крестьян. Делалось это с целью обеспечения первопроходцев продовольствием. Крестьяне обычно селились рядом с острогами на пустых местах, а воеводы защищали их от набегов аборигенов. Именно за счет крестьян остроги выросли в крупные поселения, ставшие затем сибирскими городами.

Первая сибирская пашня была учреждена под Тюменью в начале 1690-х гг. С этой целью из России прислали партию пашенных крестьян, что было недостаточно для решения этой задачи. Поэтому земледелием пришлось заниматься всем слоям населения, в том числе и казакам [Сорокин, 1993]. Именно это и позволило заложить прочные основы земледелия в Сибири.

Занималось земледелием и посадское население, если места его сосредоточения находились в доступной для них зоне. Даже в Тобольске, район которого в XVII в. считался малопригодным для земледелия, в 1624 г. 44,4 % посадских людей имели пашню. В Томске к началу XVIII в. почти все посадское население занималось земледелием, а по Енисейскому району 30 % посадских людей [Шунков, 1956].

В XVII в. правительство стало выплачивать в Забайкалье служилым людям денежное жалование за счет “соболиной казны”. А вместо хлебного довольствия предписало воеводам выдавать им земли. Так в крае появилась категория русских, “служивших с пашни”. Вначале раздавались земли в черте острогов, затем – рядом. Такие служилые в дальнейшем образовали основное ядро земледельческого населения края. В дальнейшем такая практика способствовала появлению здесь крестьян и русской деревни.

Первые сельскохозяйственные опыты в Забайкалье проводились в бассейне Селенги, вблизи Баргузинского и Нерчинского острогов. С 30-х гг. XVII в. правительство ввело контроль над распределением земель под хлебопашество. В начале 1640-х гг. казаков обложили налогом. Они должны были вносить в казну со своего урожая выделной хлеб – десятую часть [Бояршинова, 1951; и др.].

Правительство на протяжении всех четырех веков колонизации выступало главной силой осуществления переселений в Сибирь. Оно было заинтересовано в увеличении земледельческого населения. В России перенаселения, аналогичного западно-европейскому, никогда не было; страна не страдала от избыточного населения. Поэтому перемещения населения в XVII–XX вв., Д.Я. Резун, М.В. Шиловский предлагают назвать не миграцией, а мобилизацией населения государством для выполнения поставленных им же задач.

Поэтому крестьянам, отправляющимся в Сибирь, предоставлялись льготы – освобождение от повинностей на несколько лет, ссуды деньгами, семенами, лошадьми. Сначала эта ссуда была довольно ощутимой, и пер-

вые переселенцы могли в льготные годы создавать прочные хозяйства. Для занятия земледелием выбирались свободные земли. Деревни, как правило, ставились по берегам рек.

За каких-нибудь 50–80 лет XVII в. в крае возникло множество селений, существующих и поныне. Как правило, они располагались на важнейших путях, что давало возможность заселять, осваивать и контролировать огромную территорию. Вместе с увеличением запашки служилых росла и крестьянская пашня, возникла “государева десятина”. Каждая крестьянская семья должна была обрабатывать одну десятину с четвертью государственной пашни [Никитин, 1990].

Вопрос о “вольнонародном” заселении Д.Я. Резун, М.В. Шиловский считают чисто теоретическим, не имеющим практического решения, в связи с отсутствием данных, точных исторических фактов и сведений на этот счет. Определенная часть людей переселилась в Сибирь беглым образом, т. е. тайно от властей и без их ведома, но делать какие-либо серьезные выводы, говорить о главенствующем значении данной колонизации, нельзя [Резун, Шиловский, 2005].

Крестьяне-земледельцы шли в Сибирь не грабить, а заниматься мирным делом. Малочисленность населения и его разбросанность на огромном пространстве, наличие громадного количества неиспользуемых земель, разрешение крестьянам селиться только на свободных землях сводили к минимуму столкновения на хозяйственной почве. В целом между русским и нерусским населением складывались мирные и добрососедские отношения. Благодаря этому даже малые (однودворные и двухдворные) русские поселения спокойно существовали в окружении ясачных юрт. Налаживанию хороших отношений с коренным населением способствовало распространение смешанных браков [Присоединение..., 2012].

Крестьянская колонизация началась вслед за продвижением служилых людей и промысловиков. Русское земледелие уже в XVII в. захватило огромную территорию. Его северная граница шла севернее Пелыма (слобода Гаринская), пересекала Иртыш ниже впадения в него Тобола (Бронниковский погост), проходила через Обь в районе Нарыма и затем отступала на север, пересекая Енисей в месте впадения в него Подкаменной Тунгуски (Заварухинская деревня), выходила в верховья Нижней Тунгуски (Чечуйские деревни), шла вдоль Лены до Якутска и заканчивалась на р. Амга (Амгинские деревни). В первой половине XVIII в. эта северная граница русского земледелия ушла на Камчатку. Южная граница начиналась на среднем течении р. Миасс (слобода Чумляцкая), пересекала Тобол южнее современного Кургана (слобода Утяцкая), через верховья Вагая (слобода Усть-Ламинская) выходила на Иртыш в районе г. Тара, пересекала Обь южнее Томи и уходила к верхнему течению Томи (Кузнецкие деревни). Енисей южная граница пересекала в районе Красноярска, а затем шла к Байкалу. Затем у Селенгинска пересекала Селенгу, шла на Уду и затем на Амур до впадения в него Зеи [Земледелие и промыслы..., 2012].

Поэтому с середины XVIII в. стык леса и степи был окончательно взят под контроль России, а сами степные пространства и народы утратили ак-

тивную роль в хозяйственных и культурно-политических отношениях региона, превратившись в периферию – сферу влияния Российской империи.

В 1706 г. власти России числили в пяти сибирских земледельческих регионах более 15 400 дворохозяев-землепашцев. Подобные подсчеты нельзя считать абсолютно достоверными. Сибиряки нередко имели возможность уклоняться от учета государственной налоговой статистикой, скрывая до половины своих поселений [Покровский, 2012].

Основными крестьянскими поселениями Сибири в XVII–XVIII вв. были деревни. Но особенностью Сибири являлось первоначальное образование городов, с которых и началось сибирское земледелие. Лишь после того, как укреплялась система городов, вокруг них возникали деревни. Сибирские деревни в XVIII в. в среднем насчитывали до 25 дворов (120–130 человек), т. е. были многодворными, чему способствовали наличие огромных массивов пригодных для сельского хозяйства земель.

В лесостепной и степной полосе Сибири деревни возникли позднее, во второй половине XVIII в. Освоение юга Сибири осуществлялось не путем подселения к первоначальным деревням, а путем создания новых селений. Поэтому они были более мелкими, чем старые северные деревни, их средние размеры не превышали 12 дворов [Громыко, 1965].

В целом по Сибири размеры деревень зависели от преобладающей в данном районе в это время формы заселения. Вольное крестьянское заселение сибирских пространств вело к образованию сравнительно небольших крестьянских деревень, а правительственные же поселения – “на хлебопашество”, ссылки и т. п. – к насаждению довольно крупных деревень.

В восточных районах Сибири, особенно в пограничных, наряду с крестьянскими селениями создавались казачьи поселения, жители которых, кроме военной службы, занимались земледелием [Григорьева, 2001].

При освоении Сибири в местах с низкой плотностью населения, в условиях развития залежно-парового земледелия возникло такое своеобразное расселение, как заимки (одионые крестьянские селения) [Шенников, 1971]. Нередко однодворные заимки становились починками, обрастали дворами, а если в них разрабатывался полный комплекс угодий, они могли превратиться в многодворные деревни. Однако чаще заимки становились временными сезонными селениями на период сельхозработ.

К сибирским земледельческим поселениям по своему характеру примыкали раскольничьи скиты-пустыни XVIII в. Некоторые из них выступали в роли центров округов, в других развивались земледелие и промыслы. На размещение притекавшего в Сибирь из России населения большое влияние оказывали тракты, вдоль которых по преимуществу и происходило его оседание.

К середине XIX в. процесс первичного освоения Сибири завершился: сформировалась единая сеть аграрных поселений, протянувшаяся от Урала на восток и далеко на юг.

В Сибири сразу же установились государственно-крепостнические формы отношений. Но, здесь, в отличие от европейской части России, не развилось помещичье землевладение: вся ее территория стала “государевой

вотчиной”. Сибирский крестьянин был прикреплен не к земле, а к тяглу. Он мог сдать его другим лицам, поменять местожительство и изменить статус [Резун, Шиловский, 2005].

Земля в Сибири принадлежала государству, феодальным собственником которой являлся государь. Исключение составляли территории, приписанные к Колывано-Воскресенским заводам (императорская собственность), земли церковных вотчин (до их секуляризации) и немногочисленные помещичьи владения. Соответственно и крестьяне делились на три основные категории – государственные (самые многочисленные), приписные и монастырские (и помещичьи). Все лица, фактически пользовавшиеся землей на этой территории, т. е. являвшиеся держателями земельных участков, несли за это повинность – платили феодальную ренту верховному собственнику земли.

Известную роль в земледельческом освоении Сибири сыграли монастыри, которых в течение XVII в. возникло более трех десятков. Несмотря на то, что они возникали в условиях сдержанного отношения правительства к росту монастырского землевладения, они получали земельные пожалования и вклады частных лиц, кроме того, они прикупали землю, а иногда просто захватывали. Самым значительным землевладельцем данного типа был тобольский Софийский дом, начавший получать земли уже с 1628 г. За ним следовали тридцать пять монастырей, возникших на всей территории Сибири – от Верхотурья и Ирбитской слободы до Якутска и Албазина. В отличие от среднерусских монастырей они получали в свое владение незаселенные земли, но с правом “призывать в крестьяне не с тягла и не с пашен и не крепостных людей”. К началу XVIII в. за сибирскими монастырями числилось 1082 крестьянских двора [Хозяйственное освоение..., 2012].

Ясачные, имевшие пашенную землю, пользовались ею на правах феодальных держателей, т. е. платили за это ренту государству-феодалу. Обычно это был натуральный оброк, называвшийся “хлебным ясаком”, иногда – денежный оброк. В тех случаях, когда земля, обрабатывавшаяся ясачным, переходила к новому владельцу – русскому, последний продолжал платить ясак.

Правительственные распоряжения XVIII в., касавшиеся держателей казенных земель, подчеркивали отсутствие у последних права свободно распоряжаться своими участками, отчуждать их. В отличие от указов центра документы, отражавшие практику земельных операций, исходили из того, что держатель распоряжается своей землей, как ему заблагорассудится – продает, закладывает, отдает в аренду. Права государства при этом сохранялись, так как повинности исполнял новый владелец.

Специфика Сибири заключалась в том, что давала крестьянину возможности расширения своей земли, максимальные (в пределах феодальной собственности) права распоряжения ею, хозяйственную самостоятельность, но в то же время содержала в себе такое препятствие для перехода к более прогрессивным формам ведения хозяйства, как узость рынка рабочей силы. Земельный простор имел и негативные последствия: важная сторона первоначального накопления – отделение непосредственных про-

изводителей от средств производства – тормозилось изобилием основного средства производства – земли.

Одной земли для ведения хозяйства недостаточно, и поэтому слой бедняков создавался и при земельном просторе. Кроме того, крестьянин, который по бедности был не в состоянии поднять пашню, мог прокормиться пушным промыслом или рыболовством на продажу, предпочитая это найму к зажиточному соседу [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

Общинные порядки выражались здесь в наличии общих выгонов для скота, устройстве общинных покотин, в ежегодных переделах покосных угодий по паям, в неразделенном пользовании лесами и пастбищами. В общине существовала круговая порука при выполнении податей и повинностей, использовавшаяся государством при взыскании казенных сборов. Господствовало индивидуальное и подворно-наследственное пользование пашнями.

Феодалный характер общественных отношений сковывал развитие производительных сил. В сельском хозяйстве это сказывалось в рутинности системы его ведения. Достаточно быстрый рост производства хлеба вызывался расширением посевных площадей, а не интенсификацией хозяйства [Асалханов, 1975].

На начальном этапе земледельческого освоения региона, в условиях существования свободных земельных ресурсов наиболее распространенной формой землепользования являлся захват, сущность которого заключалась в неограниченном праве поселенца использовать свободный земельный участок. Основанием заимочного права служили принципы захвата, труда и давности, что проявилось в правах владения, пользования и распоряжения. Постепенно захватное землевладение уступило место вольному пользованию, при котором заимщик имел право на занимаемые земли, до тех пор, пока он их обрабатывал. С сокращением фонда свободных земель для вольного пользования оставались лишь худшие по почвенным условиям земли и вольное пользование начало меняться на уравнилительно-душевое землепользование. Для растущего населения использовались отрезки земель тех общинников, которых община считала захватившими слишком много земли, по сравнению с лежащими на них платежами. Критерием передела являлось качество доступных земель.

В основе принимаемых общиной решений по вопросам землепользования лежало обычное право, которое во многом не согласовывалось с официальным законодательством. Это прослеживается при отводе земельных участков. Государственные чиновники, проводившие межевание крестьянских земель, за норму принимали площадь отводимых земель (15 десятин на душу мужского пола), а крестьяне в основе определения размера надела считали производительность, т. е. какой с данного участка можно получить урожай. Повседневная практика приводила к столкновению юридических норм и норм обычного права, что и служило основой большинства земельных конфликтов [Дорофеев, 2010].

В XVIII в. правительство инициировало многолюдные переселения. Первыми дорогу в Сибирь открыли старообрядцам, которых туда ссылала власть и которые сами бежали от ее преследований. Кержаки-старообряд-

цы происходили от тех раскольников, которые переселялись на самые окраинные земли, где их не доставала царская власть. Их расселяли в районы, уже обжитые крестьянами-старожилами.

Первое время после переселения правительство выделяло им подмогу: денежную сумму на покупку лошадей, сельхозинвентаря, зерно для посева и освобождение на первые годы поселения от уплаты налогов. Религиозные поселенцы принесли с собой высокую аграрную культуру, акклиматизировав в Сибири ранее не известные виды растений. Если для Западной Сибири роль “вольнонародной” колонизации была скромной, то для Восточной Сибири – высокой. Правительственное переселение в Сибирь также продолжалось “по указу” и “по прибору” [Артемьев, 2012].

Одним из важнейших результатов земледельческого освоения Сибири стал переход жившего охотой, рыболовством и кочевым скотоводством коренного населения к земледелию всюду, где этому не препятствовала природная среда. Процесс этот, разумеется, нельзя представлять упрощенно: к земледелию сибирские народы нередко приходили через разорение своего традиционного хозяйства. Причина в том, что охотничье-промысловое и кочевое хозяйства требуют больших площадей, чем земледельческое, поэтому в районах широкого сельскохозяйственного освоения сибирские аборигены лишились части угодий из-за расселения русских, а также совпавшего с ним по времени натиска кочевых племен с юга. Кроме того, происходило оскудение лесных промыслов, дававших важный источник существования. Коренные жители были вынуждены приспосабливаться к новым условиям. Перестраивая свою жизнь, они стали перенимать способы ведения хозяйства у переселенцев.

Расширился круг сельхозкультур, используемых сибирскими народами, увеличивались размеры запашки. В XVII в. появились рожь, овес, ячмень, пшеница, горох, гречиха и т. п., определилось и их размещение по территории, и соотношение посевных площадей, занятых различными культурами. Многие аборигены Сибири уже в XVII в. производили хлеб на продажу, начали перенимать у русских приемы не только земледелия, но и животноводства: осваивали технику сенокосения, стойловое содержание скота и т. д. Через это значительно повысился жизненный уровень многих сибирских племен и народов.

Развитие земледелия у местного населения способствовало переходу к оседлому образу жизни. Аборигены стали строить дома, различные хозяйственные постройки. Например, буряты, оказавшиеся способными учениками, в начале XIX в. поставляли на рынок значительное количество хлеба. Вместе с тем привлечения коренных жителей к обработке полей в русских хозяйствах не отмечено. Земледельческих плантаций с подневольным трудом коренного населения Сибирь не знала. На государевых десятинных пашнях и крупных запашках сибирских монастырей в качестве подневольного работника выступал русский переселенец [Сибирь..., 1968].

Вместе с тем постоянная потребность в расширении посевных площадей вела к конфликтам, но не на национальной, а на экономической основе, и провоцировала крестьян на захваты угодий и земель коренных обитателей. В свою очередь, одной из причин, сдерживающих переселения,

являлось жесткое, с использованием насилия, противодействие “инородцев” [Резун, Шиловский, 2005].

Крестьяне-переселенцы вначале шли в Сибирь в основном из Поморья. Большая часть их оседала в уездах Западной Сибири: Тобольском, Верхотурском, Туринском и Тюменском. Здесь вдоль рек Тобол, Иртыш и их притоков возник крупный земледельческий район. В конце XVII в. из 11 тыс. сибирских крестьян-дворохозяев 8280 жили в уездах Тобольского разряда, которые давали свыше 90 % хлебных казенных поступлений Сибири. Несколько медленнее развивался Томско-Кузнецкий земледельческий район, в нем в конце века насчитывалось всего 4300 дес. пашни (в Тобольском районе пашня составляла 80 тыс. дес.) и 1749 дворов крестьян, служилых и посадских людей, занимавшихся земледелием [Бояршинова, 1951].

Из 20 сибирских уездов лишь три (Березовский, Сургутский и Мангазейский) были “непашенными”, остальные же имели возделанные поля и прочную основу для развития сельского хозяйства. Если в первой четверти XVII в. площадь посевов составляла в Сибири около 30 тыс. дес., то к началу XVIII в. она достигла 100–120 тыс. дес., обеспечив общий сбор зерна в 3 919 320 пуд. В 1685 г. были отменены обязательные поставки за Урал продовольствия из Европейской России, что явилось крупнейшим достижением русских земледельцев. А к концу 1780-х гг. в Западной Сибири засевалось примерно 550 тыс. дес. земли.

В Западной Сибири наиболее населенными были Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Тобольский, Тюменский округа Тобольской губернии. Первые три округа были известны как хлеботородные, последние два – как промысловые. Большая заселенность этих округов объясняется непосредственным соседством с Центральной Россией и наличием плодородных земель и богатых промыслов. К концу XVII в. хлебопашцы составляли в Сибири большинство русского населения. Из 25 тыс. русских семей земледелием занимались около 15,5 тыс., причем собственно крестьян насчитывалось 11 тыс. семей, и они уже сравнивались по численности с первоначально самой представительной группой русского населения – служилыми людьми. В начале XVIII в. в Сибири русское население (300 тыс. чел.) более чем в 2 раза превышало коренное. Свыше 40 % его составляли крестьяне. 110 тыс. взрослых крестьян распахивали порядка 100 тыс. дес. земли. На крестьянина приходилось в среднем по 0,9 десятины. Всего собиралось 3,9 млн пудов хлеба, т. е. примерно по 35 пудов на крестьянина [История..., 1987].

Сельское хозяйство Сибири продолжало оставаться экстенсивным; весь XVIII в. территория аграрно-экономических районов увеличивалась. Граница земледелия сдвинулась на сотни километров к югу, уходя местами южнее 55° с.ш. Хлебопашество “ясачных”, внедрение картофелеводства отодвинули и северную границу, которая была устойчивой у 59–62° с.ш., но у 64°, несмотря на усилия местной администрации, она не утвердилась [Покровский, 2012].

Соотношение обрабатываемой земли и земледельческого населения было самым высоким в хлебном Ишимском уезде. Второе место по сред-

ней наделенности пашней занимал Туринский уезд, хотя удельный вес его в производстве хлеба Западной Сибири в целом был невелик. Тюменский уезд к 1767 г. по средней наделенности пашней обогнал Тарский.

В пределах Восточной Сибири развитие земледелия в 1730–1780-х гг. проходило в меньших по сравнению с Западной Сибирью размерах. Однако закономерности соотношения роста населения и динамики посевных площадей, выявленные для западных районов Сибирского края, в известной мере могут быть распространены и на восточную часть [Сельское хозяйство и промыслы..., 2012].

В Иркутской губернии хлебопашество было наиболее развито в Илимском уезде. По материалам III ревизии (1762 г.), из 30 209 ревизских душ крестьян и разночинцев губернии там жили 10 068 крестьян и 2070 разночинцев. Крестьянские посевы Илимского уезда составляли в 1722 г. около 4 тыс. дес.; в 1765 г. – свыше 6,5 тыс.; в 1774 г. – около 9 тыс. При господствовавшей в уезде системе двуполья общая площадь возделываемой пашни в 1774 г. составила около 18 000 дес. Площадь посевов с первой четверти века выросла в 2,25 раза. Но при этом на душу населения приходилось в среднем только 0,3 дес. посева. Такой посев мог покрыть потребности уезда в хлебе лишь при очень хорошем урожае [Шерстобоев, 1957]. Илимский уезд постепенно терял главенствующее значение в производстве хлеба, уступая место южным уездам Прибайкалья и Забайкалья.

Южные уезды Иркутской губернии в XIX в. не только удовлетворяли свои потребности в хлебе, но и снабжали им Якутскую и Охотскую области. На первом месте по земледелию стоял Иркутский уезд. Из него вывозился хлеб в соседние уезды и северные области. Второе место занимал Верхнеудинский, доставлявший хлеб в Нерчинский округ и для кяхтинского пограничного торга. Далее по степени распространения хлебопашества следовали Нерчинский, Нижнеудинский и Киренский уезды. В Иркутской губернии за 50 лет (1801–1851 гг.) посев увеличился почти в три раза [Развитие сельского хозяйства..., 2012]. Соответственно в три с лишним раза вырос сбор хлебов. В 1851 г. он составлял 1 146 617 четвертей.

Енисейскую губернию, состоявшую из Красноярского, Енисейского, Ачинского, Минусинского и Канского округов, называли житницей Восточной Сибири. Но не все пригодные земли были вовлечены в производство. Прогресс земледелия задерживался всем строем русского феодального общества.

Темпы роста посевных площадей заметно увеличились в 60-х гг. XVIII в. В 1762 г. для государственных крестьян Сибирской губернии обработка казенной десятинной пашни была заменена денежным оброком. В связи с этим в их руки попадала земля, занятая прежде десятинной пашней [Кабузан, Троицкий, 1962].

В первой половине XIX в. продолжался процесс сельскохозяйственного освоения южной полосы всей Сибири. Это привело к созданию ареала сибирского пашенного земледелия. К началу XIX в. крестьяне составляли 82 % русского населения Сибири и 57 % – всего населения края. Если учесть, что земледелием занимались другие слои русского населения и часть коренного населения, то доля земледельцев был еще выше. Таким

образом, Сибирь быстро становилась крестьянским краем. В целом в конце 1840-х гг. вся распаханная площадь с залежными землями занимала более 4551 тыс. дес. (8874,45 тыс. га), не считая лугов и сенокосов [Покровский, 2012].

В зависимости от преобладания той или иной отрасли крестьянские хозяйства Сибири могут быть разделены на сельскохозяйственные, сельскохозяйственно-скотоводческие, скотоводческо-земледельческие, скотоводческие и промыслово-оленьеводческие. В каждом из этих типов хозяйств существовало животноводство – разводили лошадей, КРС, овец, коз, свиней, оленей, верблюдов.

В течение первой половины XIX в. в Сибири сформировались ядра аграрного населения. До 730 тыс. казенных крестьян проживало в Тобольской губернии, до 370 тыс. приписных и 150 тыс. казенных – в Томской губернии. В Восточной Сибири население тяготело к притрактовой зоне, земледельцев было немного: в Иркутской губернии до 150 тыс., в Енисейской – около 160 тыс. [Мамсик, Ноздрин, 2009].

Сибирскому земледелию XVIII в., развивавшемуся на огромной и разнообразной по природно-климатическим условиям территории, присущи различные приемы использования земли. В Западной Сибири долгое время была распространена переложная система. Такая эксплуатация земель неизбежно вела к снижению их плодородия и падению урожайности. Во второй половине века начался переход к трехпольной системе земледелия. Вначале она вводится на государевой и монастырской, а затем и на крестьянской пашне. Поначалу деление пашни на три поля не означало еще введения правильного севооборота с применением удобрений. Процесс вытеснения переложной системы трехпольем в земледелии Западной Сибири шел медленно и к концу века не закончился.

Свои особенности были в развитии земледелия Восточной Сибири. В лесистой и горнотаежной полосе вырвать у суровой природы крупные массивы пригодных земель было трудно. Поэтому и рассыпались по малым еланям однодворные и двудворные деревни. То же обстоятельство вызвало к жизни и так называемые наезжие пашни. Вновь найденные удобные участки земли иногда находились вдали от крестьянского двора, куда для полевых работ лишь “наезжали”. В конце XVII–начале XVIII вв. основной системой земледелия края было двухполосье (двуполье) с применением некоторых элементов трехполья, перелога и подсека [Шунков, 1956].

Сочетание паровой системы с перелогом или залежью не следует рассматривать как более низкую организацию земледелия в сравнении с чистым трехпольем. Трехпольный севооборот дает возможность лишь временно сохранять плодородие почвы, а далее он сопровождается нарушением структуры, распылением и, наконец, полным истощением почвы. Этот процесс может быть заторможен обильным удобрением. Другим способом избавления от истощения почвы может служить периодическое забрасывание пашни наряду с применением трехпольного севооборота. Л.В. Милов справедливо поставил вопрос о сочетании элементов залежи и перелога с трехпольем как о системе земледелия, свойственной уровню развития производительных сил позднего феодализма. Но возможно это сочетание толь-

ко там, где есть резерв пашенных земель [Милов, 1961]. Именно такие условия и были в Сибири в XVIII в.

Таким образом, первоначально русские земледельцы пришли в Сибирь, имея навыки ведения трехпольного хозяйства. Столкнувшись со специфическими почвенно-климатическими условиями края, они вынуждены были перейти к практике забрасывания земель на время, необходимое для восстановления их плодородия (залежно-паровой системе). По мере накопления полеводческого опыта и знаний о местных почвенно-климатических условиях, под давлением постоянного прироста населения в старозаселенных районах уже в XVIII в. начинается переход к навозоудобрению. Однако вплоть до первой половины XIX в. оно внедрялось медленно. Основным сдерживающим фактором, по-видимому, являлось наличие в крае огромного фонда свободных целинных земель и, как следствие, успешнее сложиться к этому времени своеобразное хозяйственное поведение – “неполная земледельческая оседлость”. Толчком к интенсификации внедрения навозоудобрения послужило начало переселения крестьян из европейской части страны после реформы 1861 г. [Громыко, 1991].

Сибирские крестьяне, опираясь на свой опыт, прекрасно разбирались в почвах: в народной агрологии были известны десятки видов и подвидов почв. В 90-х гг. XIX в. в барабинском лесостепье крестьяне различали три вида только черноземов и девять видов суглинков. Для каждого типа почвы существовала своя система обработки. Разбирались крестьяне и в том, что почвы сибирские мозаичны. В Барабе крестьяне выискивали и осваивали так называемые “столбики” чернозема.

Крестьяне выделяли пашни с “жирными” почвами (черноземные), пашни среднего достоинства, старые “тощие” пашни и “моченки”, орошаемые наводненными канавами. Русские и бурятские крестьяне Забайкалья применяли искусственное орошение пашен и покосов. Поливные нивы и покосы приносили устойчивые и хорошие урожаи. Забайкальские крестьяне расчищали под пашню леса, растущие на склонах гор, и на значительной иногда высоте распахивали поля. Нагорные поля не боялись засухи и раннего осеннего инея, поражавшего степные нивы. В приграничных местностях Нерчинского уезда крестьяне принимали меры против выдувания семян сильными ветрами: поля после посева и бороньбы укатывали деревянными катками.

В Илимском уезде Иркутской губернии земледельцы должны были приспособляться к естественно-географическим условиям таежного гористого края, с континентальным климатом и коротким вегетационным периодом (около 90 дней). Почти все пашни располагались по долинам рек, обычно на южных и восточных склонах гор и увалов, не спускаясь к подошве и не подымаясь на вершины [Шерстобоев, 1952].

В XVIII в. и первой половине XIX в. крестьяне-старожилы вооружились уже хозяйственной традицией, приспособленной к природным условиям того или иного района Сибири. Пахоте предшествовали, кроме подготовки орудий и семян, работы по очистке полей и удобрению почвы. Это не только унавоживание, а в большей мере опаливание полей, назначени-

ем которого, в частности, было удобрение почвы золой и уничтожение вредителей.

Также высокой дифференциацией отличались посевные технологии. Зерно на семена крестьяне тщательно просеивали. Отбирали его еще с осени, так как на семена обмолачивали “сыромолотом”, а остальной хлеб обсушивали в овинах. Сроки весенней пахоты и сева вырабатывались применительно к естественно-географическим условиям каждого района и различались по отдельным культурам. В этом вопросе крестьянская производственная традиция проявляла гибкость, приспособляясь к реальным климатическим ситуациям каждого года. Даже к последовательности сева разных зерновых культур народная агрономия подходила с учетом специфики не только культуры, но и района.

В крестьянских приемах весенней пахоты имелись различия, определяющиеся особенностями почв, системой земледелия, назначением того или иного участка в структуре посевов, применением или отсутствием удобрений, рельефом местности и пр. Крестьяне подходили дифференцированно к разным зерновым культурам не только по числу вспашек, но и по характеру самого сева. Глубина вспашки различалась в зависимости от того, поднимали ли новину или пахали старую землю, а также в зависимости от характера почв, климата (северные или южные районы, влажные или сухие) и рельефа.

Широкое распространение мелкой вспашки сочеталось с повсеместным распространением сохи. В конкретных условиях Сибири того времени это было, по большей части, вполне оправданно. Повышенная влажность почвы в таежных земледельческих районах тоже говорила в пользу мелкой вспашки. В районах крайнего северного земледелия прогревался солнцем лишь самый верхний слой почвы, и нельзя было сеять в глубокую борозду.

Переложная система земледелия избавляла земледельца от применения органических удобрений и связанного с ними оборачивания пласта земли: землю “чертили” сохой; плуг требовался лишь для распашки земли под коноплю, лен и огородные культуры. Сеяли зерновые вручную, хлеб убирали серпами; траву косили косами-горбушами [Громыко, 1965]]

Для возделывания земли пользовались сохой с железными сошниками, боронили деревянной бороной. Этот инвентарь, а так же серпы, косы-горбуши, топоры выдавались в порядке подмоги новопоряженным крестьянам или покупался ими на сибирских рынках, куда они поступали через Тобольск. Рабочий скот был непременным условием существования крестьянского двора. Подмога и ссуда включали в себя средства на приобретение лошадей, если они не выдавались натурой.

По мере усиления связей с европейской частью России, роста добычи железа в крае, развития железоделательного производства в Сибири все большее распространение и применение находили сошники, серпы, косы и вообще железо для разных хозяйственных поделок. За счет этого осуществлялись небольшие усовершенствования орудий сельского хозяйства. Деревянные зубья у борон заменялись железными. Но в целом в орудиях

земледельческого труда в Сибири в течение XVIII в. не произошло существенных изменений. Сев производился вручную из лукошек. Деревянная соха с железными сошниками, как и в XVII в., являлась основным средством обработки земли.

Вместе с тем она совершенствовалась и не только рыхлила, но и отваливала пласт почвы в сторону с помощью отвала. Первое применение плуга в Сибири отмечено у русских староверов в Забайкалье (вторая половина XVIII в.). Но до середины XIX в. пахали в основном все же старыми сохами с одним или двумя сошниками [Шунков, 1956].

Колесные сохи, а местами и плуги распространялись преимущественно в южных, степных и лесостепных районах Сибири, где они больше подходили к природным условиям. Предпочтение, которое отдавали крестьяне обыкновенной русской сохе в земледелии таежной полосы, было вызвано обилием корней и спецификой почвы: здесь лучше справлялась легкая и поворотливая соха, чем тяжеловесный плуг, на который налипала суглинистая почва.

В ходу были два типа кос: горбуша и литовка. Литовка – большая русская коса на длинном черенке, преобладавшая в Европейской России, употреблялась в меньшей степени, она подходила для сравнительно невысокой травы. Сибирские крестьяне выбирали под покос места с высокой травой и косили такой луг горбушей – изогнутой, на коротком черенке косой, пришедшей сюда из Вологодской и Архангельской губерний. При косовице хлебов к косе стали приделывать особые грабли и таким образом одновременно косили и гребли.

Молотили цепами на земляных или ледяных токах. В некоторых местах ручная молотба заменялась молотягами, состоявшими из листовничного обрубка с вколоченными в него деревянными зубьями. К обрубку прикреплялись оглобли, в которые запрягали лошадь. Неудобство молотят заключалось в том, что они молотили нечисто, а лошади мяли солому.

Русский земледелец переносил в новые районы известные ему культуры. Сеяли рожь, ячмень, овес, пшеницу, просо, полбу, гречиху; широко был распространен горох; из технических культур возделывались лен, конопля, в Тюменском и Кузнецком уездах – табак; из огородных – капуста, морковь, огурцы, лук, чеснок, редька, свекла, репа, хрен, бобы, укроп, мак, тыква, кое-где дыни [Громыко, 1991].

В начале XVIII в. в европейской России возделывалось 55 видов культур, а в Сибири всего 14. В середине XIX в. число культур возросло в Европейской части до 113, а в Сибири до 29 [Сельское хозяйство, 2012].

В это же время определялись и их размещение по территории Сибири, и соотношение занятых ими посевных площадей. Эти системы – результат осознанных и неосознанных поисков, которыми занималось и занимается русское население региона. Размещение не было окончательным, ибо время внесло в него значительные коррективы. К концу XVII в. Сибирь стала преимущественно ржаной страной. На государевых полях в западных уездах сеяли рожь, овес и кое-где ячмень. Рожь стала ведущей культурой и в Енисейском, и в Илимском уездах, где наряду с ней в значительных количествах сеяли овес и в незначительных – ячмень. В Иркутском, Удинском

и Нерчинском уездах рожь также заняла монопольное положение, а на Лене она сосуществовала с овсом и ячменем [Шунков, 1956].

Крестьяне отдавали предпочтение яровым, которые в Сибири реже, чем озимые, давали неурожай из-за климатических условий. Посевы яровых хлебов, заметно возросшие уже во второй половине XVIII в., особенно увеличились в XIX в. В течение 10–15 лет перешли к посевам яровых хлебов крестьяне большинства волостей Курганского, Ишимского и Ялуторовского округов Западной Сибири [Развитие сельского хозяйства..., 2012].

Но в северных районах предпочтение оказывалось озимой ржи. Оно вызывалось краткостью лета – яровые не успевали созреть из-за раннего инея и заморозков. Но это предпочтение возможно было только там, где покров снега был ранним и глубоким, в противном случае озимые вымерзали. Имели значение также лесная защита от ветров и рельеф местности. Имелись и посевы ярового и озимого ячменя, особенно на собственной крестьянской пашне [Покровский, 2012].

С 30-х гг. XIX в. пошел процесс вытеснения яровой ржи пшеницей. Возрастали посевы яровых, что определялось потеплением климата, смещением земледелия в лесостепные и степные районы и ростом рыночного спроса на пшеницу. В южных округах Западной Сибири только на протяжении первой четверти XIX в. ее посевы увеличились в 3 раза и более, на некоторых территориях даже в 10 раз.

К середине XIX в. в Западной Сибири удельный вес пшеницы достиг 13 %. В Европейской России ее превосходили в этом отношении только Уфимская, Саратовская и Симбирская губернии [Рубинштейн, 1957].

Заметное место в товарной продукции крестьянского хозяйства стал занимать табак. С XVII в. появились посевы льна и конопли [Земледелие и скотоводство, 2012]. В 50-х гг. XIX в. были предприняты удачные опыты выращивания сахарной свеклы и сахароварения в Барнаульском округе.

Кроме полевого земледелия, за Уралом возникло овощеводство, носившее характер огородничества. Сажали лук, чеснок, морковь, репу, редьку, редис, огурцы, брюкву, хрен, бобы, укроп; к середине XIX в. также свеклу, картофель, арбузы, дыни. Наиболее распространенной огородной культурой была капуста. Овощеводство распространилось шире полеводства, так как овощи выращивали и в городах, и в местах, не пригодных для хлебопашества.

Отвод огородов производился одновременно с землеустройством крестьянина. Огороды имели потребительское назначение. Государство не облагало крестьян овощными поставками. Первые опыты посадки картофеля производились в крае в 60-х гг. XVIII в. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении этой культуры. Однако распространение ее шло медленно. Пионерами разведения картофеля были, по-видимому, занимавшиеся огородничеством мещане. В сельских местностях эта культура распространилась позже [Покровский и др., 2012].

Амплитуда колебаний урожайности в Сибири была очень велика. Это вызывалось тем, что вновь осваиваемые под хлебопашество земли были в лучших природных условиях, так как колонизация шла с севера на юг, из тайги в лесостепь и степь. В менее благоприятных для земледелия райо-

нах старого заселения сеяли в значительной части на истощенных почвах. По мере увеличения срока заселенности южных уездов разница в урожайности уменьшалась. Причина некоторой нивелировки урожаев крылась в одинаковом уровне развития производительных сил. Как и в Европейской России, сельское хозяйство Сибири страдало от недородов, что характерно для феодального общества вообще. Но они не охватывали всю разнородную по природным условиям территорию или полностью все культуры, что свидетельствовало бы о кризисе сельского хозяйства.

В частности, в Западной Сибири средний урожай за 1830–1840 гг. составил: озимого – сам-6,5, ярового – сам-4,5. Число неурожайных лет не превышало двух в десятилетие. Имеющиеся данные об урожайности в Тобольской и Томской губерниях за 15 лет свидетельствуют, что в крае были в основном средние урожаи. В Восточной Сибири средний урожай хлебов в Енисейской губернии составлял сам-6, высший – сам-12. В Ачинском и Минусинском округах средний урожай – сам-10, высший – сам-15. Эти округа были наиболее плодородными. Но, и здесь, так же как и в других местах Сибири, бывали и неурожайные годы [Развитие сельского хозяйства..., 2012].

В середине XIX в. урожайность в Сибири была несколько выше, чем в европейской части страны, после отмены крепостного права урожайность в Европейской России росла быстрее, чем в Сибири [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

“Великие реформы”, 1860-х гг. позволили бывшим крепостным переселяться на новые земли. Но лишь в 1880-е гг. правительство озаботилось приданием форм колонизационного освоения хаотичному народному движению. Относительное аграрное перенаселение центральных губерний и вызванное им социальное напряжение заставило правительство пересмотреть взгляды на земледельческое освоение макрорегиона. Возобладало мнение, что русский аграрный вопрос можно разрешить переселением в Сибирь малоземельных крестьян.

Но у правительства не было научно обоснованных данных для определения колонизационных возможностей Сибири. Это порождало миф о существовании за Уралом огромного фонда земель, пригодного для хлебопашества и обустройства до 100 млн крестьян, и обусловило непоследовательность правительственных решений, выражавшуюся в постоянных колебаниях: от поощрений, в виде ссуд и льгот, выпуска литературы, рекламировавшей условия жизни в Сибири, до полного запрета на переселение, когда толпы мигрантов поглощали заготовленные переселенческие участки.

Миграционный поток заставлял правительство постоянно изыскивать новые земли под переселенческие участки, а нехватка земель для новоселов вынуждала власти образовывать их в местностях, малопригодных для земледелия. Правительство при проведении землеотводных работ игнорировало интересы сибирского крестьянства и изымало часть площадей у старожилого крестьянства и коренных народов.

О корыстном интересе правительства к переселенцам свидетельствует политика поднятия доходности казенно-оброчных статей, для чего прово-

дилась их переоценка. Низкокачественные земли передавались переселенческому управлению, что улучшило качество арендного фонда и подняло его доходность, а переселенцы вынуждены были, из-за низкого качества предоставляемых земельных участков, арендовать казенные земли. Для увеличения доходов в аренду сдавались земли, принадлежащие коренному населению. Но чиновникам не удалось создать эффективное, приносящее высокие доходы арендное хозяйство. В итоге, получаемые доходы от аренды были мизерными, а недовольство крестьян – огромным [Дорофеев, 2010].

Столыпину так и не удалось решить едва ли не главную проблему – введения частной собственности на землю в Сибири. Дума подвергла этот законопроект обструкции, и он не вступил в силу; вплоть до 1917 г. крестьяне там хозяйствовали на казенной земле.

Правительство препятствовало росту товарности сибирского крестьянства. Серьезным ограничивающими факторами являлись малая пропускная способность Транссиба и тарифная политика государства. Государство, защищая интересы помещиков европейской части империи от конкуренции со стороны сибирского крестьянского хлеба, с момента открытия Транссиба ввело так называемый “челябинский тарифный перелом”, в соответствии с которым сибирское зерно облагалось двойным сбором. Из-за низкой рентабельности производства зерна сибирские крестьяне сделали ставку на наращивание поголовья крупного рогатого скота (КРС) и увеличение производства молока. Сельское хозяйство региона в связи с этим приобрело преимущественно животноводческую (молочно-масляную) специализацию [Ильиных, 2012б].

В начале XX в. в сельском хозяйстве Сибири произошли радикальные сдвиги. Сооружение Транссиба и поощрительная миграционная политика увеличили размеры аграрного переселения в регион и привели к взрывообразному увеличению сельского населения. Наивысшей интенсивности переселенческое движение достигло в годы Столыпинской аграрной реформы, когда в 1906–1914 гг. в Сибири поселилось 2,7 млн новоселов из 75 губерний России [Дорофеев, 2010]. Благодаря этому возросло число крестьянских хозяйств, которые являлись абсолютно преобладающей организационно-производственной структурой сельскохозяйственного региона.

По своей масштабности, степени воздействия и последствиям массовую крестьянскую миграцию в Сибирь конца XIX–начала XX вв. и производимое одновременно с этим землеустройство Д.Я. Резун, М.В. Шиловский квалифицируют как переселенческую революцию. Ее основными качественными составляющими стали: унификация землепользования всех категорий сельского населения; быстрое развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, оформление аграрной специализации территории; социальная дифференциация сельского населения, нарастание напряженности и противостояния между старожилами, новоселами и коренными жителями, эскалация противостояния властям всего сельского социума региона; инновации в культурной сфере, хозяйственной деятельности, образе жизни селян [Резун, Шиловский, 2005].

Вначале старожилы были заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам, поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы. Однако рост спроса на земли поднимал в их глазах ценность земель, сообразно чему повышалась и плата, которую они стали взимать за выдаваемые ими приемные приговора переселенцам. Поэтому, если вначале лишь 16 % переселенцев не находили средств, чтобы купить себе приговор, то через пять лет это было не под силу уже почти 53 %.

Массовая миграция российских крестьян обусловила переход аборигенных этносов на оседлость и землепользование. Власти контролировали поток переселенцев в районы компактного проживания нацменьшинств. Государство активно защищало их интересы, и почти все судебные дела по спорам аборигенов и русских крестьян из-за рыболовецких и охотничьих участков выигрывали первые [Карих, 1996].

В степной и лесостепной зоне земледельческой полосы фонд свободных земель из-за активизации переселенческого движения с 1880-х гг. стал стремительно сокращаться и к концу XIX в. был в основном исчерпан. Поэтому правительство пыталось строго регламентировать переселенческий процесс. С другой стороны, крестьянство, страдая от малоземелья и связывая свои надежды на лучшую жизнь с переселением в Сибирь, проявляло нетерпение, отсюда и огромный поток самовольных переселений. В основе переселенческих коллизий лежал разный подход к переселению: правительство считало, что переселенцам достаточно выделить минимальные средства, а крестьяне верили в государственный патернализм и что все заботы государство возьмет на себя.

Правительственная политика вела в тупик, так как ограничение размеров крестьянского землепользования, при отсутствии частной собственности на землю, препятствовало широкому развитию товарного хозяйства, а также приводило к структурным изменениям – сокращению удельного веса скотоводства по отношению к земледелию. Объективно она стимулировала существование только потребительского крестьянского хозяйства [Дорофеев, 2010].

Переселенческая революция закончилась в годы Первой мировой войны. С августа 1914 по 1 января 1918 г. в регион прибыло лишь 42,1 тыс. человек. А в целом в 1861–1917 гг. в Сибири устроилось 4 млн переселенцев [Мамсик, Ноздрин, 2009].

В течение XIX в. основной зоной хлебопашества стала южная полоса Сибири, вытянутая в широтном отношении от Тобола до верховьев Ангары и Забайкалья. В регионе сформировались основные сельскохозяйственные районы: в Тобольской губернии – Ялуторовский, Курганский, Ишимский округа (уезды); в Томской губернии – Алтайский горный округ (Барнаульский, Бийский, Кузнецкий округа); в Енисейской губернии – Канский и Минусинский; в Иркутской губернии – Иркутский и Верхнеудинский округа.

В начале XX в. наиболее освоенным и заселенным регионом Сибири являлась ее западная часть в составе Тобольской и Томской губерний, а также Акмолинской и Семипалатинской областей. Из всего сибирского населения, составлявшего до Первой мировой войны 10,3 млн чел., около

8 млн чел. проживало в Западной Сибири. До 90 % самодеятельного населения края было занято в сельскохозяйственном производстве [Ильиных, 2012а].

Переселенцы не могли быстро нарастить в своих хозяйствах поголовье крупного рогатого скота (КРС), достаточного для ведения товарного молочного хозяйства, и стремились в первую очередь увеличить производство зерновых, дававших быструю отдачу. К тому же к этому времени большую (хотя все еще недостаточную) пропускную способность приобрел Транссиб, а в 1913 г. был отменен “челябинский тарифный перелом” и вывоз хлеба из региона стал прибыльным. Следствием вышеуказанных факторов стало первое грандиозное наступление на сибирскую целину [Ильиных, 2012б].

Первая мировая война не сразу остановила поступательное движение сибирского сельского хозяйства. Поголовье скота росло до лета 1916 г. Но введение не выгодных производителю твердых закупочных цен на животное масло, запрет его экспорта, недостаточная и сокращающаяся в связи с постепенным обнищанием городского населения емкость внутреннего рынка, заставили крестьян резко снизить товарное производство молока и сбросить лишнее поголовье скота.

В сфере производства зерновых сложилась противоположная ситуация. Армия нуждалась в огромных и все возрастающих объемах хлеба и зернофуража. В связи с изменением структуры питания горожан постоянно увеличивалась потребность в хлебопродуктах. Пользуясь относительно благоприятной конъюнктурой, сибирские крестьяне стали наращивать посевные площади под зерновыми культурами. В Сибири вспыхнула “посевная лихорадка”. Под пшеницу и овес распахивались не только новые земли, но сенокосы и свежая залежь.

В связи с этим посевные площади росли вплоть до 1920 г., когда возвратившиеся в Сибирь большевики провели “великую посевную кампанию”, в ходе которой был продолжен натиск на залежи и кормовые угодья. В ходе кампании посевная площадь на территории Сибирского края составила 113 % от уровня 1913 г. В результате специализация сельского хозяйства радикально изменилась, и наиболее массовым типом хозяйствования стало экстенсивное зерноводство.

На развитие сельского хозяйства повлияли изменения в обеспеченности производителей орудиями труда. После сооружения железной дороги, удешевившей доставку грузов, в Сибири началось массовое применение сельскохозяйственных машин. За 1900–1914 гг. в регионе продали сельхозмашин более чем на 150 млн руб. В 1910 г. в Томской губернии на 100 крестьянских хозяйств приходилось 589 сеялок, 24 жатки, 26 молотилок, 20 веялок и 32 сенокосилки, в Европейской России – соответственно 67, 25, 32, 8 и 183 штук [Сельское хозяйство Сибири, 2012]. В начале XX в. Сибирь превратилась в растущий рынок для отечественной и иностранной сельхозтехники, опережая по оснащенности ею европейскую часть России, причем зерноуборочные машины сибиряки выписывали из Америки.

Результатом имперской колонизации Сибири стали выдающиеся успехи в ее земледельческом освоении. Население края увеличилось до

10 263,4 тыс. чел. в 1914 г. Параллельно с заселением Сибири росли посевные площади. В Сибири и на Дальнем Востоке перед Первой мировой войной было учтено 7,6 млн дес. пашни. В 1913 г. в Сибири находилось 10 % посевов и выращивалось более 10 % пшеницы. Сибирь превратилась в одну из главных житниц страны. поголовье скота в 1917 г. достигло 18 567 тыс., что сделало ее крупнейшим мировым экспортером масла [Супоницкая, 1989].

Проигранная царизмом мировая война вызвала в России Великую революцию, разразившуюся, прежде всего, в виде аграрного переворота. Российское крестьянство произвело “черный передел”. Сибиряки, не дожидаясь законодательного решения, самовольным порядком захватили кабинетские земли.

Пришедшие к власти большевики проводили в Сибири аграрную политику своих предшественников. Декрет о земле лишь санкционировал начатый без их ведома и участия процесс и ситуацию в аграрной сфере Сибири практически не изменил. Все земли сельхозназначения подлежали национализации и уравнительному перераспределению. За крестьянами закрепили ранее использовавшиеся ими земли, включая кабинетские. Безземельные и малоземельные крестьяне получили прирезку в основном из бывших казенных, частновладельческих и монастырских земель. “Черного передела”, т. е. перераспределения всех сельхозугодий в регионе не произошло [Андреенков и др., 2012]. При этом Советское правительство ликвидировало институт частной собственности на землю, проигнорировав в очередной раз требования сибирских крестьян.

Введенная царским правительством и продолженная большевиками продразверстка лишала смысла развитие товарного сельхозпроизводства. В результате этого во второй половине 1920 г. в Сибири падение уровня сельхозпроизводства по сравнению с 1917 г. приобрело форму полномасштабного кризиса. Площадь посева на территории Сибкрая к 1922 г. снизилась почти на 40 %. Особенно пострадали посевы основных товарных культур – пшеницы и овса, сократившиеся на 49 и 62 %. Напротив, площади, занятые рожью, уменьшились всего на 3 %, а просом – увеличились более чем в 10 раз. Зерна в 1922 г. собрали в 2 раза меньше, чем в 1917 г. [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

Не изменила ситуацию и новая экономическая политика, так как в условиях катастрофического неурожая в Поволжье и связанного с ним голода Сибирь получила завышенное задание по первому продналогу (1921/22), который собирался не менее жесткими методами, чем продразверстка. Тяжелым для исполнения оказался и продналог 1922/23 финансового года.

Восстановление сельского хозяйства Сибири, начавшееся лишь в 1923 г., проходило быстро, хотя и не повсеместно. Опережающими темпами поднималось зерноводство. В 1926/27 г. площадь посева зерновых в Сибирском крае составила от уровня 1913 и 1920 г. (в сопоставимых границах) соответственно 104 и 94 %, а валовой сбор зерновых – 128 и 162%. Среднегодовой вывоз зерна из региона в 1925/26–1927/28 гг. в 1,7 раза

превышал среднегодовой объем вывоза 1914–1916 гг. [Андреенков, Ильиных, 2012].

Широко развернулось кооперирование крестьянских хозяйств в сфере снабжения средствами производства, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, кредита и т. п. Все это, в конечном счете, дало мощный импульс развитию сельского хозяйства. В 1921–1927 гг. среднегодовой прирост производства сельскохозяйственной продукции составлял 10 %, а в Восточной Сибири объем валовой продукции достиг 90–120 % дореволюционного уровня.

Восстановление было обусловлено уменьшением и упорядочением налогообложения, возобновлением регулярного снабжения деревни сельскохозяйственным инвентарем, расширением ее кредитования, агрономического и зооветеринарного обслуживания, кооперированием крестьянства. За 1924–1928 гг. посевная площадь в Сибирском крае выросла на 56 %, число овец увеличилось на 102, КРС – на 84, коров – на 61, лошадей – на 39 %. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства в 1927/28 превысил уровень 1923/24 в 2,4 раза, товарной продукции – в 2,6 раза. Выросла обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем. В 1928 г. сенокосилок в сибирской деревне было на 84 %, жнеек – на 61, сеялок – на 119, плугов и буккеров – на 57 % больше, чем в 1917 г. [Баландин, 1992].

Опережающими темпами развивалось зерновое хозяйство, в особенности производство пшеницы. Удельный вес данной культуры в общей посевной площади в 1927 г. достиг 53 %. Валовой сбор хлебов в 1926/27 превысил показатели 1913 г. в 1,3 раза, 1920 г. – в 1,6 раза. В результате этого в период нэпа произошло закрепление специализации Сибири на производстве зерновых культур и, прежде всего, пшеницы.

Промышленное маслоделие из-за низкой товарности мелких крестьянских хозяйств восстанавливалось медленнее. Росту товарности препятствовал применявшийся властями экономический и политический пресинг по отношению к зажиточным жителям деревни. Это сказывалось и на зерноводстве, уровень его товарности по сравнению с довоенным периодом практически не изменился, а увеличение валовых сборов обеспечили рост посевной площади и серия относительно высоких урожаев. Разница в темпах развития зернового и молочно-масляного производства привела к изменению отраслевой структуры сельского хозяйства региона. В 1926/27 оп. г. доля продуктов растениеводства в общей стоимости товарной сельскохозяйственной продукции достигла 51 % [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

Без повышения товарности сельского хозяйства реализация политики большевиков на индустриализацию страны была невозможной. А основанная на монополии государственно-кооперативного аппарата и директивном ценообразовании заготовительная система в 1927/28 оп. г. показала свою несостоятельность. Даже небольшое снижение производства зерновых вызвало в Сибири и стране в целом острый хлебозаготовительный кризис.

Руководство страны взяло курс на использование насильственных неэкономических методов его решения. В 1928 г. в качестве инструмента

стимулирования крестьян к сдаче продукции применили метод выборочных показательных репрессий по статье 107 УК РСФСР за спекуляцию. Весной 1929 г. правящий режим перешел к подворной разверстке заготовительного задания с последующим административным или уголовным преследованием за его невыполнение. В конце 1929–начале 1930 гг. аналогичный порядок заготовок распространили на ряд других видов сельскохозяйственной продукции.

В начале 1930-х гг. основным способом изъятия сельхозпродукции стала контрактация, которая приобрела характер разверстываемой натуральной подати. Жесткие методы изъятия продукции и форсированная коллективизация повлияли на объемы производства и заготовок. Массовый забой скота привел к падению маслосаготовок. Объемы сдачи мяса и животноводческого сырья, напротив, сначала выросли, а затем снизились. Хлебозаготовки, за счет увеличения доли изъятия хлеба у производителей, увеличились: несмотря на снижение урожайности и посевов, государство в Сибири за 1930/31–1932/33 оп. гг. получило хлеба на четверть больше, чем за 1927/28–1929/30 оп. гг.

Форсированная и насильственная коллективизация не только не способствовала подъему сельского хозяйства, но, напротив, отбросила его назад. Посевные площади в Сибирском крае в 1930 г. снизились на 16 %, площади, занятые зерновыми, – на 19, поголовье лошадей – на 24, КРС – на 39, коров – на 25, овец и коз – на 42, свиней – на 68 %. В наибольшей степени пострадало маслоделие, заготовки животного масла сократились в 2 раза [Ильиных, 1999].

Перед центральными и местными властями встала задача восстановления разрушенного ими сельского хозяйства. Достичь этой цели планировалось путем так называемого организационно-хозяйственного укрепления колхозов. При этом главный упор делался (как и в XVII в.) на первоочередное разрешение зерновой, а не животноводческой проблемы. Вместе с тем была осознана необходимость сохранения плодородия почв, что нашло воплощение в принятом в 1932 г. совместном постановлении СНК и ЦК ВКП(б) “О мероприятиях по повышению урожайности” [Социалистическое земледелие, 1932], в котором Наркомзему СССР поручалось в течение 1933 г. ввести во всех колхозах и совхозах севообороты [Ильиных, 2012в].

Абсолютно преобладающей отраслью сельского хозяйства Сибири стало зернопроизводство, а механизация объявлялась основным фактором ее роста. В 1933–1937 гг. число машинно-тракторных станций (МТС), обслуживавших колхозы, возросло в Западной Сибири с 194 до 416, в Восточной Сибири – с 97 до 216; количество тракторов в них – соответственно с 8729 до 25 975, с 2774 до 10 849, комбайнов с 1147 до 10 742, с 49 до 1984. В 1937 г. в Западной Сибири тракторами осуществлялось 68 % работ по пахоте, 50 – по посеву; уборку зерновых на 46 % проводили комбайны. В Восточной Сибири эти показатели составляли соответственно 61, 32 и 14 % [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

Однако угроза мировой войны обусловила переориентацию промышленности на выпуск оборонной продукции и сокращение производства сельхозмашин, что вызвало замедление темпов развития сельского хозяй-

ства Сибири. В результате, в течение 1930-х гг. зерновую проблему решить не удалось – даже при росте посевной площади. Урожаи хлебов оставались неустойчивыми и имели связанную с падением плодородия почв тенденцию к постоянному снижению.

В то же время надвигавшаяся война требовала значительного увеличения объемов производства и заготовок зерна. Режим решал задачу путем поднятия налогового-податного обложения колхозов и перехода к травопольной системе земледелия. Наряду с этим, в апреле 1940 г. руководство страны потребовало существенного наращивания посевов зерновых за счет освоения целинных и залежных земель в восточных районах страны [Ильиных, 2012а]. Предусматривалось расширение посевных площадей под зерновыми, главным образом под пшеницей, овсом и ячменем, в том числе и за счет вытеснения других “менее важных” зерновых.

Сибирские руководители приступили к разработке севооборотов, больше отвечающих указаниям Центра, чем требованиям агротехники. И в 1933 г. началось внедрение указанных севооборотов, вылившееся в очередную шумную, но малоэффективную кампанию. За год поля севооборотов нарезали в большинстве колхозов Сибири. Однако в большинстве из них севооборот внедрялся шаблонно, без учета природных и экономических условий хозяйств. Нередко в поля севооборотов включалась непригодная земля, а используемая оставалась вне их. В результате большинство севооборотов существовало лишь на бумаге [Социалистическое хозяйство..., 1934]. Переход к травопольной системе земледелия и осуществление “целинного проекта” 1940 г. прервала начавшаяся война.

Война принесла сельскому хозяйству ущерб, не меньший, чем коллективизация. Сибирь, наряду с Поволжьем и Казахстаном, стала основной сельскохозяйственной базой страны. Возросшие мясопоставки и ухудшение кормовой базы привели к снижению поголовья скота. Уровень сельхозпроизводства существенно снизился – было не до севооборотов и соблюдения необходимых агротехнических приемов. В результате резко упала урожайность: с 1940 по 1945 г. посевные площади зерновых в колхозах Западной Сибири сократились почти на 30 %, а хлеба в регионе в 1945 г. собрали в 2,5 раза меньше, чем в 1941 г. [Крестьянство..., 1983].

В 1945 г. начался процесс восстановления сельского хозяйства Сибири. За пять послевоенных лет удалось в целом достичь довоенного уровня посевных площадей и поголовья продуктивного скота. К 1950 г. посевные площади в колхозах Сибири выросли на 37,5 %, составив в Западной Сибири 98 %, в Восточной Сибири – 95 % довоенного уровня. Расширение посевной площади позволило добиться заметного увеличения валовых сборов, заготовок зерна и другой продукции. В 1950 г. зерна в Сибири собрали в 2,7 раза больше, чем в 1945 г. Уровень начала 1940-х гг. превзошло производство технических культур. Но урожайность полей была крайне низкой, и регион потрясали периодические неурожай, имевшие катастрофические последствия. Это заставило вновь вспомнить о травопольной системе земледелия. К 1949 г. нарезку полей севооборотов в колхозах и совхозах Сибири в основном закончили. Однако качество этой работы оставалось чрезвычайно низким. Поэтому доля освоенных севооборотов в

Омской области составляла 6 %, в Алтайском крае – 2,8, в Новосибирской обл. – 2,5 % [Сибирь..., 1968]. Впрочем, в связи с процессом укрупнения колхозов пришлось отказаться от большей части и этих севооборотов.

В начале 1950-х гг. действие восстановительных механизмов закончилось и зерновое хозяйство практически утратило позитивную динамику. При этом довоенный уровень производства так и не был достигнут ни в стране в целом, ни в Сибири. Заготовки не обеспечивали потребностей страны в зерне и фураже. В животноводстве возникла катастрофическая нехватка кормов. Таким образом, аграрное производство страны и Сибири переживало глубокий кризис.

Новый глава партии Н.С. Хрущев предложил решить обострившуюся зерновую проблему (в который раз) за счет освоения целинных и залежных земель на востоке страны. Основной упор делался на экстенсивные методы (увеличение посевных площадей), дающих быструю отдачу, а не на интенсивные методы (повышение урожайности уже вовлеченной в оборот пашни), которые могли дать эффект лишь в отдаленном будущем.

На земли, которые предстояло освоить, отправили большое количество тракторов, комбайнов, иной сельхозтехники. В Сибири ее большую часть получили машинно-тракторные станции (МТС). Например, в первый год целинной кампании машинный парк МТС Алтайского края увеличился на 14,6 тыс. тракторов, 7,7 тыс. зерновых комбайнов, 1,8 тыс. автомашин. В 1954–1955 гг. на востоке РСФСР организовали 88 новых зерновых совхозов. Основным источником пополнения дефицита рабочей силы являлся добровольный организационный набор молодежи. В 1954–1956 гг. по комсомольскими путевкам в целинные районы Сибири прибыло 130 тыс. человек, в том числе 50 тыс. из городов и сел региона. Вновь прибывшие в Сибирь значительно увеличили сельское население региона, в ряде районов Иркутской области переселенцы в 1955 г. составляли от 10 до 30 % общего числа жителей [Зуляр, Худаков, 2005].

С 1954 по 1960 г. в стране распаханно 41,8 млн га целинных земель, в том числе 9767 тыс. га в Сибири. Среднегодовой валовой сбор зерновых в 1954–1958 гг. по сравнению с 1949–1953 гг. вырос в основных районах освоения целины (Западной, Восточной Сибири и Амурской области) в 2 раза. Повысился уровень механизации полеводства. За 1954–1958 гг. количество тракторов в сельском хозяйстве Сибири увеличилось на 32 %, их мощность возросла на 50 %. Главным образом за счет самоходных машин удвоился комбайновый парк. Обратной стороной достигнутых успехов являлось практически полное забвение основ агротехники в процессе вовлечения в сельхозоборот новых земель. Полеводство Западной Сибири приобрело еще более монокультурный характер; с 1953 по 1958 гг. удельный вес пшеницы в общей площади посева в регионе увеличился с 61 до 75 %. В Восточной Сибири доля пшеницы выросла с 48 до 58 %. В результате произошло снижение плодородия земель, сокращение урожайности, ухудшение качества собираемого зерна. В 1963 г. засуха и агротехнические “новации” привели к катастрофическому неурожаю в основном земледельческих (целинных) районах Западной Сибири [Сельское хозяйство..., 2012].

Целинная политика в Сибири провалилась. Накопленный в целинных регионах внушительный аграрно-производственный потенциал во второй половине 1950-х гг. не был подкреплён капитальными вложениями, которые обеспечивали бы его нормальное функционирование и условия для самовоспроизводства. Низкие темпы строительства объектов ремонтно-технической, жилищной и культурно-бытовой инфраструктуры способствовали быстрому изнашиванию машинного парка и массовому оттоку кадров. Уменьшение количества и падение качества технических и трудовых ресурсов в конце 1950-х гг. привели к выводу из сельскохозяйственного оборота значительных массивов пахотнопригодных земель.

Негативное влияние на развитие зернового производства оказало несоблюдение основ агротехники. Повсеместно игнорировались севообороты. К минимуму свелось использование паров. Многие хозяйства перешли к бессменной пшеничной монокультуре. Вследствие этого истощались огромные площади ранее плодородных почв, создавались условия для засорения их сорняками и развития водной и ветровой эрозии. Наглядным и страшным последствием ошибочных подходов к агротехнике целинного земледелия стали «чёрные бури». Прогрессирующее снижение плодородия почвы привело к существенному снижению объёмов производства и заготовок хлеба. В Западной Сибири среднегодовая урожайность зерновых уменьшилась с 10,9 ц/га в 1956–1960 гг. до 7 ц/га в 1961–1965 гг. Валовые сборы зерна сократились примерно на 20 %, а заготовки – на 35 %. Своего пика кризис зернового производства в регионе достиг в 1963 г., когда в Западной Сибири заготовили 735 тыс. т хлеба [Андреенков, 2012].

С середины 1960-х гг. зерновая проблема в СССР стала решаться в русле политики интенсификации сельского хозяйства. Увеличивались капиталовложения. Принимались меры по механизации и химизации зерноводства. Больше внимания стало уделяться выбору оптимальных агротехнологических приемов. Однако решить зерновую проблему в рамках советской экономической системы так и не удалось. Интенсификация имела затратный характер. У работников отсутствовали стимулы к высокопроизводительному труду [Ильиных, 2012а]. Темпы развития производства зерна демонстрировали тенденцию к снижению. Отрасль продолжали сотрясать периодические неурожаи.

В качестве главного фактора повышения плодородия почв рассматривалось расширенное применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов. Поставка минеральных удобрений в сельское хозяйство Сибири увеличилась с 86 тыс. т в 1965 г. до 1240 тыс. т в 1985 г. В целом улучшилась культура земледелия и животноводства. Удельный вес пашни в освоенном севообороте в 1983 г. в Западной Сибири составлял 87,8 %, в Восточной Сибири – 74,3 %. Чистые пары в Западной Сибири в 1961 г. занимали 3,2 % пашни, в 1986 г. – 17,7 %. Вблизи крупных городов создавались зоны орошаемого овощеводства и поливного кормопроизводства.

Несмотря на достижение определенных результатов, в полной мере решить поставленные задачи не удалось ни по одному из перечисленных направлений интенсификации сельского хозяйства. Высокой оставалась

доля немеханизированных работ. В общественном секторе животноводства Западной Сибири в 1985 г. доля лиц, занятых ручным трудом, составляла 55 %, в растениеводстве – 37 %. Вследствие этого рост производства сопровождался абсолютным увеличением затрат ручного труда. На многие виды сельхозработ, особенно в сезон уборки урожая, приходилось привлекать большое количество горожан. Поступавшая в деревню техника преждевременно выбывала из строя. Господство хлебной монокультуры и недостаточный уровень почвозащитной агротехники приводили к деградации пахотных угодий. Использование мелиорированных земель в Сибири было развито слабо и носило локальный характер. Неумеренное применение средств химизации стало негативно влиять на природную среду и здоровье людей. Специализация и концентрация производства привели к ликвидации в колхозах и совхозах небольших рентабельных ферм, что обострило дефицит продовольствия. Значительная часть средств производства, направляемых в село, тратилась на строительство дорогостоящих, но низкорентабельных объектов. Мероприятия по интенсификации сельского хозяйства приобретали характер кратковременных и неэффективных кампаний.

Не была реализована и базовая цель программы комплексной интенсификации сельского хозяйства – достижение устойчивого роста производства продукции за счет повышения производительности труда. Динамика развития сельского хозяйства имела затухающий характер. Средняя урожайность зерновых в регионе выросла с 11,1 ц/га в 1966–1970 гг. до 12,6 ц/га в 1981–1985 гг.; производство молока на корову увеличилось с 2020 кг в 1965 г. до 2222 кг в 1985 г. [Ильиных, 2012в] Сельское хозяйство Сибири в условиях меньшей обеспеченности средствами интенсификации стало заметно отставать от общесоюзного уровня по темпам роста производства важнейших продуктов (зерна, молока, говядины), технологическому уровню и экономическим показателям.

В начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала кризисной. Резко упали эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [Сельское хозяйство Сибири, 2012].

Одной из причин провала советской аграрной политики в Сибири явилось проводимое с 1950-х гг. сокращение количество сельских населенных пунктов, что в условиях локальной пригодности территорий для сельскохозяйственного использования, снизило уровень аграрного природопользования и его эффективность.

С начала 1990-х гг. процесс земледельческого и животноводческого освоения Сибири пошел вспять, и достигнутый им уровень не восстановлен до сих пор.

3.4. ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ

Промышленное освоение Сибири имеет свои характерные особенности, обусловленные общим ходом колонизации обширной территории, характером восприятия региона российской властью, спецификой традиционных видов жизнедеятельности коренных народов и главными геополитически-

ми проблемами, которые страна решала на востоке на протяжении более чем трех веков. Весь путь становления промышленности в Сибири делится на три этапа, связанные с социально-экономическим устройством страны. Первый из них, отражавший развитие хозяйства в условиях становления капитализма в России и начала выхода на мировые рынки, закончился в 1917 г. Второй этап знаменовал широкомасштабное освоение в условиях планового хозяйства и продолжался три четверти века. Последнее десятилетие двадцатого века явилось началом третьего этапа, когда возврат к частной инициативе в сочетании с государственными планами развития территории предполагает продолжение обустройства Сибири в рамках концепции новой индустриализации.

Промышленность Сибири в XVIII–XIX вв.

Начало промышленного производства в Сибири относится к первым годам XVIII в., когда в Тобольске, управленческом центре Сибирского приказа, по приказу Петра I был создан первый оружейный завод. В условиях нехватки оружия во время войны со шведами, часть производства было решено разместить на Урале и в Сибири, вблизи уральских заводов, выплавлявших металл. В Тобольске же была создана и первая частная мануфактура местных дворян Матегоровых – стекольный завод [Гузаров, 2012]. Но промышленную специализацию Сибири на весь последующий период колонизации заложили созданные в XVIII в. предприятия горнодобывающей и металлургической отраслей промышленности. Вслед за военными отрядами шли исследовательские экспедиции, занятые поиском месторождений золота и серебра для пополнения казны. Основными центрами горнодобычи стали юг Западной Сибири и Забайкалье.

Первенцем отрасли в Сибири стал казенный Нерчинский завод, строительство которого началось еще в период подписания Нерчинского договора о русско-китайской границе в 1689 г. Его регулярная работа началась с 1704 г., и впервые российское государство получило возможность чеканить монеты из собственных драгоценных металлов. Кроме того, руды месторождения оказались богаты свинцом. Свинец стал поставляться в Петербург для нужд артиллерии, а впоследствии и на Алтай для использования в извлечении серебра из местных руд.

Второй центр добычи серебра возник на юге Западной Сибири. В первой половине XVIII в. уральский заводчик А.Н. Демидов начал создавать медеплавильное производство на Алтае, построив Колывано-Воскресенский и Барнаульский заводы. Однако в рудах Змеиногорского рудника было обнаружено серебро, и в 1744 г. Демидову пришлось доложить об этом императрице, поскольку серебро могли добывать только казенные предприятия. В том же году демидовские заводы были переданы в собственность государства. В отличие от нерчинских руд, алтайские руды не содержали свинца, который в расплавленном виде присоединяет серебро и очищает его от примесей. В начальный период добычи использовался немецкий свинец, с 1746 г. были организованы его поставки из Забайкалья [Ведерников, 2010]. С 1745 по 1874 г. Алтай дал около 110 тыс. пудов, а Забайкалье – 27 тыс. пудов серебра [Гузаров, 2012].

На горно-добывающих предприятиях Сибири источником рабочей силы служили приписные крестьяне. Трудовая повинность была вначале пожизненной, впоследствии срок ограничивался 25 годами. Руководители присылались из Петербурга, технологии заимствовались у европейских предприятий, главным образом из Германии. Но постепенно создавались свои школы мастеровых, начали использоваться местные изобретения. На Алтае Иваном Ползуновым был создан паровой двигатель для подачи воздуха в плавильные печи, в 1770-х гг. были применены гидравлические установки Кузьмы Фролова [Ведерников, 2010; Гузаров, 2012]. К концу века начали открываться горные школы и училища для подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, некоторые из них направлялись на учебу в Петербургское высшее горное училище для получения диплома инженера.

Сереброплавильная промышленность пережила несколько этапов технологического развития в течение XVIII в. и только в первой половине XIX в. стала терять свое значение ведущей промышленной отрасли Сибири, дав толчок к освоению новых видов полезных ископаемых и стимулировав строительство новых заводов. С 1760 г. в Нерчинском горном округе были построены Дучарский, Кутомарский, Шилкинский, Екатерининский, Газимурский и Александровский заводы, а также Петровский завод по выплавке чугуна и производству железа. В Колывано-Воскресенском горном округе функционировали Алейский, Локтевский, Гавриловский заводы, к востоку от них – Гурьевский сереброплавильный завод, Салаирский рудник, Томский железоделательный завод (на территории современного Прокопьевского района Кемеровской области). На Барнаульском заводе продолжалась выплавка меди, в 1760-х гг. велось строительство также Сузунского медеплавильного завода и монетного двора [Ведерников, 2010].

С середины XIX в. наступает период угасания Нерчинских заводов из-за выработки наиболее богатых руд. Последний из серебросвинцовых заводов был закрыт в 1907 г. Но с 1830-х гг. в Нерчинском горном округе начинает развиваться золотодобывающая промышленность, которая поначалу ориентировалась на рудное золото казенных золотосеребряных рудников. В 1836 г. были открыты богатые Карийские россыпи, и уже в 1860 г. было добыто 1147 пудов россыпного золота [Очерки..., 2009]. С середины века разрешается частная добыча золота, и к 90-м гг. XIX в. золото намывалось на 119 приисках Забайкалья.

Золото обнаруживается и на юге Западной Сибири, с 1830 г. начинается его добыча в Мариинской тайге. В эти же годы россыпи были найдены в бассейне Верхней Тунгуски, в других районах Енисейского округа (по рекам Бирюса, Мана, Нижняя Тунгуска). Ссылные стали основным источником рекрутирования рабочих рук для такой трудоемкой отрасли. Поиски золотых россыпей сдвигались на восток, в 1840-е гг. золото было найдено в Ленском округе и Верхнеудинском округе за Байкалом. В 1863 г. был зарегистрирован прииск Благовещенский на р. Накатами Ленского округа, ставший на продолжительное время крупнейшим прииском по добыче золота. Поиски охватили реки Бодайбо, притоки Витима. Этой же

зимой был основан г. Бодайбо, сначала как место зимовки золотоискателей, затем как перевалочная база золотопромышленников и пристань [Иголкин, 2012]. За несколько последующих лет поисками было охвачено все Патомское нагорье.

На Ленских приисках впервые начинается консолидация частного капитала. В 1855 г. было создано Ленское золотопромышленное товарищество (“Лензолото”), преобразованное в одноименное акционерное общество в 1897 г. Последующее проникновение зарубежного капитала, вызванное долгами “Лензолота” [Разумов, 1995], и ужесточение условий труда спровоцировали в 1912 г. протестные выступления рабочих, подавленные расстрелом демонстрантов, что в дальнейшем способствовало нарастанию революционной ситуации в стране.

Помимо золота, в разных частях Сибири добывались другие минералы. В конце XVII в. на побережье Байкала началась добыча слюды. Месторождения сдавались на откуп местным добытчикам, и казна забирала десятую часть товара. В этот же период возникли первые солеварни, разрабатывавшие соляные прожилки на островах Ангары. Соляной промысел первое время велся частными лицами, затем в начале XVIII в. солеварни отписывались в казну, однако через двадцать лет снова были переданы в частные руки из-за упадка производства.

Помимо горно-добывающей промышленности, контролируемой государством, в городах, особенно в Западной Сибири, в XVIII–XIX вв. развивается ремесленничество и мануфактура, постепенно заменяемые фабричным производством. Диверсификация промышленного производства в Сибири была обусловлена различными причинами. Во-первых, необходимость расширения круга товаров для жизнеобеспечения прибывающего населения, которые могли производиться из местного сырья. Гужевого транспорт объективно ограничивал возможности массового завоза потребительских товаров. Развитию мануфактуры и фабричного производства способствовали рост городов в Сибири, концентрировавших несельскохозяйственное население, а также развитие торговых путей, ведущих в Китай через сибирские губернии, что стимулировало выпуск местных товаров для вывоза на восток.

Основными отраслями промышленности в XVIII–XIX вв., производящими потребительские товары, стали мукомольная, винокуренная, маслоделательная, кожевенная и другие, ориентировавшиеся на местное сырье. Главными предпринимателями становилось купечество, накопившее капиталы в торговле и вкладывавшее его в производство товаров. По сравнению с общероссийской картиной промышленное предпринимательство в Сибири осложнялось более широким присутствием казенных и кабинетных учреждений в различных отраслях, что влияло на развитие частного бизнеса. Более высокая доля подневольного труда и государственного участия в экономике тормозили расширение предпринимательской инициативы, часто ограничивали ее потребительскими отраслями.

В таких районах, как Алтай государство намеренно ограничивало строительство частных предприятий не только в металлургии, но и в ряде

других отраслей, опасаясь конкуренции за ресурсы рабочих рук, воды и топлива [Кошенов, 2007]. В интересах казны частный капитал был полностью вытеснен из винокуренной, соляной и суконной промышленности.

Одним из промышленных центров того времени становится Тюмень, развитие которой было обусловлено положением на пересечении речного и сухопутного путей и близостью к Уралу, одному из главных промышленных районов России. Промышленность Тюмени опиралась на мелкие крестьянские промыслы окружающей территории – главной отраслью в городе было кожевенное и обувное производство, развивалась лесопереработка, а на ее основе и судостроение.

Сходное значение для транзита товаров из метрополии в Сибирь и обратно начал играть Томск, ставший “воротами” из Западной в Восточную Сибирь. На местных мануфактурах обрабатываются кожи, изделия из нее расходятся по золотым приискам, отправляются дальше на восток.

В Омске, ставшем в 1838 г. местом пребывания генерал-губернатора, в 1822 г. появилась казенная суконная фабрика для снабжения сукном казачьего войска. Помимо этого действовали мелкие предприятия – кожевенное, мыловаренное, кирпичное, свечное, маслобойное и другие производства.

Аналогично развивалось местное производство в Иркутске. Казне принадлежала одна из первых текстильных фабрик в Сибири – Тельминская. Помимо нее, в Иркутске действовали кожевенное, мыловаренное, винокуренное, мукомольное производства, ориентированные на переработку сельскохозяйственного сырья и потребности местного населения.

В целом промышленное развитие Сибири во второй половине XIX в. отставало от европейской части России, где реформы середины века привели к формированию условий для развития частной предпринимательской инициативы, включая образование армии наемной рабочей силы из безземельных крестьян. Реформа 1861 г. в Сибири не имела такого значения для развития промышленности, как в европейской части страны, еще и вследствие того, что в Сибири помещичье землевладение не было распространено.

Нарождающийся капитализм требовал расширения ресурсной базы, которую могла дать только Сибирь, и выхода на новые рынки сбыта, в том числе на Тихоокеанском побережье России. В этих условиях царское правительство дало согласие на строительство сквозной железнодорожной магистрали, о необходимости которой говорили генерал-губернаторы Сибири. Строительство трансконтинентальных железных дорог во второй половине XIX в., воспринимавшееся как символ индустриального обновления нации, велось в Северной Америке и Австралии, и Россия не должна была отставать от этих стран в деле транспортного и промышленного развития.

История Транссиба начинается с 1886 г., когда император Александр III дал поручения о проведении изыскательских и проектных работ для подготовки строительства магистрали. Решение о начале строительства с двух концов пути (Челябинск и Владивосток) навстречу друг другу было принято в 1891 г., тогда же состоялась закладка первых километров дороги. Сооружение железнодорожного пути продолжалось до 1903 г.,

расходы на строительство превысили 1 млрд руб. [Железнодорожный..., 1994].

Магистраль соединила с центром страны практически все крупные города Сибири, за исключением Томска. Наиболее трудные участки пришлось на побережье Байкала, где было сооружено множество тоннелей и каменных галерей. На строительстве использовались вольнонаемная рабочая сила и труд арестантов, ссыльных солдат. Работы велись зачастую в тяжелых климатических условиях, вручную, с использованием примитивных орудий труда. В разгар строительства, в 1895–1996 гг., на стройке было занято до 90 тыс. чел. [Великий сибирский путь, 2012]. Общая протяженность пути от Челябинска до Владивостока составила 8,3 тыс. км. Последнее звено, “золотое”, было уложено на участке КВЖД в октябре 1901 г., что позволило запустить рабочее движение поездов, однако регулярное сообщение Владивостока и Порт-Артура со столицей началось два года спустя. После поражения России в Русско-Японской войне 1905–1906 гг. царскому правительству пришлось достраивать восточный участок железной дороги по территории страны как альтернативу КВЖД, его сооружение было закончено уже в 1916 г.

Строительство магистрали резко увеличило поток переселенцев в Сибирь и стимулировало экономическое развитие окружающей территории. В районах, прилегающих к магистрали, появились новые заводы и сооружения, связанные сначала с обеспечением нужд железной дороги, такие как шпалопропиточные и деревообрабатывающие производства, угольные карьеры и копи, затем ориентированные на вывоз продукции. С другой стороны, облегчение доступа товаров из европейской части России заставило перестраиваться местную промышленность потребительского сектора.

В целом промышленность Сибири накануне вступления в мировую войну и последующих социальных потрясений, вызванных революцией 1917 г., представляла собой преимущественно первичный передел минеральных и сельскохозяйственных ресурсов. В ее структуре на отрасли сельскохозяйственной переработки – мукомольную, кожевенную, винокуренную и другие – приходился 61 % объема производства, на горно-добывающую – 35 % [Винокуров, Суходолов, 1996]. Оставшиеся 4 % включали лесозаготовки и деревопереработку, текстильную и другие отрасли.

Промышленное развитие Сибири в период плановой экономики

Период первых пятилеток. После революции падение собственного промышленного производства в регионе привело Сибирь на уровень конца XIX в. В 1920 г. были национализированы все частные промышленные предприятия. По данным М.А. Винокурова и А.П. Суходолова [1996], стоимость валовой продукции промышленности Сибири в 1921 г. составила 20,2 млн руб. против 98,4 млн руб. в 1913 г. В 1928 г., перед началом индустриализации страны, этот показатель так и не вернулся к довоенному уровню, достигнув 82 млн руб.

В течение первого десятилетия советской власти Сибирь служила источником продовольствия, материальных и финансовых ресурсов для восстановления хозяйства в европейской части страны после гражданской

войны. В 1920–1923 гг. на Сибирь приходилось около четверти всех общегосударственных заготовок хлеба и зернофуража при 6,0 % посевных площадей и 10,0–12,0 % товарной продукции [Шишкин, 2010]. Чрезвычайное значение для страны имела добыча золота. Вместе с тем доля Сибири в расходах государственного бюджета снижалась. Только к концу 1920-х гг. при переходе к массовой индустриализации Сибирь получила внимание Центра и средства для возрождения промышленности.

Одним из крупнейших промышленных проектов, осуществленных на территории Сибири в довоенный период, явилось строительство Урало-Кузнецкого комбината. Предприятие воплощало новый подход к планированию в условиях социалистической экономики, оно формировалось как районный или территориальный комбинат. Н.Н. Колосовский видел в этом выход за пределы корпоративного планирования и переход на производственное технологическое комбинирования хозяйства целых районов [Колосовский, 2009]. Форсированное строительство комбината выполняло ряд задач общесоюзного, а не сибирского значения, поставленных политическим руководством страны на вторую пятилетку, главные из которых – развертывание тяжелой промышленности как основной базы социалистического строительства и создание новой угольно-металлургической базы на востоке страны.

Идеи соединения кузнецких углей с уральской рудой высказывались еще в XIX в. Открытие первого месторождения кузнецких углей на берегу Томи относится к 1721–1722 гг. Тогда же к использованию угольных залежей проявил интерес уральский промышленник А.Н. Демидов при освоении медных руд Алтая. После передачи Колывано-Воскресенского и Барнаульского завода в собственность императорской фамилии месторождения, находившиеся на территории Алтайского горного округа, также перешли в ведение императорского Кабинета. В середине XIX в. геологом П.А. Чихаевым была составлена геологическая карта территории, обследованы контуры месторождений и предложено нынешнее название района – Кузнецкий угольный бассейн. Первая копь или открытый рудник (Бачатский) начал свою работу в 1851 г. Образованное перед Первой мировой войной акционерное общество “Копикуз” (Копи Кузбасса) пыталось организовать коксохимическое производство и построить в Кузбассе металлургический завод, однако не смогло собрать достаточно средств, хотя в число главных акционеров общества входили четыре банка [Шинкарев, 1974].

Заключение большевиками Брест-Литовского мира в 1918 г. привело к потере Россией Донбасса с его металлургическим производством, поэтому планы создания новой горно-металлургической базы на востоке страны вновь встали в повестку дня. Проект комбината разрабатывался американской компанией Freyn Engineering (Чикаго), заказы на оборудование были размещены в Германии. Для реализации проекта в марте 1928 г. было создано строительное управление “Тельбесстрой”, позже переименованное в “Кузнецкстрой”. Строительство комбината было начато в 1929 г., и американская компания оказывала помощь в монтаже и запуске оборудования. На комбинате, по разным оценкам, работало до 400 иностранных специалистов и рабочих.

Комбинат строился с расчетом одновременного запуска всего цикла металлургического производства. В апреле 1932 г. был получен первый чугун, а в сентябре того же года – мартеновская сталь. К концу года заработал прокатный цех и вскоре был выдан еще один конечный продукт – рельсы. В 1933–1935 гг. была запущена вторая очередь комбината и достигнута его проектная мощность (1,2 млн т чугуна). К концу второй пятилетки комбинат был введен в строй полностью, и его мощность составила 2,15 млн т чугуна, 1,92 млн т стали и 1,64 млн т проката.

Обеспечение быстрого пуска в строй всех стадий потребовало от рабочих, занятых на строительстве, чрезвычайного напряжения в условиях отсутствия техники, помогающей ручному труду, и элементарных условий проживания. “Кузнецкстрой” остался в истории не только первенцем индустриализации новой страны, но и наиболее ярким примером сверхэксплуатации человеческого труда в условиях коллективного эмоционального подъема. Число строителей доходило до 30 тыс. чел., еще столько же было занято на сооружении рудников и железной дороги. Среди строителей были вольнонаемные, представленные в основном крестьянами из окружающих деревень, и привезенные по оргнабору из других районов страны. Число подневольных, т. е. раскулаченных и заключенных, на стройке оценивалось в 62 % [Фойгт, 1995].

В 1920-х гг. в Горной Шории Кузбасса была найдена железная руда, но бедность руд не позволила отказаться от маятниковых перевозок, и переход на местное железорудное сырье был отложен на перспективу. После открытия Мундыбашской обогатительной фабрики в 1936 г. стала добавляться железная руда Горной Шории. Однако руда Магнитки на Кузнецком металлургическом комбинате впоследствии была замещена не местной, а восточносибирской рудой.

Заметным центром горно-добывающей промышленности в 1920-е гг. стала Якутия. Золотые прииски Алдана в тот период считались одними из богатейших в мире и привлекли значительное число старателей. Летом 1925 г. на приисках проживало около 14,5 тыс. человек. В том же году был образован союзный трест “Алданзолото”. Добыча золота на Алдане росла более высокими темпами, чем на ленских и дальневосточных приисках. Если в сезон 1923/24 г. она составляла 4,8 т, то в 1936 г. добыча выросла до 9,4 т [Антонов, 2002]. Помимо золота в Якутии начали разрабатываться другие виды минерального сырья. В 1931 г. в Верхоянском районе были найдены залежи вольфрама и олова. Добыча оловоносного концентрата возросла от 2,9 т в 1938 г. до 51,6 т в 1940 г.

В период первых пятилеток было составлено множество планов промышленного развития регионов Сибири, из которых выделяются работы Ангарского бюро Госплана СССР под руководством И.Г. Александрова и его заместителей Н.Н. Колосовского и В.М. Малышева. Бюро представило проект комплексного использования природных ресурсов Ангары и составило программу развития региона, включавшую несколько этапов. Ключевая роль в создании комплекса принадлежала топливно-энергетическим ресурсам, на базе которых предполагалось создание ряда энергоемких производств – электрометаллургии, в том числе алюминиевой промышлен-

ности, электрохимии на базе месторождений соли и лесохимии с глубокой переработкой древесины.

Вторым крупным проектом являлось строительство рокадной железной дороги, параллельной Транссибирской магистрали, обусловленное внешними угрозами со стороны Японии. В 1930 г. началось проектирование пути, а в 1933 г. были уложены первые метры рельсов от станции Бам возле пос. Сковородино в направлении поселка Тындинский. В 1937 г. было принято решение о строительстве новой магистрали от Тайшета до Советской Гавани на Тихоокеанском побережье. Реализации всех этих планов помешала война. До начала Великой отечественной войны было подготовлено всего 124 км трассы (от Тайшета до Чуны), а рельсы уложены на протяжении 58 км.

Послевоенный период. Проектно-изыскательские работы по территории Иркутской области были возобновлены в 1944 г. [Фильшин, 1988], поэтому первые шаги по реализации проекта “Ангарстроя” начались сразу же после окончания войны. В 1947 г. в Иркутске была проведена Всесоюзная конференция по развитию производительных сил Сибири, на которой были изложены основные положения концепции комплексного развития Прибайкалья. При обсуждении этой концепции были внесены коррективы в довоенные планы, принято решение о создании научно-исследовательской базы в сфере использования природных ресурсов, развитии фундаментальных и прикладных исследований, что впоследствии привело к формированию Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР.

Реализация проекта началась в 1950 г. со строительством Иркутской ГЭС мощностью 662 МВт. Иркутское водохранилище заполнялось семь лет, за это время уровень Байкала поднялся на 1,46 м, затопив участок Транссиба на правом берегу Ангары. В 1953 г. на берегу Олхи началось строительство Иркутского алюминиевого завода. В 1958 г. станция дала электроэнергию, завод вступил в строй в 1962 г. Третий элемент планировавшегося Байкало-Черемховского комбината – комплекс электрохимических производств на базе месторождений соли и углей [Фильшин, 1988] – не был реализован в полной мере. Основные мощности были перебазированы на строительство комплекса в среднем течении Ангары (проект “Большой Ангары”).

Углехимия в проекте “Малая Ангара” (южная часть Прибайкальского комплекса) начиналась с комбината-16, размещенного вблизи Иркутска. Вокруг комбината был создан новый промышленный город Ангарск, ставший спутником областного центра. Комбинат выдал первую продукцию в 1954 г., но себестоимость продукции получилась слишком высокой, и комбинат было решено переориентировать на нефтяное сырье. Первая очередь нового нефтеперерабатывающего производства на базе Ангарского комбината-16 была введена в строй в 1959 г., бензин был получен в 1960 г. Первоначально нефть доставлялась с Поволжья по железной дороге, но к 1964 г. был построен нефтепровод Туймазы–Омск–Иркутск, что значительно увеличило производительность комбината и сформировало необходимую топливную базу для растущей экономики региона. Комбинат значительно расширил и номенклатуру продукции. Производство метанола так-

же было переведено на углеводородное сырье, помимо этого комбинат стал выпускать карбидные смолы, этилен и пропилен, азотные удобрения.

В этот же период в среднем течении Ангары на Падунских порогах началось строительство Братской гидроэлектростанции. В 1954 г. были начаты подготовительные работы, параллельно велось сооружение крупного поселения для строителей, и в 1955 г. рабочий поселок Братск получил статус города.

Одновременно начала строиться высоковольтная ЛЭП-220 от Иркутска до Братска, энергию первой в регионе ГЭС братские строители получили в 1957 г. Позднее эта линия была дополнена новой ЛЭП-500. В 1961 г. началось перекрытие Ангары, сформировавшее Братское водохранилище, одно из крупнейших в мире до настоящего времени. Первый гидрогенератор дал промышленный ток в 1961 г., последний из них был введен в строй в 1966 г. На тот момент Братская ГЭС мощностью 4500 МВт стала крупнейшей в мире.

Поначалу на строительстве активно использовался принудительный труд, но затем Братская ГЭС была объявлена ударной комсомольской стройкой, и по комсомольскому набору сюда добровольно приехали тысячи молодых людей. Ударными комсомольскими стройками были объявлены и сооружения лесопромышленного комплекса и алюминиевого завода. Большинство из приехавших остались в Братске и после завершения строительства, что сформировало особую атмосферу энтузиазма и стремления к созданию новой жизни своими руками, подкрепленную начавшейся политической “оттепелью”. Эта атмосфера будет повторяться на последующих стройках Сибири, но, несмотря на усилия государства, не будет уже достигать подобного уровня искренности, символом которого Братск остался в общественной жизни Сибири.

В соответствии с планами комплексного развития ввод в строй Братской ГЭС дал жизнь ряду новых предприятий, которые строились параллельно энергетической базе силами крупнейшего строительного треста страны “Братскгэсстрой”. Комплекс взаимосвязанных производств, объединенный единой территорией, в научной литературе получил название территориально-производственного комплекса (ТПК), но очень быстро этот термин стал использоваться и в директивных документах. ТПК, родоначальником которого стала Братская ГЭС, был назван Братско-Усть-Илимским, и при широте использования термина в последующих крупномасштабных региональных проектах, он остается единственным, который был реализован в полном мере как настоящий программно-целевой ТПК, несмотря на нестыковки при вводе объектов и изменения в проектах.

Из крупных предприятий, составляющих основу ТПК, в Братске были введены в строй Братский лесопромышленный комплекс (БЛПК) и Братский алюминиевый завод. Решение о строительстве БЛПК было принято в 1958 г., само строительство начато в 1959 г. Первая братская целлюлоза была получена в 1965 г. Мощность БЛПК составила 125 тыс. т целлюлозы в год, комплекс способен ежегодно перерабатывать до 8 млн м³ древесины. В последующие годы были сданы в эксплуатацию канифольно-экстракционный завод, лесопильный завод и завод древесноволокнистых плит в со-

ставе комбината. В 1961 г. было начато строительство Братского алюминиевого завода, а в 1966 г. была введена в эксплуатацию его первая очередь – корпус электролиза и получен первый алюминий.

В 1963 г. началось подготовительные работы для строительства третьей электростанции из Ангарского каскада – Усть-Илимской ГЭС, ниже устья р. Илим у Толстого мыса. Само строительство началось в 1966 г., в следующем году состоялось перекрытие Ангары. Заполнение Усть-Илимского водохранилища продолжалось до 1977 г., агрегаты вводились в строй с 1974 г., окончательно ГЭС была сдана в эксплуатацию только в 1980 г. Усть-Илимское водохранилище захватило русло не только Ангары, но и Илима, при этом уступает Братскому и по площади, и по накопленной массе воды. Установленная мощность станции – 3840 МВт.

Основным промышленным потребителем энергии Усть-Илимской ГЭС рассматривался Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. Его отличительной особенностью стал международный статус. В 1972 г. было подписано соглашение стран – членов СЭВ о совместном строительстве ЛПК. Работы на площадке начались в 1973 г., а первый интернациональный отряд из Болгарии прибыл в 1976 г. На его основе была сформирована отдельная автоколонна [Народная энциклопедия..., 2012]. В 1979 г. состоялась первая варка целлюлозы, две очереди целлюлозного завода общей мощностью 500 тыс. т беленой целлюлозы в год были приняты в постоянную эксплуатацию в 1980 и 1981 гг. В 1981 г. впервые в отрасли предприятие – поставщик сырья “Илимсклес” – было включено в состав комплекса.

В состав территории Братско-Усть-Илимского ТПК включается и Нижнеилимский район с его железорудной базой. Железные руды на территории района были обнаружены в 1931 г. у р. Коршуниха. Строительство ГОКа началось в 1957 г., в 1965 г. комбинат был принят в эксплуатацию. В первоначальных планах развития региона месторождения рассматривались как сырьевая база Восточно-Сибирского металлургического завода, который предполагалось разместить в г. Тайшет. Однако после строительства Западно-Сибирского металлургического комбината в г. Новокузнецк идея создания восточносибирской металлургической базы не была реализована, и Коршуновский ГОК стал поставлять руду на предприятия Новокузнецка.

Создание новых крупных предприятий в рамках реализации проектов “Ангарстроя” стимулировало строительство смежных производств, из которых важнейшим можно назвать тяжелое машиностроение, ориентированное на обслуживание отраслей специализации – лесное, угольное, для золотодобычи. Братско-Усть-Илимский ТПК явился наиболее явным и удачным примером реализации индустриальной политики советской власти в условиях планового хозяйства, принципов комплексной размещения производительных сил в соответствии с приоритетами общенационального значения. Однако отраслевое планирование и управление хозяйством в большинстве случаев затрудняло реализацию подобных принципов, и система территориального планирования в стране так и не сложилась.

Еще одним промышленным проектом, изменившим не только Сибирь, но и страну, стала добыча нефти в Западной Сибири. Преодоление после-

военной разрухи, восстановление народного хозяйства к началу 1960-х гг. ставили задачу нового промышленного рывка, который предусматривал среди прочего химизацию народного хозяйства, интенсивное развитие транспорта, особенно автомобильного и авиационного, газификацию теплоснабжения городов и поселков. Все это требовало развития углеводородной базы страны, кратного повышения уровней добычи нефти и газа. Наибольшие возможности для этого предоставляли прогнозы запасов углеводородов на территории Тюменской и Томской областей. Вопрос стоял только в темпах развития нового нефтегазового комплекса, уровне концентрации капиталовложений в одном регионе. Сосьвинское Приобье характеризовалось тяжелыми климатическими условиями, высокой степенью заболоченности местности, удаленностью от обжитых мест и отсутствием необходимой инфраструктуры даже для начального этапа освоения. В результате публичных дискуссий того времени победила точка зрения отраслевых министерств (нефтяной и газовой промышленности), а также местных органов партийного руководства, которые настаивали на значительных первоначальных инвестициях для массивного и быстрого промышленного освоения территории, ускоренного формирования крупного нефтегазового комплекса, превосходящего по мощности основную углеводородную базу страны – Волго-Уральский регион [Славкина, 2005]. Конкурентом выступали месторождения Средней Азии, однако свою роль сыграла близость Западно-Сибирского Севера к промышленному Уралу. Стимулировали быстрое освоение высокое качество найденной нефти, ее легкость и низкое содержание серы и парафинов. Кроме того, ожидаемые изменения на мировом рынке нефти в связи с образованием ОПЕК (1960 г.), влекущие за собой повышение цены на нефть, давали хорошую перспективу наращивания экспорта нефти на выгодных для страны условиях.

Отдельные проявления нефтеносности на территории Западно-Сибирской равнины отмечались еще в документах исследователей дореволюционного периода. Впервые научное обоснование возможности открытия нефтяных месторождений было представлено академиком И.М. Губкиным на Урало-Кузбасской сессии Академии наук СССР в 1932 г. Плановые полевые геофизические работы начинаются с 1937 г., но их прерывает война. Работы возобновляются в 1947 г., и в 1953 г. вблизи пос. Березово Тюменской области было получен первый фонтан нефти. В 1960-х гг. последовал целый каскад открытий нефтяных и нефтегазовых месторождений, к 1972 г. их число составило 80 [Шашин и др., 1973].

Освоение месторождений началось с создания в 1961 г. Березовского укрупненного нефтегазодобывающего промысла. В 1963 г. было создано нефтегазопромысловое управление “Тюменьнефтегаз”, которое с 1964 г. начало пробную эксплуатацию Трехозерного (Шаимского), Усть-Балыкского и Мегионского месторождений. В этот год было добыто всего 209 тыс. т нефти, направляемой на переработку в Омск. В следующем году к ним добавились Западно-Сургутское и Ватинское месторождения. В конце года заработал магистральный нефтепровод Шаим–Тюмень, который позволил перейти от сезонной добычи нефти на промысле к круглогодичной. В 1967 г. был пущен в строй магистральный нефтепровод Усть-Балык–

Омск. С 1966 по 1970 г. были введены в эксплуатацию основные месторождения Шаинского, Сургутского и Нижневартовского районов, крупнейшим из которых явился Самотлор (1969 г.). Благодаря новым нитям нефтепроводов в регионе к 1970 г. круглогодичная добыча нефти была организована на десяти месторождениях. В 1970 г. в Тюменской области было добыто 28 млн т нефти и 9,2 млрд м³ газа [Солодовников, Чистобаев, 2011].

Развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса потребовало развития смежных отраслей в регионе, включая энергетику и машиностроение. Уже в 1968 г. была пущена в строй Сургутская ГРЭС, работающая на попутном газе, в 1969 г. поставлена под напряжение ЛЭП-500 Тюмень–Усть-Балык. Первенцем нефтяного машиностроения стал Тюменский ремонтно-механический завод [Шашин и др., 1973], к нему присоединился “Электрон”, производящий приборы и аппаратуру для геофизических работ, контрольно-измерительное оборудование для нефтепромыслов. Строительные и производственные управления, созданные для освоения нефтегазовых месторождений и создания инфраструктуры, фактически занимались комплексным освоением северной территории, созданием систем жизнеобеспечения прибывающего населения. На базе нефте- и газопромысловых поселков выросли новые города (Сургут, Урай, Нефтеюганск и др.).

В 1970–1980-е годы промышленное развитие в Западной Сибири начало сдвигаться на Крайний Север для освоения крупных газовых месторождений. В 1972 г. началась разработка месторождения Медвежьего, в 1978 г. – Уренгойского и Вынгапуровского, в 1986 г. – Ямбургского. Однако освоение Ямала происходило уже в условиях нарастания экономических проблем в экономике СССР. На период XIII пятилетки было запланировано начало разработки Бованенковского и Харасавэйского месторождений, однако общее снижение эффективности и разбалансированность руководства народным хозяйством, демонтаж плановой экономики в стране заставили отложить эти планы [Карпов, 2011]. Период масштабного государственного освоения нефтегазовых ресурсов подходил к концу.

Последним проектом советского времени, направленным на развитие добычи и переработки ресурсов на территории Сибири, стало строительство Байкало-Амурской магистрали. После окончания войны в 1945 г. ГКО СССР принял постановление “О строительстве Байкало-Амурской магистрали”. В западной части было продолжено строительство железнодорожных путей от Тайшета и в 1958 г. линия дошла до г. Усть-Кут. БАМ строился силами НКВД, и поэтому основными строителями магистрали в тот период были заключенные, к которым добавились японские военнопленные. Благодаря этому отрезку БАМа стало возможным сооружение всех перечисленных выше объектов Братска и Железногорска. Для строительства Усть-Илимской ГЭС от станции Хребтовая была протянута железнодорожная ветка до Усть-Илимска. Но далее магистраль не была продолжена, и ее строительство было возобновлено только в 1974 г. после ввода в строй основных объектов Братско-Усть-Илимского ТПК.

Байкало-Амурская магистраль строилась 15 лет, было сооружено 4500 км главных и станционных путей, 46 поселков и 145 крупных мостов. В 1989 г. значительная часть пути была сдана в постоянную эксплуа-

тацию. Общая стоимость строительства оценивалась в 12 млрд руб. в ценах 1991 г. [Регион БАМ..., 1996]. Ее основная задача заключалась в создании условий для промышленного развития территории, лежащей к северу от Транссиба и обладающей лесными и минеральными ресурсами, еще не вовлеченными в народнохозяйственный оборот. На его протяжении планировалось создать одиннадцать территориально-производственных комплексов, однако фактически был реализован только один проект – Южно-Якутский угольный комплекс, базирующийся на Нерюнгринском угольном разрезе. Из оставшихся наиболее разработанными считались планы создания Верхнеленского промышленного ТПК и горно-промышленного комплекса на базе Удоканского и Чинейского месторождений на севере Читинской области (ныне Забайкальский край). В Верхнеленском районе помимо развития деревообработки на новых лесопромышленных комплексах предполагалось освоение минерального сырья севера Иркутской области, для чего требовалось строительство железной дороги Усть-Кут–Непа с заходом в г. Киренск [Фильшин, 1988]. Переработка забайкальских медных и железных руд планировалась также в пределах Братско-Усть-Илимского ТПК с первичным обогащением металлических руд на местах добычи.

К настоящему времени магистраль не выполняет возложенных на нее задач, ее грузооборот снизился по сравнению с пиковым годом (1990 г.) и общая загруженность остается меньше проектной в 2,5 раза [История строительства..., 2013]. В течение 1990-х годов выходило несколько постановлений Правительства РФ о продолжении строительства и освоении прилегающей территории (1992 г., 1997 г., 1999 г.), однако существенных капиталовложений государство не производило. Все дальнейшие планы и прогнозы развития магистрали со стороны государства исходят преимущественно из геополитических задач (усиление и диверсификация транзитной инфраструктуры на востоке страны), в то время как ресурсная составляющая (вовлечение в оборот новых запасов лесного и минерального сырья) остаются в планах отдельных корпораций (“Металлоинвест”, “Мечел”, “Метрополь” и др.).

Можно констатировать, что третий период, продолжающийся в настоящее время, обусловлен сложившимися за три века колонизации традициями в восприятии Сибири центральной властью и подходами к решению проблем развития промышленного производства на ее территории. Эти тенденции в той или иной форме будут воспроизводиться и в будущем. Основные особенности промышленного освоения Сибири заключаются в следующем.

Промышленность на территории Сибири всегда развивалась очаговым способом, практически точечно. Ареалы интенсивного промышленного развития во все периоды легко очерчиваются, поскольку они привязаны к тем или иным уникальным для каждого времени ресурсам. Огромное пространство преодолевалось рывками, через большие государственные проекты по строительству магистральных путей сообщения. Линейно-узловые структуры освоения ориентировались на наиболее удобные места для обживания, и горизонтальные связи между поселениями были редкими и

чаще всего безальтернативными. Территория плохо консолидировалась, ее сообщества мало контактировали между собой.

Собственно и сами ареалы развития определялись государством, исключением может быть названо развитие Алтайского или Колывано-Воскресенского ареала. Но и в том случае частная инициатива развития была быстро свернута, и государство в лице императрицы вернуло себе контроль за дальнейшим развитием производства. В советский период это стало безусловным фактором развития промышленности. Все проекты проходили продолжительное обсуждение и согласование от идеи до проектирования, и завершающее решение по началу реализации проекта принадлежало партийному руководству на уровне постановления съезда или конференции.

Главным субъектом освоения в Сибири всегда остается государство. Именно преобладанием государственной инициативы над частной даже в дореволюционный период промышленное освоение Сибири отличается от аграрного. И в этом заключается парадокс развития Сибири, олицетворявшей в XVII–XIX вв. край относительной свободы в предпринимательстве. Вторая сторона парадокса – более широкое применение подневольного труда в промышленном развитии Сибири при большем числе свободных жителей. Помимо приписных крестьян армию рабочей силы на предприятиях формировали ссыльные и каторжные, в определенные периоды – военнопленные и заключенные.

На протяжении последнего столетия наблюдается преобладание крупномасштабных проектов, поскольку государство имело возможность концентрировать значительные инвестиционные ресурсы. Эти проекты носили уже не точечный, а исходно ареальный, площадной характер, захватывали значительные территории. Поэтому очаговая форма развития промышленности Сибири в двадцатом веке трансформировалась в идею комплексного развития территории. Если в XVIII–XIX вв. усилия государства по созданию казенных предприятий сопровождались частными усилиями по обустройству мест проживания, поставкам необходимых товаров занятому населению, созданию обслуживающих или вспомогательных производств, то при плановой экономике такое “сопровождение” проектов стало невозможным, и государственное планирование стало комплексным, предусматривающим априори оптимизацию производственных взаимосвязей и обеспечение потребностей занятого в промышленности населения. Все это выразилось в концепции ТПК, реализация которой оказалась наиболее эффективной именно на сибирских территориях с низким уровнем освоенности и малой плотностью населения, где новым предприятиям и комплексам не пришлось встраиваться в сложившиеся структуры.

Социально-экономическая реформа 1992 г. изменила судьбу территориально-промышленных комплексов Сибири. Отрасли специализации вошли в состав финансово-промышленных групп и стали работать на внешний рынок. Их структура оптимизировалась в соответствии с новыми задачами, и они превратились в периферийные предприятия общенациональных корпораций, поставляющие сырье. Поэтому из стратегии развития комплексов ушла территория, ее проблемы развития, а слой частной инициативы, который формировал местное производство в досоветский

период, в сибирских ресурсных регионах слишком мал. Промышленное производство составляет небольшую долю в структуре деятельности малого и среднего предпринимательства, и в большинстве районов оно ограничено пищевой промышленностью и деревопереработкой. В местной элите преобладают выходцы из торговли и строительства.

Идея новой индустриализации, разрабатываемая в последние годы, вновь базируется на крупномасштабных государственных проектах, дополненных механизмом частно-государственного партнерства. Понятие ТПК трансформировалось в понятие кластера, в котором частная инициатива должна сосуществовать с государственными решениями по созданию комплекса взаимосвязанных производств с соответствующей инфраструктурой. Реализация этих принципов началась с Красноярского края. Освоением Нижнего Приангарья продолжается развитие идеи Нижнеангарского ТПК, запланированного еще в советский период. Ядром нового кластера является Богучанская ГЭС, вокруг которой должны быть построены энергоемкие предприятия – целлюлозно-бумажный комбинат, металлургическое предприятия, алюминиевый завод. Продукция будущего кластера изначально предназначена на экспорт, поэтому так важно участие государства в создании путей вывоза, т. е. транспортной инфраструктуры. С аналогичными целями на территории Забайкальского края через Инвестиционный фонд реализуется проект “Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Забайкальского края”.

Подобные формы промышленного развития планируются и на других территориях Сибири, в частности, “Программой социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона”, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.03.2013 г. № 433-р. Специализация Сибири будет оставаться ресурсной еще долгое время, и эффективность использования ее потенциала будет также зависеть от эффективности государства в большей мере, чем от других субъектов экономического процесса. История освоения показала возможности государства концентрировать ресурсы для выборочного освоения, но в регулярной деятельности по усложнению структуры производства, его диверсификации и модернизации частное предпринимательство всегда опережало государственное.

* * *

Хозяйственное освоение Сибири обусловлено общим ходом ее колонизации, характером восприятия региона российской властью, спецификой традиционных видов жизнедеятельности коренных народов и геополитическими задачами, которые страна решала на Востоке. История этого освоения делится на три этапа, определенные социально-экономическим устройством государства.

Первый, включивший в себя процессы первичной колонизации, вовлечение ее ресурсов в экономическое пространство России, а также последующее развитие хозяйства в условиях становления капитализма и начала ее выхода на мировые рынки, завершился в 1917 г. Второй этап – советский, ознаменованный широкомасштабным освоением региона в условиях планового хозяйства, продолжался более полувека. Конец XX в., отмечен-

ный общим кризисом хозяйственного развития, означил начало третьего этапа, характеризующегося организацией частно-государственного партнерства в рамках концепции новой индустриализации России.

Освоение огромной малообжитой территории невозможно без создания транспортной инфраструктуры. До появления русских в Сибири коренное население использовало вьючный и гужевой транспорт. В процессе первоначального освоения русские для продвижения использовали Великий Сибирский водный путь по системе рек Тура–Тобол–Иртыш–Обь–Енисей–Ангара–Байкал–Селенга.

Устройство Сибирского (Московского) тракта (1735–1772 гг.) изменило географию транспорта, обеспечило развитие производительных сил в регионе и усиление межрайонных торговых связей. Тракт, в сравнении с водными путями, обеспечивал более быстрое продвижение товаров и позволил переместить широтные экономические связи Сибири к югу. Его трансформация под автомобильное движение широко началось лишь во второй пятилетке, а настоящее благоустройство – только в 1960-е гг.

Следующим важным этапом создания транспортной сети региона стало сооружение Великого Сибирского железнодорожного пути. После Великой Отечественной войны железнодорожное строительство активизировалось во всех районах Сибири. В 1946 г. началась электрификация Транссиба, а к 1960 г. в основном была закончена его техническая реконструкция от Москвы до Байкала. В 1949–1959 гг. осуществлено строительство Южно-Сибирской железнодорожной линии. К концу 1958 г. закончилось начатое в довоенное время строительство дороги на участке Тайшет–Лена, являвшееся частью альтернативного Трансибу железнодорожного пути – БАМ. Следующий его этап наступил лишь в январе 1974 г. Закончено это грандиозное сооружение было летом 2002 г., когда по самому крупному тоннелю на трассе – Северомуйскому – было открыто движение поездов.

Важное значения для выполнения Сибирью роли сырьевой провинции страны имеет трубопроводный транспорт, создаваемый здесь с середины 1950-х гг. Тогда же начала свое развитие реактивная пассажирская авиация, принципиально изменившая условия жизни активной части сибиряков.

Современный магистральный каркас транспортной системы Сибири составляют железнодорожные, автомобильные, водные, воздушные и трубопроводные пути сообщения. В процессе хозяйственного освоения сибирских территорий определилась ведущая роль железной дороги. Широтные и меридиональные железнодорожные магистрали обеспечивают устойчивые круглогодичные и рентабельные перевозки грузов и пассажиров.

С присоединением Сибири к России в ней начала создаваться система связи. На ее огромных просторах почта выполняла важную социально-экономическую функцию – соединяла в единое целое всех людей. Телеграфные линии соединяли далеко не все поселения, а телефонная связь функционировала в основном в больших городах.

Регулярная доставка почты в Сибирь была организована в конце XVII в. В досоветский период основными почтовыми учреждениями были

почтово-телеграфное отделение и почтово-телеграфная контора. Изначально вся почта перевозилась на лошадях (на Севере на оленях и собаках) по почтовым трактам. Затем появились почтовые пароходы и вагоны.

Понять логику, ход и последствия хозяйственного освоения Сибири невозможно без учета земледельческой колонизации региона. Она позволила сделать регион неотъемлемой частью России и обеспечивает эффективный контроль территории, и утрата этой отрасли, или переход ее под контроль другого государства, приведет к потере всего Зауралья. В земледельческом освоении региона выделяется три периода, дифференцирующихся по политике правительства и практике ее реализации: феодальный, модернизационный и инновационный.

Начало промышленного производства в Сибири датируется началом XVIII в., когда в Тобольске был создан оружейный завод, а затем появились определившие ее промышленную специализацию предприятия горнодобывающей и металлургической отраслей промышленности.

Промышленность на территории Сибири всегда развивалась очаговым способом. Ареалы интенсивного промышленного развития были привязаны к тем или иным уникальным для каждого времени ресурсам. На протяжении последнего столетия наблюдалось преобладание крупномасштабных проектов, поскольку государство концентрировало значительные инвестиционные ресурсы. Эти проекты носили уже не точечный, а ареальный, площадной характер, захватывали значительные территории. Очаговая форма развития промышленности Сибири в XX в. трансформировалась в идею комплексного развития территории.

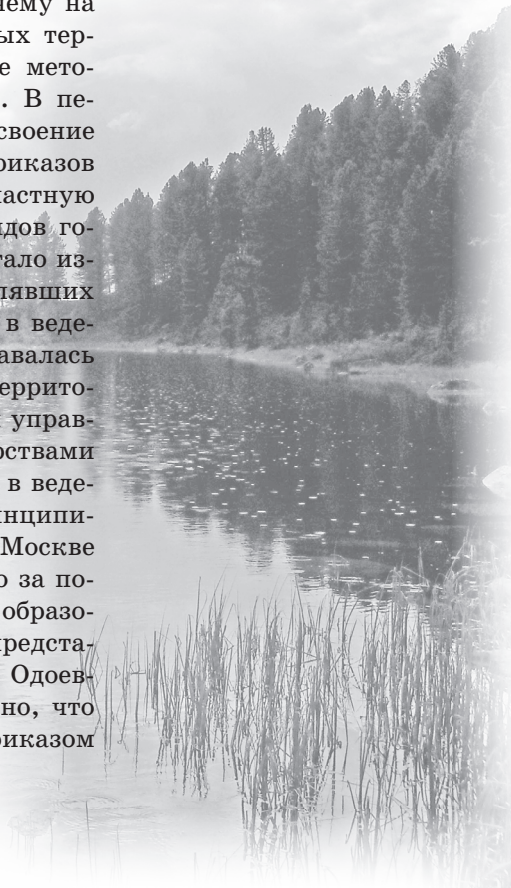
Радикальные социально-экономические трансформации 1990-х гг. изменили судьбу территориально-промышленных комплексов Сибири. Они по частям вошли в состав финансово-промышленных групп, превратившись в периферийные предприятия.

Глава 4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

4.1. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В XVII–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Со времени образования единого Российского государства в XVI в. территория складывающейся империи непрерывно расширялась на восток. Империя, включая в свой состав то или иное пространство и народы, на нем проживающие, начинала властное освоение, интеграцию прежде всего с политико-административных мероприятий, создания опорных военно-промышленных пунктов и оборонительных рубежей. Решение задачи экономического освоения новых территорий отодвигалось на второй план. Вот почему на первом этапе интеграции вновь присоединенных территорий преобладали военно-мобилизационные методы и административно-правовая русификация. В период формирования самодержавия властное освоение новых земель начиналось с образования приказов (дворцов), имеющих четко выраженную областную компетенцию. Свидетельством эволюции взглядов государственной власти на место новых земель стало изменение названия центральных органов, управлявших Сибирью. До конца XVI в. Сибирь находилась в ведении Посольского приказа. Тем самым признавалась как бы незавершенность присоединения этих территорий. Принципиальным рубежом в организации управления сопредельными с иностранными государствами землями стала передача сибирских территорий в ведение Казанского приказа в 1599 г. Вторым принципиальным рубежом стало создание в 1637 г. в Москве специального Сибирского приказа, отвечавшего за положение дел во всем Зауралье. Во главе вновь образованного органа были поставлены виднейшие представители московской бюрократии – князья Н.И. Одоевский, А.Н. Трубецкой, И.Б. Репнин. Характерно, что Одоевский и Трубецкой до этого руководили приказом

Казанского дворца, т. е. имели опыт практической деятельности на Востоке. Сибирский приказ с момента образования имел весьма широкие полномочия – от административно-финансовых до военных и дипломатических. Создание специального Сибирского приказа свидетельствовало об осознании правительством особого самостоятельного значения Сибири для России, об эволюции взглядов московских властей на восточные окраинные земли. В XVII–XVIII вв. основой административного деления Сибири, как и европейской части страны, стал уезд. Удаленность от центра, другие местные особенности приводили к тому, что реально вся полнота власти в уезде сосредоточивалась в руках воеводы. Формирование уездов шло по мере включения новых территорий в состав Российского государства, что являлось одной из важных особенностей административно-территориального устройства Сибири. К началу XVII в. окончательно оформился Тобольский разряд (область), в составе которого были Березовский, Верхотурский, Енисейский и другие уезды. В 1629 г. был образован Томский, спустя 10 лет Ленский, а в 1677 г. Енисейский разряды. Тем не менее Тобольск, основанный в 1587 г., сохранил положение главного города Сибири, а правительственные указы требовали от уездных воевод согласовывать свои действия с тобольскими воеводами. Последние были, как правило, родовитыми людьми, что создавало им особый ореол в глазах сибиряков. Так в крае вырабатывалась иерархия соподчинения.

По первой областной реформе среди восьми губерний, образованных по указу от 18 декабря 1708 г., учреждалась Сибирская губерния с центром в городе Тобольске. Главным лицом в губернии являлся генерал-губернатор. Ему принадлежала вся полнота административной, полицейской, судебной, финансовой, хозяйственной и военной власти. Официальное учреждение губернии состоялось в 1711 г., первым ее губернатором был назначен князь М.П. Гагарин. Его сибирская карьера окончилась грандиозным сыском, обвинением в злоупотреблениях и публичной казнью. Власть в провинции и уездах сосредоточивалась в руках воевод. Управление провинцией или уездом осуществлялось через соответствующую канцелярию. Из Тобольска Енисейск, Томск, Якутск, Иркутск, Нерчинск и Камчатка получали свои Указы. В 1724 г. Иркутск и Енисейск были “образованы в виде провинций”, оставаясь при этом зависимыми от Тобольска. Спустя двенадцать лет, в 1736 г., в Иркутске учреждается Провинциальное управление, возглавляемое вице-губернатором и не зависимое от Тобольского губернатора. В 30–60-е гг. XVIII в. основой деятельности сибирской администрации стали “Наказ губернаторам” от 12 сентября 1728 г., а позже “Наставление губернаторам” Екатерины II от 21 апреля 1764 г. Отныне губернатор провозглашался хозяином “вручаемой его смотрению губернии” и обязывался исполнять только указы императрицы и Сената. На протяжении второй половины XVIII в. несколько раз изменялось административное деление Сибири, в восточной ее части появляются отраслевые учреждения центральных ведомств. В 1764 г. Сибирь была поименована “Сибирским царством”, а Иркутск стал центром новой губернии.

В 1775 г. было принято “Учреждение для управления губерний Всероссийской империи”, по которому все губернии получили однообразное

устройство. Работая над проектом Учреждения, Екатерина II первоначально собиралась сделать в законе специальную оговорку об их неприменении в Прибалтике, на Украине и в Сибири. Однако в утвержденном тексте такая оговорка отсутствует, тем не менее фактически “Учреждение” в этих районах первоначально не применялось. Поэтому при введении Общего Учреждения 1775 г., Сибирь была разделена на три наместничества: Тобольское (состоящее из Тобольской и Томской областей), Иркутское (в которое вошли Иркутская, Нерчинская, Якутская и Охотская области) и Колыванское (включавшее всю округу Колыванских заводов и почти всю южную часть нынешней Западной Сибири). Тобольское и Колыванское наместничества простирались почти параллельно: первое – по северной и средней, второе – по южной полосе Сибири, а Иркутское наместничество замыкало их “во всю широту” с востока. Кроме этого, в Сибири учреждалось два главных управления “под именем генерал-губернаторств”: одно в Тобольске во главе с генерал-поручиком Е.П. Кашкиным, другое – в Иркутске, генерал-губернатором которого был назначен генерал-поручик И.В. Якоби. Тобольское наместничество включало в себя шестнадцать, Колыванское – пять, а Иркутское – семнадцать уездов. Такой порядок управления просуществовал до 1797 г., когда Павел I, обеспокоенный излишней самостоятельностью местной администрации, упразднил наместничества, подчинив губернские власти контролю Сената. Согласно реформе Павла I, Сибирь была разделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую. Губернией управлял губернатор – “государев наместник”, возглавлявший губернское управление, которое надзидало над важнейшими учреждениями губернии: казенной палатой, казначейством, гражданским и уголовным судами и Верхним земским судом, а также приказом общественного призрения (больницы, приюты и др.). Губернии разделялись на уезды. Уездом управлял земский начальник. В августе 1803 г. было организовано областное правление на Камчатке, в 1804 г. из состава Тобольской губернии выделена Томская. В 1805 г. вследствие отдаленности от Иркутска Якутского края в нем создается Якутское областное правление, соединившее в себе полицейскую, судебную и казенные части; край разделялся на комиссариатства. Вместе с тем упразднялось Нерчинское гражданское управление.

В 1822 г. под руководством М.М. Сперанского в Сибири были проведены и известные реформы и принято 10 законопроектов, вошедших в литературу под названием “Сибирского учреждения 1822 г.”. Согласно “Сибирскому учреждению”, Азиатская Россия разделялась на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. К Западной Сибири были отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область, к Восточной Сибири – Иркутская и вновь образованная Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление. Губернии делились на округа, а последние – на волости и инородческие управы. Существенной особенностью генерал-губернаторского управления в Сибири стала реализация в виде Советов Главных управлений, губернских и окружных советов идеи создания при территориальных начальниках коллегиальных совещательных органов, которые бы корректи-

ровали действие единоличной власти. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Это была попытка вписать институт генерал-губернаторов в общую министерскую систему. Но стремление не допустить появления между местным и высшим управлениями кроме министерств еще одной инстанции не решалось объявлением генерал-губернатора региональным министром. Почва для конфликтов между министерским и генерал-губернаторским управлениями в Сибири сохранялась и впредь [Сибирь..., 2007].

Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора, в его состав входили три члена от министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и три члена в качестве производителей дел, назначаемых по представлению генерал-губернатора". Основной задачей Главного управления должно было стать осуществление общего надзора за деятельностью местной администрации. Надзор мог быть двояким, одни дела зависели от непосредственного усмотрения генерал-губернатора, другие должны были предварительно обсуждаться в Совете и затем уже утверждаться генерал-губернатором. Совет Главного управления имел лишь совещательные функции, и генерал-губернатор не был связан его решением. Однако полностью умалять значение Совета было бы неверным. Хотя его постановления не имели обязательной силы, но в случае разногласий между членами Совета или несогласия с решением генерал-губернатора существовало право особого мнения, которое фиксировалось в журнале заседания и сообщалось высшему начальству. Таким образом, закон представлял легальную возможность не соглашаться с мнением начальника, и, кроме того, это означало появление официального канала для поступления информации в центр. Существовала помимо этого небольшая категория дел, которые решались Советом самостоятельно по большинству голосов: судебные дела, вносимые в Совет губернаторами в случае их несогласия с постановлениями губернских судов. При разногласии генерал-губернатора с Советом по этой категории дел высшей инстанцией выступал уже Сенат. Аналогичная Главному управлению модель устанавливалась на губернском и окружном уровнях. В губерниях различалось общее и частное (отраслевое) управление. В губернский совет под председательством губернатора вошли председатели губернских учреждений и губернский прокурор. Упразднялась должность вице-губернатора, он превращался в председателя казенной палаты. Вторым лицом в губернии после губернатора теперь стал председатель губернского правления. Существенной функцией губернатора и губернского совета являлся надзор над всей губернской и окружной администрацией.

Частное губернское управление состояло из губернского правления, казенной палаты, губернского суда и прокурора. Губернское правление состояло из особого председателя (чего не было в губерниях Европейской России) и четырех советников, один из которых управлял экспедицией о ссыльных. Согласно штатному расписанию к губернскому правлению в Сибири примыкали приказ общественного призрения, врачебная управа, строительная часть и типография. Губернское правление ведало в основ-

ном административно-полицейскими делами, но могло вмешиваться в сферы хозяйства и суда. В руках губернской полиции находились распределение и контроль за исполнением земских повинностей, заведование хлебными магазинами. Казенная палата назначала торги на покупку хлеба, ведала управлением государственными имуществами, распределением земель, их межеванием, сбором налогов, откупам и т. п. Она подчинялась Министерству финансов и уже потому могла сохранять некоторую самостоятельность, хотя в Сибири независимость от губернатора была меньшей, чем в центральных губерниях. Некоторые хозяйственные дела перешли в ведение губернского правления, а часть их решалась в губернском совете, где губернатор имел первенствующее значение. Структура казенной палаты была несложной, что свидетельствовало о слабом развитии хозяйственной деятельности: председатель, пять советников, губернский казначей, канцелярия, землемерная и механическая части и архив.

Судебные дела в сибирских губерниях сосредоточивались в общем губернском суде, без разделения на гражданский, уголовный и совестный суды. Общее присутствие губернского суда составляли председатель и 4 советника. Прокурорский надзор в губернии осуществлял губернский прокурор, в помощь которому назначались два стряпчих: по казенным и уголовным делам. Как и в Центральной России, в Сибири суд и прокурорский надзор не были отделены от администрации. Губернатор утверждал приговоры по судебным делам, и если между ним и губернским судом возникало разногласие, то высшей инстанцией выступал не Сенат, а Совет Главного управления. Исключение делалось лишь для дел о лишении гражданских прав, которые вносились прямо в Сенат.

В непосредственной власти губернатора были наиболее важные вопросы управления, надзора и даже судопроизводства. Основным средством надзора губернатора оставались обозрения губернских и окружных учреждений и ревизия их делопроизводства. От него фактически зависело назначение и увольнение большинства чиновников в губернии, представление их к наградам. Губернатору было предоставлено право пересмотра уголовных дел, закрепляющее вмешательство администрации в судебный процесс. Все вышеизложенное свидетельствует о преимущественном положении в управлении полиции, подведомственной губернатору и губернскому правлению. Областные учреждения являлись, по сути, приспособлением губернского управления к местным условиям. Уезды в Сибири были переименованы в округа. В зависимости от численности населения окружные и городские управления делились на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Лишь в многолюдных округах и городах предусматривался полный набор учреждений. Окружное управление, как и губернское, делилось на общее и частное. Состав общего окружного управления включал окружного начальника и окружной совет из глав местного частного городского и окружного управлений, стряпчего и канцелярии. Окружному совету поручался общий надзор и особые меры управления, требующие содействия всех учреждений округа. К числу таковых дел отнесли: общую проверку казенных сумм и имущества, ревизию недоимок, составление списка справочных цен, распорядок волостных и земских повинностей и т. п.

Частное окружное управление разделялось на четыре основных направления: полиция, хозяйство, суд и надзор, что осуществлялось, соответственно, земским судом, казенным управлением (казначейство, соляное и винное управления, землемерная часть), окружным судом и стряпчим. Земские суды осуществляли непосредственное наблюдение за крестьянским самоуправлением. Кроме того, они доводили до сведения крестьянских выборных начальников постановления властей, принимали экстренные меры в случае бедствия, контролировали состояние хлебных запасных магазинов и т. д. Отличительной чертой сибирских земских судов являлся надзор за ссыльными.

Городское управление включало в себя общую управу (городничий, частные приставы, канцелярия) и частную (частные приставы и квартальные надзиратели, медицинская и строительная части, хозяйственное управление – городская дума, городской суд). Члены городских хозяйственного и судебного установлений служили по выборам и не получали казенного жалованья, но их канцелярии считались на государственной службе, а содержание их относилось на счет городских доходов. В средних по населенности округах не учреждалось общего окружного управления, предусматривался сокращенный состав земских судов, казенного управления, не было должности стряпчего. В городах этой категории устанавливалось лишь полицейское управление: городничий, частная управа, квартальные надзиратели, секретарь и медицинская часть. Хозяйственное управление и суд сосредоточивались в городской ратуше, состоящей из городского судьи, двух заседателей и секретаря. В малолюдных городах положен был только городничий и городской староста. Небольшим был состав государственных служащих и в малолюдных округах: исправник, секретарь и окружной лекарь с учеником.

Камчатское и Охотское приморские управления и Троицкосавское пограничное управление организовывались на общих началах с окружным управлением. Отличительной чертой Троицкосавского пограничного управления было то, что во главе его стоял пограничный начальник и не создавалось окружного совета. Вместо него учреждалось присутствие пограничного управления, в которое входили заседатели от казачьих подразделений, пограничные приставы и переводчики [Ремнев, 2004].

Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания имперского центра к организации управления на окраинах. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от своеобразного “имперского федерализма” до простой деконцентрации административного аппарата. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику в Сибири. Уже в проекте 1809 г. Сперанский отмечал пять областей, где, по его мнению, требовался особый порядок управления. В их числе была и Сибирь. Во время сибирской ревизии ходили даже слухи, что Сперанский намеревается “сделать из Сибири Финляндию”. Управляющий делами I Сибирского комитета Г.С. Батеньков утверждал, что существовала мысль провести реформирование, аналогичное сибирскому, и на других окраинах империи.

Несомненно, сибирская административная реформа 1822 г. явилась важным шагом на пути рационализации местного управления, введения его в правовые рамки. Не случайно многие положения сибирской административной реформы Сперанский затем пытался внести в общероссийское законодательство. “Сибирское учреждение” 1822 г. почти на целое столетие законодательно закрепило управленческую специфику Сибири. 20 мая 1831 г. было подтверждено, что никакой новый закон не распространяется на Сибирь, если в нем об этом специально не указано. Но основная цель Сперанского – установить законность в управлении – оказалась в целом не достигнута. Многие из провозглашенных мер на практике не получили полного воплощения. Упорядочить сибирское законодательство Сперанскому все же удалось. “Сибирское учреждение” 1822 г. можно рассматривать в качестве первого опыта создания своеобразного свода сибирских законов, и в этом отношении сибирская кодификация опередила общероссийскую ровно на десять лет.

В 1850–1851 гг. был принят ряд новых законов, относившихся к управлению и административному устройству Восточной окраины. Важнейшими из них явились положения: о Камчатской области, Кяхтинском градоначальстве, Якутской и Забайкальской областях. По предложению Н.Н. Муравьева в 1849 г. была учреждена Камчатская область во главе с военным губернатором, который подчинялся непосредственно генерал-губернатору. Местопребыванием управления назначался Петропавловский порт, а Охотский округ присоединен к Якутской области. Целью этих преобразований было усиление власти на местах и укрепление морской обороны края, для чего Петропавловскую гавань сделали сосредоточием всех морских сил России на Дальнем Востоке. Затем 20 июня 1851 г. последовало образование Кяхтинского градоначальства – в целях объединения в одних руках пограничного, таможенного и полицейского управления на китайской границе. 11 июня 1851 г. была учреждена Забайкальская область в составе Верхнеудинского и Нерчинского округов и расширены права местной администрации в Якутской. Обе области становились равными с губерниями административно-территориальными единицами, причем возглавлять их поручалось не областным начальникам, а губернаторам: Забайкальскую – военному, Якутскую – гражданскому. Оба губернатора подчинялись непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. Тогда же территория Иркутской губернии была разделена на Иркутский, Балаганский, Верхоленский, Нижнеудинский и Киренский округа. Это деление сохранялось вплоть до начала XX в.

Буржуазные преобразования 1860–1870-х гг., за небольшим исключением, не коснулись Сибири, которая вплоть до конца 1870-х гг. продолжала жить по законам 1822 г. Однако июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Конфигурация Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в г. Верный, неоднократно менялась. Вслед за Туркестаном на карте Азиатской России появилось еще одно генерал-губернаторство. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а губернии То-

больская и Томская подчинены непосредственно министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омск в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Однако на этом изменения в административной нарезке Сибири не закончились. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и о. Сахалин. На этом собственно завершились преобразования института генерал-губернаторской власти на востоке государства, да и в империи в целом. Характерно, что пять из девяти постоянных генерал-губернаторств располагались на территории Азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом и управляемых на особом положении.

За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала, что соответствовало 3 и 2 классу Табеля о рангах [Матханова, 1998]. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. Генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы особенно первой половины XIX в. отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных компаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2 и 3 степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его

преемник на этом посту И.А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за “отличия” в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири А.С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кенигсберге, Дрездене, Лейпциге, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н.С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3 степени и золотой шпагой с надписью “За храбрость”. Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галереи героев войны 1812 г. в Эрмитаже [Дамешек, Дамешек, 2009].

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С.М. Броневский сражался в 1804–1805 гг. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П.Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808–1809 гг., в сражении под Руцуком в Молдавии в 1810 г. В.Я. Руперт участвовал в русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсутствие последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Между тем при приоритете военно-политических задач, административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с “совершенным произволом”, к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките.

Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторское должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н.Н. Муравьев был тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М.С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Си-

бири, участвовал в знаменитых амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д.Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил родомским, П.И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был нижегородским губернатором; А.Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Наряду с вышеперечисленными, следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Некоторые из них своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 1830-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране. В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX–начала XX вв. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый Н.Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23 %. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. В абсолютном большинстве генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии – например католицизм, или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями. Для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX в. не было редкостью.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с “Учреждением для управления Сибирских губерний”. В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалование советника Главного управления составляло 3000 руб. в год, столоначальника – 1500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь

того же губернского правления - всего 280 рублей. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и асигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников (деньги на наем жилого помещения), генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставление им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставивший впоследствии знаменитым "Белым домом". После перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск там в 50-х гг. XIX в. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающееся статьи "жалование" генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты "по чину и должности".

В рассматриваемый период времени жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 руб. в год, 12 000 руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более 22 000 руб. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные "дотации", т. е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые "на обзаведение" или "прогонные" (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Введенное "Сибирским учреждением" 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А.И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 000 руб. в год, а уже упоминавшемуся М.С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше – 23 000 руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину 1394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора 2802 руб., столовых 3396 руб. 72 коп., на разъезды 1715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему 15 000 руб. Итого 24 308 руб. 37 коп. Оно вполне сопоставимо с жалованием его преемника на этом посту М.С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при

вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М.С. Корсакова составляло: по чину 1017 руб., по званию – 2082 руб., столовых – 3362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 14 700 руб. и 1715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 000 руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2000 руб. в год. Таким образом, подчеркнем, что несмотря на определенные различия размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для рассмотрения временной отрезок 1860–1870-х гг. В этот период времени генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов (1866–1875) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора 10 000 руб., добавочное 3503, столовых 2802 и по званию командующего войсками – 1356 руб. Итого: 17 661 рубль. Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1871) в тот же период получал жалования по чину 1356 руб., жалования по званию генерал-губернатора 2802 руб., прибавочного содержания 14 700 руб., на разъезды 1715 руб. 40 коп., столовых 3362 руб., и пенсии 2000 руб. Итого: 25 935 рублей. Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867) действительный статский советник А.В.Виноградский получал всего 2687 руб., в том числе: жалования – 1400 руб., столовых – 600 и квартирных 687 рублей; томский гражданский губернатор (1868–1871) действительный статский советник Н.В. Родзянко, имевший знак отличия за безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., получал существенно больше (8032 рубль, в том числе жалования и столовых по 1716 руб., прибавочного – 2000, арендных 1200 и квартирных 120 рублей) военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н.П. Дитмара (1864–1874). Оно составляло 4000 рублей – по 2000 жалования и столовых соответственно.

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков получал жалование в размере 20 158 рублей, в том числе 3000 руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его восточно-сибирского коллеги барона П.А. Фредерикса составляло 23 856 рублей. При этом он не получал пенсии и добавочного жалования, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 000 рублям. К этому добавлялись 1356 рублей – жалование по чину и 3500 – столовых.

Для сравнения укажем, что именным указом от 4 января 1885 г. А.П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 000 руб. в год. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам пола-

галось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованием.

Таким образом можно заключить, что разница годового содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одним из определяющих факторов здесь являлась сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В Российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было “Сибирское учреждение” 1822 г.

4.2. ГЕОГРАФИЯ СИБИРСКОЙ УГОЛОВНОЙ ССЫЛКИ

Прошлое Сибири XVII–XX вв. неразрывно связано с историей ссылки. Сибирская окраина заселялась и осваивалась не только казаками и вольными людьми: среди первых жителей края были и те, для кого приход сюда стал тяжким, нередко пожизненным наказанием. В рассматриваемый период уголовная ссылка активно использовалась государством для колонизации Сибири. При этом ее размещение соответствовало основным направлениям заселения и экономического освоения края русскими людьми, которое шло с запада на восток по сибирским рекам – Оби, Туре, Тоболу, Кети, Енисею, Лене, Амуру. Именно на этом пути сложились основные земледельческие районы Сибири – Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский, Амурский. В этих же районах (кроме Амурского) наблюдалась и наибольшая концентрация “ссылного элемента” [История..., 1968].

Отечественная историография в истории ссылки в Сибирь, как правило, выделяет два периода – московский и петербургский. Ссылка московского периода была начата практически сразу же после похода Ермака. Задача колонизации новых территорий заставляла использовать ссылку не только как средство для наказания и изоляции, но прежде всего как способ заселения Сибири, организации здесь “государевой службы”. При этом провинившихся в чем-то служивых людей, казаков, детей боярских, отправляя в ссылку, по существу лишь перемещали на новые необжитые места, стремясь поручить им выполнение за Камнем трудных, важных и далеко небезопасных дел. Личные качества человека, его способности и знания, потребность в нем государства, а не его вина, определяли и место наказания.

Труд ссыльных составлял “службу”, само состояние ссыльного определялось как “чин”. Преступники ссылались: собственно в службу, в посад и пашню. Ссылавшиеся в службу приверстывались в Сибири в дети боярские, в казаки конные или пешие и подчинялись общему ее порядку, установленному для прочих служилых людей с немногими ограничениями.

Есть основания предполагать, что в московский период ссылка в службу несколько преобладала над ссылкой на пашню. Например, по данным В.И. Шункова, почти целиком в службу верстались ссыльные литовцы и черкасы, шедшие в Сибирь большими партиями. Так, около 1620 г. была поверстана в службу партия ссыльных черкас в 40 человек, 1633 г. – партия военнопленных в 83 человека. В 1633 г. из Москвы в Сибирь была выслана партия колодников в 73 человека. Из них в Тобольске было оставлено 6 ссыльных, в Туринском уезде – 11 (Чубарова слобода), в Таре – 22; всего же в городах Тобольского разряда – 39 человек. В города Томского разряда выслано 32 человека: 5 – в Томск, 17 – в Кузнецк и 10 – в Енисейск [Шунков, 1946].

В первой половине XVII в. центром концентрации ссыльных в западной части Сибири стал Тобольск. Отсюда они отправлялись в города региона, а также через Енисейск на Лену. Так, в 1620 г. тобольский сын боярский М. Трубочанинов, руководивший постройкой Енисейского острога, просил прислать ему ссыльных людей [Копылов, 1962]. В 1641–1642 гг. в Тобольск поступило 124 ссыльных – “русских и литовских людей, и черкас, и мордвы”. Они были распределены следующим образом: отправлено в службу в Сургут 1 человек, в Березов – 5, в Томск – 15, в Енисейск – 22, в Красноярск – 30, в Кузнецк – 7. Таким образом, в служилые люди поверстано 80 человек, на пашню были посажены еще 28, один оказался в Красноярске в тюрьме, о судьбе 15 ссыльных сведений не найдено [Шунков, 1946].

В 1670–1680-х гг. ссыльные появились в Прибайкалье. В отписках, окладных, переписных книгах, челобитных упоминаются десятки имен ссыльных. Среди первых жителей Иркутска было много ссыльных, отправленных сюда или в казацкую службу, или в посад. Так, писцовая книга за 1686 г. содержит имена 13 ссыльных, проживавших в Иркутске и его окрестностях. Большая часть из них, 11 человек, были людьми “посадцкими” и лишь двое – несли казацкую службу. Всех ссыльных прислали в Иркутск из центра страны, при этом 8 человек являлись уроженцами Москвы, а другие – Переславля-Залесского, Нижнего Новгорода, Пскова [Иркутск..., 1883].

Уголовная ссылка XVII в. была “вечной”: независимо от рода и места службы такие ссыльные уже не возвращались из Сибири. Вместе с тем внутри региона они, руководствуясь потребностями местных властей, могли перемещаться из края в край. Например, большая часть иркутских казаков из ссыльных, как правило, ранее несли службу в Енисейске и Братском остроге и лишь по прошествии значительного времени направлялась в Иркутск. Из Иркутска их могли отправить не только дальше на восток, что было бы логично, но и в обратном порядке, если того требовали обстоятельства. Можно утверждать, что Иркутск в восточной части Си-

бири, как Тобольск в западной, в конце XVII в. становится центром для дальнейшего размещения ссыльных. Со временем масштабы ссылки в Иркутск в казачью службу, а также в посад, только увеличивались. Так, в 1699 г. здесь “на вечном житье” числилось почти 90 ссыльных, что составляло 9 % от числа всех жителей [Первое столетие..., 1902].

Из южной части Сибири и Приангарья ссылка достаточно быстро перемещалась за Байкал. Уже в 1681 г. в Баргузинский острог были сосланы с женами и детьми в пеший казачий строй сыны боярские Юрий Крыженовский и Петр Ярыжкин, провинившиеся в Охотском и Зашиверском острожках. По сведениям В.К. Андриевича, в 1701 г. в Забайкалье были высланы единомышленники “типографщика Григория Талицкого”, напечатавшего “воровские письма”, в которых Петр I назывался антихристом; всего их сослано “семь человек, а с ними пять вдов” казненных преступников. В 1703 г. могло попасть в Забайкалье небольшое количество астраханских казаков, отправленных сюда за бунт, поднятый “за русскую старину” [Краткий очерк..., 1887].

Освоение Забайкалья русскими, в том числе и ссыльными людьми, натолкнулось на стремление казны сохранить этот регион для пушного промысла. Вот, например, отписка Л.К. Кислянского великим государям (1691 г.), из которой следует, что “...тех служилых людей, которые в байкаловских острогах на вечное житье из Енисейска переведены и которые сами поселились, велено ... перевести всех в ыркуцкой, чтоб в байкаловских острогах они, служилые люди, пашен не заводили и лесов под пашни не сбили и не жгли, и от того бы де зверь не выводился. Да и впред в байкаловских острогах на вечное житье служилым и иным всяких чинов людям жить и пашен заводить отнюдь не велеть” [Новые данные..., 1895].

Исключительное значение для освоения Сибири имела ссылка на пашню: отсутствие своего хлеба сдерживало колонизацию края, делало положение гарнизонов неустойчивым, зависимым от далекого центра. Государство всерьез заботилось о пашенных ссыльных: им отводилась лучшая земля, выдавались орудия производства, а также ссуда на “обзаводство” скотом. Часть урожая такой ссыльный был обязан сдавать государству, часть – оставлял себе. Источники по истории Сибири XVII–XVIII вв. содержат многочисленные примеры устройства ссыльных на пашню. Так, еще в 1620-х гг. на енисейской государевой пашне было размещено первых 30 ссыльных. В 1630 г. они писали в коллективной челобитной: “Присланы мы, сироты твои, с Москвы в Енисейский острог наги и босы и по твоему государеву указу, велено нас посадати на пашни, пахати на тебя, государя, десятинная пашни”. Крупные партии московских ссыльных поступали в Енисейский уезд и позднее, в 1648–1649 гг. сюда прибыло еще 6 ссыльных, в 1650 г. – уже 27 семей, в 1668 г. прислано еще 30 семейств [Жуков, 1962].

В пашенные крестьяне записывали большинство ссыльных обширного Илимского воеводства, направлявшихся сюда из Енисейска. В отписках, окладных, переписных книгах, челобитных за 1640–1650-е гг. уже упоминаются десятки имен ссыльных. Их большая часть – выходцы из “черкасов”. Среди илимских ссыльных этого периода встречались и люди знат-

ные: например, Никифор Романов Черниговский, польский военнопленный, принятый на русскую службу в 1634 г. За попытку “бежать в Литву” он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником или приказчиком. Облеченный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев ясак. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, среди которых были и ссыльные, самовольно ушел на Амур, отстроил Албазинский острог и без поддержки правительства удерживал его в течение десяти лет, возобновив тем самым в регионе русское присутствие [Красноштанов, 2008].

С 1670–1680-х гг. заимки крестьян, среди которых было немало сосланных “за вины”, стали возникать и под Иркутском. В эти годы населялись ссыльными деревни Разводная, Панова, Уксусова, Щукина, Каргаполова. В 1680 г. сюда прибыла партия ссыльных крестьян из Олонецкого уезда, из Москвы, из вотчин Тихвина монастыря, отставные подьячие, посадские люди. Основная часть прибывших была поселена в деревнях Уриковской и Кудинской слобод. В 1681 г. уриковские крестьяне просили увеличить им земельные наделы, так как “на тех отводных землях вновь поселены присыльные пашенные крестьяне”. За счет пополнения ссыльными число дворов Уриковской слободы выросло к 1682 г. с 16 до 20. Также увеличилось количество ссыльных в Кудинской слободе, в деревне Талкинской число дворов за десятилетие утроилось. По данным О.И. Кашик, в 1681 г. близ Иркутска на пашне было уже около ста “ссыльных людей” [Кашик, 1958].

Сколько ссыльных находилось в Сибири в XVII в.? Точно ответить на этот вопрос невозможно: “счета” им не велось, да и статистика размещения русских за Камнем в этот период имеется лишь по нескольким регионам. По подсчетам современных историков, в 1593–1645 гг. в Сибирь было сослано 1,5 тысячи человек. К началу XVIII в. здесь насчитывалось уже около 20 тыс. ссыльных. Их доля в составе русского населения составляла в 1662 г. – 11,5 % и 8,6 % – на рубеже веков (в том числе 13 % мужского населения) [Буцинский, 1999; Историческая энциклопедия..., 2009, с. 171].

С приходом XVIII в. начинается ссылка петербургского периода. Ее отличительная черта – появление принципиально нового вида наказания – каторжных работ. Каторга была официально включена в государственную карательную систему и быстро превратилась в одно из самых массовых наказаний. Именно с каторгой Российское государство стало связывать освоение и заселение Сибири. Каторжным трудом сооружались сибирские крепости – Охотская, Петропавловская, Омская (1708), Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская (1720), Троицко-Савская (1727), Акшинская, Ишимская, Петропавловская, Крестовская (1752), Бухтарминская (1791). Одновременно с этим труд каторжан широко использовался на промышленных предприятиях Сибири: на солеваренных заводах – Троицком, Усть-Кутском, Усольском, Селенгинском и других; суконных и полотняных фабриках – Тельминской, Омской, Тобольской, фарфорофаянсовых и стеклоделательных заводах – Хайтинском, Тальцинском, Покровском;

железодельных – Петровском и Николаевском, винокурных – Александровском, Илгинском, Каменском, Николаевском, Михайловском и других. На принудительном труде была основана деятельность Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов. В первой четверти XIX в. на всех этих предприятиях работало уже около 4000 каторжных обоего пола. На некоторых заводах, как Петровский, Троицкий, Селенгинский, Каменский, Екатерининский, каторжных рабочих насчитывалось от 300 до 600, а на Александровском в 1853 г. было задействовано до 1000 каторжан. Только на заводах Нерчинского горного округа в 1839 г. насчитывалось почти 3200 каторжников. Именно каторжные ссыльные, таким образом, составили основу формирующемуся промышленному пролетариату Сибири [Сибирская советская энциклопедия, 1931, т. 2].

Для ссылки петербургского периода характерны попытки устройства сельскохозяйственных поселений ссыльных в различных частях Сибири (преимущественно южных, а также в Забайкалье). Так, в 1722 г. последовал указ о ссылке преступников в Даурию на серебряные заводы и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях. В 1762 г. были изданы узаконения о прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников и о селении их на дистанциях от Тобольска к Иркутску до Нерчинска. В 1763 г. вышел указ о формировании в Сибири, “для защищения этого края”, пяти пехотных и двух конных полков из вывозимых из Польши беглых российских подданных и о поселении тех из них, которые в военную службу негодны, в Нерчинском и Селенгинском уездах [Щеглов, 1993]. При помощи ссыльных государство пыталось заселить и отдаленные районы Сибири: в 1730-е и 1780-е гг. – Якутско-Охотский тракт, в 1738–1744 гг. – Камчатку, в 1761–1765 гг. – Барабу, в 1760–1780-е гг. – Алтай и Забайкалье [Историческая энциклопедия..., 2009].

Сибирская ссылка пополнялась не только за счет русских служилых людей. Едва ли не ранее всего применялась ссылка в Сибирь военнопленных, что считалось проявлением милости к своему недавнему противнику. В 1711 г. за Камень было сослано большое количество солдат регулярной шведской армии Карла XII. В плену оказалось по разным подсчетам от 20 до 25 тысяч человек. Сначала они размещались в Свияжске, Казани, Азове и Воронеже, затем были отправлены в Сибирь. Самое большое число пленных – до одной тысячи человек – осело в Тобольске, однако кроме этого шведов размещали в Нарыме, Березове, Таре, Томске, Енисейске, Туруханске, Иркутске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске, Илимске, Киренске. Среди шведов были представители различных мирных профессий – учителя и гувернеры, художники и музыканты, сапожники и портные, аптекари и врачи. Они внесли в сибирское общество европейскую бытовую культуру, новые профессиональные навыки и ремесла. В начале второй четверти века большинство военнопленных вернулись на родину [Шебалдина, 2005].

В XVIII в. петербургское правительство активно продолжало и ссылку на пашню. В 1703 г. “ссыльные люди” были учтены в Томске, Верхнетомском и Уртамском острогах, всего 235 человек. Много ссыльных прибыва-

ло в Тару. В Томске с 1727 по 1738 г. зачислено в оклад 105 душ мужского пола [Колесников, 1973]. Продолжалась ссылка и в Илимское воеводство. Однако в этот период среди ссыльных “в пашню” стали преобладать люди, далекие от крестьянского труда. Придя на место наказания, они вскоре подавались в бега, какую-то часть из них возвращали, но большая часть беглецов стала пополнять ряды бродяг и преступников. Например, всего в 1700–1702 гг. в Илимск было направлено 69 ссыльных, из них 50 пришли к месту назначения, а 19 бежали. В последующие годы бежало из этой партии еще 10 человек. Более или менее прочно устроились, став пашенными крестьянами, лишь семь ссыльных. В 1720–1730-е гг. доля крестьян в партиях ссыльных, поступавших в Илимское воеводство, продолжала уменьшаться, в ссылку все больше отправлялось уголовных преступников, среди которых немало было и особо опасных [Шерстобоев, 2001].

1760-е гг. стали началом массовой ссылки в Сибирь. 13 декабря 1760 г. был принят указ “О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут”. Помещикам предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь. Как следует из нормативных документов, местом для ссылки первоначально был определен Нерчинский уезд. Ссыльные должны были следовать через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камою до Нового Усолья, далее 310 верст пешком до Верхотурья, затем по сибирским рекам до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска. С 1761 по 1782 г. в Сибирь, согласно “рекрутским указам”, было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола. Если учесть, что в партиях таких ссыльных женщины составляли 75–80 % от числа мужчин, можно полагать, что за 20 лет в регион прибыло около 60 тысяч ссыльных и членов их семей [Колесников, 1973].

Часть ссыльных, отправляемых помещиками в зачет рекрутов в Нерчинский уезд, стали использовать для заселения Московского тракта. По данным Г.Ф. Быкони, в 1763 г. здесь уже насчитывалось более 2700 ссыльных, занятых на строительстве пути. К 1782 г. их численность значительно выросла и составила около 6000 душ обоего пола. Только на Нижнеудинском участке тракта числилось 1552 ссыльных поселщика (888 мужчин и 664 женщины), что составляло 54,3 % местных крестьян, мещан и купцов [Быконя, 1981].

Масштабные попытки заселения ссыльными края вокруг Байкала были возобновлены государством в самом конце XVIII в. 17 октября 1799 г. именным указом, данным Сенату, повелено было заселить южную часть Восточной Сибири, прилегающую к границам китайским, “между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой”, с предоставлением различных выгод желающим поселиться. Уже в 1801 г. в Иркутск пришло 1454 человека, часть которых тогда же отправили за Байкал. Однако на месте для ссылаемых не было выстроено жилья, хлеб не заготовлен и весь план колонизации Забайкалья был свернут.

В 1806 г. было решено приступить к водворению ссыльных в Нижнеудинском округе. Сюда было отправлено 2769 человек. Тотчас по прибытии поселенцы получили все нужное для хозяйства, рубили лес, строили жилища для себя и вновь прибывающих, занимались полевыми работами. За 1807–1817 гг. в округе было построено 18 поселков, включавших 936 жилых домов, 29 магазинов, 19 кузниц, 11 мельниц и 8 часовен. Однако ссыльные приживались на новом месте плохо, не хотели работать и к 1819 г. разбежались. В 1827 г. Сибирский Комитет разрешил устройство поселений в Енисейской губернии. В короткий срок здесь было создано 22 поселка, однако их судьба оказалась той же, что и в Нижнеудинске: уже в 1842 г. они были обращены в обыкновенные казенные села, а водворенные в них люди обложены общими крестьянскими податями [Краткая объяснительная записка..., 1913].

Несмотря на отсутствие системы и должного порядка в “ссылном деле”, масштабы штрафной колонизации Сибири в XIX в. постоянно увеличивались: ссыльные добывали руду, вываривали соль, ремонтировали дороги, потомки первых колодников пахали и сеяли хлеб. Так, в 1895 г. на Средне-Сибирской железной дороге трудилось около 2 тысяч ссыльнока торжан и срочных арестантов из тюрем Иркутской и Енисейской губерний, а также более 500 ссыльнопоселенцев. В 1902 г. в пределах Иркутской губернии среди строителей было 5250 ссыльных, или 30 % от общей численности рабочих. В середине века ссыльнопоселенцы составляли третью часть всех рабочих золотодобывающей отрасли Сибири. На основании этих цифр можно сделать вывод о заметном вкладе уголовных ссыльных в развитие промышленных предприятий региона, при этом надо учитывать, что их след в сельском хозяйстве Сибири, в силу многих причин, был менее существенным [Рабочий класс..., 1982].

Важное значение имеют итоговые количественные показатели сибирской ссылки. Состояние источниковой базы таково, что относительно точно обобщающие данные можно привести только за XIX в. В это время государство активно использовало Сибирь как средство разрежения населения в Европейской России. Согласно сведениям, которые приводит А.Д. Марголис, общее число ссыльных здесь неуклонно возрастало. При этом в динамике их поступления можно выделить два максимальных периода – 1820-е и 1860–1870-е годы, что можно объяснить в первом случае реформой М.М. Сперанского, упорядочившей “ссылное дело”, а во втором – пауперизацией крестьянства после его “освобождения” и как следствие – ростом криминальной напряженности в стране. Так, если в 1807–1811 гг. сюда было отправлено 10 175 человек (или чуть больше двух тысяч в год), в 1812–1821 гг. – 39 761, то в следующее десятилетие – 91 709. В 1831–1841 гг. сосланных было относительно меньше – 78 823 человека, в 1842–1851 гг. еще меньше – 62 495. В следующем десятилетии начинается заметный рост – 70 570, затем идет резкое увеличение: 1862–1871 гг. – 123 543 человека и за десятилетие семидесятых – 173 039 ссыльных, или больше 17 тысяч ежегодно [Марголис, 1995].

В 1880-х годах масштабы уголовной ссылки в Сибирь уменьшаются, что связано с увеличением потока вольных переселенцев. Так, за семнад-

цать лет с 1882 по 1898 гг. сюда поступило 148 032 ссыльных (без ссыльнокаторжных), или примерно по 8700 человек в год. Из общего числа – 115 927 мужчин, или 82,5 %, прибыли в Сибирь одинокими, без семей, именно они, как и в XVII–XVIII вв., менее всего приживались на новом месте, делая ссылку “текучей”, постоянно перемещающейся внутри огромного региона. Больше половины ссыльного контингента составляли административные, затем следовали ссыльнопоселенцы, далее водворяемые рабочие и ссыльные на жительство [Марголис, 1995].

Размещение ссыльных в XVIII и XIX вв. внутри Сибири имело общую особенность: основной контингент осужденных и высланных поступал в уже густо населенные, хорошо освоенные регионы, приселяясь к сельским обществам коренных сибиряков и к старожилам. При этом максимальное число ссыльных направлялось в Тобольскую губернию, наиболее населенную, минимальное – в Якутскую область. В конце XIX в. происходит некоторый сдвиг в размещении ссыльных с запада к востоку. И в дальнейшем эта тенденция продолжала нарастать, однако лидерство Тобольской губернии по числу ссыльных сохранялось на протяжении всего XIX в. Размещение ссыльных по категориям также имело свою специфику: в то время как Западная Сибирь служила местом отбывания наказания для административно-ссыльных, высланных по приговорам обществ (94,67 % этого контингента), а также сосланных на жительство – 56,25 %, в Восточной Сибири государство размещало в основном ссыльных по суду – ссыльнопоселенцев – 89,29 % и сосланных на водворение – 97,6 % [Марголис, 1995].

В заключение выясним соотношение ссыльных к общему населению Сибири по отдельным регионам. Так, по данным ГТУ, на 1 января 1898 г. в Сибири насчитывалось 309 265 ссыльных всех категорий. Кроме того, 64 683 чел. являлись членами семей ссыльных. По районам ссыльные распределялись следующим образом, %: Тобольская губерния – 35,5, Томская – 12,8, Енисейская – 17,1, Иркутская – 24,1, Забайкальская область – 4,8, Якутская – 1,7, Амурская – 0,2, Приморская – 0,7, Сахалин – 3,1. Каторжан направляли в основном в Забайкалье и на Сахалин. По отношению к населению всей Сибири ссыльные составляли 5,4 %. Как видим, наибольшее количество ссыльных было среди жителей Иркутской и Тобольской губерний. Всего за XIX в. в Сибирь поступило более 900 тысяч ссыльных всех категорий. Они примерно в равной пропорции распределялись между Западной и Восточной Сибирью [Историческая энциклопедия..., 2009].

В конце XIX в. часть регионов Сибири из-за их переполненности была закрыта для размещения новых ссыльных: Акмолинская и Семипалатинская области, Березовский и Сургутский округа, Бийский, Барнаульский и Кузнецкий уезды, а также отдаленные районы Нарымского края, в Енисейской губернии были закрыты Ачинский и Минусинский округа, в Забайкальской области – Троицкосавский, Баргузинский и Акшинский. Иркутская губерния была единственной в Сибири, где не было местностей, запрещенных для поселения ссыльных.

Февральская революция радикально изменила пенитенциарные и репрессивные институты империи, а Временное правительство в течение марта – апреля 1917 г. отменило систему старой ссылки.

4.3. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ XIX–XXI ВВ.

Актуальность обращения к проблемам политической географии в социокультурном ракурсе в целом опосредована сменой методологической парадигмы исследований исторических форм российской государственности в контексте современных процессов глобализации. Имперский период истории освоения Сибири всегда был сопряжен с процессами дифференциации компетенций органов власти – центральных и местных.

В течение всего периода бытования региона в рамках российской государственности удаленность от центра и неразвитость инфраструктуры накладывало свой отпечаток на процессы формирования духовно-культурной сферы.

Конфессиональная проблематика социокультурного освоения Сибири непосредственно связана с вопросами эволюции административно-территориального деления, компетенции и структуры органов государственной власти Сибири, персонального состава высших должностных лиц, достаточно полно освещенных в отечественной историографии [Акишин, 2000; Власть в Сибири..., 2005].

К XIX в. уже сложились достаточно сформированные методологические концепты внутренней – национальной и культурно-религиозной политики с учетом геопространственных масштабов проводимой региональной колонизации. Неотъемлемой составной частью процессов формирования геополитического ландшафта региона становятся культурно-религиозные комплексы христианства, православия, ислама, буддизма.

При достаточно обширном пласте историографии, освещающем основные этапы развития российской государственности в сибирском регионе, а также процессов создания, преобразования и ликвидации административно-территориальных единиц, органов государственной власти, вопросы, связанные с культурно-религиозными и этноконфессиональными аспектами освоения Сибири, еще нуждаются в своем комплексном осмыслении. Оно, как видится, должно строиться на анализе политико-правовых механизмов и специфики государственного регулирования процессов унификации социо-культурного пространства. В этих аспектах заключается суть политических традиций в религиозной области имперского и советского периодов. В связи с чем анализ процессов рубежа XX–XXI вв. методологически обосновывается проблематикой административно-территориального структурирования Сибири периода XIX в., исторически связанной с двумя политико-правовыми тенденциями в государственном строительстве.

Первая тенденция опосредована общими задачами государственного строительства: создания оптимальной структуры государственного аппарата и его кадрового обеспечения, соотношения государственного управления и местного самоуправления в имперский и советский периоды. Вторая

тенденция связана с характеристиками современных политических процессов и, в частности, с процессами реализации принципа федерализма рубежа XX–начала XXI вв. [Арзуманов, 2007].

Историко-логический анализ процессов государственной структуризации религиозного пространства Восточной Сибири констатирует факт его изначального формирования под влиянием социокультурного комплекса православия. Статус российской православной церкви, ислама и буддизма фиксировался, например, ст. 42 Свода законов Российской империи, принятой при Николае I. Согласно этой статье российская православная церковь объявлялась “господствующей и первенствующей”. Особым актом являлось принятое Государственным советом и Высочайше утвержденное положение 1826 г. о льготах для лиц, принявших православие, а также положения устава, принятого Всероссийским православным миссионерским обществом. В данный период складывалась та структура религиозных институтов в российском социокультурном и социополитическом пространстве, которая определяет понимание их традиционности и в период XX–XXI вв. На первых порах идеологические факторы геополитических интересов формирующейся империи – не только на северо-западных, но и на юго-восточных рубежах – ставили задачи вероисповедной политики в области христианизации автохтонного населения, исповедующего ислам. В начале XVIII в. Нормативные акты свидетельствуют о достаточно жесткой позиции царской администрации, ставящей вопрос о крещении исламской знати в зависимость от находящихся под их началом крестьян, дворовых деловых людей “православных христианских веры” [Полный свод... (ПСЗРИ), т. V, № 2734]. Правительство Екатерины II продолжило данную политику, и дальнейшее укрепление позиций ислама в Сибири выразилось в свободе возводить мечети и школы при поддержке администрации. Практически данные принципы выразились и в выплате жалованья мусульманскому и буддистскому духовенству наравне (а иногда и выше) жалованья, назначаемого духовенству российской православной церкви.

Процессы дальнейшего проникновения ислама на территорию Сибири во многом были определены правительственной политикой, давшей возможность закрепления институтов российского ислама. Так, в Оренбургском крае имперская администрация поддерживала миссионерскую деятельность мусульманского духовенства в отношении местного населения, придерживающегося в массе своей “языческих” традиций родоплеменных культов. Показательна в этом смысле и резолюция (20 апреля 1770 г.), наложенная Екатериной II на доклад Военной коллегии о дальнейшей судьбе турецких военнопленных, “восприявших грекороссийскую веру”. Согласно данной резолюции военнопленным предоставлялась возможность свободного выбора рода жизни и занятий с выплатой 3 рублей подъемных при совершении таинства крещения [25]. Уже XVIII в. правовое и институциональное положение ислама было закреплено учреждением в 1782 г. Уфимского муфтията и выделением мусульманского духовенства в особое сословие. Согласно Именному указу Екатерины II (22 сентября 1788 г.) в Оренбурге было создано духовное собрание, дислоцированное в Уфе и уже к 1789 г. ему подчинялись фактически большинство мусульманских приходов Рос-

сии. В результате, уже ко второй половине XIX в. влияние ислама среди языческого населения и татар Сибири усилилось [Николаев, 2006]. Хотя численность мусульман в Сибири (как и в западных губерниях России) была незначительной, тем не менее исламский фактор учитывался в связи с наличием особого военного сословия – казачества, игравшего одну из ключевых ролей в охране границ страны. Кроме Донского, Уральского, Оренбургского, Семиреченского было и Сибирское казачье войско [Казачьи войска, 1881]. В общей сложности к штату войскового казачества к 1897 г. было причислено около 45 тыс. казаков. Были изданы специальные инструкции, обеспечивавшие соблюдение прав верующих казаков-мусульман [Ислам в российской империи, 2001].

Если нормативно-правовая база, фиксирующая правовое положение православия и ислама в российской империи, сложилась к XVIII в., то фактическое положение институтов буддизма в Восточной Сибири было регламентировано гораздо позже – ко второй половине XIX в. Основным источником являлось “Положение о ламайском духовенстве”, принятое в 1853 г.

В дореволюционный период рассмотрение специфики вероисповедной политики в Сибири в соотношении с общероссийской должно осуществляться с учетом процессов формирования институтов государственного управления. В XVII–XVIII вв. пространственно-территориальное определение центрально-азиатского конфессионального пространства было обусловлено социополитическими причинами. Байкальский регион включает в себя не только институты православия и российского буддизма, но и родовые формы традиционной мифорелигиозной системы – шаманизма. С историко-логических позиций, как отмечает Т.В. Ермакова, процессы христианизации либо ламаизации шаманистов напрямую задевали интересы царской администрации и влияли на практику управления краем [Ермакова, 1998]. Укоренение ламаизма в бурятских племенах изначально детерминировано политическими причинами. В материалах Национального архива Республики Бурятия (НАРБ) имеется очень емкая характеристика маньчжуро-китайской политики династии Цин по отношению к автохтонной администрации в “Монголии, Тибете, Джунгарии, Малой Бухарии и Бутане”, выражающаяся – в рамках общей системы китайского правления – в жестком контроле по вопросам политической лояльности (“Дело об отправлении корреспонденции...”). С учетом политической практики и методологии Цинской империи в отношении покоренной Монголии (способствовавшей укоренению данной ветви буддизма в регионе), имперская администрация России также использовала ламаизм в целях политической консолидации бурятских родов Забайкалья.

Исследование системы социальных функций регионального шаманизма означает одновременно характеристику его общей социально-культурной роли в период XVIII–XX и XX–XXI вв. Универсальные формы шаманско-культовых традиций и практик выступали в качестве общей и абсолютной санкции, оправдания и смысла всех отношений идеологической системы. Очевидно, что автохтонные шаманско-культовые традиции и практика выполняли все основные социальные функции религии в полном

объеме, что и определяло остроту постановки вопроса о нивелировке влияния мифорелигиозной системы шаманизма на сознание включаемых в состав империи народов, прежде всего усилиями православной церкви. Даже в рамках последующих территориально-административных реформ, укрупняющих “единицу” социополитического измерения бурятского этноса, каждая семейная группа старалась сохранять свою тотемическую программу мышления. После вхождения части бурятских родов в состав России – со второй половины XVII в. до 1822 г. административно-территориальное устройство в Бурятии представляло следующую картину: 1) улус, или хотон, – самая низовая административная единица; 2) холбо, или табин, – объединение нескольких улусов; 3) род – объединение нескольких холбонов; 4) поколение – ряд объединенных родов. В 1822 г. имперской администрацией был принят “Устав об управлении инородцев”, разработанный М.М. Сперанским (вошедшим в последствие в Свод Законов Российской империи (СЗРИ)) [СЗРИ. Т. II, ч. 1]. Его схема была следующей: степная дума – инородческие управы – территориально-родовые управления – улусы. До распространения в Восточной Сибири православия и ламаизма шаманизм был единственной господствующей религиозной системой, выполняющей все основные социальные функции мифорелигиозной системы – от компенсаторной до регулятивной. Хотя к началу XVIII в. буддизм сформировался в социокультурную доминанту значительной части забайкальских бурят, следует отметить, что основная масса народа продолжала исповедовать шаманизм. Что касается начала процессов проникновения ламаизма в пределы Забайкалья, то в бурятских летописях отмечено, что в 1577 г. Тумэтский Алтан-хан принял у себя в ставке ламу – тибетского иерарха Соднома Чжамцо и даровал ему титул Ваджрадара Далай-ламы. Хоринцы явились подданными Алтан-хана и вместе с другими монгольскими племенами начали приобщаться к новой религии – буддизму. Источники указывают, что выходцы из Монголии, перекочевавшие в Забайкалье в XVIII в., активно распространяли буддийское учение. Определяющую роль в данных процессах сыграла деятельность монгольских лам, прибывших в Забайкалье в 1712 г., все это еще более ускорило процесс укрепления буддизма. В летописи хоринских бурят указано, что до размежевания границы в 1727 г. в основах веры наставляли ламы из Монголии и ламы селенгинских родов. В массе своей население все еще оставалось привержено шаманизму, но верхушка бурятского общества не могла не признать ханский указ о принятии буддизма в качестве официальной религии монголов. По материалам летописей, хоринцы находились в Восточной Монголии до конца XVI в. В пределы Забайкалья они проникли в конце XVI–начале XVIII вв. Согласно летописям, они прибыли со своими ламами [Цогдендамбаев, 1972]. Имперская администрация опасалась связей бурятского духовенства с религиозными центрами ламаизма в Монголии (Урга), Тибете (Лхаса), Китае (Пекин) и сочла необходимым вывести складывающиеся ламаистские институты из-под контроля зарубежных религиозных центров (в Забайкалье, по сведениям губернской администрации, находилось 11 ламаистских центров). В 1741 г. утверждается штат из 150 лам, приведенных к верноподданической присяге. Тибетец Агван

Пунцук был назначен главным ламой с титулом ширетуя, а “Кильгонтуйская кумирня” признана центральной среди ламаистских “кумирен”) [Казачьи войска, 1881].

Во второй половине XIX в. быстрое развитие буддизма среди бурят объясняется в том числе и позицией центральной администрации, в частности Посольского приказа, ведавшего Сибирью в XVII–начале XVIII вв. [Летописи..., 1935]. Сибирская политика Посольского приказа получила конкретное выражение в “Инструкции пограничным дозорщикам” 1728 г. Распоряжения центральной администрации сыграли большую роль в определении официального статуса буддийской религии в Забайкалье, что, безусловно, ускорило формирование институциональной организации ламаизма. После присоединения края к Российской империи административно-политическая система бурятского общества развивалась под влиянием российской государственности, а политическая консолидация правящих кланов протекала в рамках административных “родовых” ведомств [Залкинд, 1958], находящихся под преимущественным влиянием ламаистских дацанов – объективно доминирующих в процессах конфессионализации Забайкалья. Развитие буддизма на территории Восточной Сибири можно проследить и по официальным данным НАРБ о росте численности ламаистского духовенства в Забайкалье. По данным Указа Удинской провинциальной канцелярии от 1783 г., в штате пяти левобережных дацанов числилось 75 лам, очевидно, из тех 150 лам, прибывших в Забайкалье в 1712 г. и утвержденных в качестве “комплектных лам” Указом 1741 г. В 1744 г., в Забайкальском регионе было 617 лам. В 1822 г. уже 2502, в 1831 г. – 4637 лам. Как отмечено в летописи хоринских родов Вандана Юмсунова, к концу первой половины XIX в. (1846 г.) на территории современной республики Бурятия находилось 34 дацана, количество лам, подсчитанное по этническим группам и по ведомствам составляло 3173 ламы [Хагдаев, 2000].

Буддизм в Восточной Сибири выполнял, прежде всего, политическую функцию, выражая, с одной стороны, идеологические интересы верхушки родовых ведомств, потребности политического строя автохтонного общества, а с другой, способствуя процессам этноконсолидации в рамках складывающейся жесткой административной системы.

Таким образом, произошедшая смена вероисповедания является результатом не только исторического развития автохтонных этносов, но и целенаправленной вероисповедной и национальной политики имперской администрации, определившей динамику дальнейших этноконсолидационных процессов.

Бесконтрольное увеличение числа дацанов и лам на территории Забайкалья, появление мощного буддийского центра, успешное миссионерское конкурирование ламаизма с православной церковью, распространение буддизма в соседних с Забайкальем регионах – вызвали в дальнейшем меры по ужесточению контроля над духовными делами ламаистов. Вероисповедные дела бурят находились в ведении Министерства иностранных дел Российской империи, а на местах – под надзором губернской администрации Восточной Сибири.

В марте 1819 г. генерал-губернатором Сибири был назначением М.М. Сперанский с наделением обширными ревизионными полномочиями. Генерал-губернаторы решали вопросы, касающиеся почти всех сторон жизни Сибири, в том числе и практики вероисповедной политики. Перестройка системы управления Сибирским регионом началась с 1822 г. Она ознаменовалась принятием комплекта нормативно-правовых актов (“Положения и правила о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь”, “Положения и правила о земских повинностях”, “Учреждения для управления Сибирских губерний”, “Устав об управлении инородцев”, “Положения и правила о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь”) и была связана с кадровой политикой имперской администрации. Геополитической подоплекой данных решений было то, что Забайкалье – это ключевой район через который осуществлялись коммуникации с Дальневосточным регионом. Кяхта обеспечивала основной объем российско-китайской торговли. Поэтому до середины XIX в. Министерство иностранных дел осуществляло в Восточной Сибири надзор как в мероприятиях правительственного характера, так и в вероисповедных вопросах.

Геополитический фактор центрально-азиатского внутреннего и внешнего политического курса России обусловил поэтапное развитие вероисповедной политики России в Центральной Азии.

На первом этапе укреплению власти имперской администрации способствовали ограничительные правила для ламаистского духовенства Забайкалья, проект которых был составлен в 1826 г. по распоряжению генерал-губернатора Лавинского. Проект рассматривался в Петербурге в Министерстве внутренних дел и в Министерстве иностранных дел и был отклонен по той причине, что ограничительные меры могут вызвать “удаление лам с населением в Китайские пределы”, вредно отразятся как на кяхтинской торговле, так и на самой зависимости местного населения от России.

Второй ознаменовался тем, что в 1831 г. Министерство иностранных дел отправило в Восточную Сибирь своего чиновника Шиллинга фон Канштадта для изучения административного устройства буддийской церкви, проверки данных Лавинского, а также составления нового проекта законоположения по буддийской конфессии. В данном проекте проводились два основных принципа: устранение земских чиновников от управления вероисповедными делами бурят и сосредоточение власти в руках хамбо-ламы. Правительство предпочитало утвердить в Забайкалье сильную, централизованную церковную власть, чем иметь дело с десятками соперничающих настоятелей монастырей. В 30-е гг. XIX в. соперничество между селенгинскими и хоринскими ламами было настолько сильным, что это побудило Шиллинга учредить в проекте устава три духовных округа во главе с Гусиноозерским, Цонгольским и Кудунским дацанами и для “успокоения вражды” поочередно избирать хамбо-ламу из Гусиноозерского и Цонгольского дацанов [Власть в Сибири..., 2005]. Устав Шиллинга обсуждался семь лет в различных ведомствах, министерствах и в итоге был отклонен. С 1841 по 1843 г. разработка проекта перешла в руки Главного управления Восточной Сибири, внесшего новую идею, а именно: учрежде-

ние контроля над всеми административными и кадровыми вопросами внутренней деятельности дацанов, осуществляемого светским инородческим управлением по инстанции и губернскими властями. Это нововведение не устраивало православную миссию, которая считала, что одной из причин дальнейшего усиления буддизма является союз ламства с инородческим начальством. Этот проект также не был утвержден.

В начале третьего этапа в 1848 г. в Забайкалье из Петербурга был отправлен чиновник Департамента духовных дел Левашев, которому кроме сбора дополнительных сведений о буддизме было поручено выяснить взаимоотношения между православием, ламаизмом (буддизмом) и шаманизмом. В 1849 г. Левашев представил свой “Устав для руководства ламаистскому духовенству Восточной Сибири”, который также не был утвержден.

Четвертый знаменуется деятельностью Н.Н. Муравьева. Губернская администрация Восточной Сибири поставила ряд задач по обороне русского Дальнего Востока, в том числе настаивала на изменении ложного представления об Амуре как реке, не имеющей судоходного выхода в океан. Н.Н. Муравьев содействовал исследованиям Амурской экспедиции, принимал в ней активное участие, поддерживал работу Г.И. Невельского – исследователя Дальнего Востока, начальника Амурской экспедиции 1849–1855 гг. В 1852 г. Н.Н. Муравьев представил очередной проект “Положение о ламайском духовенстве”, который был отредактирован в Сибирском комитете Сената и утвержден императором в 1853 г. В его проекте использовано многое из предыдущих предложений министерств:

- централизация административного управления ламаистской церкви путем сосредоточения власти в руках одного хамбо-ламы и принятие ограничительных мер, на которых настаивала губернская администрация;

- административный контроль над личным составом управления дацанов (контроль был настолько регламентирован, что даже выезд на требы, отправка ученика дацана (хуварака) или ламы в отпуск требовали разрешения губернской администрации); приобретение предметов культа из Монголии, Тибета и Китая должно было производиться через Кяхтинскую таможню по разрешению Забайкальского военного губернатора [ГАРБ, ф. 517]; зачисление в штат; назначение на штатные должности (генерал-губернаторы утверждали в званиях ламское духовенство); назначения на должности утверждались генерал-губернаторами; возведение в духовные степени производилось через хамбо-ламу, но вступало в силу только после санкции губернской администрации и выдачи официального диплома.

В конце XIX в. буддизм стал проникать в Предбайкалье, где его распространение во многом осложнялось сопротивлением со стороны шаманизма и православной церкви. Согласно статистическим данным комиссии Куломзина, в Забайкальской области к концу XIX в. было 161 658 буддистов – бурят и эвенков. В отчете Синода за 1892–1893 гг. отмечалось, что ламы составляют 10 % инородческого населения, т. е. в Забайкалье было около 15 тысяч лам [Летописи..., 1935]. К концу XIX в. в Забайкалье существовала мощная самостоятельная буддийская сангха, которая активно противилась мероприятиям местной и государственной власти по ущемле-

нию и регламентации ее духовных прав, прилагая усилия в целях как сохранения существовавшего количества дацанов и лам, так и строительства новых храмов и укрепления своего влияния в Иркутской губернии.

Социально-экономические трансформации привели к необходимости установления трехступенчатого управления кочевыми народами: родовое управление – инородная управа – степная дума. В период XIX в. достаточно четко проявилась тенденция унификации правового пространства и аппарата управления, выразившееся в первую очередь в укреплении администрации степных дум, которые стали не только административными и хозяйственными органами местного самоуправления, но и способствовали усилению позиции имперской администрации, развитию и распространению буддизма на территории Восточной Сибири.

Учитывая, что одно из следствий вероисповедной политики – это формирование единого социокультурного пространства необходимо отметить обстоятельства, связанные с усилиями государства и православной церкви по организации православной духовной миссии в Восточной Сибири. С устройством I Даурской миссии начинается история внедрения православной культуры в пределы Забайкалья. Эффективным в деле христианизации автохтонного населения был период середины XIX в., с момента открытия в 1862 г. Второго викариатства с центром в Посольском монастыре.

Начальный период христианизации имел черты административного давления, “насильственного” обращения в православие бурят и тунгусов. Ключевую роль в процессах христианизации автохтонного населения, проживающего на достаточно отдаленных друг от друга территориях, сыграли учрежденные православные миссии. В.Т. Михайлова, рассматривая эту проблему, отмечает, что элементы демократии после отмены крепостного права в российском пореформенном обществе послужили основой для смены форм и методов христианизации, например членами Забайкальской духовной миссии. По ведомости 1723 г., число “вкладчиков” и новокрещенных, живших в вотчине Селенгинского монастыря, доходило до 60 чел. Миссия не стесняла новокрещенных в выборе конкретного места на монастырских землях, выделяла земли, деньги, подарки. В начале XVIII в. в Клировой ведомости Селенгинского монастыря уже значатся монахи Давид Филатов, “мунгалетин”, 34 года, иеромонах Трифиллий из эвенкийского рода князей Гантимуровых [Матханова, 1998]. С учетом методологической и организационной недоработок первого периода христианизации в деле бурят и тунгусов была создана сеть миссионерских станов в самих бурятских ведомствах и тунгусских кочевьях. Определяется организационная структура, учреждается устав, миссионерские станы формируются в соответствии с административным устройством у бурят и тунгусов, финансирование осуществляется за счет государства и Комитета православных миссий [Матханова, 1998]. В особую заслугу миссионерам ставилось крещение предводителей бурятских родов – тайшей, зайсанов и шуленг, находящихся на административных постах родового управления бурят – в степных думах. Тем не менее, процессы христианизации бурятской родовой элиты шли под административным контролем из опасения нарушения мира и согласия внутри бурятских родов.

Например, по поводу намерения принятия крещения хоринским тайшей Галсановым предписывалось “Иркутскому гражданскому губернатору и Иркутскому Преосвященному Михаилу поручить объяснить лично с тайшой, надеется ли он сохранить и при перемене, им предполагаемой, мир и тишину в родах своих” [Арзуманов, 2007]. Необходимость сохранения социального равновесия и мирных отношений между населением и властью учитывалась православной церковью при миссионерской деятельности. В второй половине XIX в. (1885) в Читинской и Забайкальской епархии были созданы миссионерские структуры, деятельность которых привела к увеличению числа школ от 30 до 96, соответственно числа учащихся – от 425 до 1200 человек [Арзуманов, 2007]. Подобного рода учреждения под эгидой Российской православной церкви имели важное значение в процессах становления культуры бурят нового времени. Были образованы попечительские советы, ведавшие школьными делами, в них входили представители администрации, учителя и наиболее почетные, уважаемые люди из бурятских родов, которые совместно с братством Св. Мефодия, Кирилла и Св. Иннокентия Чудотворца собирали средства и способствовали оснащению учебниками школ. Так, только в течение 1885 г. было распространено 1956 экземпляров книг.

Еще до образования постоянных миссионерских станом были подготовлены миссионеры, знающие бурятский язык. Среди них находились и буряты, работающие в миссиях после окончания Иркутской духовной семинарии или других учебных заведений. Например, в 1833 г. было подготовлено 10 священников русского происхождения в целях миссионерского служения среди бурятского населения. К переводчикам христианской канонической и литургической литературы на национальные языки народов России следует отнести имена миссионеров как русских, так и бурят, которыми было переведено свыше 40 наименований богословских и религиозно-нравственных сочинений. Это деятели Иркутской и Забайкальской епархии П. Родионов, П. Малков, А. Бобровников, Игумнов, братья Я. и П. Болдоновы, М. Петлин, А. Норбоев и др. Монгольская грамматика на русском языке А. Бобровникова явилась первым учебником монгольско-бурятского языка и использовалась достаточно широко. В архиве Троицко-Селенгинского монастыря сохранилось письмо от брата А. Бобровникова архимандриту Мелетию, где перечислены его работы: 1) перевод из Нового Завета трех евангелистов от Матфея, Марка и Иоанна в тетрадах на 112 листах, от Луки же остается непереведенным, 2) служебник в бумажном переплете, заключающий в себя Последования Вечерни, Утрени и Божественной литургии, при котором приложено свидетельство, что он был читаем в Главной Хоринской степной думе на бурятском языке, 3) сличение монгольского перевода со славянским Новым Заветом, составленный переводчиком Игумновым на 61 листе, 4) замечания и объяснения на Новый Завет на 10 листах, переведенный в Санкт-Петербурге, 5) две лекции на монгольско-бурятском языке [Залкинд, 1958]. Миссионеры занимались не только собственно богословскими проблемами или переводами богослужебных книг, но и исследованиями в области традиционных

верований бурят, тибетской медицины. Миссионер П. Подгорбунский исследовал традиционные верования бурят: “Шаманистические верования монголов и бурят” (1895). Работа миссионера К. Стукова “Алфавитный список лекарственных растений, употребляемых ламами в их тибетской лечебной практике” заслуживает особого внимания. Изучением традиционных верований бурят занимались и руководители епархий. Архиепископ иркутский Нил Исаакович (1838–1853) написал буддологическое исследование – “Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири”. Миссионеры в своих исследованиях, касаясь вопроса о толерантности религий бурят делали выводы, что буряты, считающие все веры происшедшими от Бога равными, уважают всякую религию и ее представителей и не будут оказывать агрессивного противодействия распространению христианства.

В Забайкальской духовной миссии в 1877 г. было крещено более 10 тыс. бурят, эвенков – 642 чел.; в 1891 г. число крещеных достигало 35 тыс., а в начале XX в. в обеих епархиях эта цифра возросла до 85 тыс. [Иркутские епархиальные ведомости, 1897].

Совпадая с основными этапами этнокультурного развития бурят, деятельность Российской православной церкви в отношении “духовного окормления” бурятской паствы вылилась в особое инновационное направление, способствовавшее формированию духовности нового цивилизационного образца. Являясь культуuroобразующей доминантой, философское и мировоззренческое основание православия легло в концептуальную основу цивилизационного процесса в этнической истории бурят. Это усилило политическую и этническую консолидацию народов Восточной Сибири.

Миссионерские станы и храмы прекращают свое существование на территории Западного Забайкалья после буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. и из-за отсутствия финансирования. К началу XX в., согласно дореволюционной статистике, конфессиональный спектр Восточной Сибири был стратифицирован следующим образом: православные – около 70 % всего населения региона; ламаисты и буддисты – 21; старообрядцы – 6,4; иудаисты – 1,7; мусульмане, католики, протестанты – лютеране, шаманисты – около 1 %; представителей прочих вероисповеданий христианского и буддийского направлений отмечено не было [Азиатская Россия, 1914]. Социокультурное пространство на рубеже XIX–XX вв. определялось конфессиональными институтами уже двух мировых религий – христианства и буддизма.

В условиях сложившегося религиозного синкретизма необходимо учитывать и автохтонный пласт религиозной культуры, являющийся объектом миссионерских усилий как христианства (преимущественно в православной конфессиональной стратификации), так и буддизма (в его региональной форме – ламаизме).

В связи с утверждением мировых религий в Восточной Сибири произошли определенные качественные изменения в функциях шаманизма в имперский и советский периоды. По мере укоренения православия в Прибайкалье, а ламаизма в Забайкалье шаманизм постепенно утрачивал регу-

лятивную, интегрирующую, легитимирующую функции общего социального значения. Они сохранялись либо в частичной, либо в рудиментарной формах – в рамках трайбалистской специфики религиозной психологии, идеологического, ценностно-мировоззренческого комплекса. “Государственно-политическую” функцию в Байкальской Сибири выполняли православные и ламаистские институты. Шаманизм в мире и регионе переживает процессы не просто возрождения, а становления в новых социально-культурных условиях [Хагдаев, 2000]. Изменяется не только стиль мышления как форма религиозного сознания, меняются характеристики эволюции функциональной динамики шаманизма как формы и способа функционирования религиозного сознания шаманизма в социуме. По мере увеличения масштабов процессов возрождения шаманизма встает вопрос об адекватном отражении модификации данных процессов в правовом пространстве. Современный этап государственно-конфессиональных отношений характерен возвратом к формам, определяемым, с одной стороны, идеологически рамками их модели “классического” периода (называемой “симфонией двух ветвей власти” – светской и церковной), а с другой – практикой вероисповедной политики – возвратом к тенденциям государственного этатизма [Арзуманов, 2007].

Методологические принципы вероисповедной политики России в Сибири на современном этапе базируются на принципах, выработанных в имперский период. К ним необходимо отнести принципы:

- социополитической и социокультурной унификации полиэтноконфессионального пространства (принцип “политической русификации”), определяемого фактором межцивилизационного трансграничья центрально-азиатского региона (Россия, Монголия, Тибет, Китай) в контексте интеграции идеологического поля;

- политической лояльности, опосредованный необходимостью включения в социокультурное пространство России религиозных и этнических новаций;

- государственного этатизма и административного императива, выработанные в имперский период и определившие в социокультурные и социополитические характеристики традиционализма российского религиозного пространства, правовой и политической культуры;

- религиозной толерантности, нормативно-правовая фиксация которого должна быть произведена с учетом этноконфессиональных реалий Байкальской Сибири (ламаизм, старообрядчество, шаманизм, укореняющиеся религиозные инновации).

Таким образом, на основании произведенного анализа вероисповедной политики как социокультурного инструментария России в Сибирском регионе XIX–начала XXI вв. делается вывод о том, что на рубеже XX–XXI вв. процессы глобализации сопровождаются деструкцией государственных функций в сфере контроля над геопространственными характеристиками миссионерской деятельности.

В связи с этим отмечаются необходимость усиления роли государственного регулирования этноконфессиональных процессов, имеющего глубокие корни в политических традициях социокультурного освоения Сибири.

4.4. ДИАСПОРЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ СИБИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Если понимать Сибирь не как территорию, а как социальность, особый исторически сложившийся тип человеческих отношений и связей, то основная его характеристика концентрируется, видимо, в словах “переселенческое общество”. С другой стороны, переселенческие общества, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, – феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности – феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариантов требует для понимания и различных исследовательских стратегий, компаративистики, описания и анализа отдельных обществ, механизмов и результатов их генезиса и функционирования.

Сибирское переселенческое общество дает неоценимый материал для изучения этих процессов и явлений. В основе его генезиса лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Причем это пришлое население постоянно укореняется, “осибирячивается”, приобретает новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при отсутствии надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Чрезвычайно важен момент гетерогенности пришлого населения – его культурной, религиозной, этнической, социальной сложности и разнообразия. Важнейшим источником и составной частью формирующегося сибирского переселенческого общества становились, в том числе, и мигрирующие представители меньшинств – религиозных, этнокультурных, иностранных. Выходцы как из других регионов страны (из-за Урала, “с Запада”), так и из-за рубежа. Какова была их судьба и роль в становлении сибирского общества? Здесь нас интересует не гигантское разнообразие индивидуальных человеческих судеб, а групповое существование и самоощущение. Стала ли Сибирь “плавильным котлом”, переплавившим исходные элементы в некое новое качество? Или формировалась модель “салатницы”, при которой новое качество определялось сложным синтезом сохраняющихся компонентов?

Люди попадали в Сибирь в результате добровольного и недобровольного переселения, в одиночку и группами. Процесс их миграции бывал растянут во времени, но иногда мог принимать концентрированный, “залповый” характер. Переселялись крестьяне и горожане, представители различных социальных, профессиональных, сословных и имущественных групп. На новой земле они добровольно или вынужденно избирали деревенский или городской уклад жизни.

Какие стратегии адаптации при этом выбирались? Входила ли в эти стратегии задача сохранения прежней групповой идентичности? Исполь-

зовались ли индивидуальные или коллективные практики вхождения в новое общество в экстремальных условиях? И если коллективные – то формируют ли переселенцы эти коллективы на новом месте или приносят их с собой? Если формируют – то каков механизм? На каких основах это происходит?

Теоретически можно предполагать существование ситуации “плавильного котла”, господства индивидуальных стратегий, ориентированных на ассимиляцию, полное растворение в принимающем обществе, обретение новых групповых характеристик и самоидентификаций. Особенно если происходило постепенное и дисперсное расселение, при крайне ограниченных возможностях личного выбора места и условий жизни, в экстремальных условиях природы и замкнутых небольших коллективов. В ситуации полного доминирования русского языка и культуры, давления власти, задававшей параметры групповой организации через сословную систему. Когда смена языка и религии (то есть почти полная смена социального кода) становились условием личного вертикального социального роста. При этом рудименты прежних идентичностей и культурных характеристик могли сохраняться. Происходили одновременно русификация и осибирячивание – как обретение неких общих характеристик региональной группы. Существующие источники и основанные на них исследования говорят о широкой распространенности такой модели адаптации мигрантов к новому окружению и укладу жизни [Мулина, 2012].

Осибирячивание, однако, вполне могло происходить и без глубокой русификации. Предпосылкой тому становились групповые стратегии адаптации. Именно они являются предметом авторского интереса. Каким образом диаспоризация как действие и процесс (диаспора = рассеяние как действие) становилось источником и механизмом формирования нового социального состояния (диаспора = рассеяние как состояние)? И каков был характер, основные параметры этого нового состояния?

Однако разговор о диаспоре, рациональное применение соответствующего концептуального инструментария, невозможны без характеристики собственного содержания этого термина и научного понятия.

На протяжении долгого времени это слово обслуживало исторический феномен формы и способов многовекового существования еврейского народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества различных народов, культур и религий, а также причины и механизм формирования такого феномена. Такая ситуация отразилась в разнообразных энциклопедиях и энциклопедических словарях. В авторитетной “Британнике” слово это трактуется только через призму еврейской истории и относится только к жизни этого народа. Другие словари добавляют обычно, что со временем термин стал употребляться расширительно, для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения, в новых для себя местах (а некоторые словари добавляют – на положении национально-культурного меньшинства) [Webster's..., 1971; Большая Советская Энциклопедия, 1973, Т. 8; The Encyclopedia..., 1987; Большой энциклопедический словарь, 1991; The New Encyclopedia..., 1992].

С середины прошлого века ситуация радикально меняется. Происходят две взаимосвязанных глубоких трансформации. По словам Р. Брубейкера, “за последние годы термин *диаспора* сделал блестящую карьеру в социологии и других гуманитарных науках” [Брубейкер, 2000]. Научный спрос на термин определяется тем, что, по мнению Г. Шеффера, в контексте беспрецедентно больших масштабов трансграничных миграций, “способность диаспор оказывать влияние на ход событий в культурной, экономической, социальной и, главное, политической жизни постоянно возрастает и будет возрастать и впредь” [Шеффер, 2003]. Еще дальше идет У. Сафран: «...в эпоху глобализации, с ее интенсивными миграциями и активизацией культурно-информационного обмена поверх политических границ мы все более отчетливо осознаем, что “нация-государство” является некой странностью, анахронизмом, что идея устойчивости культур – иллюзия, а формирование культурно-гомогенных обществ – крайне трудноосуществимая задача, не говоря о том, что это вряд ли вообще необходимо» [Сафран, 2004].

При этом использование термина без учета заложенных в нем исторически смыслов часто ведет к тому, что он становится неким клише, даже ярлыком. Нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных/этнических групп, живущих вне пределов соответствующих государств или национальных очагов. Подразумевается, что это не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Последняя также оценивается как природная данность. Такая “диаспора” многим видится организованным сообществом, корпорацией, иногда даже официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и оформленным членством. Термину пытаются иногда придать даже правовое содержание.

В такой логике, одним словом “диаспора” называется и механическая совокупность лиц, относящих себя (или относимых другими) к некой этнической группе, и возможные связи и отношения между этими людьми на этнической основе, и их формальные объединения и институции. Когда одно слово обслуживает такие несовпадающие явления, причем обслуживает их в сознании и речи одного человека, то это может вести (и ведет, видимо) к их отождествлению. Можно предположить и обратную логику – когда в сознании человека это действительно одно и то же – и требовалось лишь некое слово для называния этого единого феномена.

Наиболее полный набор критериев/признаков диаспоры предложен У. Сафраном: 1) члены группы или их предки переместились из определенного исходного “центра” в один или более “периферийных”, или “иностранных” регионов; 2) они сохранили коллективную память, представление или миф о своей первоначальной родине – о ее физическом местоположении, истории и достижениях; 3) они уверены, что не стали, а возможно, и не могут стать полностью своими для “принимающего” общества, и поэтому чувствуют себя в некоторой степени отчужденными и изолированными; 4) они считают родину предков своей истинной, идеальной родиной, куда они или их потомки в конечном счете, возможно, вернутся (или

должны вернуться), когда позволят условия; 5) они уверены, что должны коллективно поддерживать существование, безопасность и процветание своей первоначальной родины или способствовать ее восстановлению; 6) они продолжают относить себя к этой родине, персонально и/или через коллективные идентичности, и этим обстоятельством в существенной степени определяются их этнокоммунальное сознание и солидарность; 7) они хотят оставаться меньшинством, передавая последующим поколениям культурное (религиозное) наследие родины предков; 8) их культурная, религиозная и/или политическая связь с родиной существенным образом отражается в их общественных институтах.

Как и всякая жесткая конструкция, типология У. Сафрана вызвала массу критики, возражений и дополнений, иногда вполне обоснованных и справедливых. Но важно отметить то, что дискуссия происходит на предложенной им площадке, а это свидетельствует об эвристической ценности его исследовательской модели. Не вдаваясь в конкретику дискуссии, стоит подчеркнуть, что она полезна и важна, так как помогает выявить и сделать операциональными те смыслы и значения, которые стоят за этим термином, исторически сконцентрировались в нем. Это разработка инструментария, без которого нет качественного научного исследования.

Менее плодотворны многочисленные споры о том, соответствует ли некая изучаемая группа набору этих критериев и является ли таким образом диаспорой или нет. Это легко может превратиться в довольно схоластическое и не очень полезное занятие. Намного важнее и интереснее инструментальное применение этого концепта.

Отличный пример такого подхода – концепция “диаспоры катаклизма” Р. Брубейкера. В ней сделана интересная (и потому дискуссионная) попытка применить диаспоральный исследовательский инструментарий для понимания характера нового феномена XX в.: меньшинств, образовавшихся в результате распада многонациональных империй за пределами этнически родственного государства. Двигались здесь не люди, а границы. Поэтому “диаспоры катаклизма” рождаются мгновенно, вследствие резкой “перетряски” политического устройства, нередко травматической для ее участников [Брубейкер, 2000]. Здесь важно не то, можно или нет назвать эти группы диаспорами, а то, как наработанные в рамках этого подхода смыслы работают на понимание изучаемой ситуации. А ситуация эта неоднократно воспроизводилась на протяжении всего XX в., и проблема образовавшихся на обломках империи меньшинств является чрезвычайно острой и актуальной.

Не обойтись здесь и без авторского понимания феномена “диаспоры” [Дятлов, 2004, 2010; Дятлов, Мелконян, 2009]. Представляется, что это не просто рассеяние, пребывание представителей некой этнической группы вне своего “национального очага” в качестве национального меньшинства. Тогда неизбежен следующий вопрос – что такое этническая группа, кто такие ее представители и почему, что такое этничность вообще.

Мне чуждо примордиалистское представление о врожденном или автоматически унаследованном свойстве этничности, об этносе как вечном и неизменном субъекте общественных отношений. Поэтому диаспора пони-

мается как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическая система формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей. Эти связи, стратегии и практики основаны на общности исхода с “исторической родины” (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни “в рассеянии” – в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой.

Именно поэтому не очень плодотворным, хотя иногда необходимым и неизбежным, является количественный подход к изучению диаспор. Можно конечно, а для решения определенных и четко сформулированных задач – и нужно, попытаться подсчитать численность той или иной этнической группы, сделать это в соответствующем географическом и хронологическом разрезах. Особенно просто это сделать для советской эпохи, когда “национальность” наряду с “классовым происхождением” и социальным статусом была основным инструментом нового форматирования общества. Человек приписывался к определенной “национальности”, говоря современным языком – этнической группе, это фиксировалось во всех документах и статистике. Однако эти цифры почти ничего не говорили о реальном состоянии этничности, о том, существовали ли этнические группы в качестве реальных общностей, а не статистических совокупностей. Насколько приписываемая государством “национальность” была важна для человека в качестве регулятора его самоидентификации, поведения, жизненных практик. Насколько этнический фактор играл роль в регулировании отношений в обществе. Поэтому куда более важными и дающими эвристический эффект представляются качественные исследования, позволяющие понять значение этничности в формировании групповых стратегий поведения и самоидентификации. Это особенно видно в ситуациях позднеимперской и постсоветской Сибири, когда государство не регулирует этническую сферу отношений (которая еще только оформлялась к началу XX в.) или постепенно отказывается от такого регулирования, как это происходит сейчас.

И здесь очень многое может дать изучение исторической динамики, анализ того, как, при каких обстоятельствах и условиях миграционные процессы в Сибири порождали диаспоральные стратегии и практики.

Они были востребованы и могли действовать в ходе массовых, практически единовременных переселений. Тогда происходила полная или частичная трансплантация культурных норм и механизмов социальной организации. Это могли быть, к примеру, ссыльные участники двух польских восстаний, добровольные аграрные переселенцы по столыпинской реформе. Крайний вариант полной трансплантации группы демонстрировали, например, меннониты. На новых землях они полностью воспроизвели все

элементы духовной, религиозной жизни, социальных связей и отношений, хозяйственного уклада, стиля жизни.

Понятно, что представителям меньшинства было легче сохранить привычный уклад и образ жизни, тип социальной организации, систему ценностей, религиозных и культурных норм при аграрном переселении, при формировании собственной сельской общины. Необходимость приспособления к новым природным условиям, повседневные контакты с инокультурными соседями заставляли, конечно, многое менять, особенно в технологической сфере, многое перенимать. Технологические перемены, особенно в сельском хозяйстве, неизбежно сопровождались культурными. Но сама консервативность сельской жизни являлась мощной поддержкой и опорой групповой самоорганизации и идентичности. Перемены часто принимали форму развития и укрепления традиции. Большую важность приобретал и фактор покинутой (хотя бы и добровольно, с возможностью возвращения) “исторической родины”, поддержания связей с оставшейся там “материнской группой” [Восток России..., 2012].

Групповая трансплантация была не единственной, возможно и не преобладающей, стратегией адаптации к новым условиям. Происходили процессы групповой консолидации и непосредственно на новом месте, в Сибири. Наиболее полно и ярко это демонстрирует процесс формирования еврейских общин [Романова, 2000; Рабинович, 2002; Кальмина, 2003; Галашова, 2006; Нам, 2009; Гончаров, 2013]. Как правило, евреи попадали в Сибирь индивидуально, не в составе групп. Добровольно и принудительно. Расселялись дисперсно, в том числе и в результате целенаправленной политики властей. Избирали по преимуществу городские профессии и сферы занятости (торговля, ремесла, услуги), но часто занимались этим и в деревнях. Приписывались к различным сословиям. Все это не мешало им формировать устойчивые общины с эффективными механизмами внутреннего контроля, поддержки и регулирования, воспроизводства культурных норм. Общины могли быть внутренне неоднородными, раздираться глубокими противоречиями и конфликтами, но это не мешало их деятельности и не снижало эффективности. Отдельные примеры индивидуальной интеграции евреев (ассимиляция через принятие православия) наблюдались, но это был маргинальный вариант.

Эти примеры заставляют задаться вопросом – каковы стимулы, условия и механизмы групповой консолидации попавших в Сибирь представителей меньшинств? Что заставляло их избирать диаспоральную стратегию и практику адаптации, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об “исторической родине” и связей с нею (реальных или духовных)? Каковы механизмы функционирования формировавшихся в результате общин? Наблюдалась ли внутренняя динамика, трансформация этих механизмов?

На поверхности лежит то обстоятельство, что для представителей некоторых меньшинств жизнь в диаспоре была нормой и до Сибири. Евреи, как в “черте”, так и вне ее, немцы в аграрных колониях и в качестве ино-

этнического и инорелигиозного меньшинства в городах Европейской России накопили большой опыт и навыки жизни в диаспоре. Они принесли этот опыт в переселенческое общество.

Практические навыки, умения выстраивать отношения с представителями большинства, властями, находить приемлемые для всех “экономические ниши” были важны. Но еще важнее были ценности идентификации – то, ради чего собственно воспроизводство группы и необходимо. И здесь сразу же выходит на первый план религия как безусловная ценность, вбирающая в себя все остальное. В условиях господства на новом месте иной религии (господства в силу численного преобладания верующих и опоры на власть) только формирование собственной религиозной общины становилось залогом сохранения прежней социальности. Это была именно конфессиональная община. И то, например, что часто, исходя из современного понимания, рассматривается и маркируется как немецкая община, было общиной лютеранской. Еврейская община – иудейской, польская – католической. Можно предположить (но это нуждается в отдельном анализе), что при отсутствии религиозных различий или при наличии особых отношениях с православием (у армян и грузин, например) и стимулы к общинному строительству были меньше.

Этот процесс происходил в условиях общества, где конфессиональность была одним из сословно формирующих оснований. Поэтому властью самоорганизация в форме религиозных общин признается делом в принципе законным, иногда необходимым. В некоторых случаях, исходя из общеполитических соображений, власти могут ставить препятствия, но не могут выступать против процесса в целом.

Кроме того, власть через формальные статусы или неформальное, но мощное отторжение выдавливала некоторые меньшинства, что способствовало их консолидации. Общеизвестен особый правовой статус евреев страны вообще и сибирских в частности. Происходила стигматизация поляков (позднее – также и немцев) в качестве политически не лояльных империи групп. Это становилось мощным стимулом для групповой консолидации. И это выводит нас на проблему особой и огромной роли государства в процессе диаспоростроительства.

И, конечно же, условием диаспорализации становится формирование критически необходимой массы переселенцев. Необходимой для того, чтобы составить группу и поддерживать ее существование и идентичность. Это могут быть и отдельные ядра в городах (но не только), к которым притягиваются дисперсно рассеянные представители группы. Без такого минимума участников невозможно выстраивание каркаса институтов (религиозных и светских), формирование достаточно плотных сетей связей и отношений, поддержание связей с исторической родиной, сохранение и развитие исторической памяти, языка, других элементов культуры. Невозможно создание механизмов взаимного социального контроля и поддержки.

Религиозная основа групповой консолидации, групповая сплоченность как ответ на требование сословного общества, позволяет говорить о диаспоре как не об этническом по преимуществу феномене. По крайней мере, не только этническом. Не исключена гипотеза о традиционалистском, со-

словном типе диаспоральности. Возможно то, что мы считаем априори этнической самоорганизацией и организацией (диаспора как часть этнической проблематики), на деле было самоорганизацией религиозной.

Подтверждением этому может послужить ключевая роль церкви в системе общинных институтов. На каком-то этапе она вбирала в себя или контролировала почти весь набор других институтов. Школа была религиозной, благотворительность действовала при храме, при нем же происходили общение, праздники, функционировала иерархия, выстраивались клиентельные связи. Через церковные институты и иерархов осуществлялась связь с властями, выполнялись общинные обязательства перед ними. Религия была носителем и маркером групповой идентичности, языка, культуры, общей истории и общих предков, механизмом связи с исторической родиной [Нам, 2009].

Однако к началу XX в. происходит эрозия сословности, разложение сословного строя. В его недрах вызревают элементы новой социальной структуры. Частью процесса становится формирование в среде религиозных общин уже самостоятельной этнокультурной идентичности, когда выходят на первый план изначально заложенные и в прежнем укладе элементы культуры. Самостоятельное и огромное значение приобретают школа, язык, сети и связи, представления об общности судьбы. Происходит вызревание этнических диаспор через обретение самостоятельной и ключевой роли собственно культурных норм и механизмов: языка, школы, церкви – но уже как культурного феномена, носителя и символа традиции, культуры.

Носительницей национальных чувств и настроений, национального духа становится городская, светская по духу, современно образованная элита – предприниматели, чиновники, лица свободных профессий, учителя и преподаватели, журналисты. Она выходит на первый план, решительно потеснив элиту традиционную. Она самоопределяется не столько через религию, сколько через культуру, воспринимая и религию как часть культуры. Большую роль в динамике ее становления играли политические ссыльные. Они привносят, среди прочего, участие в политике, политическую составляющую в жизнь общин.

Особенно ярко этот процесс протекал у евреев, которые постепенно, эволюционно из конфессиональной группы трансформировались в этнокультурную общность. Условно говоря, иудеи постепенно становились евреями. Осознавали себя в таком качестве и соответствующим образом выстраивали жизненные стратегии и практики. Евреи, к примеру, активно участвуют в политической жизни – как в общеимперских институтах, так и в специально еврейских. Формируется новая светская элита, находящаяся в сложных, обычно напряженных взаимоотношениях со старой, традиционной.

Первая мировая война мощно подтолкнула процессы этнизации отношений, формирования этнического взгляда на мир, создав и новые политические практики. Ситуация с российскими немцами дает этому выразительный пример. Потомки лиц, переселившихся в Россию еще до создания Германии, или вовсе остзейские немцы начинают рассматриваться в кон-

тексте Германии как национального государства, как государства немцев. Презумпция наличия у них двойной лояльности формирует соответствующее отношение и административные дискриминационные практики [Колоницкий, 2010].

Советская власть радикально ускорила процесс диаспоростроительства, окончательно оторвав его от конфессиональной составляющей. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ перестроения общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием “национальностей”. Человек приписывался к этнической группе, его заставляли самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, похозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Иногда власть решала – к какой группе и кого приписывать. И создавала такие условия, что люди с этим соглашались. Враждебное отношение в межвоенный период к Польше, например, формировало и соответствующее отношение к собственным полякам, давало стимул к их “деполонизации” [Восток..., 2012].

Показательны эксперименты с советскими немцами – от их выращивания в качестве “нации”, вплоть до права на республику, – до коллективных репрессий и стремления уничтожить как группу.

Могли быть разные реакции на это давление. Когда этничность признавалась советской властью не совсем хорошей (немцы, поляки, евреи) – то в широком спектре от ассимиляции (в тех пределах, в которых это было возможно) до стигматизации. Репрессии против немцев в годы Второй мировой войны ускорили процессы этнической консолидации, вывода ее на идеологический уровень.

Все это демонстрирует огромную роль государства, которое может поощрять диаспоростроительство, может относиться к нему нейтрально, может препятствовать или жестко пресекать. Может определять его внутреннее наполнение, задавая механизмы и формы групповой самоорганизации. Имперская власть диктовала логику сословно-конфессиональную, советская – этнонациональную. С другой стороны, возможности власти были не безграничными, этнокультурные процессы часто шли помимо ее воли.

Все сказанное относится к имперским подданным или затем советским гражданам. Людям и группам, глубоко и прочно интегрированным в российскую культуру, язык, систему властных отношений, связей и структур. Но на востоке России формировались и играли огромную роль меньшинства иного типа – трансграничные мигранты. Они продемонстрировали и иные модели взаимоотношений с большинством (принимающим обществом), властями, особый тип интеграции, имели особые правовые статусы.

Корейцы – трудовые мигранты и, одновременно, почти беженцы от невыносимых условий жизни на родине. Приходили в Россию с семьями и безвозвратно. Не раз демонстрировали готовность скорее умереть, чем вернуться. Поэтому имели огромную мотивацию к интеграции. Проявляли не только политическую лояльность, но и стремление к аккультурации. Добивались (и в массе своей добились) российского подданства. При благоприятном отношении властей основной экономической нишей избрали

сельское хозяйство, добились выделения земель, создали на них корейские деревни. Нанимались также на тяжелые и низкооплачиваемые работы в городах, на золотых приисках. Это формировало и разные типы социализации. Но основными ядрами были сельские общины с деревенским укладом социальности.

В стремлении к глубокой интеграции корейцы принимали православие, пусть и поверхностное, как недовольно отмечали заинтересованные современники. Огромную роль придавали образованию – причем через русские школы и русский язык. Это привело к быстрому формированию русскоязычной образованной элиты, европеизированной через русскую культуру. Именно она, а не лидеры традиционного типа, возглавила формирующуюся диаспору. Это выразилось и в том, что крупнейшие и наиболее влиятельные общинные организации имели черты современных политических партий и ставили перед собой задачи политического плана. Прежде всего – борьбу за национальную независимость Кореи [Пак, 1993, 1995; Петров, 2000, 2001; Сагитова, 2000; Нам, 2001].

Куда более многочисленные китайцы в массе своей были временными трудовыми мигрантами [Сорокина, 1999; Алепко, 2001; Нестерова, 2004; Дацышен, 2008; Ларин, 2009]. Большинство из них были сезонными отходниками, остальные планировали пробыть в России несколько лет. Мигрировали без семей, как это диктовалось китайскими законами. Мало кто оставался навсегда – и еще меньше было тех, у кого изначально было такое стремление. Императивом было стремление умереть на родине, в крайнем случае – быть там похороненными. Поэтому и стремление к глубокой интеграции (как натурализации, так и аккультурации) проявляли сравнительно немногие. Все это вело к тому, что китайские мигранты оставались вне социальной структуры принимающего общества, да и не стремились к этому.

Однако текучесть состава и изолированность от принимающего общества не означало отсутствия организованности. Это не был рыхлый конгломерат независимых друг от друга людей. Напротив, была именно община, пронизанная густой “грибницей” норм, связей, сетей отношений и зависимостей, формальных и неформальных институций. Эффективно действовали механизмы взаимного контроля и механизм санкций для отступников. Текучесть состава этому не мешала. Можно сравнить это с призывной армией, где при постоянной ротации людей сам институт стабилен и устойчив.

Корейские и китайские общинные институты отличались по целям. Если первые были механизмом коллективной интеграции в принимающее российское общество и, отчасти, модернизации общины, то вторые ориентировались на укрепление связей диаспоры с родиной, на решение задач экономического плана и на осуществление посреднических функций во взаимоотношениях с властями [Нестерова, 2010]. Они были и более традиционны по способам организации. В этом смысле функции корейской общины ближе по типу к еврейскому, польскому, немецкому вариантам.

При всех различиях трансграничные мигранты избрали диаспоральные стратегии и практики интеграции в принимающее общество. Они вхо-

дили в него как группы, сплоченные не только родным языком, культурой, связями с исторической родиной, но и системой формальных и неформальных институтов, кодексами неписаных, но действенных норм поведения и морали, сетями прочных связей и взаимозависимостей, быстро сложившимися практиками, обычаями и традициями. И Советская власть отнеслась к ним именно как к группам, выразив в 1930-х гг. корейцам и китайцам политическое недоверие и подвергнув их коллективным санкциям. Именно на корейцах отрабатывалась идеология и методы депортаций целых народов, политика, принявшая широкие масштабы в военные годы.

Это отражало и общую тенденцию – многое сделав на первых порах для этнизации отношений, для диаспорализации меньшинств в частности, Советская власть более позднего периода постаралась максимально искоренить саму возможность самоорганизации, самодеятельности вообще и в сфере национально-культурного развития в особенности. Представители пришлых этнических меньшинств, выделяемые теперь соответствующими отметками в паспортах и других документах (“пятый пункт”), лишились, с другой стороны, любых возможностей для институционализации своих этнических потребностей и задач. Были закрыты возможности создания национальных школ, общественных организаций, культурных учреждений. Практически ликвидированы религиозные общины и институты. Не поощрялись, а зачастую и преследовались, неформальные сети и отношения по этническому признаку. Физически уничтожалась и традиционная, и современная элита. До предела затруднялись связи со странами исхода. Отметка в документах о “родственниках за границей” чрезвычайно усложняла жизнь. И наконец, многие этнические группы подвергались коллективным репрессиям именно как группы, по этническому признаку. Здесь можно вспомнить трагическую судьбу советских корейцев, выселенных в Среднюю Азию, немцев, обвиненных в годы войны в коллективной нелояльности стране и подвергнутых высылкам, заключению в “трудовые лагеря” и другим репрессиям. Не облегчала жизнь запись в паспорте “поляк” или “еврей”.

Эта ситуация подталкивала к двум противоположным моделям поведения. Коллективные репрессии по этническому признаку могли вести к консолидации соответствующих групп, развитию внутригрупповых связей и неформальных сетей и структур. Формируется собственная неформальная элита, выступающая от имени группы, при необходимых условиях выдвигающая требования, в том числе иногда и политического характера. Актуализируется проблема “исторической родины” и необходимости укрепления связей с нею, вплоть до постановки задачи репатриации. Конечно, при советской власти все эти процессы протекало замедленно и латентно, но с ее уходом они приняли взрывной характер. Яркий пример реализации подобной модели – советские немцы после Второй мировой войны.

Не менее широко была представлена и иная модель поведения, при которой этническое своеобразие не подчеркивалось, а иногда и просто скрывалось, оставаясь в сфере семейной памяти и традиции. Для многих

это был путь к ассимиляции, при которой о “национальности” предков напоминала только запись в паспорте.

Однако интенсивные процессы “национально-культурного возрождения” после крушения социализма свидетельствовали об огромной живучести феномена диаспоры. Эти процессы могли принимать различные формы. По всей стране образуются национально-культурные общества и автономии, некоторые из них объединяются в общероссийские организации. Их численность, направления и формы деятельности различны, но само их повсеместное существование является яркой манифестацией существования этничности и существования диаспоральной жизни. Интенсифицируются отношения с “родинками предков” - иногда вплоть до массовых кампаний по репатриации. Сам термин “диаспора” далеко выходит за пределы научного дискурса и становится привычным элементом лексики политиков, чиновников, журналистов, простых обывателей. Уникальные по масштабам и степени влияния на принимающее общество трансграничные миграции из “старого” и “нового” зарубежья приводят к формированию массовых мигрантских сообществ диаспорального типа. Это дает основание говорить о появлении в России вообще и в Сибири в частности “новых диаспор”.

В целом же, коллективные стратегии интеграции меньшинств в переселенческое общество востока России продемонстрировали, что диаспора – это не данность и не предопределенность. Как специфический уклад жизни и тип человеческих отношений и связей этот феномен демонстрирует огромное разнообразие вариантов и поразительную динамику внутренней трансформации.

4.5. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Идея открытия в Сибири высшего учебного заведения возникла еще в начале XIX в. В период правления императора Александра I, проводившего активную государственную политику в области культуры, появились проекты создания первого сибирского университета. В документе под названием “Предварительные правила народного просвещения” (1803) предполагалось разделить Российскую империю в административно-учебном отношении на шесть округов, центрами которых стали бы университеты. По предложению комиссии под руководством академика Фуса было намечено создать университеты в крупных городах Уввропейской России, а также в Сибири. Университетским городом был определен Тобольск [Манассеин, 1924], древняя столица огромного края. Но университет открыт не был. Созданный в 1804 г. Казанский университет стал центром учебного округа, в состав которого вошли Тобольская и Иркутская губернии.

Генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич в 1823 г. во всеподданнейшем рапорте императору ходатайствовал об открытии сибирского университета в составе двух факультетов: медицинского и юридического. Тогда же попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий представил проект об учреждении в Барнауле высшего училища в статусе отделения Казанского университета для подготовки учителей для сибирских гимназий и училищ. Высшее училище, согласно проекту, не явля-

лось бы высшим учебным заведением, а было бы подобием лицея, совмещавшего гимназический курс с элементами сокращенного университетского курса. В 1845 г. в Иркутске был открыт институт императора Николая I, позднее известный как девичий, или женский, институт. Но и он не являлся высшим учебным заведением.

Представленные проекты не нашли своего воплощения, но позднее, в эпоху великих преобразований 60–70-х гг. того же столетия, пропагандистами этой идеи выступали известные ученые и политические деятели М.Н. Загоскин, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др. Заселение и освоение громадной по территории части Российской империи требовало грамотных государственных служащих, управленцев и специалистов. В связи с усилением колонизации региона и возрастанием его роли в империи в последней четверти XIX в. вопрос об открытии университета приобрел особое звучание. В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков подал всеподданнейшую записку, в которой ходатайствовал об открытии в Сибири университета с четырьмя факультетами. Местом для университета он указывал Омск. В 1876 г. в Государственный Совет Российской империи принял решение открыть университет в Сибири. В 1877 г. по указу императора Александра II была учреждена особая “Комиссия для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета”, которую возглавил Великий князь Михаил Николаевич [Ширяев, 1915].

Начался процесс выбора наиболее подходящего для этих целей географического места. Несколько городов Сибири (11) претендовали на открытие университета. Восемь городов высказались за Томск.

В апреле 1876 г. последовало указание императора Александра II об учреждении сибирского университета в Томске, но открыт он был 12 лет спустя, в августе 1888 г. при его сыне, императоре Александре III. Томский университет первоначально состоял из одного медицинского факультета, и лишь потом появился второй – юридический факультет [Томский Императорский университет, 1902]. В 1896 г. был основан, но только в 1900 г. был открыт для обучения Томский технологический институт.

В начале XX в. быстрое индустриально-аграрное развитие Сибири и усиление темпов переселения в этот край поставили на повестку дня вопрос о расширении системы высших учебных заведений в восточной части Российского государства. В 1907–1909 гг. в Томске также действовали частные Историко-философские курсы П.В. Сергеевой, а в 1918 г. там же открыли Сибирские высшие женские курсы [Водичев, 2009]. Иркутская администрация и городская общественность поставили задачу: второй сибирский университет должен быть непременно здесь. К этому времени в Иркутске успешно работали Институт императора Николая I (Девичий институт), учительский институт, учительская семинария, а также 23 училища [Памятная книжка..., 1912].

В 1912 г. в Иркутске общественностью города была создана специальная комиссия. Памятуя о том, что имперское правительство неохотно шло на открытие университетов, считая их сосредоточием крамолы и политической нестабильности (особенно после революции 1905–1907 гг.), комис-

сия решила ходатайствовать об открытии в Иркутске первоначально института экономического профиля. Это совпадало с позицией видного государственного деятеля Российской империи С.Ю. Витте, выступавшего с проектами расширения технического образования в стране в связи с проводимой модернизацией. Сам Витте к тому времени был уже отставным, но его идеи востребовали власть и общество. Весьма показательный факт: в трудный для России 1916 г., когда государство, измотанное войной, направляло все силы для борьбы с противником, в условиях нараставшей внутренней нестабильности, министр народного просвещения граф П.Н. Игнатьев подготовил проект развертывания сети высших учебных заведений на ближайшее десятилетие. В проекте предусматривалась организация 11 новых технологических институтов, причем, в первую очередь в числе восьми других городов, и в Иркутске.

Стремительное падение самодержавия не дало осуществиться этим планам. Историк А.Е. Иванов подчеркивает, что к 1917 г. остались нереализованными семь проектов высших учебных заведений, выдвинутых общественностью [Иванов, 1991]. В их числе был проект, предусматривающий создание пяти вузов в Иркутске (университет, технологический, горный, сельскохозяйственный институты и духовная академия). Причем, эти проекты получили не только моральную, но и материальную поддержку местной иркутской администрации и деловых кругов. В 1917 г. в Омске был открыт Коммерческий институт в составе экономического и коммерческого отделений. В марте 1918 г. он был переименован в Политехнический институт. Чуть ранее, в феврале 1918 г. в Омске возник сельскохозяйственный институт, первоначально как частное учебное заведение, а затем как государственный вуз.

Нереализованные проекты создания высших учебных заведений достались в наследство Временному правительству. При министерстве народного просвещения Временного правительства создали специальную комиссию по реформе высших учебных заведений. Министр народного просвещения известный ученый-востоковед и этнограф С.Ф. Ольденбург представил от имени комиссии Временному правительству проект создания новых университетов, в числе которых был и университет в Иркутске. Вопрос решен не был: в фокусе общественно-политической жизни оказались совсем другие события.

Известный историк культуры В.Т. Ермаков подсчитал, что накануне Октябрьской революции 1917 г. высшая школа России была представлена 124 вузами, в том числе 12 университетами [Ермаков, 1994]. Но из них лишь один университет находился в Сибири. В Томске же находился и технологический институт. В нем и в университете обучалось всего менее 4 % студентов государственного сектора высшей школы России. Студенты Сибири составляли менее одной двадцать пятой от общего количества российских студентов.

В Иркутске в июле 1916 г. в городской думе была учреждена исполнительная комиссия для разработки вопроса об открытии университета. Было собрано 500 тыс. руб. на его создание. В открытии университета на Ан-

гаре было заинтересовано и большевистское правительство, пришедшее к власти в октябре 1917 г. Немало сил для открытия Иркутского университета после Октябрьской революции 1917 г. в условиях фактического отделения Сибири от большевистской России проделало демократическое правительство в Омске (до колчаковского переворота в ноябре 1918 г.).

В августе 1918 г. университет в Иркутске был учрежден, а в октябре 1918 г. начались занятия на историко-филологическом и юридическом факультетах. Основу преподавателей Иркутского университета составили профессора и приват-доценты сложившихся классических университетов европейской части России. Первым ректором Иркутского университета стал профессор философии М.М. Рубинштейн, до этого приват-доцент Московского университета, доктор философии Фрайбургского университета. Университет неоднократно перестраивал свою структуру, по праву являясь ведущим учебно-научным заведением региона.

Новый период в деятельности высших учебных заведений Сибири начался в 1920 г., после поражения колчаковского политического режима и восстановления здесь советской власти. Стали возникать новые вузы, происходила реорганизация существующих. В Иркутском университете был образован гуманитарный факультет, преобразованный затем в факультет общественных наук (ФОН), позднее в факультет права и местного хозяйства [Казарин, Лякутина, 2012]. Были образованы медицинский, физико-математический, педагогический, рабочий факультеты, действовало точное отделение внешних сношений.

В августе 1921 г. открылся Омский медицинский институт, преобразованный из Сибирского ветеринарно-зоотехнического института, который, в свою очередь, был образован на базе ветеринарного факультета Омского сельскохозяйственного института. В начале 1920-х гг. в Иркутске, Красноярске и Чите открылись институты народного образования, ставшие позднее педагогическими институтами. Педагогический институт в Чите вошел в состав Дальневосточного государственного университета.

Начался процесс пролетаризации высшей школы, изменялся социальный состав студентов и преподавателей, не раз перестраивалась структура высшего образования в Сибири. В Омске, Томске, Иркутске, Анжеро-Судженске были созданы рабфаки [Водичев и др., 2009]. Это зачастую приводило к неоправданным изменениям. Так, в 1924 г. решением Народного комиссариата просвещения РСФСР продолжительность обучения в вузах была сокращена до трех лет, в основу обучения был положен бригадно-лабораторный метод, отменялись написание и защита курсовых и дипломных работ. Это продолжалось около двух лет, затем эти изменения были отменены.

На рубеже 1920–1930-х гг. усиленно проводилась дифференциация высшего профессионального образования в стране. Она происходила путем выделения из существовавших сформировавшихся сильных вузов широкого профиля узкопрофильных институтов. Сибирь не явилась исключением. Из Иркутского государственного университета постепенно выделили медицинский, педагогический институты, институт советского строитель-

ства, который в 1934 г. был переведен в Свердловск. Бурятское отделение педагогического факультета ИГУ преобразовали в Бурят-Монгольский педагогический институт [Казарин, 1998].

Аналогичные процессы происходили и в других вузах Сибири. Из соответствующих факультетов Томского государственного университета были образованы Томский педагогический и Томский медицинский институты. На базе химического и геологического отделений ТГУ и Сибирского технологического института (Томск) были образованы химико-технологический и геолого-разведочный институты.

Возникший в самом начале XX в. крупнейший в Сибири технологический институт в Томске был разделен на механический, инженерно-строительный и металлургический, угольный институты, а также институт сельскохозяйственного машиностроения и институт инженеров транспорта. Металлургический институт позднее перевели в Сталинск и переименовали в Сибирский институт черных металлов.

Та же участь постигла и крупный на Урале Омский сельскохозяйственный институт. На его базе открыли четыре вуза: институт молочного хозяйства, институт зернового хозяйства, институт организации территории (все – в Омске), и лесотехнический институт в Красноярске.

Вторым направлением крупнейшей в истории высшего образования в Сибири реорганизации стал открытие совершенно новых вузов, не имевших своих предшественников в виде существовавших ранее факультетов и отделений созданных ранее университетов и институтов. В 1921 г. в Омске был создан Сибирский автодорожный институт, институт железнодорожного транспорта, транспортный институт, а также педагогический институт. Вскоре часть из вновь созданных вузов также подверглась дальнейшему разукрупнению. Так, Сибирский институт инженеров транспорта (транспортный) был разделен на три самостоятельных вуза: Новосибирский путейско-строительный институт (путейский институт инженеров транспорта), Томский электромеханический институт и Томский институт инженеров водного транспорта. В 1929 г. в Новосибирске был открыт институт народного хозяйства, также впоследствии разделенный на три института. В 1932 г. в Омске же был основан Сибирский астролого-геодезический институт.

Однако такое разделение крупных вузов на узкопрофильные маленькие (“карликовые”) учебные заведения объективно себя не оправдало. Это привело в “измельчанию” кадрового потенциала, обострило проблему недостатка квалифицированных преподавателей. К тому же у большинства из этих вновь созданных вузов оказалась слабая материальная база. Все это привело к падению качества образования. Вскоре эти ошибки были осознаны и исправлены: в числе маленьких, не оправдавших себя вузов, были ликвидированы Томский институт водного транспорта, Омский транспортный институт, Омский механический институт инженеров транспорта, Омский геодезический институт, Анжеро-Судженский горный институт. Одновременно некоторые узкопрофильные институты объединяли в крупные высшие учебные заведения. В 1934 г. существовавшие в Томске горный, машиностроительный и химико-технологический институты объеди-

нили один в Томский индустриальный институт. В 1935 г. Новосибирский товароведный и Урало-Сибирский плановые институты объединили в Урало-Сибирский институт народного хозяйства. В Омске вернулись к прежнему статусу разукрупненного ранее сельскохозяйственного института путем объединения института зернового хозяйства, института молочного хозяйства и института организации территории, создав единый Сибирский институт сельского хозяйства, крупнейший в стране за Уралом [Водичев и др., 2009].

На основании постановления Совета народных комиссаров СССР от 11 августа 1930 г. был издан приказ Народного комиссариата финансов Союза ССР об открытии на базе финансового отделения экономического факультета Иркутского университета Сибирского финансово-экономического института (СФЭИ) с четырехгодичным сроком обучения и передаче его в ведение Наркомфина СССР. Институт был назван Сибирским, потому что в 1930 г. был образован Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске. В 1934 г. из состава края выделилась Восточно-Сибирская область, преобразованная в 1937 г. в Иркутскую. В 1939 г. институт переименовали в Иркутский финансово-экономический (ИФЭИ) [Сонич, 1996].

Одним из организаторов СФЭИ был воспитанник Московского финансово-экономического института доцент Ф.И. Чудновский. Благодаря его энергии началось становление экономического вуза, осуществлявшего подготовку кадров для Сибири, Урала и Дальнего Востока. Первоначально институт имел два отделения – финансовое и кредитное, но в 1932 г. открылось третье отделение – сберегательное дело.

Основу кадрового состава составили местные преподаватели, а также профессора, высланные из Москвы и Ленинграда как неблагонадежные. Однако положение с преподавательским составом к концу 1930-х гг. в финансово-экономическом институте оставалось сложным: штатные должности были заполнены не более чем на 50 %, ряд профилирующих предметов не читался студентам.

Становление одного из авторитетных вузов медико-санитарного профиля в Восточной Сибири началось в учебно-административном подразделении Иркутского университета – медицинском факультете, открывшемся в январе 1920 г. Основателями факультета, а затем института явились старые русские интеллигенты, элита Казанской медицинской школы. Среди них такие имена, как упоминавшийся ранее ректор Иркутского университета и первый ректор Хабаровского медицинского института Н.Д. Бушмакин, профессор-биолог В.Т. Шевяков, профессор-хирург Н.А. Синакевич, профессора А.Д. Сперанский, Н.Н. Топорков, люди, имевшие неоспоримо высокий авторитет в профессиональных кругах.

К 1930 г. медицинский факультет выпустил более 600 врачей, но этого было недостаточно для растущих потребностей региона. Возник вопрос о создании в Иркутске собственного медицинского высшего учебного заведения. Для этого имелись все возможности, гораздо более благоприятные, чем для открытия вузов другого профиля.

Весной 1930 г. медфак Иркутского университета выделился в самостоятельный медицинский институт и перешел в ведение Народного комисса-

риата здравоохранения. Ответом на запросы времени явилось образование медико-профилактического, стоматологического, фармацевтического и педиатрического факультетов. Индустриальное развитие Восточной Сибири потребовало подготовки врачей различного профиля. В связи с этим был основан специальный санитарно-гигиенический факультет, просуществовавший до 1935 г. и вновь открытый в 1939 г. В 1931 г. для лиц, имеющих среднее медицинское образование и желающих продолжить образование без отрыва от производства, открыли вечерний лечебный факультет. К 1941 г. Иркутский медицинский институт являлся крупным, хорошо оснащенным вузом Сибири и Дальнего Востока, осуществлявшим качественную подготовку специалистов по нескольким специальностям медицинского и медико-санитарного профиля, выполнявшим большой объем научно-исследовательской работы [Иркутский государственный университет, 1980].

В связи с партийно-правительственным курсом на индустриальное развитие Сибири остро встал вопрос об отсутствии в Восточной Сибири вуза технического профиля. Учитывая необходимость добычи драгоценных металлов для страны и подготовки специалистов этого профиля, правительство СССР в марте 1930 г. приняло постановление об открытии Иркутского горного института. В мае 1930 г. состоялось его официальное открытие. Институт начал готовить специалистов по четырем специальностям: геологоразведка, разработка рудных и россыпных месторождений, обогащение полезных ископаемых, металлургия цветных металлов и золота. Институт успешно развивался; в 1935 г. учебно-производственные помещения энергетического техникума, а также его преподавательский состав были переданы институту, который в конце 30-х гг. стал называться горно-металлургическим [Хохлов и др., 1970]. В 1934 г. в Иркутске был основан сельскохозяйственный институт, в котором первоначально было два факультета.

В июне 1932 г. решением народного комиссариата просвещения РСФСР был образован Красноярский агропедагогический институт. В 1936 г. он стал называться Красноярским государственным педагогическим и учительским институтом и был одним из вузов страны, который готовил учителей для работы в северных национальных школах [Красноярский... педагогический институт, 1982]. В Хакасии учительский институт был создан в июле 1939 г. Первоначально в Абакане работало 12 преподавателей, почти все они прибыли по направлению Наркомпроса РСФСР. В августе 1938 г. открыли Читинский педагогический институт, а в 1940 г. произошло его объединение с переведенным из Сретенска учительским институтом, в результате чего образовался Читинский государственный педагогический и учительский институт (Читинский государственный педагогический институт).

В довоенный период в Сибири успешно развивались исследования в области геологии, почвоведения и географии, биологии и байкаловедения, химии, физико-математических наук.

Общественно-политическая и идеологическая ситуация в стране в 1930-е гг. отрицательно сказалась на развитии социально-гуманитарных

наук. Это затронуло и Иркутский университет, где после нескольких преобразований историко-филологического факультета он был расформирован и восстановлен только в 1940 г. Поэтому успешно начавшиеся традиции гуманитарных исследований 1920-х гг. не получили полного развития в 1930-е гг. Но гуманитарные исследования в области этнологии и археологии, сибирского краеведения, литературоведения и языкознания проводили Б.Э. Петри, Б.Г. Кубалов, М.К. Азадовский, Г.С. Виноградов, Н.Н. Козьмин и др. В конце 1920-х гг. в Иркутском университете преподавал всемирно известный путешественник, открывший для науки неизвестную страну Тибет, бурятский ученый, профессор Гомбожаб Цыбиков.

Накануне Великой Отечественной войны наиболее крупным высшим учебным заведением Западной Сибири продолжал оставаться Томский государственный университет, имеющий в своем составе семь факультетов, 51 кафедру, три научно-исследовательских института и Ботанический сад. В Восточной Сибири таковым являлся Иркутский государственный университет (непродолжительное время он именовался Восточно-Сибирским), положивший начало нескольким вузам в Иркутске и Улан-Удэ. В предвоенный период в подавляющем большинстве сибирских вузов продолжал оставаться низкой доля преподавателей, имевших ученые степени, особенно докторов наук.

В начальный период Великой Отечественной войны эта проблема еще более обострилась: многие преподаватели ушли на фронт. Но, с другой стороны, в сибирские города эвакуировали многие высшие учебные заведения из Москвы, Ленинграда, Воронежа, Днепропетровска и других городов западных регионов страны. В Новосибирскую область были эвакуированы из Москвы институты: инженерно-строительный, электромеханический, авиационно-технологический, инженеров транспорта, коммунального хозяйства, стали. Из Ленинграда в Новосибирск эвакуировали институты: точной механики и оптики, инженеров железнодорожного транспорта, театральный. Из Днепропетровска (Украинская ССР) в Новосибирск был эвакуирован институт инженеров транспорта и химико-технологический институт.

В Иркутск эвакуировали Ленинградский горный институт и часть медицинского института. В Красноярск были эвакуированы три медицинских вуза: два из Ленинграда и один из Воронежа. На их основе в ноябре 1942 г. был создан единый Красноярский медицинский институт [Сборник..., 1953].

В Иркутске многие учебные помещения были отданы под нужды обороны. Полностью отдал свое учебное здание под эвакуационный госпиталь Иркутский финансово-экономический институт. Во многих зданиях, принадлежащих Иркутскому медицинскому институту, также разместили эвакуационные госпитали.

В первые годы войны ряд вузов по решению правительства СССР были временно закрыты. В их числе оказался и Бурят-Монгольский зооветеринарный институт, однако в 1944 г. он был восстановлен. В Абаканском учительском институте в октябре 1943 г. открыли отделение хакасского языка и литературы, в 1944 г. на базе учительского института был создан

педагогический институт. В 1942 г. в Красноярском педагогическом институте открыли исторический факультет. В годы войны в сибирских вузах преподавали эвакуированные известные ученые: С.В. Обручев, В.В. Соболев (геологи), Н.О. Озерецкий, Г.В. Купалов, А.А. Заварзин (медики), С.А. Токарев, С.Я. Лурье (историки), К.А. Копержинский, Ф.Г. Исхаков (филологи), Н.А. Бернштейн (биолог) и др. [Иркутский государственный университет..., 1978]. Таким образом, в начальный период войны значительно повысился квалификационный уровень преподавателей в сибирских вузах, увеличилась доля преподавателей, имеющих ученые степени. Но с 1943 г. в связи с постепенным возвращением вузов в прежние города размещения положение с преподавательским составом сибирских вузов заметно ухудшилось. По-прежнему лидерами высшего образования в Сибири оставались Томск, Иркутск, Новосибирск и Омск.

После Великой Отечественной войны основное внимание было сосредоточено на улучшении кадрового состава и развитии материально-технической базы вузов Сибири. В 1946 г. Всесоюзный государственный комитет по делам высшей школы был преобразован в союзно-республиканское Министерство высшего образования, в подчинение которого перешли все университеты и значительная часть технических вузов.

В 1950–1960-е гг. в Сибири были открыты новые высшие учебные заведения. В 1948 г. был открыт Иркутский педагогический институт иностранных языков, единственный вуз такого профиля в Сибири и один из немногих в стране. Еще в 1947 г. при Иркутском университете был открыт физико-химический научно-исследовательский институт, а в ноябре 1959 г. был создан вычислительный центр, оснащавшийся современными машинами. В конце 1950-х гг. университет получил новый четырехэтажный корпус.

В 1950 г. открыли Кемеровский горный институт. В 1952 г. был создан учительский институт в Кызыле (Тува), преобразованный в 1956 г. в педагогический институт. В 1952 г. был открыт Красноярский сельскохозяйственный институт, отсутствие которого стало тормозом в аграрном развитии крупнейшего по территории края в РСФСР. В 1953 г. были открыты Томский инженерно-строительный институт, Новосибирский электротехнический и Новосибирский электротехнический институт связи. В соответствии с приказом министра здравоохранения РСФСР в 1953 г. из г. Молотов (Пермь) в Читу был переведен медицинский стоматологический институт, реорганизованный в медицинский.

С середины 1950-х гг. был принят партийно-правительственный курс на приоритетное развитие экономического потенциала восточных районов страны. Если в первую половину 1950-х гг. объем капиталовложений, направленных на строительство высших учебных заведений на востоке страны, увеличился на 15 %, то только за 1956–1958 гг. он возрос на 23 %. Одновременно проводилась работа по упорядочению системы высшего профессионального образования в стране в целом. В частности, учительские институты переводили в статус педагогических, часть вузов перемещали из центральных районов страны в регионы. Так, из Москвы в Красноярск был переведен Институт цветных металлов им. М.И. Калинина, основан-

ный еще в 1918 г. как Горная академия. В 1956 г. был основан Красноярский политехнический институт, ставший одним из крупнейших институтов этого профиля в регионе. Впоследствии на его базе были созданы завод-вуз (филиал КПИ), Красноярский инженерно-строительный институт, филиалы КПИ в Абакане и Кызыле [Красноярский край, 1984].

В начале 1954 г. Иркутский обком КПСС обратился в соответствующие центральные органы власти с просьбой содействовать решению вопросов, связанных со строительством новых учебно-лабораторных зданий горно-металлургического института. После обсуждения вопроса был выдвинут план строительства на совершенно новой площадке на левом берегу р. Ангара. Было признано целесообразным создать в Иркутске один вуз общетехнического профиля. Большую помощь в укреплении материальной базы института оказали комбинат “Востсибуголь”, Управление строительства Иркутской ГЭС, “Братскгэсстрой”, Иркутское геологическое управление и др. С марта 1960 г. институт стал именоваться политехническим и быстро занял место в числе ведущих вузов общетехнического профиля в стране.

В 1959 г. был открыт Новосибирский государственный университет. Он явился новой моделью советского университета, совмещавшего в себе современное образование и науку, представленную комплексом научных институтов различного профиля Сибирского отделения АН СССР.

В 1960 г. в Красноярске открылся Институт космической техники. В начале 1960-х гг. в Улан-Удэ открыли технологический институт.

Появлялись и вузы гуманитарного профиля. В это же время был основан Восточно-Сибирский библиотечный (позднее – институт культуры) в Улан-Удэ. В Новосибирске появилась государственная консерватория и институт советской кооперативной торговли.

В начале 1960-х гг. физико-химический НИИ ИГУ объединился с научно-исследовательским институтом нефте-и углехимического синтеза (НИИНУС). В 1963 г. этот академический институт был переведен в Иркутский университет. Ориентированные на получение практических результатов в период “большой химии” сотрудники НИИНУСа добились весомых результатов. Была создана единственная в Сибири лаборатория меченых атомов, изучающая механизмы каталитических процессов в нефтехимии, организована одна из первых в стране лаборатория газожидкостной хроматографии, в которой разработан экспресс-метод анализа бензина. В 1963 г. в Тюмени открыли индустриальный институт, специализирующийся на подготовке кадров для нефтяной и газовой промышленности.

К середине 1960-х гг. в Иркутском финансово-экономическом институте открыли новые факультеты и специальности. В 1965 г. Иркутский финансово-экономический институт был преобразован в институт народного хозяйства. Расширялся профиль подготовки специалистов. Быстро рос и развивался Иркутский сельскохозяйственный институт. После войны в нем образовали зоотехнический факультет с отделением охотоведения (Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-1826).

Другой особенностью научно-образовательной политики второй половины 1950-х гг. стало повышение эффективности использования научного

потенциала вузов. В 1956 г. было принято решение открыть в ведущих вузах страны проблемные и отраслевые научные лаборатории. Они открывались в ведущих вузах Сибири в Томске, Новосибирске, Иркутске, Омске.

В 1970–1980-е гг. значительно улучшился качественный состав вузов Сибири. Однако подавляющее количество кандидатов и докторов наук по-прежнему работало в вузах Томска, Новосибирска и Иркутска. Остро стояла эта проблема в вузах Бурятии, Хакасии и Тувы. Практически во всех краевых, областных и республиканских административных центрах были педагогические вузы, во многих – медицинские. В этот период улучшались материально-производственная база и условия труда преподавателей. В 1973 г. был введен в эксплуатацию большой учебно-лабораторный корпус Иркутского университета. В 1980-е гг. в центре Иркутска появилось новое высотное здание института народного хозяйства.

Научные исследования вузовских ученых в 1980-е гг. во многом были направлены на решение проблем развития Сибири. Например, Иркутский университет являлся головным предприятием по разработке комплексной программы улучшения охраны и оздоровления водного, воздушного бассейнов и пригородной зоны города. Сотрудники Иркутского политехнического института занимались проблемами повышения технического уровня производства, составления и реализации программы “Интенсификация-90”. ИПИ выступал ведущей организацией по разработке рекомендаций для совершенствования эксплуатации городского хозяйства, повышения его надежности и технического перевооружения. Институт народного хозяйства принимал участие в исследовании жизненного уровня населения и трудовых ресурсов Иркутска. В 1987 г. девять вузов Иркутска выполнили исследования на сумму 14 млн 872 тыс. руб. Экономический эффект от использования результатов составил по Иркутской области более 4,5 млн руб. [Хафизов, 1988].

В эти годы в учебный процесс внедрялись новые технические средства обучения, в том числе автоматизированные информационные системы (АИС). Происходила рационализация учебного процесса.

В пространственном распределении высшего образования в Сибири также происходили изменения. Лидерами по-прежнему оставались Новосибирск, Томск, Омск, Иркутск, но стремительно набирали вес Красноярск, Тюмень и Кемерово. На рубеже 1960–1970-х гг. в этих городах появились университеты, либо возникшие на базе филиалов других вузов (Красноярск), либо преобразованные из педагогических институтов (Тюмень, Кемерово). Образно говоря, “на ровном месте” возникли университеты в Барнауле и Омске. В 1970-е гг. были созданы институты культуры в Красноярске, Кемерово и Барнауле. Увеличилось количество докторов и кандидатов наук, но распределение их было неравномерным. Подавляющее их количество приходилось на Томск, Новосибирск, Иркутск. Однако оставались и вузы Сибири, в которых не работало ни одного доктора наук, профессора.

В 1992 г. в Западной Сибири насчитывалось 55 высших учебных заведений, в которых обучалось 270,5 тыс. чел., а в Восточной Сибири – 32 вуза с общей численностью 155,4 тыс. чел.

1990-е гг. явились тяжелым испытанием для российского высшего профессионального образования, в том числе для вузов Сибири. Резкое сокращение бюджетного финансирования привело к “замораживанию” проектов расширения и укрепления материальной базы вузов, сокращениям профессорско-преподавательского состава, несвоевременным выплатам заработной платы. В первую половину 1990-х гг. высшая школа находилась на грани выживания. Выходом из ситуации стала коммерциализация высшего образования. В эти же годы в Сибири, как и по всей стране, стали стремительно создаваться филиалы центральных, прежде всего московских и петербургских вузов. В состав многих вузов стали включаться средние специальные учебные заведения техникумы, большинство из которых преобразовались в колледжи. К концу 1990-х гг. ситуация с финансированием высшей школы в стране в целом несколько улучшилась, замедлился начавшийся ранее отток преподавателей из вузов в коммерческие организации и на государственную службу.

1990-е гг. ознаменовались процессом изменения статуса бывших педагогических, общетехнических, медицинских и других вузов в университеты. Университеты были открыты во всех административных центрах субъектов РФ в Сибири: в Улан-Удэ, Кызыле, Горно-Алтайске. В Иркутске статус университетов приобрели бывший политехнический институт (технический университет), институт народного хозяйства (Байкальский университет экономики и права), педагогический институт (педагогический университет), медицинский институт (медицинский университет), педагогический институт иностранных языков (лингвистический университет).

В начале 1990-х гг. происходила переаттестация вузов, многие из них значительно повысили свой статус. Иркутский университет по результатам аттестации 1992 г. получил 38 место по рейтингу ЮНЕСКО среди 74 ведущих университетов мира. В целом за 1990-е гг. произошло серьезное реформирование университета. Изменилась структура подготовки специалистов: значительно расширилась гуманитарная направленность учебного процесса, увеличилась доля подготовки специалистов в области права, экономики, управления, социальной и психологической сфер деятельности. Повысился уровень профессиональной и общекультурной подготовки с использованием современных технологий обучения. По итогам 1994 г. из 40 университетов Российской Федерации Иркутский университет занял 11-е место [Иркутский университет, 1992, 1994].

В 1993 г. присвоен статус технического университета Иркутскому политехническому институту. В этом же году на основе объединения нескольких образовательных структур была создана Иркутская высшая школа МВД РФ (впоследствии Восточно-Сибирский институт МВД России). В 1993 г. Иркутскому институту народного хозяйства был присвоен статус государственной экономической академии [Восточно-Сибирская правда, 1993]. За сравнительно короткий период этот вуз превратился в один из ведущих вузов страны. Из региональных экономических вузов ИГЭА по рейтингам идет сразу же за московскими и петербургскими. В настоящее время – это Байкальский государственный университет экономики и права.

В марте 1995 г. Иркутский медицинский институт был переименован в государственный медицинский университет. За 80 лет существования этого медицинского учебно-научного центра Восточной Сибири в его стенах было подготовлено более 30 тыс. врачей и провизоров. В начале 2000-х гг. Иркутский медицинский университет занимал 10-е место среди медицинских вузов России, в нем реализуется университетский принцип образования, предусматривающий непрерывную гуманитарную подготовку в течение всего периода обучения.

В середине 1990-х гг. высшая школа Иркутска была представлена следующими государственными учебными заведениями: технический университет педагогический университет, государственный классический университет, экономическая академия, институт инженеров железнодорожного транспорта, сельскохозяйственная академия (бывший сельскохозяйственный институт), медицинский университет, лингвистический университет (бывший институт иностранных языков им. Хо Ши Мина), Иркутский филиал Московского коммерческого университета, Восточно-Сибирский институт МВД РФ, военный авиационный институт. В конце 1990-х гг. в Иркутске были образованы юридический институт Генеральной прокуратуры РФ и правовая академия.

В 1990–начале 2000-х гг. во всех сибирских городах, в которых существовала высшая школа, стали возникать негосударственные высшие учебные заведения. Только в одном Иркутске на рубеже веков функционировали Байкало-Ангарский негосударственный эколого-правовой институт, Сибирский институт права, экономики и управления (впоследствии – академия), Российская международная академия туризма, Современный гуманитарный институт, Русско-Азиатский институт бизнеса и права и др. [Абитуриент, 2000]. Продолжало расширяться обучение на платной основе в государственных вузах. Например, в Иркутском государственном университете в 2008 г. на платной основе обучалось 58 % студентов, а на бюджетной – 42 % [Ключевые проблемы..., 2008].

Одной из тенденций развития высшего образования в 1990–2000-е гг. в Сибири, как и в стране в целом, явилось расширение международных связей, выражавшихся в установлении постоянных контактов с зарубежными вузами-партнерами. Сибирские вузы сотрудничали с университетами КНР, Республики Корея, Монголии, Германии, Франции, Голландии, США, Японии, Польши и др. стран. Сотрудничество выражалось в работе над совместными проектами, участием в международных конференциях и семинарах, научных и языковых стажировках, совместном написании учебников и учебных пособий и совместных научных публикациях.

Географическое расположение высших учебных заведений Сибири в конце первого десятилетия XXI в. представлено следующим образом.

Абакан – Хакассский государственный университет (основан в 1994 г. на базе Абаканского государственного педагогического института), политехнический институт (ранее Абаканский филиал Красноярского политехнического института), Хакассский институт бизнеса (1993), Абаканский филиал Красноярской сельскохозяйственной академии [Опланская, Тугужекова, 2009].

Барнаул – государственный университет, государственный технический университет им. И.И. Ползунова, педагогический институт, аграрный университет, медицинский университет, государственная академия искусства и культуры, Барнаульский юридический институт МВД [Скубневский, Ивонин, 2009].

Горно-Алтайск – государственный университет [Анкудинова, 2009].

Иркутск – 23 вуза, из которых 16 государственных (госуниверситет, научно-исследовательский технический университет, Байкальский государственный университет экономики и права, педагогический университет, медицинский университет, лингвистический университет, сельскохозяйственная академия, университет путей сообщения, Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская правовая академия (филиал), Российская академия правосудия (филиал), Иркутский юридический институт Генеральной прокуратуры, Иркутский военный авиационный инженерный институт, Академия труда и социальных отношений (филиал), Российский государственный торгово-экономический университет (филиал), Московский государственный технический университет гражданской авиации (филиал) [Абитуриент, 2000; Резун, Цыкунов, 2009]. В настоящее время ИВВАИУ переведен в г. Воронеж, педагогический институт стал подразделением классического университета, а лингвистический университет – Московского государственного лингвистического университета.

Кемерово – государственный университет, Кузбасский государственный технический университет, государственный институт культуры и искусств, медицинская академия, технологический институт пищевой промышленности, сельскохозяйственный институт, а также филиалы других вузов [Усков, 2009].

В Красноярске – Сибирский федеральный университет (основан на основе объединения ряда вузов г. Красноярск), медицинская академия, аграрный университет, институт искусств, педагогический университет им. В.П. Астафьева, Сибирский аэрокосмический университет им. Академика М.Ф. Решетнева, Сибирский государственный технологический университет, торгово-экономический институт, Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, Сибирский институт МВД [Вдовин, 2009].

В Кызыле – Тывинский государственный университет, филиалы двух академий и двух университетов [Бондаренко, 2009].

По-прежнему позиции лидера высшего профессионального образования удерживает Новосибирск, в котором функционируют 24 вуза, из них 15 государственных и 9 негосударственных [Кузнецов, Кузнецова, 2009].

В Омске в 2000-е гг. действовали университет, медицинская, сельскохозяйственная академии, педагогический университет, политехнический, автодорожный, технологический, инженеров железнодорожного транспорта, бытового обслуживания, физкультуры университеты, Академия МВД России, высшие общевоинское и танковое училища и др. вузы, включая филиалы [Рынков, Толочко, 2009].

В Томске успешно функционирует первый сибирский университет, другие университеты, пять институтов [Дмитриенко, 2009]. В Тобольске – педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал Тюменского уни-

верситета, индустриальный институт. В Тюмени – государственный университет, медицинская академия, институты индустриальный инженерно-строительный, сельскохозяйственный, искусств и культуры [Азов, Резун, 2009].

В Улан-Удэ – Бурятский государственный университет, технологический университет, академия культуры и искусств, сельскохозяйственная академия, несколько филиалов центральных вузов [Паликова, 2009].

В Чите в конце первого десятилетия XXI в. насчитывалось 10 вузов, среди них: Читинский государственный университет, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет, Забайкальский институт предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации, Читинский институт Байкальского государственного университета экономики и права и др. [Дибирдеев, Жеребцова, 2009].

В 2003 г. в Сибирском федеральном округе по официальным данным функционировало 114 вузов, в которых обучалось более 820 тыс. студентов. Удельный вес СФО по количеству вузов составил 11,1 % (для сравнения только в одной Москве – 10,7 %). В Уральском и Дальневосточном федеральных округах этот показатель соответственно равнялся 7,2 и 5,8 % [Водичев и др., 2009]. Таким образом, вновь, как и на рубеже XIX–XX вв. наблюдается тенденция опережающего развития высшего образования в центре страны по сравнению с восточными окраинами.

4.6. СИБИРЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Место Сибири в системе международных отношений России

Сибирь не стала объектом соперничества колониальных держав и в считанные десятилетия была “покорена” Россией именно в силу исключительно неблагоприятных природно-климатических условий. “Открытие” Сибири произошло в эпоху Великих географических открытий. На земле оказалось так много благодатных, богатых и теплых мест. Холодная и не отличавшаяся особыми богатствами Сибирь до поры не могла привлечь внимание европейских колониальных держав, хотя определенный интерес к ней, конечно же, был.

Поскольку Сибирь не являлась и не является участником международных отношений, обладающим международными правами и обязанностями (были лишь отдельные случаи, когда сибирские губернаторы, например, Н.Н. Муравьев-Амурский, наделялись правом вести международные переговоры и заключать международные соглашения), ее участие в международных отношениях России возможно рассматривать с точки зрения:

- объекта исследования иностранных путешественников и ученых в интересах этих стран;
- территории пребывания большого количества иностранных граждан, например поляков или японцев, происходившего в силу различных причин;
- территории, имеющей и развивающей приграничные торговые и культурные связи с сопредельными странами, в частности с Монголией;
- деятельности здесь иностранных дипломатических представительств;

- развития территории как транзитного коридора внешнеэкономической деятельности России.

Сибирь в известиях иностранных путешественников и исследователей

Сибирь сравнительно поздно стала известна европейцам, хотя этот далекий и неизведанный край с достаточно давних времен тревожил воображение западных путешественников и исследователей (упоминания о Сибири можно найти еще в сочинениях итальянского путешественника XIII в. Дж. Плано Карпини, который, хотя и не был в Сибири, первым из европейцев посетил Монголию. Другой путешественник этого же времени – фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук оставил более подробные известия о сибирских народах. Наконец, следует сказать и об английском исследователе XIII в. Роджере Бэконе, который будучи кабинетным ученым, на основе материалов Плано Карпини и Г. Рубрука дал глубокую характеристику Северной Азии). Этот интерес не был постоянным. Азия столетиями жила своей напряженной жизнью: происходили передвижения народов, возникали, развивались и терпели крушение огромные царства. В этом сложном историческом процессе принимали участие и север материка, его центральная часть и богатые области северо-востока. Путь сюда от европейских центров культуры был долг и опасен. Да и сами представления об этом далеком крае, “стране мрака” были пугающими: суровость климата, скудость недр, бесплодность почв, незаселенность. Главной причиной, которая вызывала интерес западного мира к Сибири, была перспектива торговли с Дальним Востоком. Сибири в ней отводилась лишь роль транзитного коридора. Развитие контактов с монголами в позднее средневековье, а столетия спустя – новое открытие Китая и поиски кратчайшего пути туда вплотную подвели европейцев к Сибири как возможной транзитной территории. Сибирь для европейцев была не просто “белым пятном”, а очень желаемой территорией, поэтому приоритетными для них стали сведения географического характера. В числе многих скопированных иностранцами либо полученных разными путями географических материалов можно назвать “Чертеж Сибири 1667 года стольника Петра Годунова”, “Шестиаршинный чертеж Сибири 1699–1701 гг. С. Ремизова”, “Роспись Китайскому государству, и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам” (отчет казака Ивана Петлина о посольстве в Монголию и Китай в 1618–1619 гг. и многие другие. Известный историк и литературовед академик М.П. Алексеев писал в фундаментальном труде “Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей”: “Естественно, впрочем, что к себе притягивали в первую очередь богатые рынки Дальнего Востока с их драгоценными товарами, куда ездили по вековым путям, обеспечивавшим сравнительные удобства и относительную безопасность транспорта. Чисто коммерческий интерес к северной Азии, все еще казавшейся безлюдной и бесплодной пустыней, был слишком слабым. Об этих отдаленных и мало знакомых краях и сейчас еще упоминали только при случае, мимоходом и вскользь; все эти упоминания тонули в том множестве сведений, которые путешественники сообщали о Монголии. Китае и се-

верном Тибете, Сибирь оставалась лишь страной ценного пушного сырья, добывавшегося, однако, купцами через посредников и не требовавшего личных поездок туда” [Алексеев, 1941]. Россия активно и достаточно жестко противодействовала западным соседям в их стремлении решить свои геополитические задачи за ее счет, одновременно с этим настойчиво и целенаправленно расширяла свои владения за Уралом, в Сибири. Голландский купец, путешественник и дипломат XVI–XVII вв., посланник Генеральных штатов к Московскому государству Исаак Масса писал о том, с каким великим трудом и опасением собирали иностранцы в Москве нужные им данные о Сибири. По его словам, “только дружба с несколькими придворными обеспечила ему успех, однако они могли поплатиться за это жизнью, так как русский народ чрезвычайно недоверчив и не терпит того, чтобы открывать тайны его страны [Алексеев, 1941].

В XV в. небольшие заметки о Сибири оставили другие европейцы, побывавшие здесь, – немец Иоган Шильтбергер и итальянец Юлий Лэт. В XVI в. публикаций о России и сведений о Сибири в Европе публикуется значительно больше. Хотя мало кто из этих авторов смог побывать в Сибири. К таким сочинениям относятся труды австрийского дипломата и историка Сигизмунда Герберштейна, итальянского ученого-гуманиста и географа Паоло Джовио, фламандского картографа и географа Герхарда Меркатора, английского дипломата Джильса Флетчера и др. В XVII в. – шведского дипломата и историка Петра Петрея, немецкого путешественника и географа Адама Олария, голландского картографа и политического деятеля Николаса Витсена, немецкого филолога Генриха Лудольфа и многих других. В сообщениях иностранцев зачастую достоверное перемежалось с домыслами. Наиболее правдивые сочинения принадлежали перу тех, кто сам побывал в Сибири. Среди них – содержательная “История Сибири Юрия Крижанича (впервые была опубликована Г.И. Спасским в 1822 г. (“Сибирский вестник”, ч. XVII–XVIII). Позднее перепечатана А. Титовым в сборнике “Сибирь в XVII веке”, М., издательство Г. Юдина, 1890), который около 15 лет прожил в Тобольске. Из сочинений иностранцев о Сибири, относящихся к XVII в., наиболее ценной считается книга Николаса Витсена “О северной и восточной Тартарии”, выпущенная в Голландии в 1692 г. [История Сибири, 1968].

В первой четверти XVIII в. начинается научно-экспедиционное исследование Сибири. Руководителем первой экспедиции был немецкий ученый на русской службе Даниэль Готлиб Мессершмидт. Его описание сибирских народов, исследование их языков, изучение географии, естественной истории, медицины, памятников древности в Западной и Восточной Сибири, в бассейнах Оби, Иртыша, Енисея, Лены и оз. Байкал были уникальными. И хотя, по словам В. Вернадского, “Мессершмидт был немцем, но отдал России всю свою жизнь и был почти совершенно неизвестен у себя на родине, где не было приложения его силам. <...> Его работы не были закончены и никогда не увидели света в полном виде. Однако они вошли в жизнь – хотя и после смерти – еще в XVIII в. и не исчезли бесследно” [Вернадский, 1988]. Его труды широко использовались другими немецкими учеными Г. Стеллером, И. Гмелиным, Г. Миллером, П. Палласом. Рас-

пространению в Западной Европе достоверных сведений о Сибири немало способствовал швед Ф. Табберт (Страленберг), который издал книгу “Северная и Восточная часть Европы и Азии” [Strahlenberg, 1730]. В этот период произошел переход от накопления знаний о Сибири к подлинно научным исследованиям.

Сибирь, Китай и Монголия

В течение XVII в. Сибирь была пройдена русскими землепроходцами до побережья Охотского моря и прочно закреплена в составе России. Иначе обстояло дело в южных районах Сибири, где русские столкнулись со встречным наступлением монгольских и джунгарских феодалов.

Сибирь и Монголию связывают давние отношения, а в ряде сибирских регионов ныне проходит линия государственной границы России с этой страной. Особая роль принадлежала Сибири и при установлении российско-монгольских связей. Известно, что к северным границам Монголии русские казацкие отряды вышли в тот период, когда у монгольских князей Халхи, по всей видимости, еще была уверенность, что их может миновать угроза маньчжурского натиска. Отметим, что первые сведения о монголах Северной Халхи, их быте, хозяйстве и культуре русские получили еще в ходе продвижения в Приангарье в 20–30-х гг. XVII в. И уже в 40-х гг. XVII в. первопроходцы закрепляются на берегах Байкала и начинают продвижение в Забайкалье. А с конца 40-х гг. XVII в. практически одновременно с оседанием на землях бурят, данников монгольских князей, русские устанавливают контакты непосредственно с монголами.

Уже тогда наиболее важной проблемой взаимоотношения с соседями стало территориальное разграничение. Россия оказалась в непростой ситуации на своих восточных рубежах. С одной стороны, необходимо было решить вопрос с маньчжурами, которые продолжали процесс формирования границ своей империи рядом с Россией. А с другой, – между Россией и Халхой по-прежнему шли споры по ряду забайкальских земель.

Путь в Китай через Джунгарию в связи с начавшимся в 80-х гг. XVII в. джунгаро-халхо-маньчжурским противостоянием оказался надолго закрытым. И тем не менее, можно утверждать, что это практически не отразилось на состоянии русских внешнеторговых связей. Уже с 70-х гг. XVII в. они стали развиваться через сибирские города. Выстраивалась новая линия торговой активности по направлению в Китай – через Красноярск, Енисейск, Иркутск, Забайкалье и северо-монгольские степи. Оформление новых торговых путей стало результатом успешного освоения русскими восточно-сибирских областей. Новые пути были значительно удобнее, поэтому, независимо от политических событий в Джунгарии, роль западного направления в русско-китайской торговле постепенно снижалась.

Важнейшим внешнеполитическим событием конца XVII в. стало подписание 27 августа 1689 г. Нерчинского договора. В результате Россия сохранила свои позиции на Дальнем Востоке. Важнейшим военным, политическим и экономическим плацдармом, который позволил сохранить таковые позиции, явилась Восточная Сибирь. Русская православная цер-

ковь также воспользовалась удобным сибирским путем для исполнения своей миссионерской обязанности. В разные годы в составе миссии РПЦ в Пекине на миссионерском и научном поприще будут работать и сибиряки. И, конечно, особо важную роль предстояло сыграть Восточной Сибири в дальнейшем развитии российско-монгольских отношений.

В жизни Восточной Сибири 1850-х гг. и ее внешних сношений большую роль сыграл крупный государственный деятель и дипломат Н.Н. Муравьев-Амурский (генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847-1861 гг.). Ему принадлежит почин в возвращении Амура, уступленного Китаю в 1689 г. Еще до отъезда в Сибирь Муравьев заручился помощью Г.И. Невельского, исследовавшего устья Амура и остров Сахалин. Эти исследования, подтвердившие выводы поручика Гаврилова (1846 г.) о доступности устья Амура для морских судов, поставили вопрос о желательности приобретения Амура на более твердую почву, удостоверив, что Амур представляет удобный путь для сообщения с Тихим океаном. 11 января 1854 г. императором Николаем I Муравьеву было предоставлено право вести все переговоры с китайским правительством по разграничению восточной окраины и разрешено произвести по Амуру сплав войска. В мае 1854 г. произошел первый сплав, год спустя – второй. С ним в устье Амура прибыли первые русские поселенцы.

Генерал-губернатор сумел блестяще организовать мирное занятие Россией левого берега Амура, убедив китайское правительство, что это необходимо для того, чтобы устье Амура не было захвачено иностранными державами. Результаты этой деятельности были закреплены Айгунским трактатом 1858 г. (подписан Н.Н. Муравьевым-Амурским) и Пекинским договором 1860 г., присоединившим к России Приамурье и Уссурийский край. В том же году были основаны город и порт Владивосток. За заключение договора Муравьев получил титул графа Амурского.

К началу XX в. Монголия становится ареной острой экономической и политической борьбы ведущих мировых держав. Дни маньчжурской династии в Китае были сочтены, в стране назревала революция. К национально-освободительному движению в Монголии подключились видные представители бурятского народа М. Богданов, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино. Д. Сампило и др. Бурятское лидерство в этом процессе было вполне закономерным. Еще в начале XX в. на окраине Российской империи среди бурятских демократов-просветителей идея возрождения общемонгольской государственности получила широкое распространение. Этому способствовало появление значительной группы бурят, получивших европейское образование, поражение России в войне с Японией, ослабление центральной российской власти, расширение борьбы коренных народов Сибири за автономию. Впоследствии известные бурятские политические деятели будут вовлечены в революционные события в Монголии, где в течение двух десятилетий сыграют одну из ключевых ролей в деятельности партийных и государственных структур страны. Нередко их идеи и взгляды оказывали самое непосредственное влияние на общественно-политическую жизнь Монголии. А такие политические деятели, как Ц. Жамцарано

и Э.-Д. Ринчино, в 1920–1930-х гг. занимали в монгольском правительстве важнейшие посты.

Сибирь и внешняя торговля России

Фиксированные данные об участии Сибири во внешнеэкономической деятельности российского государства появляются в начале XVII в., когда в Верхотурье – самом западном сибирском городе в 1600 г. была открыта первая таможня. Торговые пути из Европейской России в Сибирь, внутри Сибири, в Среднюю Азию, Китай и Монголию, а также ассортимент товаров и главные центры торговли определились, в основном, в XVII–первой половине XVIII вв. Через Сибирь велась торговля России со странами Средней Азии, Китаем и Монголией. Главными пунктами внешней торговли Западной Сибири были Петропавловск, Семипалатинск и Омск. Заметную роль в экономической жизни страны в XVIII–первой половине XIX вв. стала играть торговля с Китаем и Монголией через Восточную Сибирь. Приграничная торговля с Китаем началась после заключения Нерчинского договора 1689 г. В 1869–1706 гг. торговля идет в Нерчинске, а позже в Селенгинске и Кяхте. В 1693 г. по указанию главы Сибирского приказа Репнина специально для Сибири был разработан первый таможенный устав. Торговля в Нерчинске не достигла больших масштабов. В 1714 г. было принято решение разрешить частную торговлю с Китаем. Купцы начинают торговлю в Урге. В 1728 г. Россия подписала с Китаем новый торговый договор. Строится город Троицкосавск, а в трех верстах от него торговая слобода Кяхта и китайский торговый город Маймачен. Начинается частный торг с китайскими купцами в Кяхте. Продолжается торговля в Нерчинске, но там она имеет локальный характер. В 1762 г. Екатерина II запретила деятельность казенных караванов и провозгласила полную свободу торговли в Кяхте, в том числе пушниной. В середине XVIII в. через Кяхту проходило до 67 % товарооборота России с азиатскими странами. В 50–60-х гг. XIX в. общие обороты кяхтинской торговли с русской и китайской сторон достигли 16 млн руб. в год [История Сибири, 1968].

В начале XX в. торговля с Китаем велась из нескольких районов. Из Усть-Каменогорска сибирские купцы торговали с Кобдо, из Бийского уезда купцы шли в Китай по Чуйскому тракту, минусинские купцы попадали в Китай и Монголию по Усинскому тракту. Иркутская губерния и Забайкалье связывались торговым путем с Китаем через Кяхту. Товарооборот возрос в связи со строительством Транссибирской магистрали и КВЖД. Менялась и товарная структура. В Северный Китай двинулась масса русских крестьян, купцов и промышленников, а оттуда вскоре в Сибирь пошли хлебные грузы через станции Маньчжурия и Пограничная.

Торговля с Монголией велась по тем же сибирским трактам: Чуйскому, Усинскому, Кяхтинскому и Тункинскому. По ним в Сибирь поступали сырье, в основном шерсть и кожи, перегонялся скот. В Монголию везли хлеб, железо и изделия из него, мануфактуру [Суходолов, 2012].

Торгово-экономические связи Сибири с зарубежными странами способствовали развитию производства, росту сибирских городов как товарно-

распределительных и ремесленных пунктов, взаимному познанию русского, китайского и монгольского народов.

Дипломатические представительства зарубежных стран в Сибири

К началу XX в. в Сибири в целом сложились благоприятные экономические условия для расширения иностранного участия в жизни региона и соответственно – для открытия официальных представительств иностранных государств. Этого нельзя было сказать о политических условиях того времени, которые были неблагоприятны практически в течение всей первой трети XX в. Экономическая политика царского правительства, заключавшаяся во внешнем и внутреннем протекционизме, тормозила развитие региона и препятствовала иностранному участию. В дореволюционный период царское правительство и местные власти стремились закрыть регион от любых внешних влияний. Затем война, революция и приход к власти большевиков практически свели на нет иностранное участие в развитии региона. Исключение, сделанное советским правительством для китайцев, было лишь кратковременным послаблением.

В дореволюционный период происходило лишь становление представительств иностранных государств в Сибири, причем оно было задержано запретительной политикой царских властей – сначала центральных, а затем местных. Такая политика имела большую инерцию – даже когда правительство страны признало возможным допущение иностранных представительств на территорию Сибири, местные военные власти этому категорически воспротивились и сдались лишь после прямого нажима сверху. Позиция военных властей была обусловлена опасениями относительно недружественных намерений Японии, в частности – активизации деятельности японской разведки.

В период революции и гражданской войны официальное взаимодействие иностранных консульских представительств и местных властей в Сибири было невозможно (за исключением периода Временного правительства с февраля по октябрь 1917 г.) в силу того, что временные антибольшевистские правительства в Сибири не были признаны иностранными государствами. Однако вместе с тем неофициальное взаимодействие иностранных представительств с российскими политическими группировками могло иметь довольно широкий характер, особенно это касается антибольшевистского сопротивления в Сибири, которому страны Антанты оказывали активную моральную и материальную поддержку. В это время в Иркутске работали консульство Японии, дипломатические представители США и Дании, консульства Франции, Бельгии, вице-консульства Греции и Британии.

В советский период официальные консульские отношения стали возможны только после признания СССР рядом иностранных государств (1923–1925 гг.). Благодаря оформлению официальных дипломатических отношений с Китайской республикой и значительному присутствию китайских граждан в Восточной Сибири была возобновлена деятельность консульства в Иркутске, а также открыто консульство в Чите (существовало 1924 г.). Отношения между местными властями и китайскими кон-

сульствами коррелировали с общей канвой советско-китайских отношений. До антикоммунистического переворота в Китае в 1927 г. отношения были вполне доверительными, а затем начали стремительно ухудшаться – вплоть до окончательного разрыва в связи с конфликтом на КВЖД в 1929 г. Прошло достаточно много лет, прежде чем деятельность дипломатических представительств зарубежных стран возобновилась в Сибири. Одним из первых было генеральное консульство МНР, открытое в Иркутске в 1971 г.

Иностранная интервенция и Сибирь

Летом 1918 г. Сибирь стала объектом открытой военной интервенции стран Антанты. В интервенции приняли участие воинские части Японии, США и других стран. В их числе: 80 тыс. японцев, 12 тыс. американцев, 6 тыс. англичан, 5 тыс. китайцев, 1 тыс. французов и мелкие подразделения итальянских, канадских, югославских и румынских войск. Силы были объединены в единое командование во главе с французским генералом Жаненом, но фактически войска каждой страны действовали самостоятельно. События 1918–1922 гг. были крупным узлом международных противоречий, ареной которых являлась территория Сибири. В ходе интервенции (в японской историографии ее скромно называют “экспедиция в Сибирь”) каждый из основных участников (Япония, США и Великобритания) кроме собственно борьбы с большевизмом преследовали свои собственные цели. Для Японии – это территориальные приобретения на Дальнем Востоке и в Сибири, для США – контроль над Транссибом. После 1919 г. в Сибири остались одни японцы, которые оставались там “для охраны имущества и жизни своих граждан до тех пор, пока здесь не прекратится гражданская война и не будет установлена твердая демократическая власть” [Григорцевич, 1957]. В конце октября 1922 г. японские войска покинули территорию России, интервенция закончилась, однако ее последствия страна испытывала еще достаточно долго. Она привела не только к жертвам и разрушениям, но и к экономическому ущербу, в том числе от деятельности иностранных концессий, которые существовали на Дальнем Востоке, в Забайкалье и в Якутии.

Своеобразие исторического развития Сибири состоит во взаимодействии и взаимопроникновении различных цивилизаций и развитии межкультурных коммуникаций. В этом отношении Сибирь представляется собой своеобразный “перекресток” цивилизаций. Причем “сибирский перекресток” на всем протяжении истории Сибири являет собой в целом позитивный пример взаимодействия между различными народами, культурами, религиями.

4.7. ГЕОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СМИ

Средство массовой информации как продукт интегральный включает в себя деятельность большого количества людей разных специальностей, по большей части востребованных городским социумом. Собственно и СМИ есть итог индустриального развития общества. Они всегда возникали и были востребованы прежде всего в центрах экономической, политической интеллектуальной жизни, коими являлись города.

Исходя из этого и следует рассматривать появление СМИ в Сибири и их распространение. Развитие городской жизни и концентрация населения в тех или иных опорных точках, возникающие проблемы с управлением и задача усиления связей с общественностью (как залог успешного и поступательного развития государства и общества) вызвали появление СМИ.

За исключением некоторых исторических эпизодов границы Сибири оставались незабываемыми в рамках Российской империи, оставались они таковыми и после революции 1917 г., что дает возможность утверждать: появление и развитие средств массовой информации шло традиционным для этой сферы путем.

Какую точку отсчета принять за ноль в системе СМИ, географически привязанных к Сибири. Первую типографию, появившуюся в 1789 г.? Первую книгу, выпущенную в Сибири? Первый рукописный журнал?

И хотя Сибирская советская энциклопедия [1929] предлагает зарождение сибирской периодической печати отнести к 60-м гг. XIX в., когда в ряде сибирских городов появляются губернские ведомости, мы бы отнесли эту дату к 1790 г. Именно в этот год к сибирскому читателю пришел тобольский журнал “Иртыш превращающийся в Иппокрену” (1790–1791). Публичное издание – первый и главный признак СМИ, а тобольское издание таковым и было.

В принципе, к этому времени публичные издания могли бы открыться. А чуть позднее и открывались в целом ряде сибирских городов (попытка иркутян издавать в 1827 г. “Ангарский вестник”, выход в 1864 г. журнала “Сибирский вестник”). Но где-то процесс затормозился из-за прохождения обществом этапа рукописных СМИ, где-то давала сбой сама система управления, которая в конкретном “городском” случае в силу авторитарного, антиобщественного взгляда отбрасывала создание любых институтов гражданского общества (как наиболее яркий пример – иркутская история с так называемым крыловским погромом) далеко назад, где-то само общество находилось на стадии самоопределения, не было готово к идентификации на основе периодического печатного органа.

Одной из особенностей государственного устройства России являлось доминирующее положение государства в области идеологии и связей с общественностью. Соответственно, такой же была доминанта распространения СМИ. СМИ возникали по большей мере не как частная инициатива, а как предложение государства установить для общества некие правила, функциональные взаимоотношения. Государство закладывало базовые основания, частная инициатива и ведомства привносили в географию СМИ свои особенности и частности.

Потребность в усилении внутренних коммуникаций между обществом и государством, государством и государством (чиновниками различных уровней) привело к созданию вертикально интегрированных СМИ. Для досоветского периода общая схема выглядит следующим образом:

- интересы светской части территорий обеспечивали губернские ведомости, состоящие как правило из двух частей: официальной и неофициальной;

• религиозные учреждения обслуживались епархиальными ведомостями. Редакционный штат во главе с редакторами этих газет размещались в губернских центрах. Разветвленная сеть общественных корреспондентов позволяла получать информацию из самых отдаленных уголков.

Разумеется, Сибирь в этом отношении имела ту же самую структуру государственного обеспечения массовой информацией.

Систему официальной и церковной печати Сибири дополняла частная и отраслевая печать. Она также возникает прежде всего в крупных городах, торгово-экономических, культурных центрах.

К началу XX в. светскую официальную печать в Сибири представляли:

“Иркутские губернские ведомости” (1857); “Енисейские губернские ведомости” (1857); “Забайкальские областные ведомости” (1865); “Акмолинские областные ведомости” (1871 г.), “Семипалатинские областные ведомости” (1871), “Приамурские губернские ведомости” (1894); “Тобольские губернские ведомости” (1857); “Томские губернские ведомости” (1857); “Якутские областные ведомости” (1892).

Большая часть официальных изданий выходила с периодичностью два–четыре раза в неделю. Неофициальная часть ведомостей придавала этим изданиям характер универсальных СМИ.

К официальным изданиям, учитывая взаимоотношения русской православной церкви и государства в России, мы относим и губернские (областные) епархиальные ведомости. Задуманные как официальный орган церковного ведомства они соответствовали своему предназначению.

Епархиальные ведомости присутствовали практически в каждом губернском центре.

С 1 июля 1880 г. было получено разрешение издавать “Томские епархиальные ведомости”, с 1 января 1884 г. “Енисейские епархиальные ведомости”. В 1886 г. стали выходить “Якутские епархиальные ведомости”. 15–24 декабря 1899 г. определением Синода было принято решение начать издание “Забайкальских епархиальных ведомостей” в Чите.

Епархиальные ведомости имели так называемое “прибавление”, которое играло роль “Неофициальной части” губернских ведомостей.

К официальным изданиям, занимающим свое место в системе СМИ, следует отнести и “Известия” городских дум сибирских городов. Массовое появление их относится к середине 80–90-х гг. XIX в. Программы их в основном сходны и можно смело говорить о типичности данного вида изданий.

Одними из первых “Известия” стали выходить в Иркутске. В мае 1885 г. иркутский голова представил в Главное управление по делам печати программу издания.

Можно констатировать, что к началу XX в. официальная пресса представляла собой достаточно стройную и продуманную систему, которая отражала в целом общие установки государства по содержанию, периодичности, объему.

Если официальная печать в Сибири была представлена по большей части изданиями, который в той или иной мере носили общественный ха-

ракти, то частная пресса делится на две большие подгруппы – газеты общественно-политические и газеты информационно-справочные.

Частная газета стала появляться в Сибири в 60-е гг. XIX в. Частная газета объединяет людей общих взглядов на актуальные вопросы развития России и Сибири. Именно так начиналась история первой иркутской частной газеты “Амур” (1860–1862), После “Амура” в Иркутске же издавался “Сибирский вестник” (1864–1868), который также пользовался популярностью в местных кругах интеллигенции.

В 1875 г. Г.Н. Потанин сообщал Л.Ф. Пантелееву, что идет хорошо иркутская газета “Сибирь” [Письма..., 1989]. Это значило, что издание за три месяца получило 400 подписчиков, кроме даровых (это, скорее всего подписка, которая делалась самой редакцией на адреса конкретных людей или организаций).

В 1882 г. начинается история иркутской газеты “Восточное Обозрение”, одной из лучших российских провинциальных газет. В 1894 г. в Красноярске задумывается проект издания газеты “Енисей”. Генерал-губернатор Восточной Сибири Горемыкин согласился на это с одной оговоркой, чтобы программа “Енисея” ничем не отличалась от программы “Восточного обозрения”.

К группе общесибирских общественно-политических газет относилась и выходившая в Томске “Сибирская газета”.

В сентябре 1880 г. в Главное управление по делам печати с ходатайством обратился уже известный к тому времени в Томске предприниматель и общественный деятель П.И. Макушин. Он просил разрешения издавать в Томске “Сибирскую газету” под редакторством преподавателя Томского Алексеевского реального училища Александра Ефимова.

Общесибирским частным изданием был и “Сибирский вестник”, история которого начинается 2 апреля 1885 г., когда к томскому губернатору попало обращение Корша и Картамышева об открытии в Томске новой газеты под названием “Сибирский вестник”. 2 апреля 1885 г. издание “Сибирского вестника” было утверждено. К концу 1880-х гг. у нового издания имелось уже 1200 подписчиков, что свидетельствует о наличии интереса к программе нового печатного органа.

К общественно-политическим газетам следует отнести “Байкал”, первый номер которого вышел в 1896 г. в Кяхте. Кяхта – особое место в Сибири. В быту она именовалась не иначе как городом, хотя на самом деле являлась слободой Троицкосавска. Кяхтинская слободка размещалась вблизи границы России с Монголией. Отсюда шли в обе стороны караваны с товарами. Кяхтинские капиталы играли большую роль в экономике края. Активная культурно-просветительская деятельность жителей слободы, поддержанная частным капиталом, создала тот удивительный и неповторимый колорит, о котором так много говорили и писали не только в Сибири, но и в столичных изданиях. Между прочим, именно из Кяхты вышли известные русские книгоиздатели Михаил и Сергей Сабашниковы.

Издателем и редактором “Байкала” был известный в Сибири общественный деятель и публицист Богашев. Программа, заявленная им, отлича-

лась от программ других изданий. Отдав первые три отдела газеты под официальные материалы, в четвертом редактор заявлял проблемные статьи по развитию науки в Забайкалье, колонизации края, сооружению железной дороги и судоходстве, торговле и заводской промышленности, а шестой отдел заявлялся как современная летопись Кяхты и Троицкосавска. Но особенную ценность представлял седьмой отдел. Это, пожалуй, первый отдел в сибирской печати, целиком посвященный Азиатской Сибири. Заявлен он был в следующей формулировке: “Корреспонденции из разных местностей Европейской и Азиатской России, из внутреннего Китая и сопредельных Забайкалью Монголии, Маньчжурии и проч...”.

В Омске известной общественно-политической газетой был “Степной край”. Это издание стало преемником газеты “Степной листок”.

Программа новой газеты, заявленная в 1893 г. министру внутренних дел, не имела никаких специфических особенностей и практически ничем не отличалась от подобных изданий других сибирских городов. Основатель газеты Капитон Михайлович Голодников был фигурой колоритной. Достаточно сказать, что за научные труды имел несколько высоких наград российских ученых обществ, долгие годы являлся редактором неофициальной части “Тобольских губернских ведомостей”

В Верхнеудинске первенствовала газета “Жизнь на восточной окраине”. 16 мая 1895 г. доктор Бадмаев подал прошение об издании “общедоступной сельско-хозяйственной и торгово-промышленной, литературной и политико-экономической” газеты. Предполагалось, что она будет выходить пять раз в неделю. Свидетельство об издании нового печатного органа Забайкалья было получено Бадмаевым 23 октября 1895 г.

Большая подгруппа в частной сибирской прессе представлена различного рода информационно-справочными листками, которые были вызваны к жизни развитием экономики той или иной территории.

Одним из таких изданий был “Справочный листок Енисейской губернии” Е.Ф. Кудрявцева. “Листок” должен был содержать только справочные и статистические сведения по Енисейской губернии и городу Красноярску. Для сбора информации издатель предполагал использовать и официальные российские источники, в частности телеграммы Северного телеграфного агентства. Программа “Справочного листка Енисейской губернии” была, безусловно, шире той, что заявлял издатель. В ней предполагались недельная городская хроника, в которую включались отчеты общественных собраний и заседаний (протоколы, постановления, доклады), судебная хроника и решения судебных инстанций. Отдельным пунктом программы шли отчеты артистические, благотворительные, торгово-промышленные; музейные и библиотечные новости.

Экономический раздел должны были составить цены на хлеб и продукты по губернии, сведения с ярмарок, о состоянии торговли в Енисейской губернии. В справочный отдел издатель включал “отчеты местных торговых и промышленных обществ, программы заседаний различных учреждений, сведения о приходе и отходе почты, открытия навигации, время прихода и отхода пароходов и т. д. О недоставленных телеграммах и

корреспонденции, о делах, назначенных к слушанию в судебных учреждениях, метеорологические бюллетени о состоянии погоды, справочные сведения по сельскому хозяйству, искусствам и промышленности”.

Известностью в Сибири пользовался “Томский справочный листок”. Эта газета была детищем П.И. Макушина. 22 марта 1894 г. он подал заявление на ее открытие.

Подобные справочно-информационные газеты выходили в большинстве крупных городов Сибири. Они были ориентированы прежде всего на публикацию справочных данных о ценах на продукты, на извещения о купле-продаже, публикацию рекламы и объявлений. “Томский справочный листок” по программе своей отличался от уже существующих изданий подобного рода. Здесь появлялись правительственные распоряжения и календарные сведения, телеграммы Северного агентства и местная хроника, отчеты о заседаниях местных органов управления и библиографические заметки.

В 1895 г. Макушин дополняет программу газеты разделами “Статьи и заметки, имеющие предметом прошлое и настоящее Сибири”, “Фельетон”, “Корреспонденции”, “Критический разбор книг и периодических изданий” и т. п. Расширив программу, Макушин решил, что требуется изменить и название. 13 мая 1895 же года “Томский справочный листок” стал выходить под названием “Томский листок”.

Оставаясь справочным изданием, “Томский листок” впоследствии был переименован в газету “Сибирская жизнь”, которая достаточно быстро перешла в разряд общественно-политических изданий. С.П. Швецов в письме к А.А. Кауфману от 11 ноября 1898 г. высказался так: «Мне кажется, что Сибирь переживает теперь такой момент, когда необходимо должен возникнуть крупный литературный орган, который являлся бы действительно выразителем нужд и запросов страны, который столько бы служил самой Сибири, столько и России, знакомя ее с Сибирью. Таким органом, при известных условиях, могла бы стать “Сибирская жизнь”, но для этого П.И. Макушину необходимо отказаться от многого того, от чего он отказаться не захочет. Другой газеты пригодной для такой роли я не вижу – у “Сибирского вестника” безнадежно хвосты запачканы, “Восточное обозрение” не менее безнадежно заражено археологией, Монголией, и проч., что давно уже мертвит газету» [ГАРФ. Ф. 5101]. Имея собственную типографию, газета печаталась ежедневно, а небольшая подписная цена позволяла ей конкурировать на томском рынке печатных изданий.

В Благовещенске в 1895 г. стала выходить “Амурская газета”, с 1906 г. “Амур”, в Чите с 1901 г. газета “Забайкалье”, а с 1905 г. газета “Азиатская Русь”. В Кяхте издавался “Кяхтинский листок”. Идея создания газеты принадлежала главному администратору Кяхты известному общественному деятелю Сибири А.И. Деспот-Зеновичу. Его поддерживали образованные кяхтинцы А.М. Лушников, М.О. Осокин и др. В 1860 г. Деспот-Зенович стал ходатайствовать об издании “Кяхтинского листка”. Издателем и редактором газеты должен был стать Л.С. Адруцкий.

В программе этой газеты были отражены типологические черты сибирской печати. Издатели заявили, что «имея в виду общую цель всякого

повременного издания: удовлетворение с каждым днем возрастающей потребности чтения во всех классах общества, устранение многих существующих в публике ложных взглядов и предрассудков, распространения общепользовательных сведений и здравых научных понятий о предметах общего интереса, – издание “Кяхтинского листка” имеет главной и специальной задачей возможно полное раскрытие вопросов и условий местной жизни, к сожалению, весьма малоизвестной, и посильное содействие печатным словом ее нормальному развитию. Кяхта, как сосредоточение русской торговли с Китаем, есть вместе с тем представительница весьма значительных промышленных интересов... Сообразно с этим издание в Кяхте коммерческого листка имеет в виду двоякую цель: во-первых, знакомя непосредственно с ходом местной торговой промышленности всех заинтересованных в здешних делах торговцев и потребителей, доставить каждому возможность составить себе основательное понятие об условиях, значении и улучшении здешних учреждений и торговых операций; и, во-вторых, через изучение и разработку источников, средств и исторического хода нашей пограничной торговли с Китаем содействовать посильным приношением увеличению научного материала» [Петряев, 1963]. Разрешение на издание листка было получено 21 декабря 1861 г. Новая газета по существу была одним из первых еженедельников на востоке Сибири.

Первый номер увидел свет 15 мая 1862 г. Газета выходила с особым прибавлением, которое было целиком посвящено сведениям о торговле чаем – основной статье дохода Кяхты.

Палитру сибирских СМИ дополняет отраслевая печать, которую можно разделить на несколько групп: издания, принадлежащие общественным организациям, государственным ведомствам, частным лицам. Объединяющим для отраслевой печати являлось то, что она призвана была обслуживать интересы того или иного общественного образования, ведомства.

Отраслевая газета стала появляться в Сибири в начале 90-х гг. XIX в. В Тюмени это было издание А.А. Крылова “Сибирская торговая газета”. Издатель Крылов получил известность, работая более двух лет корреспондентом газеты “Ведомости финансовые, промышленные и торговые”.

Программа газеты была значительно шире ее названия. В пятом пункте программы “Торговый отдел” издатель заявлял отчеты о состоянии сибирских рынков, “главным образом хлебного, рыбного, сырых продуктов (мясо, сало, шерсть), пушного, чайного, имеющих значение в экспортной торговле Сибири с Россией. Обзор рынков Европейской России, стран, прилегающих к Сибири, и других европейских рынков, имеющих значение для Сибири (лондонские аукционы, лейпцигские пушные ярмарки и т. д.)”.

Особым пунктом оговаривались публикации, посвященные ярмаркам. Специально был выделен “Промышленный отдел”. Диссонансом со всеми этими сугубо отраслевыми отделами звучат такие отделы, как “Миссионерский” и “История, археология и этнография”. Десятый пункт программы был озаглавлен “Переселение крестьян из Европейской России в Сибирь”, двенадцатый – “Школьный отдел”.

30 ноября 1896 г. разрешение на издание газеты было получено. Подписка составляла от 75 копеек в месяц до 3 рублей за полугодие.

К группе отраслевых изданий следует отнести “Сибирский железнодорожный листок”, который предполагал издавать в Канске Александр Ефимович Дудолов. Прошение о разрешении нового издания подано в декабре 1896 г. Программа газеты ориентирована на потребности развития железнодорожной отрасли в Сибири в связи с проведением Транссибирской магистрали. В программе значились отделы новостей по железнодорожному делу и специальный отдел под названием “Движение переселенцев по железной дороге”. Отдавая должное уникальности сооружения Транссиба, издатель заявил и такой отдел: “Сибирская железная дорога как мировой путь”.

Прошение Дудолова не было удовлетворено, и новое издание так и не увидело свет.

Другая попытка издания в Иркутске специальной железнодорожной газеты “Вестник Сибирской железной дороги” относится к 1902 г. О газете ходатайствовал сам начальник Сибирской железной дороги действительный статский советник Павловский. Он же был первым редактором нового печатного органа. 24 марта 1903 г. “Вестник Сибирской железной дороги” был освобожден от предварительной цензуры и успешно выходил вплоть до 1917 г.

К группе специализированных газет относятся “Сибирские врачебные ведомости”. 15 июля 1902 г. свидетельство об издании в Красноярске “Сибирской врачебной газеты” получил врач Александр Иванович Смирнов. 40-летний сын священника стал одним из первых журналистов-медиков, возглавивших периодическое издание.

К отраслевым изданиям, специализирующимся на конкретной сфере деятельности, можно отнести и рекламно-информационную периодику, которая стала появляться в Сибири в начале XX в. Если “Листки”, кроме справочной информации, отводили значительное место под различные универсальные отделы, то рекламные газеты делали упор по большей части на цены, наличие материалов и продуктов питания, объявления, рост или падение стоимости ценных бумаг и т. п. Практически во всех крупных сибирских городах появились проекты рекламных изданий, которые, как правило, имели в название слово “листок”.

“Иркутский листок” Дьячкова несколько отличался по своей программе от “Томского листка”. Личный потомственный гражданин Николай Антонович Дьячков ввел в программу правительственные распоряжения и местные фельетоны, технические и коммерческие обзоры.

Разумеется, на процесс возникновения СМИ влияли важные общественно-политические и экономические события. Первая русская революция и время, предшествовавшее событиям 1905 г., вызвало к жизни целый ряд социал-демократических изданий, которые дополнили и расширили линейку общественно-политической печати. Фактически речь идет о возникновении печати общественных, политических организаций, которые отражали интересы конкретной партии и ее членов. К читателям выходят “Красноярский рабочий” (1905), “Забайкальский рабочий” (1906), “Иркутский рабочий” и др.

По данным “Сибирской советской энциклопедии”, в 1906 г. за Уралом возникло более 80 печатных изданий. К 1908 г. в Иркутске и Владивосто-

ке издавалось девять газет, семь в Благовещенске, пять в Омске, две в Кяхте, а в 1908 г. – 76, включая официальные издания [ССЭ, 1929]. Лейнежка общественно-политических партийных периодических изданий дополнялась эсеровскими, либеральными, кадетскими газетами. В Верхнеудинске это “Верхнеудинская конституционная газета”, “Даурский край” в Кяхте.

В Якутске стали выходить “Бюллетень Санкт-Петербургского телеграфного агентства”, затем “Якутский край – Саха дойдута”, позднее переименованный в “Якутскую жизнь”.

Если до 1905 г. СМИ возникали в силу общественных потребностей, а закрывались в силу экономических проблем, то распространенным явлением после первой русской революции стала принудительная ликвидация тех или иных СМИ, в которых власть усматривала угрозу идеологической монолитности. В особенности это касалось изданий с новыми идеологиями – социал-демократических, эсеровских, кадетских, либеральных. Итак, сибирскую прессу середины XIX–начала XX вв. можно схематически представить следующим образом.

Официальная	частная	общественная
Губернские или областные ведомости, епархиальные ведомости. Думские известия, издания учреждений народного просвещения государственной системы	Общественно-политические, отраслевые, информационно-справочные, рекламные, профессионально ориентированные	Издания различных обществ

Первая и вторая группы стали родоначальниками различного рода изданий. Первая группа дала жизнь очень похожим на газеты известиям городских дум, органов народного просвещения. Вторая – информационно-справочным, рекламным газетам.

Идеологическая направленность изданий также, как правило, соответствовала этим двум основным группам.

До начала XX в. наблюдается однородность внутри групп, и лишь с начала XX в. частные газеты начинают распределяться по партийной принадлежности.

Революция 1917 г. внесла существенные изменения в распространение СМИ. Разумеется, претерпевает изменения не только география распространения, но и сама система СМИ. Прекращают выходить губернские и епархиальные ведомости. Их место занимают “Известия” различных исполнительных комитетов: в Омске – “Известия Объединенного Коалиционного комитета”, в Тобольске: “Бюллетени Тобольского Временного Комитета Общественного спокойствия”, в Иркутске и Якутске: “Известия исполнительного комитета общественных организаций” и т. д. Свои газеты создают советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Появляются отдельные издания солдатских, крестьянских, рабочих советов. В системе СМИ и сугубо партийные печатные органы, которые отражают политическую реальность сибирской жизни. Мы видим СМИ, принадлежащие меньшевикам, интернационалистам, большевикам, эсерам, кадетам.

Появляются издания, финансируемые крупными артелями (к примеру, курганская “Народная газета”, издатель Сибирский Союз маслодель-

ных артелей; иркутская “Наша деревня”, издатель Союз потребительских кооперативов).

Всего в период между февральской и октябрьской революциями в Сибири выходило 112 газет [ССЭ, 1929]. Еще накануне свержения советской власти и замены ее колчаковским режимом советские органы начали репрессивную политику по отношению к оппозиционным партиям и газетам. Стали закрываться меньшевистские и эсеровские издания. Система СМИ безусловно меняет свой ландшафт, который от плюрализма мнений все более и более приобретает вид единообразия.

Но и новый приход, теперь уже окончательный, советской власти не только не способствует жизнедеятельности разноидейных изданий, а наоборот, усиливает идеологическое направление одной политической силы – большевистской. Справедливости ради, отметим, что и в период колчаковского правления плюрализм истребляется повсеместно. Левые партии уходят в подполье, и вместе с ними прекращаются или выходят нелегально их печатные органы.

Время партизанской борьбы против колчаковского режима привносит некоторые новые тенденции в СМИ Сибири. Поскольку особенностью этого периода является повсеместная партизанская борьба против колчаковских войск, для коммуникации с населением и между партизанскими отрядами на освобожденных от белой армии территориях появляются различные листки и бюллетени. В Алтайской губернии это “Известия Главного Штаба Алтайского округа” (август 1919), в Минусинске “Соха и Молот”.

Регионализация СМИ, в силу потребностей новой власти в постоянной прочной коммуникации, шла быстрее, чем в прежние годы. Расширению географии СМИ способствовал и тот факт, что в Сибири оказались многие военные части, расквартированные нередко в далеких от городов местах. Армейские газеты позволяли транслировать в том числе и универсальную информацию.

Короткий период многопартийности в Советской России (ноябрь 1917–июль 1918) закончился полным уничтожением частной печати. Затем была ликвидирована общественно-политическая печать оппозиционных большевистскому режиму сил. Политика военного коммунизма способствовала созданию в Советской России вертикально-интегрированной структуры СМИ. По сути, все СМИ, независимо от того, кто выступал учредителем (партийный комитет, совет или оба сразу), являлись партийно-государственными.

В основу развития СМИ был положен партийно-территориальный принцип, при котором каждая губерния (область, край) имела обязательный набор центральных и местных изданий. Часть из них принадлежала ВКП(б), часть – РКСМ, часть – советам различного уровня. Со временем все названные организации в зависимости от экономической, политической ситуации объединялись или, наоборот, разводились в учредительстве.

Для Сибири это прежде всего областная или краевая печать, в отдельных случаях городская и уездная (районная). Существенное развитие получила отраслевая пресса – вузовская, заводская.

В крупных городах открываются отделения РОСТА (Российское телеграфное агентство).

Таким образом, в новых условиях география СМИ расширялась главным образом за счет комсомольской и районной, отраслевой печати. В 1920-е гг. к моменту официального объявления новой экономической политики в Сибири издавалось 66 СМИ объединенного типа (учредителями выступают властные исполнительные структуры), но стали появляться издания, направленные на молодежную аудиторию, которые, впрочем, быстро закрываются по экономическим причинам.

Теперь для создания печатного органа основополагающим моментом выступал не общественный интерес, не капитал, не наличие интеллектуальных сил, а наличие соответствующего партийного комитета и собственно наличие партийной аудитории.

На территории Сибири в период Гражданской войны активно распространялась и белогвардейская печать. В войсках Колчака издавалась газета “Голос Сибирской Армии”. Местная и региональная печать белого движения работала в Омской, Томской и Иркутской губерниях, Читинской и Новониколаевской.

После окончания Гражданской войны, начала нэпа, индустриального развития края дальнейшее развитие СМИ в Сибири связано с созданием новых типов изданий. В особенности это касается “низовой” печати. Появляются вестники и листки государственно-общественных организаций: “Комбедов”, “Рабоче-крестьянского контроля”, женских объединений и т. д.

Наряду с ними активизируется военная печать. В Иркутске это “Красная Армия”, в Барнауле “Окопная правда”, в Ачинске “Голос Красноармейца”.

В 1920-е гг. появляется и пресса национальных меньшинств. Причем не только коренных народов Сибири, но и тех групп населения, которые оказались здесь в силу обстоятельств, – немцев, венгров, румын, чехов, поляков. Газеты выходят на китайском, татарском, монгольском, литовском, украинском языках.

Период нэп вносит существенные изменения в развитие системы СМИ. Переход на хозрасчет первоначально ставит СМИ на грань выживания. Административных ресурсов для поддержания печатных органов явно не хватает. Начинается массовое закрытие экономически слабых СМИ. Закрываются уездные газеты, отраслевые, профсоюзные издания. Впрочем, открываются новые партийно-советские газеты. В 1922 г. их было 64.

Нэп способствует возникновению так называемых информационно-справочных изданий – “Торгово-Промышленная Сибирь” (Новониколаевск), бюллетени розничных цен в крупных сибирских городах и т. п.

К началу 1930-х гг. в Сибири издается порядка 40 газет на русском и иных языках. Общий разовый тираж в 1928 г. составлял 456 750 экз.

В 30–40-е гг. XX в. география СМИ в Советской России не претерпевает каких-то особых изменений. Она не суживается, поскольку СМИ всегда играли ключевую роль в идеологии ВКП(б). Но она и не развивает-

ся в силу жесткой вертикали системы СМИ, крайне медленного развития инфраструктуры распространения.

Новой тенденцией можно считать усиление радиовещания и увеличение его объемов. Простейшие принимающие устройства становятся неотъемлемым атрибутом любого населенного пункта. Значительно увеличивается среднесуточный объем вещания. В 1940 г. он составил 64,3 ч [Овсепян, 1999].

К 1941 г. только в Иркутской области издавалось 64 газеты: 6 областных и окружных, 29 районных и городских и 29 заводских, железнодорожных и совхозных [Иркутская область, 1941].

С началом войны распространение СМИ в Сибири суживается. Гражданская печать сокращается по всей стране, и Сибирь не стала исключением. Автоматического замещения гражданских СМИ военными не происходит. Ограниченность ресурсов, милитаризованная экономика не способствовали распространению СМИ в регионах. Вертикаль распространения массовой информации еще более ужесточается. СМИ в Сибири, как и в России, представляют собой тщательно сформированную систему. Усиливается цензурный контроль и увеличивается объем информации, обязательной к печати.

В период Великой Отечественной войны фактически была приостановлена молодежная печать. Молодежные темы в это время освещались в областных и краевых СМИ.

22 марта 1951 г. Совет министров СССР принял постановление об организации ежедневных телепередач из Москвы. Началась работа по созданию областных телерадиокомитетов и организации вещания в территориях. Интересно, что первый телеочерк рассказывал о ходе строительства Иркутской ГЭС в ноябре 1954 г.

Стандартный набор печати советского периода на примере Иркутской области выглядел в 60–70-е гг. XX в. следующим образом:

“Восточно-Сибирская правда” – орган Иркутской областной организации КПСС и областного Совета депутатов трудящихся.

“Советская молодежь” – орган Иркутского областного комитета ВЛКСМ.

Свои газеты имели города областного подчинения (за исключением Иркутска).

Каждый район области имел свою районную газету (орган районного комитета КПСС и районного Совета депутатов трудящихся).

В крупных вузах издавались вузовские многотиражки с различной периодичностью. К примеру, в Иркутском госуниверситете выходила газета одноименного названия. Она являлась органом ректората, партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Крупные предприятия с разветвленной географией присутствия типа Восточно-Сибирского пароходства, Иркутского алюминиевого завода, Братского алюминиевого завода и т. п. также имели свои печатные СМИ. Некоторые предприятия имели и свое внутренне радио, которое обслуживало исключительно интересы конкретного коллектива. К примеру, закрытый оборонный Иркутский радиозавод.

Бурное развитие прессы в период 90-х гг. XX в. было обусловлено общественно-политическими и социально-экономическими реформами в СССР и Российской Федерации. Многолетняя жесткая цензура со стороны правящей партии была заменена идеями плюрализма, конкурентности. Государство приняло ряд законов, которые стали главным регулятором СМИ. Все это способствовало расширению географии распространения СМИ. По данным Госкомпечати России, в 1993 г. было зарегистрировано 1843 общероссийских издания. В 1998 г. – 3258, в 2003 г. – 5945. Разумеется, рост наблюдался и в Сибири.

К 2006 г. в Сибирском федеральном округе зарегистрировано 5061 СМИ: газеты – 2631, журналы – 685, иные печатные СМИ – 277, телепрограммы – 885, радиопрограммы – 529, иные электронные СМИ – 54 [Мартынов, Оськин, 2006].

Регионами с высокой медийной насыщенностью считаются Новосибирская и Иркутская области, низкой – Республики Алтай, Тыва и Хакасия.

Тенденция к увеличению числа зарегистрированных СМИ наблюдалась все докризисные годы.

В настоящий момент практически все СМИ испытывают трудности с распространением, которое становится экономически не выгодным. Все большую роль в информационном поле Сибири играет Интернет. Традиционные СМИ активно осваивают виртуальное пространство, частью трансформируясь с ним, частью используя для адаптации своих продуктов. Идет активный процесс интернетизации Сибири, а вместе с ним появление интернет-телевидения, радио, газет, журналов и прочих видов СМИ.

* * *

В ходе присоединения и колонизации новых земель царское правительство постоянно искало эффективные формы и способы административного деления и управления колонизируемыми территориями. В XVII–XVIII вв. основой административного деления Сибири стал уезд, формирование уездов шло по мере включения новых территорий в состав Российского государства. Затем Сибирь была переведена на систему генерал-губернаторств, губернское деление, генерал-губернаторское и губернаторское управление, сохранившееся до падения царизма.

Социально-экономическая история Сибири XVII–XX вв. неразрывно связано со ссылкой. Сибирская окраина заселялась и осваивалась не только казаками и вольными людьми: среди первых жителей края были и те, для кого приход сюда стал тяжким, нередко пожизненным наказанием. Уголовная ссылка активно использовалась государством для колонизации региона. Размещение ссыльных соответствовало основным направлениям заселения и экономического освоения края русскими. В 1880-х гг. масштабы уголовной ссылки в Сибирь уменьшились, что связано с увеличением потока вольных переселенцев.

К приходу русских в Сибирь большинство ее населения были язычниками, но шло распространение ислама и буддизма. На первых порах идеологические факторы геополитических интересов формирующейся империи ставили задачи вероисповедной политики в области христианизации мест-

ного населения. К XIX в. неотъемлемой составной частью процессов формирования геополитического ландшафта региона стали культурно-религиозные комплексы христианства, ислама, буддизма. Современный этап государственно-конфессиональных отношений характерен возвратом к формам государственного этатизма, и вероисповедная политики России в Сибири на современном этапе базируется на принципах, выработанных в имперский период.

При анализе Сибири не как территории, а через определение ее как социальности, т. е. исторически сложившегося типа человеческих отношений и связей, она представляет собой переселенческое общество. В основе его генезиса лежал и во многом лежит сложный процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев, синтез культурного, экономического и социального.

Его специфичностью является разнородность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, но и не меньшее разнообразие населения пришлого, которое при этом постоянно укореняется, “осибирячивается”, приобретая новые черты культуры, меняя старые. Синтез происходит в контексте имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при недостаточности надежных коммуникаций и недонаселенности региона. Важнейшим источником и составной частью формирующегося сибирского переселенческого общества становились, в том числе, и мигрирующие представители меньшинств – религиозных, этнокультурных, иностранных.

Сибирь, являясь колонией Российской империи, тяготилась этим статусом. Дальновидные представители сибирских элит определили в качестве наилучшего способа изменения ситуации культурное, образовательное и научное развитие региона. Царская власть, напротив, опасалась этих процессов, видя в них угрозу сепаратизма. Поэтому открытие сибирского университета в Томске произошло лишь в 1888 г.

В начале XX в. быстрое индустриально-аграрное развитие Сибири и усиление темпов переселения в этот край заставили правительство осознать необходимость создания здесь системы высших учебных заведений. Падение самодержавия не позволило осуществиться этим планам. Сибирская общественность и бизнес самостоятельно приступили к реализации этих проектов. Новый период в деятельности высших учебных заведений Сибири начался в 1920 г., после восстановления здесь советской власти. Стали возникать новые вузы, происходила реорганизация существующих. В 1950–1960-е гг. в Сибири были открыты новые высшие учебные заведения.

1990-е гг. явились тяжелым испытанием для российского высшего профессионального образования из-за резкого сокращения бюджетного финансирования. Выходом из ситуации стала коммерциализация высшего образования. В 1990–начале 2000-х гг. в Сибири стали возникать негосударственные вузы. Численность обучающихся на платной основе в государственных вузах начинает превосходить численность бюджетников.

Сибирь не стала объектом соперничества колониальных держав и в считанные десятилетия была покорена Россией именно в силу исключительно неблагоприятных природно-климатических условий. Россия активно и достаточно жестко противодействовала западным соседям в их стремлении решить свои геополитические задачи за ее счет, одновременно с этим настойчиво и целенаправленно расширяла свои владения за Уралом.

При этом русские первопроходцы, а через них и правительство постоянно взаимодействовали с представителями пограничных с Сибирью государств. Границы Сибири полностью узаконены международными соглашениями. В постсоветский период в регионах были открыты консульства КНР, Республики Корея, Польши, Израиля и других государств.

Особенностью государственного устройства России является доминирующее положение государства в области идеологии и связей с общественностью, такой же была доминанта распространения СМИ. Они возникали по большей мере как решение государства установить для общества некие правила, функциональные взаимоотношения. Государство закладывало базовые основания, а частная инициатива и ведомства привносили в развитие системы СМИ свои особенности и частности.

Глава 5

ИСТОРИЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СИБИРИ

5.1. РАННИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СИБИРИ (КОНЕЦ XV–НАЧАЛО XIX ВВ.)

Известный русский ученый В.Н. Татищев в своем предложении о сочинении истории и географии России, направленном в Академию наук, отметил важную роль географических карт в географических и исторических исследованиях [Андреев, 1937; Евтеев, 1958]. Графический язык карты является более древним по сравнению с любой формой письменности. История картографии – неотрывная часть истории цивилизации. Ее изучение формирует культуру географа, историка и картографа, позволяет понять ключевые моменты и этапы становления и, что особенно важно, правильно оценить современные тенденции развития науки и практики.

Исторический процесс картографирования Сибири охватывает: историю создания конкретных картографических произведений в связи с освоением ее территории, этапы развития инструментария создания карт и картографического метода исследования, а также идеи, концепции и технологии картографического обеспечения территориального развития, и непосредственно связана с историческим процессом общероссийской и мировой картографии.

Нами выделены главные периоды в истории картографирования Сибири и составляющие их этапы на основе выделения поворотных моментов в истории картографирования Сибири, проявившихся, главным образом, в связи с изменениями инструментария, методов, технологий и концепций создания карт, с учетом специфики целей, задач и объемов картографирования, количества и качества разработанных и созданных картографических результатов различных регионов Сибири.

Раннему периоду истории картографирования Сибири в научной литературе уделено достаточно много внимания, и он изучен относительно лучше по сравне-

нию с более поздними периодами [Александров, 1946; Андреев, 1939, 1946, 1960; Багров, 2005; Боднарский, 1932; Гольденберг, 1959, 1962; Греков, 1959; Евтеев, 1959; Захаренко, 1992; Кусов, 2008; Полевой 1960, 1966, 1969, 1973, 1976; Постников, 1989, 1993, 1996, 2003; Салищев, 1974, 1990; Фель, 1960; Шибанов, 1958, 1967, 1971; и др.].

Нами выделены два этапа в этом периоде. Хронологические рамки **первого этапа раннего периода** охватывают время с появления в Западной Европе карты Московии Антония Вида в 1542 г., на которой впервые была изображена река Обь в Сибири, и до начала XVIII в. – времени появления карт, созданных на точной математической основе.

Об Антонии Виде известно, что он был живописцем и жил в Данциге (Гданьске). Сам Вид в России не был, карта составлена им по опросным данным от окольного Ивана Васильевича Ляцкого, бежавшего от опалы из России в Польшу. Таким образом, в основу карты легли русские материалы. Среди первых зарубежных работ, кроме карты Антония Вида, можно назвать такие основные картографические работы этого этапа как карту “Московия” австрийского посла в России С. Герберштейна 1549 г., карту “Московия” в “Космографии” немецкого географа С. Мюнстера 1550 г. (рис. 5.1), карта России А. Дженкинсона, опубликованная в Лондоне в 1562 г., карта Татарии в атласе Ортелиуса 1570 г., карта России из атласа фламандского картографа Г. Меркатора 1595 г.

В 1613 г. В 1606 г. в Амстердаме был переиздан атлас Г. Меркатора. Эта публикация, выполненная И. Гондиусом, была дополнена новой картой, которая отсутствовала в предыдущих изданиях “Атласа”: на карте, озаглавленной “Tartaria”, была показана территория Северной Евразии от Москвы, Белого и Черного морей на западе до Кореи и побережья Аляски на востоке. В подписи к карте указано, что ее автором является Иодок Гондиус (Jodocus Hondius). По мнению исследователей [Воробьева и др., 1980], в основу своего чертежа И. Гондиус положил изданные в Европе во второй половине XVI в. карты Антонио Дженкинсона (1562 г.) и Герарда Меркатора (1595 г.). Была издана карта России Г. Герритса. По мне-

Рис. 5.1. Карта “Московия” С. Мюнстера с показом устья р. Обь в Сибири (1550 г.).

нию Б.П. Полевого [1973], в основу этой карты был положен “старый чертеж Московского государства” (иначе называвшийся еще “чертеж Федора Борисовича”, так как русский источник составлялся при ближайшем участии царевича Федора, сына Бориса Годунова). Таким образом, Гессель Герритс был первым зарубежным автором карты России, который использовал при ее создании картографический материал собственно российского происхождения.

Перечень зарубежных изданий этого времени показывает, насколько широк был круг исследователей, увлеченных созданием карт восточной части России – Сибири. Содержание этих карт в целом отличается прилизительностью и обобщенностью представлений о сибирских пространствах России. Источниками составления этих карт, как правило, были различные малодостоверные сведения [Силина, 1998]. Из всех вышеперечисленных составителей карт только С. Герберштейн, знавший русский язык и относительно долгое время находившийся в России, смог использовать относительно кондиционный и обширный материал.

В целом в конце XV–начале XVI вв. в Русском государстве накапливается многообразный географический материал, составивший три основные группы источников: писцовые книги, описания порубежных земель и дорожники. Княжеские уделы описывались писцами уже в начале XV в. В 1490–1498 гг. были проведены большие работы по переписи сел и городов. Специальные описания создавались на порубежные земли государства. Появившиеся в результате этих работ писцовые, смотренные, дозорные и другие книги и описания свидетельствуют о стремлении московского правительства составить точное представление о своем государстве [Постников, 1996]. Еще одним видом географических материалов (кроме налогово-фискальных и порубежных описаний) были дорожники, или итинерарии, списки городов на важнейших путях с указанием расстояний между ними в верстах или днях пути.

Начало большим картографическим работам в общегосударственном масштабе положил Иван Грозный. При Иване Грозном на восток направляются служилые люди и купцы, первые землепроходцы. Из своих путешествий они привозили росписи пути и чертежи – схематичные рисунки-планы, на которых наносили путь, указывали расстояния.

В самом конце XVI в. в Разрядном приказе (высшем правительственном учреждении Москвы, ведавшем военными делами) был составлен так называемый Большой чертеж всего Московского государства, который не сохранился до наших дней. Однако о содержании этого произведения можно судить по известной Книге Большому чертежу, представляющей собой пояснительный текст, созданный в 1627 г. к копии Большого чертежа. Судя по Книге, географический охват Большого чертежа был весьма значительным: на востоке на нем показана территория Сибири до Оби. В Книгу Большому Чертежу входила Роспись по берегу Северного Ледовитого океана [Постников, 1976]. Ее составители внесли существенный вклад в географические знания своего времени, описав морское побережье от Норвегии до устья Оби в Сибири.

Администрация царя Алексея Михайловича в 60-х гг. XVII в. проводила работы по обзорному картографированию Московского государства и отдельных его частей. Самым ярким свидетельством обширных картографических работ этого времени являются два тобольских чертежа Сибири. Первый из них – Чертеж Сибири 1667 г., которого называют Годуновским по имени тобольского воеводы П.И. Годунова, руководившего его составлением по различным описаниям и рассказам. Ни оригинала 1667 г., ни печатных оттисков чертежа до наших дней не сохранилось. Известные историкам наиболее ранние копии рукописного оригинала, присланного в Москву из Тобольска, были сделаны в 1669 г. иностранными послами. В конце XVII в. в несколько переработанном виде чертеж П.И. Годунова был издан типографским способом в Европе Г.А. Шлейсингом, а в России примерно в это же время была вначале выполнена копия чертежа известным тобольским картографом С.У. Ремезовым, который затем на ее основе составил собственную карту расселения сибирских народов и их южных соседей. Карта Ремезова значительно дополняет и уточняет географические реалии, зафиксированные на чертеже 1667 г. Второй Сибирский чертеж многими исследователями датируется 1673 г. Составитель его неизвестен. Описание к нему содержит исключительно ценные историко-географические сведения, подтверждающие, в частности, что плавание С.И. Дежнева 1648 г. в обход Чукотского полуострова повторялось русскими мореходами. При составлении чертежа Сибири 1667 г. была осуществлена первая (известная науке) в отечественной картографии попытка унификации условных обозначений [Постников, 1976]. Сведения о территории Сибири в XVII в. были еще недостаточно полными. Однако, созданный в 1687 г. новый Общий чертеж Сибири уже отличается от предыдущих чертежей 1667 и 1673 гг. более подробным содержанием.

Во временной период, совпадающий в целом со временем создания общих чертежей Сибири, развивалась также зарубежная традиция картографирования территории Сибири. В это время появились карта Сибири Э.И. Идеса 1667 г., воспроизведенная затем в Атласе В. Корда, и карта Дж. Кантелли, изданная в Риме в 1683 г., карта Азии нидерландского картографа и географа Н.К. Витсена, составленная им в 1687 г. при масштабе 75 верст в дюйме, и карта России Г. Сансона, изданная в атласе Де Росси в 1688 г. в Риме. Интересна историческая судьба трех шведских карт Сибири. Самая ранняя из них была составлена в 1689 г. шведским историком и лингвистом И. Спарвенфельдом. Вторая шведская карта была составлена в 1716 г. И.Г. Ренатом. Однако наиболее известной в Европе стала карта Сибири 1725 г. капитана шведской армии Ф.И. Табберта (Страленберга) (рис. 5.2) [Постников, 1976; Силина, 1998 и др.; Воробьева и др., 1980].

Итогом развития первого этапа раннего периода картографирования Сибири и всей допетровской эпохи картографирования России явились труды талантливого автора работ по географии, этнографии и истории Сибири С.У. Ремезова. Он составил три замечательных сборника карт: Чертежную книгу Сибири (1697–1711), Хорографическую чертежную книгу (1697–1711) и Служебную чертежную книгу (1702–1730), законченную

Рис. 5.2. Сибирь (Тартария) по Ф.И. Страленбергу (1725 г.).

его сыновьями. С.У. Ремезовым в 1697–1698 гг. был составлен Большой всей Сибири чертеж. К 1701 г. были готовы региональные чертежи и планы городов, которые С.У. Ремезов объединил в Чертежную книгу Сибири. Он продолжал работу по картографированию Сибири всю свою жизнь, и два последующих атласа, составленные им, во многом дополнили и детализировали историко-географическую характеристику восточной части нашего государства.

История составления этих чертежей, как и деятельность самого С.У. Ремезова, освещены в ряде исследований по истории картографии Сибири [Гольденберг, 1959; Евтеев, 1959; Постников, 1989]. Согласно этим исследованиям, составление первого из этих атласов – “Чертежной книги Сибири” – было поручено С.У. Ремезову в соответствии с законодательным актом русского правительства – боярским “приговором” от 10 января 1696 г. Обзорные карты Сибири и отдельных ее районов в “Служебной” и “Чертежной” книгах в сочетании с разнообразными первичными топографическими материалами, собранными в “Хорографической книге”, впервые в истории отечественной и мировой науки дали весьма достоверную и детальную историко-географическую и картографическую характеристики сибирских территорий. Эти первые атласы Сибири поражают детальностью отображения местности и объемом показанной историко-географической информации.

Обобщая, необходимо отметить, что наряду с обширным набором показателей картографирования русские чертежи исключительно богаты топонимией, которая была в определенной степени параметром, организую-

Рис. 5.3. “Чертеж земли Иркутского города” из “Чертежной книги Сибири” С.У. Ремезова, 1701 г.

щим все содержание этих произведений [Постников, 1989], также хорошо осознавалась польза объединения разнотипных чертежей в сборники карт типа атласов (чертежные книги). Эти сборники позволяли получать как общее представление о крупных регионах в целом (по обзорным чертежам), так и более детальные сведения об отдельных их частях и свойствах по чертежам отдельных районов, маршрутов, городов. В качестве примера приведем Чертеж земли Иркутского города (рис. 5.3).

Сформировались весьма высокие для своего времени “стандарты” объема информации, представляемого картой. Эти карты по замыслу и принципу организации информации похожи на современные геоинформационные системы с обширной базой данных о регионе. Отдельные чертежи составлялись с соблюдением масштаба и были относительно точны. Однако, в целом русские карты до XVIII в. не имели единых математических оснований, принятых в западноевропейской картографии.

Начало **второго этапа раннего периода** картографирования Сибири мы относим ко времени начала работ на ее территории первых русских геодезистов, с постановкой и развитием крупномасштабных инструментальных съемок. В Сибири впервые инструментальная съемка была проведена геодезистом Петром Чичаговым, выпускником Морской академии. Включенный в отряд, отправлявшийся вверх по Иртышу, Чичагов проплыл по реке почти до озера Зайсан. На всем пути он инструментально определял координаты местности. Во второй половине 1720-х гг. Петр Чичагов вновь был

послан в Сибирь для составления общих чертежей уездов. В Верхнем Приобье он работал в 1729 г. Сохранилась вычерченная им карта Кузнецкого уезда, на которой впервые были показаны Колывано-Воскресенские предприятия Акинфия Демидова – рудники и медеплавильный Воскресенский завод. На чертеже отображена почти вся территория современного Алтайского края. Это первая российская карта региона Сибири (Верхнего Приобья), вычерченная по результатам инструментальной съемки и имеющая градусную сетку. Проекция карты цилиндрическая [Воробьева и др., 1980]. Этому предшествовало стимулирующее и обновляющее влияние петровских преобразований в России. Картографические традиции прошлого вступили в контакт и взаимодействие с западноевропейской картографией.

Характерной особенностью как начала развития отечественной картографии, так и ее следующего этапа являлось ее функциональное – служебное назначение. Служебное направление особое значение приобрело в петровскую эпоху. Географические и картографические исследования входили в число мероприятий, обеспечивавших успешное осуществление петровских реформ и решение внешнеполитических задач, и предпринимались в тесной связи с конкретными государственными начинаниями. В процессе осуществления грандиозных по масштабам того времени планомерных географических исследований и картографических работ значительно углубилось и расширилось изучение внутренних районов государства, и в то же время, как продолжение русских географических открытий XVII в., были проведены обширные исследования в Сибири, на Дальнем Востоке и в Тихом океане, завершившиеся достижением Америки со стороны Азии. Подъем промышленности и торговли, изучение и эксплуатация ископаемых богатств, реформы государственного управления и территориального деления, создание военно-морского флота и регулярной армии, борьба за выход к морям, установление новых государственных границ – основные функциональные мероприятия, выполнение которых требовало ускоренного развития русской картографии, которая к концу века по объему и качеству работ уже занимала одно из ведущих мест в мире.

Значение картографических работ было законодательно закреплено Петром I в Генеральном регламенте 1720 г., включавшем особую главу о ландкартах и чертежах государевых. Для решения новых задач прежде всего было необходимо наладить обучение топографов. Еще в 1698 г. на Пушечном дворе при Пушкарском приказе была организована Школа цифири и землемерия. Систематическая подготовка съемщиков-геодезистов была окончательно налажена при Петре I с 1701 г. в Московской математико-навигационной школе, а позже в Морской Академии (с 1715 г.) в Санкт-Петербурге, где в 1716 г. был учрежден специальный геодезический класс. Основной целью подготовки геодезистов было дать им знания, необходимые для создания обзорных карт отдельных регионов страны, о системе географических координат широты и долготы. Объединение этих карт в общую географическую карту страны должно было впервые обеспечить достоверное отображение территории новой империи на карте мира. С появлением отечественных специалистов постепенно выполнялась эта грандиозная задача, поставленная Петром I, – создание генеральной карты госу-

дарства, а также целой серии региональных карт и планов, детальных географических описаний. Геодезисты и картографы первой половины XVIII в. заложили основы картографической изученности России. Первыми петровскими геодезистами и их учениками в 1717–1752 гг. проводилась первая государственная съемка, охватившая значительную часть территории России. От отдельных поручений по съемке и картосоставлению в 1720 г. перешли к систематическому и планомерному проведению топографо-геодезических работ.

Централизованное руководство всеми работами возлагалось на Сенат – высший государственный орган. С 1721 г. карты и первичные материалы съемок поступали в ведение сенатского секретаря И.К. Кирилова. С этого года геодезистам вручалась первая официальная инструкция Сената по съемке и составлению карт. Геодезисты произвольно выбирали масштабы для составления карт, и картографическая служба Сената проводила большую работу по приведению присланных с мест ландкарт к единому масштабу. В Европейской России применялись масштабы от 1:63 000 до 1:336 000, а в Сибири – от 1:840 000 до 1:2 520 000. Документы съемок, ландкарты и географические описания предоставили необходимые исходные материалы для создания в 30–40-х гг. XVIII в. обзорных карт и географических атласов России.

С 1726 г. И.К. Кирилов начал осуществлять грандиозный проект – публикацию атласа и обзорной карты Российской империи. Атлас должен был состоять из трех томов по 120 карт каждый. К 1734 г. удалось издать и подготовить к печати 37 карт, из которых к настоящему времени найдено 28 [Постников, 1996]. Таких собранных и переплетенных в одну книгу печатных карт, называемых Атласами Кирилова, в России сохранилось четыре экземпляра. В комплекте карт Кирилова имеется обзорная карта Российской империи 1734 г. На смену И.К. Кирилову в качестве руководителя государственных картографических работ пришел выдающийся ученый и крупный государственный деятель В.Н. Татищев. Он уделил особое внимание совершенствованию организации съемки местности и обогащению географического содержания карт. В.Н. Татищев последовательно и настойчиво применял картографический метод исследования. Он явился основоположником специального (тематического) картографирования и, прежде всего, горнозаводского (экономико-географического). С 1734 по 1737 г., будучи начальником горных заводов Урала и Сибири, В.Н. Татищев принял энергичные меры по составлению региональных и обзорных горнозаводских карт, наделенных достаточно полной географической характеристикой территории горнозаводского ведомства и показывающих размещение полезных ископаемых, рудников и заводов.

Со второй половины XVIII в. широкое распространение получили военно-топографические съемки. Характерной особенностью военно-топографических съемок стало использование более крупного масштаба, а именно одна верста в дюйме. С этого момента стало обязательным изображение рельефа, для чего применялись особые методы изображения (штрихи, размытые штрихи, перспективное изображение и т. д.). Однако выбор использования того или иного метода оставался непосредственно за состави-

телем карты. И все же содержание и оформление карт заметно обогатились. Исходными материалами для составления карт XVIII в. были русские писцовые книги, дорожные книги, межевые грамоты, чертежные летописи, географические описания и “ведомости”, описи карт-чертежей, хранившихся в приказных архивах, актовые и другие материалы, содержащие подлинные сведения о составленных чертежах отдельных местностей и всего государства, а также о хранении картографических материалов в Разрядном, Посольском, Поместном и Сибирском приказах. XVIII в. в истории русской картографии стал началом установления математических методов картосоставления. Началась дифференциация отраслей знания, вызвавшая бурное развитие картографии: военной, морской, лесной, горно-заводской и т. д.

Например, существенным мероприятием для Байкальского региона, имевшим картографические результаты была Нерчинская экспедиция 1753–1765 гг. Был создан Нерчинский атлас [Постников, 1989]. На картах Нерчинского атласа и в описании были отражены особенности заселенности уезда (количество слобод, деревень, заимок). Имелись на картах сведения по демографии (число жителей “обоого пола душ”, а мужского “числом лет”), распределению и географическому размещению земель (пахотные, “не распашные, к хлебопашеству годные”), лесов и сенокосных угодий, число лошадей и другого скота “у всякого жителя” и многое другое. Нерчинская экспедиция была правительственным мероприятием XVIII в., где картографические работы полностью проводились в новых традициях государственных съемок. Петровские специалисты вывели отечественную картографию в общее русло развития европейской картографической науки и практики, основной теоретической базой которой была математическая география, ставившая в качестве главной цели географической науки определение координат различных пунктов на земной поверхности и геометрически точное изображение стран и регионов земного шара на карте.

Для развития новой математически точной картографии с элементами русских обзорных традиций определенную позитивную роль сыграли массовые картографические материалы генерального межевания земель, съемки по программе которой начали проводиться в России с 1765 г. А в период проведения в жизнь административной реформы 1775 г. возросла потребность в сведениях о географическом размещении различных объектов в пределах губерний и наместничеств. Все эти данные должны были представлять губернские и уездные землемеры, которые в связи с этим в середине 70–80-х гг. XVIII в. проводили обширные работы по установлению и уточнению границ различных территориальных единиц, их детальному географическому описанию, составлению различных экономико-географических ведомостей, списков населенных пунктов и т. д. В Сибири при этом широко практиковалось составление по заданиям центральной или местной администраций различных, часто схематичных “антрелных” карт, имевших большое оперативно-справочное значение для органов местного управления.

Обобщая, можно сказать, что со времени Петра I изучение Сибири ставится на научную основу и прежде всего это касается картографии, по-

лучившей твердые основания для развития (инструментальная съемка местности на точной математической основе). Карты становятся инженерными документами с точно определенными математическими свойствами, обеспечиваемыми постоянным масштабом, проекцией и географическими координатами. Составители древнерусских чертежей не обладали для этого необходимой профессиональной геодезической и картографической подготовкой. Богатые национальные традиции русской картографии, заложенные С.У. Ремезовым в отношении полноты и достоверности содержания карт, не были забыты и получили развитие в трудах И.К. Кирилова, В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Внимание русских картографов к экономике и природе изучаемых регионов и районов нашло выражение также в развитии традиционных для отечественной картографии текстовых приложений к картам, дававших описание объектов, считавшихся не картографируемыми [Постников, 1989]. По указу Петра I была организована первая в России морская научная экспедиция под руководством Витуса Беринга, которая впервые произвела инструментальную съемку западного побережья моря, которому впоследствии будет присвоено его имя, на протяжении более чем 3500 км. Беринг завершил открытие северо-восточного побережья Азии, а картой, составленной им совместно с подчиненными, как отмечают специалисты, позднее пользовались все западноевропейские картографы при изображении северо-востока Азии (рис. 5.4).

Большим достижением было издание таких фундаментальных произведений, как “Атлас Всероссийской империи” И.К. Кирилова (1734 г.) и “Атлас Российской” (1745 г.) [Атлас..., 1959, 1964], где впервые Сибирь и Дальний Восток были изображены в соответствии с их истинными размерами и очертаниями. В самом конце XVIII–начале XIX вв. экспедициями, организованными Алтайскими Колывано-Воскресенскими заводами, были проведены обширные исследования на Байкале и в бассейнах ряда рек Байкальского региона. В ходе этих работ С. Сметаниным и Е. Копыловым в 1797 г. были выполнены промеры глубин Байкала (1100–1234 м), оказавшиеся очень близкими к современным значениям в районах проведения работ [Батуев, 2005].

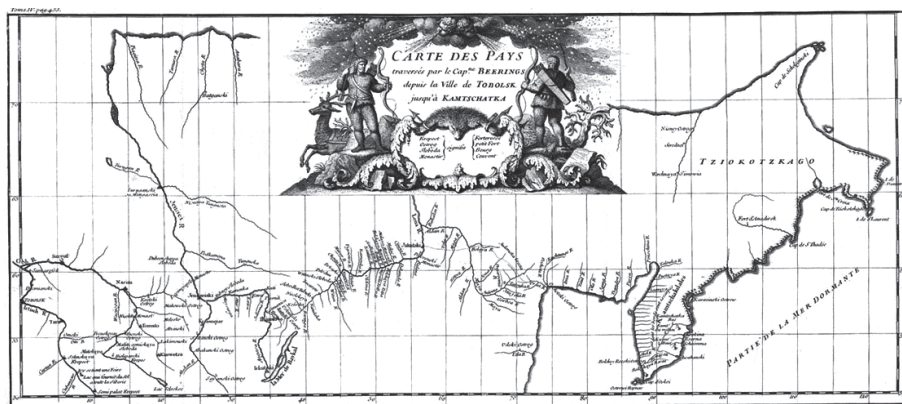

Рис. 5.4. Итоговая карта первой экспедиции В. Беринга (1735 г.).

Второй этап “ранней” картографии Сибири заканчивается в начале XIX в. к 1816–1820 гг.

5.2. НОВЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СИБИРИ (НАЧАЛО XIX–СЕРЕДИНА XX ВВ.)

Первый этап нового периода в истории картографирования Сибири. Начало нового периода в истории картографирования Сибири и его первого этапа мы связываем с совершенствованием технической стороны проведения топографических съемок и составления карт (с 1816 г. началась строго научная работа по триангуляции, а с 1819 г. – точная инструментальная мензульная съемка). Это позволяет нам назвать в целом этот этап временем становления и развития современных методов проведения топографических съемок и составления карт. Карты начали составляться также в соответствии с новыми, принятыми в 1817–1822 гг. “Условными знаками для топографических карт” [Силина, 1998].

Картографическое наследие XVIII в. не удовлетворяло растущие потребности общества, прежде всего в области создания точных крупномасштабных карт всей территории страны. Такие крупномасштабные карты могли быть получены только при условии четкой организации топографических работ на твердых научных основах, каковую осуществлял в Сибири, как и на всей территории России, Корпус военных топографов (КВТ), созданный в 1822 г. КВТ за 96 лет своего существования (1822–1918) выполнил громадный объем астрономо-геодезических и картографических работ в стране, особенно в Сибири [Бородин, 1923]. В 1838 г. в образованном Министерстве государственных имуществ (МГИ) “для межевания и оценки казенных земель и угодьев” был учрежден Корпус гражданских топографов (КГТ). Особое внимание МГИ уделяло организации работ по изучению и картографированию казенных земель Сибири.

В 1845 г. было учреждено Русское географическое общество (РГО), с 1850 г. – Императорское Русское географическое общество (ИРГО), которому принадлежат большие заслуги в развитии отечественной картографии. Например, ИРГО были изданы 40-верстные карты речных областей Сибири, южной части Лены и Енисея (1891).

На 1873–1914 гг. приходится расцвет экспедиционной деятельности ИРГО, когда во главе общества стоял великий князь Константин, а вице-председателем был П.П. Семенов-Тянь-Шанский. В этот период были организованы экспедиции в Среднюю Азию, Восточную Сибирь и другие районы страны, проводились исследование и картографирование морей и океанов. Параллельно изучению северной части Тихого океана российские гидрографы активно исследовали побережья Северного Ледовитого океана, способствуя, таким образом, окончательному оформлению географических представлений о полярных районах Евразии и закладывая основы последующего освоения Северного морского пути. Карты, составленные экспедициями ИРГО, имели уже солидное астрономо-геодезическое обоснование.

Развитие всероссийского рынка в XIX–начале XX вв., все большее вовлечение страны в мировой товарооборот, специализация и концентра-

ция производства потребовали широкой постановки специальных картографических работ для обеспечения потребностей транспорта, промышленности, сельского хозяйства, изучения и добычи минеральных ресурсов обширных регионов страны. В этот период в Сибири различные ведомства создавали карты весьма многообразной тематики, в большинстве своем оставшиеся рукописными.

Активное развитие базовой (топографической и гидрографической) картографии в XIX в. создало основу, необходимую для становления специального (тематического) картографирования. В 1832 г. Главным управлением путей сообщения был издан Гидрографический атлас Российской империи. В него вошли генеральные карты масштабов 20 и 10 верст в дюйме, подробные карты масштаба 2 версты в дюйме и планы в масштабе 100 саженей в дюйме и крупнее. Были составлены сотни планов и карт, способствовавших увеличению картографической изученности территорий вдоль трасс соответствующих дорог. Важным достижением отечественной картографии стал вышедший в 1905 г. (2-е издание, 1909) “Большой всемирный настольный атлас Маркса”, содержащий свыше 200 карт и указатель 130 тысяч географических названий [Batuyev, 2006].

В XIX в. продолжалось интенсивное картографическое изучение минеральных ресурсов России и их эксплуатации, получает развитие специальное геогностическое (геологическое) картографирование. С 1870-х гг. началось общенаучное тематическое геологическое картографирование некоторых районов Азиатской России. В 1895 г. издан “Атлас земного магнетизма”, составленный А.А. Тилло.

Развитие капитализма в промышленности, сельском и лесном хозяйствах вызывало необходимость более глубокого изучения народного хозяйства. С этой целью в середине XIX в. начинают издаваться обзорные экономические карты и атласы. Особое внимание продолжало уделяться организации работ по изучению и картографированию казенных земель в Сибири, которые приобрели особенно широкий размах после отмены крепостного права в России в 1861 г., одним из последствий чего было интенсивное развитие переселенческого движения.

Переселенческим управлением Комитета Сибирской железной дороги издаются переселенческие карты губерний, уездов и городов, на которые наносятся номера подготовленных к заселению переселенческих участков с указанием мест выхода переселенцев. Такие карты можно обнаружить в каждом губернском архиве. На них указывались земли старожилов, частных владений, казенных земель и лесных дач и т. п. Создавались путеводители по Великой Сибирской железной дороге с картами обширных территорий, прилегающих к железной дороге и планами населенных мест (рис. 5.5).

Наивысшим достижением тематической картографии первого этапа нового периода в истории картографирования Сибири был капитальный “Атлас Азиатской России”, изданный в 1914 г. Переселенческим управлением, с приложением обширного и богато иллюстрированного текста в трех томах. В атласе отражены экономическая обстановка и условия сельскохозяйственного освоения территории для нужд Переселенческого уп-

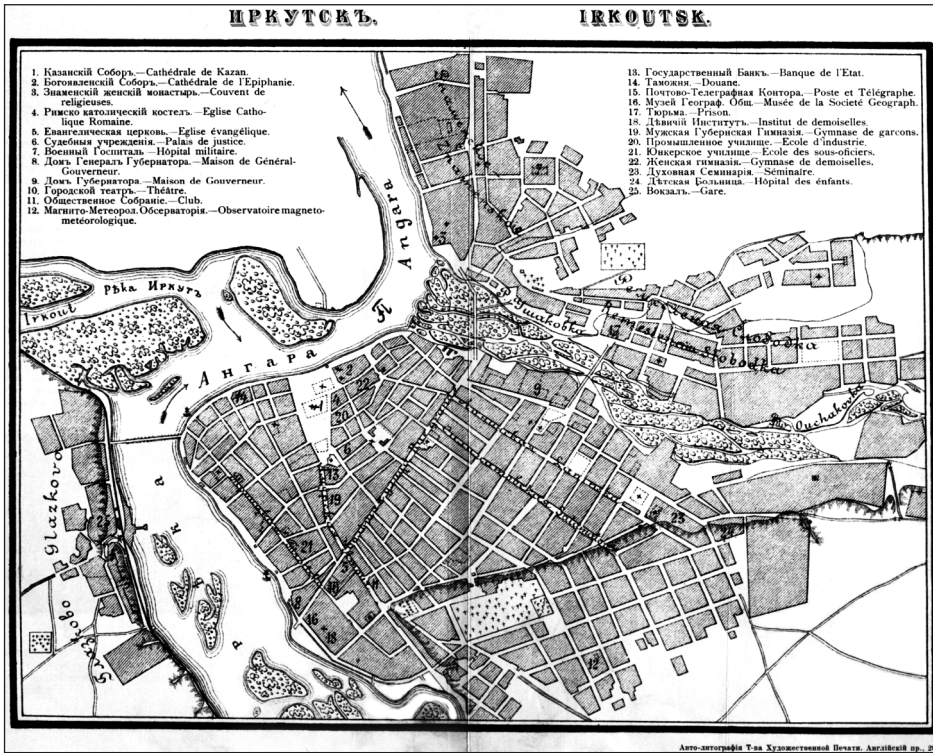

Рис. 5.5. Иркутск, город (План).

Масштаб неизвестен. – Авто-литогр. Т-ва художественной печати // Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге / Изд-во Министерства путей сообщения; под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и инженера А.Ф. Здзярского; с 2 фототипиями, 360 фотолитографиями, 4 картами Сибири и 3 планами городов. – СПб.: Т-во художественной печати, 1900. – Вкл. Между с. 336 и 337.

равления. Интересно отметить, что это издание впервые включало обстоятельный обзор истории картографирования Азиатской России, написанный молодым военно-морским офицером, впоследствии известным историком картографии Л.С. Багровым (Лео Багров) [Багров, 1914, 2005]. В содержании карт и сопроводительного текста атласа отражены результаты большого труда различных организаций и отдельных русских ученых. В Атласе впервые дан обширный набор экономических карт по Азиатской России. Центральный его раздел составляют карты, на которых фонами разного цвета показана общая картина землевладения и землепользования, отображающая итоги десятилетней деятельности Переселенческого управления по обустройству переселенцев. Помещена специальная карта, посвященная распределению населения Азиатской России по вероисповеданиям. Городам посвящены три карты, на которых отображена их людность, рост бюджета и задолженность. На картограммах по сельскому хозяйству показан удельный вес в полеводстве разных культур и относительное количество основных видов скота. На отдельной карте отмечены месторождения

полезных ископаемых. Специальные карты атласа посвящены путям сообщения, почтовым учреждениям и телеграфным линиям, имевшим, конечно, для малонаселенной Азиатской России чрезвычайное значение.

К концу первого этапа Российская империя обладала обширнейшими территориями, отображенными, в частности на общей карте государства, изданной картографическим заведением А.А. Ильина в 1915 г., а к 1917 г. был получен огромный полевой съемочный материал, создан ряд замечательных картографических произведений, однако покрытие топографической съемкой территории России было неравномерным, значительная часть территории все еще оставалась не изученной в топографическом отношении. В целом же к этому времени Россия пришла имея картографию, обеспечивавшую запросы обороны, народного хозяйства, науки и просвещения страны, на уровне, вполне отвечавшем ее роли великой евроазиатской державы своего времени.

Второй этап нового периода в истории картографирования Сибири (1917–1950 гг.). Этот этап характеризуется началом составления карт в метрической системе. В первые годы советской власти картографическим отделом корпуса военных топографов (КВТ) Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) были составлены первые карты в метрической системе, например, обзорно-топографическая карта масштаба 1:1 000 000 (при участии РГО). С 1923 г. Корпус военных топографов стал именоваться Военно-топографической службой (ВТС), которой в 1923–1927 гг. было составлено и обновлено около 2000 номенклатурных листов топографических карт разных масштабов. В 1923 г. для государственной топографической съемки территорий центральных, южных и юго-восточных областей европейской части СССР был определен масштаб 1:50 000, для территорий северных областей Европейской части, Сибири и Дальнего Востока и других областей страны – 1:100 000.

В 1928 г. было принято решение о переходе к системе плоских прямоугольных координат в проекции Гаусса–Крюгера на эллипсоиде Бесселя. С 1928 г. при создании топографических карт масштаба 1:100 000 начал применяться контурно-комбинированный метод, а с 1936 г. – стереотопографический метод. Созданный в 1932 г. профессором Ф.В. Дробышевым топографический стереометр позволил обеспечить большую часть работ по картографированию страны в масштабе 1:100 000, завершеному в начале 1950-х гг. Астроном-геодезист, член-корреспондент АН СССР Ф.Н. Красовский разработал научные основы новой схемы триангуляции 1- и 2-го классов, вместе с А.А. Изотовым определил параметры референц-эллипсоида применительно к территории СССР. С 1942 г. параметры референц-эллипсоида, названного эллипсоидом Красовского, используются при создании всех карт в нашей стране. С 1932 г. начались планомерные гравиметрические исследования для решения геодезических задач, обеспечения разведки полезных ископаемых и изучения внутреннего строения Земли. К 1935 г. были закончены градусные измерения в виде триангуляции 1-го класса от Орши до Хабаровска. С 1935 г. аэрофотосъемка стала основным методом государственного картографирования территории страны.

Для обслуживания многогранных запросов народного хозяйства, обороны страны и создания полноценной топографической основы при разработке мелкомасштабных и специальных карт на территорию страны государственная картографо-геодезическая служба (ГУГК и ВТС ГШ РККА) приступила в 1940 г. к составлению новой обзорной топографической карты масштаба 1:1 000 000. Первые листы топографической карты масштаба 1:1 000 000 были составлены в 1918 г., к 1939 г. было издано 80 листов, но они не могли удовлетворить требований народного хозяйства из-за разнородности принципиальных установок при разработке содержания. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. созданная в Академии наук Комиссия по географо-геологическому обслуживанию Красной Армии занималась обеспечением войск военно-географическими описаниями и комплексными военно-географическими картами.

К 1945 г. на территорию СССР была создана новая карта масштаба 1:1 000 000 (232 номенклатурных листа) в единых условных знаках и проекции. Карта во многом расширила представления и знания о территории Советского Союза, обобщив многочисленные съемочные, картографические и литературные материалы различных ведомств и учреждений страны по географической и картографической изученности СССР. В 1947 г. эта карта была отмечена Большой золотой медалью Географического общества СССР. К 1946 г. завершилось уравнивание рядов триангуляции 1-го класса. В результате завершения уравнивания триангуляции Постановлением Совета министров СССР в 1946 г. на территории СССР была введена единая система геодезических координат. В течение 1946–1950 гг. основные усилия государственной картографо-геодезической службы были направлены на завершение создания на всю территорию СССР топографической карты масштаба 1:100 000, что позволило приступить к созданию государственных топографических карт более мелких масштабов (1:200 000–1:1 000 000).

На этом этапе ускоренное освоение восточных районов страны требовало усиления научно-исследовательских изысканий на картографической основе различных государственных министерств и ведомств под эгидой Комиссии по изучению естественных производительных сил России, созданной еще в 1915 г. по инициативе В.И. Вернадского, а затем (с 1930 г.) Советом по изучению производительных сил страны, в том числе Академией наук и вузов. Организованные ими крупные экспедиции: Индигирская (1926 г.), Таймырская (1928–1929 гг.), Якутская (1925–1934 гг.), Алтайская (1927–1928 гг.), Колымская (1929–1930 гг.), Кулундинская (1931–1934 гг.), Чукотская (1933–1934 гг.), Ойротская (1936–1937 гг.) и другие способствовали развитию производительных сил и картографированию многих районов Сибири [Батуев, 2005, 2009].

В 1920-е гг. начались большие исследования в Арктике, что позволило существенно уточнить карту этого региона. Арктические экспедиции открывали новые острова и “закрывали” несуществующие. Так, окончательно был разрешен вопрос с “Землей Санникова” и “Землей Андреева”. Если первой (“увиденной” русским промышленником Я. Санниковым в

1811 г.) просто не существовало, то земля, увиденная С. Андреевым в 1764 г., оказалась островом Новая Сибирь, открытым в 1806 г.

Интенсивно проводились работы в области геологического картографирования Сибири. Исследования по изучению геологического строения, закономерностей формирования и размещения месторождений нефти и газа способствовали открытию и освоению Западно-Сибирской нефтегазовой области. Созданные в Академии наук СССР (АН СССР) в середине 1920–начале 1930-х гг. Почвенный, Геоморфологический, Геологический, Ботанический институты взяли на себя большую часть работ по разработке новых тематических карт - почвенных, геоморфологических, тектонических, геоботанических и др.

Крупным достижением тематического картографирования в этот период стало издание в двух томах Большого советского атласа мира (сокращенно БСАМ, 1937–1940). Первый том (1937 г.) издан со вступлением, содержит физические, экономические и политические карты мира (83 с.) и карты СССР, в том числе с отображением сибирских территорий (85 с.). Во второй том (1939 г.) вошли обзорные экономические карты отдельных республик и областей СССР.

5.3. НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СИБИРИ (С СЕРЕДИНЫ XX В.)

Первый этап новейшего периода в истории картографирования Сибири (1950–1980 гг.). С началом в 1950-х гг. регулярного применения аэрофотосъемочных методов при создании государственных топографических карт начался первый этап новейшего периода в истории картографирования Сибири.

В середине 1950-х гг. усилиями государственной картографо-геодезической службы (Главное управление геодезии и картографии, Военно-топографическая служба ВС СССР, Министерство геологии СССР и др. ведомства) завершена подготовка к изданию топографической карты масштаба 1:100 000 на всю территорию РСФСР. С 1951 г. началось пересоставление и издание новой карты масштаба 1:1 000 000.

В 1960–1970 гг. значительно возросли работы по созданию государственных геодезических сетей. К середине 1970-х гг. вся территория СССР была покрыта астрономо-геодезической сетью. Это позволило с 1981 г. приступить к уравниванию последней. В 1970-е гг. было произведено уравнивание нивелирной сети, в результате чего единая Балтийская система высот была распространена с высокой точностью на всю территорию Сибири. Таким образом, созданные астрономо-геодезическая и нивелирная сети позволили приступить к созданию на точной плановой и высотной основе общегеографических и тематических карт для широкого круга потребителей. В 1974–1975 гг. началась топографическая съемка шельфа морей, а также дна озер и водохранилищ на территории Сибири. К концу 1980-х гг. топографической съемкой было обеспечено большинство городов, поселков городского типа и многие сельские населенные пункты Сибири. Во многих крупных городах выполнено картографирование в масштабах 1:1 000 и

1:500. Основным методом съемок стал стереотопографический с применением аэрофотосъемки.

В 1980-х гг. завершился важный этап в общегосударственном картографировании страны – для всей территории СССР была создана топографическая карта масштаба 1:25 000, на экономически развитые районы (площадью 2,5 млн км²) создана топографическая карта масштаба 1:10 000. Это позволило приступить к составлению на их основе карт масштабов 1:50 000, 1:100 000, 1:200 000 и 1:500 000 и обновлению карты масштаба 1:1 000 000. В этот период резко возросли объемы картографирования в крупных масштабах 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500, в связи с развитием мелиоративных работ, формированием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, увеличением темпа городского строительства и расширением городских территорий.

Космическая эра привела к существенным изменениям в изучении территории страны и ее картографировании. В 1961 г. Г.С. Титов впервые сфотографировал Землю из космоса с борта космического корабля “Восток-2”. Эта и последующие съемки с пилотируемых космических кораблей показали, что фотоснимки, полученные с больших высот, несут уникальную информацию о Земле. Поэтому в 1970 г. во время полета космического корабля “Союз-9”, пилотируемого А.Г. Николаевым и В.И. Севастьяновым, были проведены систематические съемки некоторых районов СССР. В 1960-е гг. стали функционировать первые спутники оперативного зондирования Земли – “Метеор”, в 1970-х гг. – “Метеор-Природа”. С борта космического корабля “Союз-12” (1973 г.) впервые выполнен большой объем съемок в шести и девяти зонах электромагнитного спектра. Этим была доказана эффективность многозонального зондирования в целях тематического картографирования. Станция “Салют-4” (1974–1975 гг.) имела уже 12 фотографических систем различных типов, в том числе фотоаппаратов, специально предназначенных для съемок из космоса. В интересах исследования и картографирования природных ресурсов, обновления топографических карт с 1974 г. эксплуатируются спутники типа “Ресурс-Ф” различных модификаций. В 1978 г. государственной картографо-геодезической службой была разработана и реализована “Программа комплексного изучения и картографирования природных ресурсов страны с использованием космической информации”, в рамках которой были изданы серии тематических карт и на сибирские регионы: Северного Забайкалья, Красноярского края и других регионов [Воробьев и др., 1996, 1997; Географические исследования..., 2007, Т. 4, Т. 5].

Одной из важнейших задач государственной картографической службы в послевоенный период и последующие годы явилось создание фундаментальных картографических произведений. Крупнейшими общегеографическими картографическими произведениями послевоенного периода, где отображена территория Сибири, стали “Атлас мира” (1954, 1967 гг.) и “Карта мира” масштаба 1:2 500 000 (1964–1976 гг.), которая была подготовлена картографо-геодезическими службами СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии. Опыт, накопленный при создании “Типсометрической карты европейской части СССР” (1941 г.), был

использован и развит при создании “Гипсометрической карты СССР” масштаба 1:2 500 000, изданной в 1949 г. В 1956 г. вышла в свет “Гипсометрическая карта СССР” масштаба 1:4 000 000, одна из первых карт в серии тематических карт, предназначенных для комплексного изучения природных условий на всей территории страны. Для обеспечения потребностей войск в 1947 г. ВТУ ГШ ВС СССР был издан “Атлас офицера”. Государственной картографо-геодезической службой в этот период были созданы комплексные и тематические атласы, отражающие достижения страны в различных областях науки и экономики. В 1950–1956 гг. государственной картографо-геодезической службой подготовлены первые карты для высших учебных заведений. Всего было создано 100 наименований таких карт. С 1974 г. совместно с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова началось создание новой серии стенных карт для высших учебных заведений. В конце 1970-х гг. государственной картографо-геодезической службой издаются географические и исторические атласы для средней школы и школьно-краеведческие атласы [Берлянт, 1997].

Наряду с государственной картографо-геодезической службой центрами комплексного картографирования в послевоенный период стали Институт географии АН СССР, географический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Ленинградский университет, Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, а также географические подразделения академий наук союзных республик.

Региональные комплексные исследования в Сибири привели к созданию комплексных атласов Иркутской области (1962 г.), Тюменской области (в 2-х томах, 1971–1976 гг.), Алтайского края (в 2-х томах, 1978–1980 гг.), Забайкалья (1967 г.), озера Байкал (1969 г.) и др. Кроме атласов создавались серии региональных тематических карт, комплексно отражающих природные условия, ресурсы и экономику Сибирских регионов страны – юга Красноярского края (1977 г.), юга Восточной Сибири (1972–1988 гг.), Байкало-Амурской магистрали (1976–1984 гг.), Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса и других регионов страны [Батуев, 2001].

1950–1980-е гг. являются периодом наиболее бурного развития многоотраслевого тематического картографирования.

В это время проводятся массовые геологические съемки в масштабах 1:50 000, 1:200 000 с изданием соответствующих государственных геологических карт – Госгеолкарты-50 и Госгеолкарты-200, заканчивается первое и разворачивается второе издание “Государственной геологической карты масштаба 1:1 000 000 (новая серия)”. Создаются обзорные карты разного геологического содержания. К 1970-м гг. среднемасштабные геологические карты были составлены на всю территорию СССР, а важнейшие горно-рудные, угольные и нефтегазоносные районы обеспечены крупномасштабными картами. Кроме общегеологических карт, изданы различные тектонические и другие карты как всей территории СССР, так и Сибири.

Особо интенсивное развитие в послевоенный период получило геоморфологическое картографирование. Многочисленные геоморфологические карты разного масштаба были созданы на различные регионы Сибири.

В 1983 г. издан “Палеогеоморфологический атлас СССР. Карты палеорельефа и коррелятивных отложений”.

Для гидроклиматической и геокриологической картографии этого периода характерно прикладное назначение работ, особенно для сельского хозяйства, выразившееся в создании большого числа агроклиматических карт. Изданы “Агроклиматический атлас мира” (1972 г.), серия агроклиматических карт Иркутской, Читинской областей и Бурятской АССР масштаба 1:2 500 000 (1968 г.) и др. Из региональных карт Сибири представляют большой интерес карты: “Байкало-Амурская магистраль. Геокриологическая карта” масштаба 1:2 500 000 (1979 г.), “Мерзлотно-ландшафтная карта Якутской АССР” масштаба 1:25 000 000 (1991 г.) и др. Появилось большое число карт по основным элементам водного баланса. В 1949 г. издана “Карта поверхностных вод СССР” масштаба 1:4 000 000. В 1986 г. издан “Атлас расчетных гидрологических карт и номограмм”. Институтом водных проблем АН СССР составлены “Карта подземного стока территории СССР” масштаба 1:2 500 000 (1978 г.), “Гидрогеотермическая карта СССР” масштаба 1:7 500 000 (1980 г.), “Гидрохимическая карта СССР” масштаба 1:5 000 000 (1966 г.) и “Гидрохимический атлас СССР” (1990 г.)

Основные работы по исследованию почв и разработке содержания почвенных карт СССР и регионов Сибири выполнены Почвенным институтом им. В.В. Докучаева. С 1946 г. институт работает над созданием “Государственной почвенной карты СССР” масштаба 1:1 000 000. Издание в 1956 г. обзорной “Почвенной карты СССР” масштаба 1:4 000 000 и в 1962 г. карт крупных регионов страны отразило основные представления о распределении почв и позволило осуществить почвенно-географическое районирование СССР. С 1970-х гг. издаются областные почвенные карты. В различные годы послевоенного периода изданы карты: “Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР” масштаба 1:8 000 000 (1984 г.), “Почвенная карта РСФСР” в масштабе 1:2 500 000 (1968 г.). Из других почвенных карт на всю территорию СССР были изданы “Почвенно-эрозионная карта СССР” масштаба 1:5 000 000 (1968 г.), “Карта типов химизма засоления почв СССР” масштаба 1:2 500 000 (1976 г.).

Геоботаническое картографирование в послевоенный период развивалось, в основном, в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова, а позднее (с 1959 г.) в Институте географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР. В 1955 г. вышла в свет обзорная “Геоботаническая карта СССР” масштаба 1:4 000 000. В 1970-е гг. было издано большое число региональных карт растительности. Институтом географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР были созданы карты растительности Западно-Сибирской равнины (1976 г.) и юга Восточной Сибири (1972 г.) масштаба 1:1 500 000, Байкало-Амурской магистрали масштаба 1:2 500 000 (1983 г.), “Корреляционная эколого-фитоценотическая карта Азиатской России” масштаба 1:7 500 000 (1977 г.) и др. В 1976 г. выпущен “Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР”, содержание которого было разработано Всесоюзным институтом лекарственных растений. В 1955 г. издана “Карта лесов СССР” масштаба 1:2 500 000 (на 32 листах), отражающая итоги 30-летней работы по изучению лесов страны. В 1973 г. крупным произведе-

дением, обобщившим опыт картографирования лесов стал “Атлас лесов СССР”. В 1990 г. выпущена в свет новая карта “Леса СССР” масштаба 1:2 500 000.

В результате проведения полевых ландшафтных съемок были составлены ландшафтные карты разного масштаба на значительные территории СССР для комплексных региональных атласов, нужд сельского хозяйства и других целей. Работа над региональными ландшафтными картами привела к разработке в 1961–1964 гг. ландшафтной карты СССР масштаба 1:4 000 000. В 1985 г. была издана на 16 листах “Ландшафтная карта СССР” масштаба 1:2 500 000. Важным картографическим произведением ландшафтной тематики стала карта “Ландшафты юга Восточной Сибири” масштаба 1:1 500 000, разработанная Институтом географии СО АН СССР и изданная в 1977 г. государственной картографо-геодезической службой.

В 1984 г. издана “Карта оценки природных условий жизни населения СССР” масштаба 1:8 000 000, содержание которой разработано Институтом географии АН СССР. Государственной картографо-геодезической службой совместно с Академией наук СССР разработаны и изданы “Карта населения СССР” масштаба 1:2 500 000 (1977 г.) по данным переписи населения 1970 г. и карта “Население юга Восточной Сибири (людность и типы поселений)” масштаба 1:1 500 000 (1979 г.). С конца 1940-х гг. в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР велись работы по историко-этнографическому картографированию. Опубликованы два капитальных труда – “Историко-этнографический атлас Сибири” (1961 г.) и “Русские. Историко-этнографический атлас” (1967 г.). Были изданы также региональные сельскохозяйственные атласы и карты. С середины 1950-х гг. издаются карты и атласы транспортной сети: водных путей сообщения, автомобильных и железных дорог, местных воздушных линий, магистральных трубопроводов. С начала 1960-х гг. в региональных атласах начали картографироваться строительная индустрия, сфера обслуживания населения. Стали появляться карты и атласы для планирования отдыха, туризма, курортного лечения.

В 1980-е гг. активизировалась работа Топографической службы Вооруженных сил СССР в области общегеографического и тематического картографирования. В это время созданы серии обзорно-географических карт различных масштабов на территорию СССР и аэронавигационных карт масштабов 1:2 000 000 и 1:4 000 000 СССР, общегеографических и тематических карт на территорию РСФСР.

Второй этап новейшего периода в истории картографирования Сибири (начало с 1980-х гг.). Современный второй этап новейшего периода картографирования территории Сибири характеризуется тем, что она стала регулироваться на государственной законодательной основе, а техническую основу составляют компьютерные (геоинформационные) методы картографирования. На этом этапе государственная картографо-геодезическая служба России вступила в полосу преобразований и реформ: правовых и хозяйственно-экономических.

Современное правовое регулирование в области геодезической и картографической деятельности в России осуществляется в соответствии с Конс-

титутцией Российской Федерации. Разработаны и приняты федеральные законы “О геодезии и картографии”, “О наименованиях географических объектов”, “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон о геодезии и картографии”, устанавливающие правовые основы деятельности в области геодезии, картографии и наименований географических объектов.

Достигнута в целом достаточно высокая степень картографирования территории Российской Федерации, которая характеризуется следующими показателями: 1) государственные топографические карты масштабов 1:25 000, 1:50 000, 1:100 000, 1:200 000, 1:500 000, 1:1 000 000 созданы на всю территорию России; 2) карты в масштабе 1:10 000 созданы на все промышленные и сельскохозяйственные районы общей площадью 4,5 млн км²; 3) планы масштабов 1:2 000, 1:5000 созданы на все города, поселки городского типа и промышленные зоны; 4) топографические карты масштабов 1:10 000, 1:25 000 созданы на районы континентального шельфа и внутренних водоемов, общей площадью 350 тыс. км². Общий объем созданных оригиналов государственных топографических карт масштаба 1:10 000. 1:1 000 000 составляет 517 202 номенклатурных листа. В целях поддержания государственных топографических карт (планов) на современном уровне, отвечающем действительному состоянию местности, исходя из потребностей экономики и обороны страны, физико-географических условий региона выполняется обновление государственных топографических карт. Для наращивания объемов обновления топографических карт были внедрены малозатратные и высокопроизводительные компьютерные технологии, которые при выполнении картографических работ становятся доминирующими, создаются базы данных цифровой картографической информации.

В 1992–1994 гг. на всю территорию России завершено создание цифровой топографической карты масштаба 1:1 000 000. Большой объем работ выполнен по картографо-геодезическому обеспечению земельного кадастра.

В России введена новая схема построения государственной триангуляции в виде сплошной сети триангуляции 1-го класса. Переход на новую схему построения опорной государственной триангуляции полностью оправдался. В 1991 г. завершено совместное уравнивание сети. В результате завершения в середине 1990-х гг. совместного уравнивания космической геодезической сети, доплеровской геодезической сети, астрономо-геодезической сети была установлена единая государственная система координат 1995 г. (СК-95), которая согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 28 июля 2000 г. № 568 введена с 01.07.2002 г. для использования при осуществлении геодезических и картографических работ. Новая система координат (СК-95) согласована с единой государственной геоцентрической системой координат Параметры земли 1990 года (ПЗ-90) и, как более современная, по многим параметрам превосходит действовавшую до 1 июля 2002 г. систему координат 1942 г.

Наряду с выполнением на территории России традиционных топографо-геодезических и картографических работ, государственная картографо-

геодезическая служба стала решать поставленные перед ней задачи с использованием современных компьютерных технологий. 1990-е гг. положили начало новому особо важному направлению, связанному с переходом на автономные спутниковые методы определения координат и цифровые методы картографирования. Современные задачи науки, производства и обороны требуют обновления государственной геодезической сети на качественно новом, более высоком, уровне точности. Построение высокоточной государственной геодезической сети (начато в 1999 г.) является составной частью новой высокоэффективной государственной системы геодезического обеспечения территории Российской Федерации, основанной на применении методов космической геодезии и использования глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS. Высотной основой Российской Федерации служит высокоточная сеть геометрического нивелирования 1- и 2-го классов общей протяженностью более 400 тыс. км, представляющая собой совокупность нивелирных знаков, закрепленных на местности специальными центрами.

Современное общегеографическое и тематическое картографирование в Сибири направлено на обеспечение постоянно растущих потребностей широкого круга потребителей. Тематическое картографирование в этот период отличается бурным развитием и чрезвычайным разнообразием. Созданием тематических карт, кроме государственной картографо-геодезической службы, стали заниматься муниципальные образования, граждане и юридические лица различных форм собственности. Для обеспечения различных групп потребителей издаются: общегеографические, научно-справочные, тематические, учебные, туристские, а также комплексные карты и атласы, рельефные карты и глобусы. В 1990-е и 2000-е гг. изданы: Топографические карты Сибири, Общегеографические карты субъектов Российской Федерации Сибири, Карты административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации Сибири, Карты городов Сибири, Автодорожные атласы регионов Сибири и др.

С 2000 г. государственной картографо-геодезической службой России совместно с другими министерствами и Российской академией наук начались работы по созданию Национального атласа России как официального четырехтомного государственного издания. Были организованы работы по проектированию, составлению, редактированию, подготовке к изданию и печатанию тиражей томов Национального атласа России; разработаны и утверждены Концепция Национального атласа России и концепции тематических томов Национального атласа России. В дальнейшем будут разрабатываться региональные тома Национального атласа России, в том числе по регионам Сибири.

В системе картографического обеспечения хозяйства и населения Сибири значительную роль занимают тематические карты и атласы, в первую очередь минеральных ресурсов, почв, растительности, лесов, водных ресурсов, использования земель, населения, промышленности, сельского хозяйства, агропромышленного комплекса, транспорта, охраны окружающей среды, истории и культуры.

В целом фундаментальное научное тематическое картографирование в России в это время “прирастало” за счет развития тематического картографирования в Сибири. Тематическое картографирование в Сибири в свою очередь прошло ряд важных ступеней в развитии.

В качестве первой ступени тематического картографирования можно назвать комплексное инвентаризационно-интерпретационное картографирование природы, хозяйства и населения Сибири. Для координации работ по вопросам тематической картографии в 1964 г. по инициативе академика В.Б. Сочавы была учреждена комиссия по комплексному тематическому картографированию природы, хозяйства и населения. Комиссия работала на базе Института географии СО АН СССР, но была органом Сибирского отделения АН и выполняла функции общесибирского объединения [Воробьев и др., 1997]. Под эгидой Комиссии периодически стали созываться научные конференции по тематической картографии и начали выпускаться в свет комплексные картографические произведения в виде фундаментальных региональных и национальных атласов и серий настольных карт, а также в виде многолистных настенных научно-справочных карт. Фундаментальные научные тематические картографические произведения создаются в первую очередь усилиями институтов Сибирского отделения Академии наук, отраслевыми научно-исследовательскими институтами и вузами. В качестве примера мы приводим картографические издания Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН.

Развитие работ по составлению конкретных карт и атласов стимулировало обращение исследователей к различным вопросам теории тематического картографирования и одновременно к проблемам методики. Вопросам теории и методики тематической картографии Сибири посвящены более 60 крупных монографий и тематических сборников. В научных журналах опубликованы более 600 трудов по теоретическим, методическим и практическим вопросам картографии.

На второй ступени развитие идей и методик комплексного подхода в тематическом картографировании способствовало формированию синтетического картографирования, которое выдвинуло на первый план целостное отображение региональных систем и структур путем интеграции параметров, свойств и отношений слагающих их компонентов. Особую роль составило оценочно-прогнозное картографирование, задача которого – целенаправленная интегральная оценка развития регионов Сибири. Далее был сделан следующий шаг – развитие системного картографирования, при котором внимание сосредотачивается на целостном отображении геосистем и их элементов, иерархии, взаимосвязей, динамики, функционирования. Становление этого фундаментального направления тематической картографии тесно связано с деятельностью академика В.Б. Сочавы в 1960–1970-е гг. Системный подход проявился, с одной стороны, в новых методах картографического моделирования геосистем, а с другой – в системной организации самого процесса картографирования. Очевидным также является наличие особого направления системного картографирования – системного картографического обеспечения региональных программ

развития, т. е. проблемного картографирования. Становление данного направления связано с деятельностью академика В.В. Воробьева в 1970–1980-е гг. В эти годы особо актуализировалась проблематика экологического картографирования. В Сибири большое внимание уделялось экологической обстановке в ее крупнейших городах. Были созданы серия экологических карт города Иркутска и его пригородной зоны (Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН), электронный экологический атлас Новосибирска (ГИС-центр СО РАН), экологические карты Красноярска (Красноярский научный центр СО РАН) и Кемерово (Кемеровский научный центр и Институт угля СО РАН). Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН совместно с Московским и Санкт-Петербургским университетами составил обзорную эколого-географическую карту России масштаба 1:4 000 000, а совместно с Байкальским институтом природопользования СО РАН – карту экологического зонирования Байкальской природной территории масштаба 1:1 000 000. В 2012 г. Институтом выпущена в свет карта “Нозоэкосистемы Азиатской России” масштаба 1:7 500 000. Наиболее крупными картографическими работами по этому научному направлению являются выпущенный в свет в 2004 г. атлас “Иркутская область: экологические условия развития” (рис. 5.6), а также разработанный в 2013–2014 гг. электронный “Экологический атлас бассейна озера Байкал”.

Синтетическое и системное направления в картографировании, а также оперативные задачи решения актуальных проблем регионального развития картографическими методами потребовали основательного развития математических методов и автоматизированных технологий создания карт. Таким образом, был сделан шаг до создания автоматизированных картографических систем и ГИС.

Возникновение и развитие новых методов картографирования как прямое продолжение комплексного, системного и проблемного картографирования в новой информационной среде привело к третьей ступени – геоинформационному картографированию (ГК). ГК сформировалось как узловая дисциплина на пересечении автоматизированной картографии и ГИС, системного картографирования и аэрокосмических методов в широком понимании, включая дистанционное зондирование, дешифрирование и цифровую фотограмметрию. Основным импульсом для

Рис. 5.6. Титул электронного варианта атласа “Иркутская область: экологические условия развития”.

возникновения и формирования ГК как узловой дисциплины послужило внедрение новой быстро прогрессирующей ГИС-технологии. ГК аккумулировало современные достижения теории, методики и производственной практики и, в свою очередь, оказало заметное воздействие на концепции, методический аппарат и технологии картографирования.

Богатство и многообразие средств и возможностей информационных технологий для решения картографических задач в Сибири реализуется с помощью использования как большого числа тематических и комплексных карт в качестве баз данных, так и геоинформационных систем разного интеллектуального уровня, которые характеризуются наличием взаимодействия информационно-имитационных моделей с тематическими экспертными системами и развитыми средствами визуализации и графического отображения географических явлений. Например, оперативными геоинформационными методами в кратчайшие сроки были выпущены в свет: в 2010 г. “Атлас социально-экономического развития России” с разделом “Развитие Байкальского региона”, в 2011 г. электронная серия карт “Природные ресурсы, хозяйство и население Байкальского региона”, в 2012 г. “Атлас развития Иркутска” (рис. 5.7), в 2012 г. “Атлас особо охраняемых природных территорий Сибирского федерального округа” и атлас “Слюдянский район: природа, население, хозяйство”.

Природно-экологический и социально-экономический потенциалы регионов Сибири, возможности современного и перспективного использования природных ресурсов и их охраны на создаваемых в настоящее время тематических картах Сибири представляются таким образом, чтобы они могли быть использованы при разработке хозяйственных, экологических и социальных инновационных проектов и мероприятий. Этому способствуют следующие возможности современного цифрового картографического производства: 1) системный, сбалансированный и комплексный показ эволюционно-исторических, политико-правовых, национально-религиозных аспектов, природно-ресурсных, экономических, демографических, социально-культурных предпосылок, экологических и инновационных факторов территориального развития; 2) разнообразие и мультимасштабность картографического материала, выражающиеся в сочетании общесибирского макрорегионального, областного (республиканского), районного и муниципального уровней отображения информации и в отображении информации по проблемным узлам и ареалам; 3) пригодность для управления (наличие карт для оценки, нормирования, оптимизации, планирования, мониторинга, регулирования); 4) возможность информационно-поисковых функций и удобные формы диалога с пользователем; 5) возможность интегрированной обработки картографических и текстовых данных; 6) возможность легкой адаптации цифровых карт к изменениям форм входных и выходных документов, а также структуры базы данных; 7) наличие разнообразных моделей данных, специализированных по задачам обработки и использования информации, тесно интегрированных между собой в поддерживающей информационной системе.

Результаты картографических исследований Сибири постоянно обсуждаются на различных научных форумах, в том числе и специализирован-

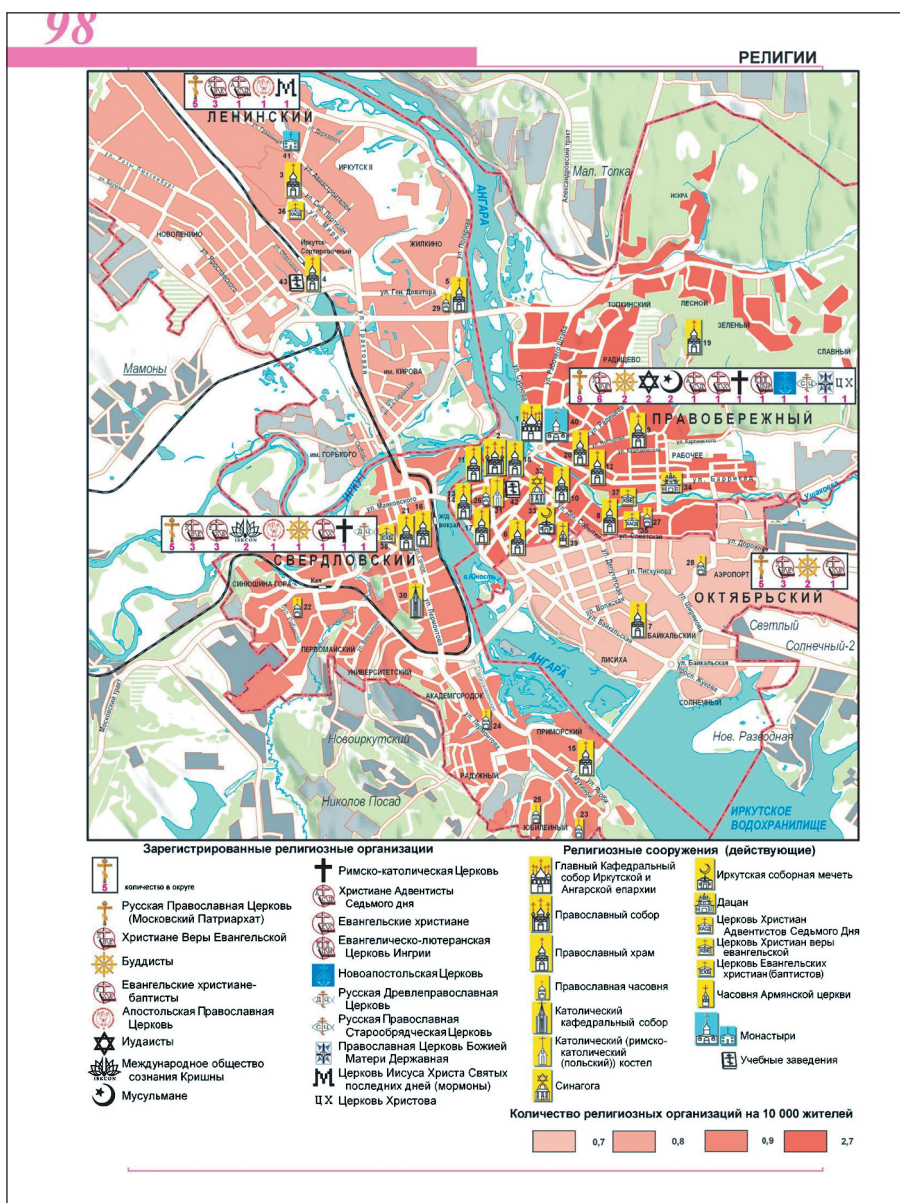

Рис. 5.7. “Религии” – карта из раздела “Демографический и социальный потенциал” Атласа развития Иркутска. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2011. – 131 с.

ных. Например, только на базе Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН было проведено девять научных картографических конференций. Обсуждение на них актуальных проблем стало серьезным вкладом в развитие тематической картографии Сибири.

Современная концепция тематического картографирования регионов Сибири основана на предметном изучении и картографировании главных факторов, которые влияют на достижение основной цели развития территорий – повышения уровня и качества жизни населения. Фундаментальная картографическая обеспеченность многих регионов Сибири, в частности Байкальского, позволяет создать эффективные картографические разработки в оперативном режиме для выявления фундаментальных закономерностей формирования в регионах Сибири территориальных зон роста и развития, сохранения и улучшения окружающей среды; формирования картографического имиджа региона и проведения инвестиционного маркетинга территорий (подготовить территорию для инвестиций); оперативно создания прикладных карт для муниципальных образований, фирм и предприятий; создания эффективных и наглядных картографических произведений учебно-образовательного назначения.

В наши дни является чрезвычайно актуальной интеграция данных научных исследований на новой технологической платформе инфраструктур пространственных данных (ИПД). ИПД опирается не только на информационные технологии с цифровой картографией, но и на телекоммуникации. Среда их обитания – Интернет, к распределенным ресурсам которого обеспечен свободный и равноправный доступ [Koshkarev et al., 2008].

* * *

В условиях ИПД картографический метод превращается из вспомогательного в один из основных методов не только территориального управления, но и учебно-образовательного процесса. Современная концепция формирования ИПД базируется на территориальном или региональном принципах формирования базовых элементов для отображения данных научного содержания широкого тематического спектра.

Достигнутые результаты, дальнейшая разработка проблем, вопросов и задач картографирования обширных регионов Сибири и сопредельных территорий позволят успешно решать актуальные задачи устойчивого развития стран и регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, проведенные авторами данного тома серии, позволяют сделать некоторые выводы по результатам колонизации и хозяйственного освоения территории Сибири российским государством и обществом.

Колонизация региона происходила поэтапно, но непрерывно на протяжении четырех столетий, и процесс этот продолжается до сих пор. В нем участвовали и участвуют представители не только русской, но и других наций и народов, входивших в состав Российской империи и СССР, а также стран, вовлеченных в социально-экономические и политические процессы. Среди них наиболее значительный вклад внесли представители украинского, белорусского и польского народов, прибалтийских этносов (финны, эстонцы, латыши, литовцы), народов Германии, Кавказа, Средней Азии, Китая, Кореи. Велика роль в событиях политической, культурной и экономической жизни региона евреев, представителей восточно-европейских этносов, волжских и крымских татар. На разных исторических этапах в качестве основных доноров выступали разные народы, а в настоящее время доминируют выходцы из Средней Азии и Кавказа.

Сибирь, несмотря на преимущественно неблагоприятные природно-климатические условия, никогда не была безлюдной. Ее территория населена уже многие тысячелетия и знала ряд цивилизаций, оказавших принципиальное воздействие на судьбы народов Азии и Европы. В ее истории есть страшные и кровавые страницы, но все же больше примеров мирного сосуществования и даже сотрудничества разных этносов и конфессий. Естественным образом правомерно сравнение истории Сибири последних столетий с историей Америки и Австралии. На наш взгляд, это сравнение будет в пользу Сибири, входившей в состав Российской империи и СССР.

Сибирь не стала “плавильным котлом”, и политика мультикультурализма не применялась при ее

колонизации. Она является уникальной территорией, где, не вступая в принципиальные и долговременные конфликты, разместились туземные азиатские этносы и пришедшие, но ставшие коренными славянские народы и постоянно прибывающие сюда представители соседних и отдаленных стран. Так как места хватало всем, а природные условия и особенности экономики не позволяли удерживать территорию и уголья принципиально бульшие, чем можно было обработать или эффективно контролировать, доминировали процессы трудовой кооперации и взаимного обмена производственными и житейско-бытовыми технологиями, а также взаимопроникновение культур.

Несмотря на активно развивавшиеся модернизационные процессы, подавляющее количество туземных этносов Сибири сохранили традиционный уклад жизни, свою численность или даже увеличили ее. Особенно продуктивным оказалось сотрудничество в аграрной сфере: колонисты активно перенимали традиции охотничьего промысла и скотоводства, а туземцы – земледелия и животноводства.

В течение трехвекового совместного проживания и практики постоянного притока в регион мигрантов здесь складывается новая историческая общность людей – сибиряки. В преимуществе своем они являются результатом активно, но естественно происходивших ассимиляционных процессов, бывших следствием совместной хозяйственной деятельности, формирования поселенческой структуры и создания местной интеллигенции и административно-управленческого аппарата. Некоторая часть населения даже стала формализовать свою самоидентификацию, указывая во время переписи населения 2010 г. в графе национальность – “сибиряк”. В значительной степени эта позиция имеет и объективные обстоятельства: в роду коренных сибиряков присутствуют представители трех-четырех национальностей, и отдать предпочтение одной из них зачастую непросто.

Вместе с тем данная общность характеризуется только специфичной ментальностью, особенностями культурного символизма и некоторой оппозиционностью к центральной власти. Наряду с этим, нет никаких оснований говорить о формировании некоего территориального социума, осознающего свою самодостаточность или государственную идентичность. Сибирский сепаратизм присутствует лишь как экзотическая разновидность интеллектуальных течений. В массе своей идеи образования Сибирской республики, а тем более выхода из состава России не имеют массовой поддержки у населения. В регионе отсутствует консенсус по вопросам центра – столицы региона. Определенный Центром на эту роль Новосибирск в этом качестве не воспринимается жителями Восточной Сибири. Традиционно каждый субъект федерации решает свои проблемы напрямую с федеральными органами, расположенными в Москве.

В экономическом плане Сибирь традиционно развивалась в качестве сырьевого придатка европейской части страны и была ориентирована на внутригосударственный рынок. Внутрисибирское разделение труда, межрегиональная кооперация и общесибирский рынок отсутствовали. Большинство территорий региона производят родственную продукцию, потребители которой расположены за пределами Сибири. Исключение составляет про-

дукция пищевого сектора, занимающая в совокупном региональном продукте небольшую долю. Создание промышленных объектов, транспортных и энергетических коммуникаций осуществлялось в соответствии с общегосударственными потребностями и не основывалось на внутрисибирской целесообразности или горизонтальных связях.

Сибирь представляет собой внутренний анклав, существование и развитие которого обусловлено государственной политикой. Являясь в значительной степени искусственным социально-экономическим комплексом или даже стратегическим проектом, она легко трансформируется в административном плане, за исключением национальных районов. Сибирь самостоятельно не может обеспечивать положительную демографическую динамику, в царский, имперский и советский период рост численности населения Сибири достигался преимущественно за счет государственной поддерживаемой или принудительной миграции. При этом неорганизованный возврат переселенцев традиционно был очень высоким.

Таким образом, анализ истории колонизации Сибири показывает принципиальное ее отличие от американской, австралийской и новозеландской моделей. С определенного момента-состояния эти колонии европейских государств выходили на такую стадию развития, что могли существовать самостоятельно. Процесс этот осуществлялся по-разному, но был обеспечен соответствующим уровнем организации самодостаточного социума, формирования внутреннего национального рынка и положительной демографической ситуацией. Это естественным образом лишало смысла колониальный статус и ставило перед вновь созданными социумами проблему отделения (освобождения) от метрополии. Сибирь никогда за свою историю не достигала такого уровня социально-экономического развития, который бы обеспечивал ей возможность существования в виде самостоятельного государства. Поэтому Сибирь, так же как и Дальний Восток, абсолютно зависимы от действий Центра, что требует от руководства страны проведения взвешенной, эффективной и ориентированной на перспективу политики развития восточноазиатских территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Абитуриент* 2000. Весенний выпуск. – Иркутск, 2000. – 163 с.
- Абрамян Л.* Современные тенденции в антропологических исследованиях: материалы дискуссии // Антропол. форум. – 2004. – № 1. – С. 8–13.
- Аветисов Г.П.* Имена на карте Арктики. – СПб.: ВНИИ Океангеология, 2009. – 623 с.
- Азиатская Россия.* – СПб., 1914. – Т. 1.
- Азов И.И., Резун Д.Я.* Тобольск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. – Новосибирск, 2009. – С. 256–258.
- Азов Н.И., Резун Д.Я.* Тюмень // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. – Новосибирск, 2009. – С. 338–340.
- Акишин М.О.* Губернская реформа Екатерины II в Сибири: особенности управления окраинной империи // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. – М.; Новосибирск, 2000.
- Александров Б.В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги библиотеки Академии наук СССР. Географический департамент Академии наук // Труды архива АН. – 1946. – Вып. 6. – 238 с.
- Александровский А.Л., Александровская Е.И.* Эволюция почв и географическая среда. – М.: Наука, 2005. – 223 с.
- Алексеев В.П.* Этногенез. – М.: Высш. шк., 1986. – 176 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век–эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 208–240.
- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. – Иркутск: ОГИЗ, 1941. – С. XXXVII–XXXVIII.
- Аленко А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в.–1917 г.). – Хабаровск, 2001.
- Андреев А.И.* Первые русские карты Сибири XVII века // Глобус: Географический ежегодник для детей. – М.; Л., 1939. – С. 6–9.
- Андреев А.И.* Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // Сов. этногр. – 1937. – № 6. – С. 9–15.
- Андреев А.И.* Экспедиции на восток до Беринга в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в. // Тр. Московского историко-архивного института. – 1946. – Т. 2. – С. 181–223.
- Андреев А.И.* Чертежи и карты России XVII в., найденные в послевоенные годы // Тр. ЛОИИ, 1960. – Вып. 2. – С. 80–90.
- Анисимов А.Ф.* Родовое общество эвенков (тунгусов). – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. – 194 с.
- Анкудинова Т.В.* Горно-Алтайск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 402.
- Антипов А.Н., Корытный Л.М., Плюснин В.М.* Географические исследования Сибири // Фундаментальные исследования в Восточной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – С. 360–398.
- Арзуманов И.А.* Методологические концепты вероисповедной политики России в восточной Сибири XVII–XXI вв.: Философско-правовой аспект исследования. – Улан-удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007.

- Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX вв. – М.: Наука, 1975. – 267 с.
- Атлас Азиатской России. – СПб.: Пересел. упр., 1914. – 44 с. 71 карта.
- Атлас Всероссийской империи И.К. Кирилова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 33 л.
- Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII–XVIII веков / Под ред. А.В. Ефимова. – М., 1964. – 194 с.; 94 л. карт.
- Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят. – Улан-Удэ, 2004. – 228 с.
- Багров Л.С. Картография Сибири. Азиатская Россия. Атлас. – СПб.: Изд. Переселенческого Управления, 1914. – С. 5–10.
- Багров Л. История русской картографии. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 523 с.
- Базаров Д.-Д.Б. Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 181 с.
- Баландин Ю.С. Крестьянское хозяйство. – М.: Агропромиздат, 1992. – 78 с.
- Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1969. – 384 с.
- Батуев А.Р. Комиссия по картографированию // Виктор Борисович Сочава (научное творчество, жизненный путь) / Под ред. В.В. Воробьева, В.А. Снытко, Е.Г. Нечаевой. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – С. 123–130.
- Батуев А.Р. Географическая картография в Сибири // Университетская школа географической картографии. К 100-летию профессора К.А. Салищева / Под ред. А.М. Берлянта. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 270 с. + вклейка.
- Батуев А.Р. О сводном каталоге редких старинных карт // История Иркутской губернии в картах и планах. CD-диск. – Иркутск: Изд-во Иркут. обл. гос. универсальной науч. библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2009.
- Безруков Л.А., Корытный Л.М. Роль территории Сибири в социально-экономическом развитии России // География и природ. ресурсы. – 2009. – № 3. – С. 22–30.
- Белов М.И. По следам полярных экспедиций. – Л.: Гидрометеиздат, 1977. – 144 с.
- Березницкий С.В. Трансформация культурного комплекса у селемджинских эвенков // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – С. 37–55.
- Берлянт А.М. Геоинформационное картографирование. – М., 1997. – 64 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950. – С. 356.
- Блануца В.И. Оптимизация топологии геоинформационной сети: географический подход // География и природ. ресурсы. – 1989. – № 4. – С. 116–124.
- Блануца В.И. Почтово-географическое положение: понятие, алгоритм измерения (на примере почтовой сети Сибири начала XX века) // Там же. – 2010. – № 4. – С. 14–22.
- Блануца В.И. Сетевое время в социально-экономическом пространстве // Там же. – 2011. – № 1. – С. 26–33.
- Блануца В.И. Спор двух поселений за право открыть почтовое отделение // Филателия. – 2012а. – № 3. – С. 28–30.
- Блануца В.И. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // География и природ. ресурсы. – 2012б. – № 1. – С. 5–13.

- Блануца В.И. Диффузия почтовых нововведений в досоветской Сибири // География и природ. ресурсы. – 2012в. – № 4. – С. 30–39.
- Боднарский М.С. Первые русские географические атласы // Землеведение. – 1932. – Т. 34, кн. 1–2. – 218 с.
- Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость. 1775–1783. – М., 1976. – 180 с.
- Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. – М., 1973. – Т. 8. – 705 с.
- Большой энциклопедический словарь. – М., 1991. – 388 с.
- Бондаренко Т.А. Кызыл // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 252–253.
- Бородин В.В. Итоги картографических работ Военного ведомства за сто лет: 1822–1922 г. // Изв. Геогр. ин-та. – 1923. – Вып. 4. – С. 6–14.
- Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. Томского государственного университета. Серия историко-филологические науки. – Томск, 1950. – Т. 112. – С. 23–210.
- Бояршинова З.Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII веке // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1951. – № 2. – С. 95–140.
- Братство Кирилла и Мефодия. – Чита, 1901.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – М., 1990. – Т. 2: Игры обмена. – 512 с.
- Брубейкер Р. “Диаспоры катаклизма” в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 6.
- Будыко М.И. О причинах вымирания некоторых животных в конце плейстоцена // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1967. – № 2. – С. 28–36.
- Буцинский П.И. Сочинения. Т. 1. Заселение Сибири и быт ее первых насельников / Отв. ред. С.Г. Пархимович. – Тюмень: Изд-во Мандрики, 1999. – С. 195.
- Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 150–152.
- Ваништейн С.И. История народного искусства Тувы. – М., 1974.
- Василевич Г.М. Сымские тунгусы // Советский Север. – 1931. – № 2. – С. 132–151.
- Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского языка. – Л., 1948. – 353 с.
- Василевич Г.М. Корятообразная нарта сыских эвенков // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. X. – 1949. – С. 93–97.
- Василевич Г.М. Эвенки Катангского района // Сибирский этнографический сборник. Вып. IV / ТИЭ. Нов. Сер. – 1962. – Т. 78. – С. 98–121.
- Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. – Л., 1966. – 399 с.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVII–начало XX вв.). – Л.: Наука, 1969. – 303 с.
- Василевич Г.М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков // Охотники, собиратели, рыболовы. – Л.: Наука, 1972. – С. 160–171.
- Васильев В.И. Проблемы этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980. – С. 41–67.
- Вдовин А.С., Карпунин К.В. Красноярск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 168–171.

- Ведерников В.В.* Становление сереброплавильной промышленности в России в XVIII–первой трети XIX в. // Изв. Уральского государственного университета. – 2010. – № 3 (79). – С. 73–86.
- Величко А.А.* Природный процесс в плейстоцене. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
- Величко А.А.* Становление современной ландшафтной оболочки Земли // Природа. – 2012. – № 1. – С. 78–87.
- Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России / Сост. М.С. Бастракова, В.С. Неаполитанская, Г.А. Фирсова. – М.: Наука, 1988. – 404 с.
- Вигилёв А.* Самый длинный почтовый тракт // Советский коллекционер. – М.: Мысль, 1975. – Сб. 13. – С. 82–92.
- Визе В.Ю.* Русские полярные мореходы XVII–XIX вв. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. – 72 с.
- Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 223 с.
- Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Иркутской области: В 3 т. – Иркутск: Изд-во БГУЭП (ИГЭА), 2002. – Т. 3. – С. 49–267.
- Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири: 1900–1928. – Новосибирск: Наука, 1996. – 320 с.
- Власть в Сибири XVI–начало XX в.* 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. М.А. Акишин, А.В. Ремнев. – Новосибирск: ИД “Сова”, 2005.
- Водарский Я.Е.* Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). – М., 1973. – С. 200–204.
- Водичев Е.Г., Коробкова Н.П., Литвинов А.В.* Высшая школа на востоке России // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 355–362.
- Волкова В.С., Хазина И.В.* Палеоклиматическая шкала плейстоцена Средней Сибири и Таймыра // Материалы VI Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – С. 126–128.
- Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). – Новосибирск, 1975. – С. 95.
- Воробьев В.В., Батуев А.Р.* Развитие тематической картографии географами Сибири // Картография на рубеже тысячелетий: Докл. I Всерос. науч. конф. по картографии (Москва, 7–10 октября 1997 г.). – М., 1997. – С. 54–65.
- Воробьев В.В., Батуев А.Р., Белов А.В. и др.* Экологическое картографирование Сибири. – Новосибирск: Наука, 1996. – 279 с.
- Воробьева Г.А.* Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2010. – 205 с.
- Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф.* Историческая картография и топонимика Алтая. – Томск, 1980. – 121 с.
- Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков.* – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 412–425.
- Восточная Сибирь.* Экономико-географическая характеристика. – М.: Географгиз, 1963. – 896 с.
- Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Т. 2. – С. 186.
- Галашова Н.Б.* Евреи в Томской губернии во второй половине XIX–начале XX вв. – Красноярск: Красноярский писатель, 2006.

- Географические исследования в Сибири. Т. 4. Полисистемное тематическое картографирование* / А.Р. Батуев, А.К. Черкашин, Т.И. Коновалова и др. – Новосибирск: Акад. изд-во “Гео”, 2007. – 380 с.
- Географические исследования в Сибири. Т. 5. Общественная география* / А.Р. Батуев, Б.М. Ишмуратов, Л.М. Корытный и др. – Новосибирск: Акад. изд-во “Гео”, 2007. – 395 с.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. 3: О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских как и о шаманском законе / творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги; в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и в новь сочиненное; иждивением книгопродавца Ивана Глазунова. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1799. – 116 с.
- Герасимова К.М.* Ламаизм в Бурятии XVIII–начало XIX в. – Новосибирск: Наука, 1983.
- Глобальные и региональные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя Сибири.* – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 511 с.
- Головачев П.* Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – М., 1902. – 300 с.
- Гольденберг Л.А.* Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. – М., 1959. – Т. 7. – С. 296–347.
- Гольденберг Л.А.* Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г. // Тр. ИИЕиТ АН СССР. – М., 1962. – Т. 42, вып. 3. – С. 252–271.
- Гончаров Ю.М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX–начало XX в.). – Барнаул: АЗБУКА, 2013.
- Государственный архив Забайкальского края. Ф. Р-177. Оп. 1 (справка “Читинский государственный педагогический институт”).*
- Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 10.*
- Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-1826. Оп. 3. Д. 50. Л. 1–5.*
- Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 20. Оп. 1. Д. 2122. Л. 1об.*
- Государственный архив РФ. Ф. 5101. Оп. 1. Д. 213. Л. 21*
- Греков В.И.* О чертеже всей России до Китайского царства и до Никанского // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1959. – № 2. – С. 80–88.
- Григорцевич С.С.* Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. – М., 1957. – С. 14–15.
- Григорьева А.Р.* Земледельческое освоение Предбайкалья и Забайкалья в XVII–первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2001. – 24 с.
- Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск, 1965. – 144 с.
- Громыко М.М.* Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 445 с.
- Гузаров В.Н.* История Сибири: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. – 109 с.
- Гурвич И.С.* К вопросу о картографировании элементов духовной культуры народов Сибири // Народы и языки Сибири. – М.: Наука, 1978. – С. 15–22.
- Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). – Иркутск: Оттиск, 2002. – 208 с.

- Дамешек Л.М.* Институт генерал-губернаторов Азиатской России и его особенности. – Иркутск, 2011. – 128 с.
- Дамешек И.Л., Дамешек Л.М.* Сибирь в системе имперского регионализма. – Иркутск. 2009. – 389 с.
- Дамешек А.М., Кузнецов А.С.* Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. – Иркутск, 1973.
- Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2008.
- Дело об отправлении корреспонденции в Пекин* // Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 92 (Канцелярия кяхтинского градоначальника. За 1855–1856 гг.). Оп. 1. Д. 281. Л. 11.
- Дервянко А.П.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
- Дибирдеев В.И., Жеребцова Т.И., Константинов А.В., Кулаков В.С.* Чита // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. – Новосибирск, 2009. – С. 488–489.
- Дмитриенко Н.М.* Томск // Там же. – С. 265–266.
- Добин М.А.* Почтовые штемпеля Российской Империи. 3-е изд. – СПб.: Стандарт-Коллекция, 2009. – 448 с.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Наука, 1960. – 660 с.
- Дорофеев М.В.* Развитие Крестьянского землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2010. – 48 с.
- Дулов В.И.* Социально-экономическая история Тувы. XIX–начало XX в. – М., 1956. – 354 с.
- Дятлов В.* Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–138.
- Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. – Ереван: Институт Кавказа, 2009.
- Дятлов В.И.* Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: Сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 245–266.
- Евсеева Н.С., Жилина Т.Н.* Палеогеография позднеледниковья и голоцена (корреляция событий): Учеб. пособие. – Томск: Курсив, 2008. – 176 с.
- Евсеева Н.С., Жилина Т.Н.* Палеогеография позднеледниковья и голоцена (корреляция событий): Учеб. пособие. – Томск: Изд-во НТЛ, 2010. – 180 с.
- Евтеев О.А.* В.Н. Татищев и русские государственные съемки первой половины 18 века (по материалам фонда Сената ЦГАДА) // Вопр. геогр. – М., 1958. – Сб. 42. Картография. – С. 189–195.
- Евтеев О.А.* Семен Ульянович Ремезов // Отечественные физико-географы и путешественники. – М., 1959. – С. 43–47.
- Ендрихинский А.С.* Последовательность основных геологических событий на территории Южной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 6–35.
- Ермаков В.Т.* Культура дореволюционной России (К постановке проблемы) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С. 198–215.

- Ермакова Т.Е.* Буддийский мир глазами российских исследователей XIX–первой трети XX в. (Россия и сопредельные страны). – СПб.: Наука, 1998. – С. 29.
- Железнодорожный транспорт: Энциклопедия.* – М.: Бол. Рос. энцикл., 1994. – 559 с.
- Жуков В.И., Тавадов Г.Т.* Большой этнологический словарь. – М.: Изд. Рос. гос. соц. ун-та; Омега-Л., 2011. – 928 с.
- Жуковская Н.Л.* Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. – М.: Наука, 1990. – 112 с.
- Жуковская Н.Л.* Неошаманизм в Бурятии // Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. – М.: Наука, 2004.
- Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ, 1958. – С. 87–89.
- Захаренко И.А.* Периодизация истории картографии. Общие вопросы и этапы картографирования Приморской области Дальнего Востока (середина XVII–начало XX в.) // Тезисы XXXIV науч. конф. по истории естествознания и техники. – М., 1992. – С. 97–98
- Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–первой четверти XVIII вв. // Тр. гуманитарного факультета / Новосиб. гос. ун-т. Сер. 1. Монографии). – Новосибирск, 2002. – 330 с.
- Зуляр Ю.А.* Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 496 с.
- Зуляр Ю.А., Худаков Д.Б.* История сельскохозяйственного освоения и страхования агропромышленного производства Байкальской Сибири в XX столетии. – Иркутск: Оттиск, 2005. – 766 с.
- Зыкина В.С., Зыкин В.С.* Лессово-почвенная последовательность и эволюция природной среды и климата Западной Сибири в плейстоцене. – Новосибирск: Акад. изд-во “Гео”, 2012. – 477 с.
- Иакинф.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 ч. Ч. 1. // Соч. монаха Иакинфа (Н.Я. Бичурин). – СПб.: Тип. Воен.-учеб. заведений, 1851. – 534 с.
- Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX–начале XX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1991. – 392 с.
- Иванова Е.В.* Побег уголовных ссыльнокаторжных Нерчинского горного округа и Петровского железоделательного завода (30–40-е гг. XIX в.) // Сибирская ссылка: Сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 281 с.
- Ивонин А.Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII–60-е гг. XIX в. – Барнаул, 2000.
- Из истории религиозных конфессий Бурятии XX в.: сборник документов /* Сост. С.Г. Аюшева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. – М., 2001.
- Ильиных В.А.* Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х–начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. – Новосибирск, 1999. – 160 с.
- Иркутск в панораме веков. Очерки истории города.* – Иркутск, 2002. – 20 с.
- Иркутск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.* – М., 1883. – С. 4–12.
- Иркутская область. Экономико-статистический справочник.* – Иркутск, 1941. – 191 с.
- Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ).* – 1895. – № 5; 1897. – № 5.

- Иркутский* государственный университет им. А.А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири (Крат. ист. очерк). – Иркутск, 1978. – 170 с.
- Иркутский* медицинский институт (1930–1980). – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 181 с.
- Ислам в российской империи* (законодательные акты, описания статистика). – М. 2001.
- Истомина Э.Г.* Малые города России в контексте социокультурной географии: проблемы изучения // Историческая география России: новые подходы. – М., 2004. – С. 10.
- Историко-этнографический атлас Сибири* / Под. ред. М.Г. Левина, Л.П. Потаповой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 501 с.
- Историческая энциклопедия Сибири.* В 3-х т. / Гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – Т. 1. – 715 с.
- История Сибири в древнейших времен до наших дней.* В 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, 1968. – С. 159.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней.* В 5 т. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – 530 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней.* В 5 т. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. – Л.: Наука, 1968. – 502 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней.* В 5 т. / Гл. ред. А.П. Окладников. – Л.: Наука, 1968. – Т. 1: Древняя Сибирь. – 454 с.
- История Сибири.* Т. 2. – М.: Вост. лит., 2000. – 796 с.
- История Сибири: Учеб. пособие.* – Томск: Изд-во ТГУ, 1987. – 472 с.
- История Тувы.* – Новосибирск, 2001. – Т. 1.
- Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Движение населения Сибири в XVIII веке // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1962. – Вып. 1. – С. 139–157.
- Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х годах XVIII в. Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – Новосибирск, 1968. – С. 172–173.
- Казарин В.Н.* Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х–середина 60-х гг. XX в.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. – 308 с.
- Казарин В.Н., Лякутина Ю.П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – 483 с.
- Казачьи войска.* Опыт военно-стратегического описания. Составил Ген. Штаба полковник Хорошихин. – СПб., 1881.
- Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века–февраль 1917 г.). – Улан-Удэ, 2003.
- Карасев В.В.* Кайнозой Забайкалья. – Чита: Читагеолсъемка, 2002. – 130 с.
- Карих Е.В.* Межэтнические отношения населения Томской губернии в хозяйственной сфере деятельности в XIX–начале XX веков. // Вопросы экономической истории России XVIII–XX веков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – С. 100–106.
- Карлов В.В.* Эвенки в XVII–начале XX в. (хозяйство и социальная структура). – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.
- Карпов В.П.* Тимано-Печерская перспектива Ямала: история одного проекта // Нефть и газ Западной Сибири: Материалы Междунар. науч.-техн. конф., посвящ. 55-летию Тюменского гос. нефтегаз. н-та. Т. 4. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 404 с.

- Кашик О.И. Из истории заселения Иркутского уезда в XVII–начале XVIII вв. // Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. – Благовещенск, 1958. – Вып. 16. – С. 227–274.
- Каючкин Н.П. Географические основы транспортного освоения территории. – Новосибирск: Наука, 2003. – 167 с.
- Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
- Классовая борьба, общественное сознание и культура. – Новосибирск, 1975. – 216 с.
- Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований) / Т.И. Грабельных, И.Н. Гутник, В.А. Решетников и др. – Иркутск: НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008. – 120 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб., 2005.
- Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–начале XIX вв. – Омск, 1973. – С. 347, 348, 350.
- Колесников Р.А. Почвообразование и природные условия каргинского интерстадиала на территории котловин Приенисейской Сибири: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Томск, 2005. – 24 с.
- Колесов Л.И. Межотраслевые проблемы развития транспортной системы Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1982. 225 с.
- Колоницкий Б. Метаморфозы германофобии: образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 г. // Россия и Германия в XX в.: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. В 3 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 97–114.
- Колосовский Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината // Пространственная экономика. – 2009. – № 4. – С. 126–141.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита, 1994. – 180 с.
- Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). – Чита, 2002. – С. 79–80.
- Копылов А.Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVII в. – Сибирь XVII–XVIII вв.: Сб. ст. – Новосибирск, 1962. – С. 33.
- Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск, 1965. – 203 с.
- Корнилов П.Н. Замечания о Сибири. – СПб., 1828. – 20 с.
- Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, 1974. – 144 с.
- Котляков В.М., Комарова А.И. География: понятия и термины. – Наука, 2007. – 859 с.
- Кошенов А.Т. Государственно-правовое регулирование промышленности в Западной Сибири во второй половине XVIII–первой половине XIX века // Вестн. ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (история). – 2007. – № 3 (66). – С. 28–34.
- Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск, 2008. – С. 130.
- Красноярский край: Справочник / Сост. О.А. Хорина, Р.Л. Иванова. – Красноярск: Кн. изд-во, 1984. – 360 с.
- Красноярский ордена “Знак Почета” государственный педагогический институт. – Красноярск, 1982. – 32 с.

- Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции о преобразовании каторги* // Тюремный вестн. – 1913. – № 12. – С. 1856.
- Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 года.* – СПб., 1887. – 170 с.
- Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма* / Под ред. В.Т. Анискова, Н.Я. Гущина. – Новосибирск, 1983. – 398 с.
- Кузнецов И.С., Кузнецова Я.А.* Новосибирск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 495–496.
- Кузнецова Ф.С.* История Сибири. Ч. 1. Присоединение Сибири. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1997. – 256 с.
- Кусов В.С.* “Атлас Кирилова” и первые русские планы городов // Геодезия и картография. – 2008. – № 3. – С. 20–23.
- Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. – М.: Восточная книга, 2009.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // СЭ. – 1955. – № 46. – С. 3–17.
- Лессовые породы СССР: В 2-х т. Т. I.* Инженерно-геологические особенности и проблемы рационального использования / Под. ред. Е.М. Сергеева, А.К. Ларионова, Н.Н. Комиссаровой. – М.: Недра, 1986. – 232 с.
- Летописи хоринских бурят.* Вып. 2. – М.; Л., 1935.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Издание в 5 т. – М.: Просвещение, 1985.
- Малая энциклопедия Забайкалья. Археология.* – Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.
- Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А.* Колонизация аграрная Сибири в XVII–нач. XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. Т. 2. К – Р. – Новосибирск, 2009. – С. 105–106.
- Манассеин В.С.* Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в Сибири в первой четверти XIX столетия. – Иркутск: Первая гос. типо-лит., 1924. – 30 с.
- Марголис А.Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. – М.: Лантерна; Вита, 1995. – 30 с.
- Марков Г.Е.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 304 с.
- Марков К.К., Величко А.А., Лазуков Г.И., Николаев В.А.* Плейстоцен. – М.: Высш. шк., 1968. – 304 с.
- Мартынов Д., Оськин А.* Рынок печатных СМИ в России и в мире. – М.; СПб., 2006. – 207 с.
- Материалы комиссии Куломзина для исследования землевладения и землепользования.* – СПб., 1898. – Вып. 6.
- Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. – Новосибирск, 1998. – 425 с.
- Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002.
- Мац В.Д., Уфимцев Г.Ф., Мандельбаум М.М.* Кайнозой Байкальской рифтовой впадины: Стрoение и геологическая история. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал “Гео”, 2001. – 252 с.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. – М: Восточ. лит., 2005. – 630 с.

- Милов Л.В. Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. // IV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге: Тез. докл. и сообщ. – Рига, 1961. – С. 99–101.
- Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – С. 22.
- Михайлова В. Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999.
- Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 254 с.
- Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников Польского восстания 1863 года в Западной Сибири. – СПб.: Алетейя, 2012.
- Нам И. Страницы истории общественного самоуправления у корейцев Российского Дальнего Востока // Диаспоры. – 2001. – № 2–3. – С. 148–169.
- Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
- Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. – М.: Наука, 2005. – 805 с.
- Народы России. – 1994. –
- Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во ТГУ, 1986. – Кн. 1. – 227 с.; Кн. 2. Приложение. – 116 с.
- Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. – М.; Л.: Наука, 1956. – 1076 с.
- Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 262. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
- Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX–начало XX в.). – Владивосток, 2004.
- Нестерова Е.И. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX–начале XX в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 402–439.
- Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. – Иркутск: ГУК АЭМ “Тальцы”, 2010. – 320 с.
- Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. – Новосибирск, 1988. – С. 32–33.
- Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII в. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.
- Николаев Э.Ф. культурно-исторические трансформации православия и ислама и общественный дискурс в России (XIX–начало XXI вв.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
- Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2008. – 190 с.
- Нимаев Д.Д. Монгольские народы – этническая история и современные этнокультурные процессы. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 145 с.
- Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). – Иркутск, 1895. – 214 с.
- О покупке Золотого Ганчжура // НАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
- Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII–начало XX в. – М.: Наука, 1970. – 452 с.
- Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. – М., 1999. – 114 с.

- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. Ч. 1–2 // МИА. Вып. 18. – М.; Л.: Наука, 1950. – 412 с.
- Описание Тобольского наместничества.* – Новосибирск, 1982.
- Описание Иркутского наместничества 1792 года.* – Новосибирск, 1988.
- Опланская Р.В., Тугуужекова В.Н.* Абакан // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 6–7.
- Очерки истории Забайкальского края.* Т. 1–2 / Под ред. Н.В. Гордеева. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 440 с.
- Паршин В.* Описание пути от Иркутска до Москвы. – М., 1851.
- Пак Б.Д.* Корейцы в Российской империи. – М.: Наука, 1993.
- Пак Б.Д.* Корейцы в Советской России (1917–конец 30-х годов). – М.; Иркутск, 1995.
- Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен–голоцен. Атлас-монография /* Под ред. профессора А.А. Величко. – М., 2009. – 120 с., + 24 с. цв. карт.
- Паликова Т.В.* Улан-Удэ // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. – Новосибирск, 2009. – С. 355–357.
- Памятная книжка Иркутской губернии /* Иркут. губернский стат. ком. – Иркутск: Губерн. тип., 1912. – 359 с.
- Паршин В.П.* Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. – М.: Тип. А. Семенова, 1851. – 230 с.
- Пасецкий В.М.* Русские открытия в Арктике. Т. 1. – СПб.: Изд. дом “Адмиралтейство”, 2000. – 606 с.
- Пасецкий В.М.* Русские открытия в Арктике. Т. 2. – СПб.: Русина, 2008. – 724 с.
- Патканов С.К.* Список народностей Сибири. – Петроград, 1923.
- Пелих Г.И.* Селькупы в XVII в.: очерки социально-экономической истории. – Новосибирск: Наука, 1981. – 177 с.
- Первое столетие Иркутска.* Издание В.П. Сукачева в память 250-летия Иркутска. – СПб., 1902. – С. 24–27, 32.
- Петри Б.Э.* Карагасский суглан. – Иркутск, 1926. – 40 с.
- Петри Б.Э.* Охотничьи угодья и расселение карагас // Сборник трудов профессоров и преподавателей ИГУ. – 1927. – Вып. 13. – С. 335–364.
- Петров А.И.* Адаптационные проблемы корейской диаспоры Дальнего Востока России начала XX века // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. – Владивосток: ДВО РАН, 2000. – С. 36–58.
- Петров А.И.* Корейская диаспора в России: 1897–1917 гг. – Владивосток, 2001.
- Петряев Е.Д.* Кяхтинский листок. – Улан-Удэ, 1963. – С. 7.
- Пидопличко И.Г.* Современные проблемы и задачи изучения истории фауны и среды их обитания // Природная обстановка фауны прошлого. Вып. I. – Киев: Изд-во АН УССР, 1963. – 156 с.
- Письма Г.Н. Потанина.* – Иркутск, 1989. – Т.3. – С. 10.
- Платонов О.А.* Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. – М.: Православное издательство “Энциклопедия русской цивилизации”, 2000. – 1040 с.
- Покровский Н.Н.* Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII–начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 19–49.

- Покишишевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). – Иркутск: Иркгосиздат, 1951. – 208 с.
- Полевой Б.П.* Курбат Иванов – первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640–1642 гг.) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. – 1960. – Т. 92, вып. 1. – С. 46–52.
- Полевой Б.П.* Гипотеза о “годуновском” атласе Сибири 1667 г. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1966. – № 4. – С. 123–132.
- Полевой Б.П.* Географические чертежи посольства Н.Т. Спафария // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1969. – № 1. – С. 115–124.
- Полевой Б.П.* О картах Северной Азии Н.К. Витсена. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1973. – С. 221.
- Полевой Б.П.* Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа // Страны и народы Востока. – 1976. – Вып. 18. – С. 35–43.
- Полный Свод Законов Российской Империи (ПСЗРИ).* Т. V, № 2734.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-1).* Т. XX, № 14242. – СПб.: Тип. II отд. Собственной е.и.в. канцелярии, 1830. – 1041 с.
- Постников А.В.* Картографирование Сибири в XVII–начале XVIII века. С.У. Ремезов и его рукописные атласы // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – М., 2003. – Т. 2. – С. 7–19.
- Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. – М.: Наука, 1989. – 229 с.
- Постников А.В.* Картография в творчестве П.А. Кропоткина // Кропоткин и современность. – М.: МЦРГО, 1993. – С. 80–92.
- Постников А.В.* Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. – М.: Наш дом – L' Age d' Homme, 1996. – 192 с.
- Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. – Красноярск, 2002.
- Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* – Новосибирск, 1982. – 194 с.
- Рабцевич В.В.* Государственные учреждения дореформенной Сибири. Последняя четверть XVIII–первая половина XIX в.: Справ. – Челябинск, 1998.
- Равский Э.И.* Осадконакопление и климаты внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 336 с.
- Разумов О.Н.* Из истории взаимоотношений российского и иностранного акционерного капитала в сибирской золотопромышленности в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири в XVIII–начале XX века. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 139–153.
- Рассказов С.В.* Историко-географические особенности заселения и хозяйственного освоения запада Западно-Сибирской равнины // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2008. – № 3. – С. 64–73.
- Регион БАМ: Концепция развития на новом этапе.* – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – 212 с.
- Резун Д.Я.* Эволюция понятий “город” и “острог” в приказном делопроизводстве XVII века // Вопросы истории. – 1979. – № 10. – С. 172–176.
- Резун Д.Я.* О некоторых проблемах современной сибирской исторической урбанистики // Сибирский город XVIII–начала XX века. – Иркутск, 1998. – Вып. 1. – С. 6.

- Резун Д.Я., Цыкунов Г.А.* Иркутск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 645–647.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI–начало XX века: фронтير в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005. – 193 с.
- Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти. – Омск, 2004. – 548 с.
- Репрессированные этнографы.* Вып. 1 / Сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2002. – 343 с.
- Репрессированные этнографы.* Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. – М.: Вост. лит., 2003. – 495 с.
- Ровинский П.А.* Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. – 1875. – № 1. – 78 с.
- Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв.* / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2009.
- Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII–начала XX в.: Сборник материалов региональной научной конференции.* – Новосибирск, 2007.
- Романова А.В., Мыреева А.Н.* Фольклор эвенков Якутии. – Л.: Наука, 1971. – 328 с.
- Романова В.В.* Евреи на Дальнем Востоке России (II половина XIX века–I четверть XX в.). – Хабаровск, 2000.
- Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 1314. Оп. 1. Д. 174. Л. 8.
- Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). – М.: Госполитиздат, 1957. – 495 с.
- Русские.* Историко-этнографический атлас / Ред. В.А. Александрова. – М.: Наука, 1967. – 360 с.
- Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958. – 367 с.
- Рышков В.М., Толочко А.П.* Омск // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 540–542.
- Рычков Ю.Г.* Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности популяций. Поиски и решения на пути популяционной генетики // ВА. – 1973. – Вып. 44. – С. 3–22.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В.* Генетика и этногенез. Историческая упорядоченность генетической дифференциации популяций человека (модель и реальность) // ВА. – 1985. – Вып. 75. – С. 97–116.
- Савинов Д.Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. – СПб., 2002.
- Сагитова И.О.* Этнокультурная и социально-экономическая адаптация корейской диаспоры на территории Приморского края в дореволюционный период // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. – Владивосток: ДВО РАН, 2000. – С. 55–68.
- Салищев К.А.* История картографии // Итоги науки и техники: Картография. – М., 1974. – Т. 6. – С. 218–238.
- Салищев К.А.* Картоведение. – М., 1990. – 400 с.
- Сафран У.* Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Коэна “Мировые диаспоры” // Диаспоры. – 2004. – № 4. – С. 138–139.

- Сборник научных трудов Красноярского государственного медицинского института. Т. 3, посвящ. 10-летию ин-та / Под ред. проф. В.И. Рожанского. – Красноярск: Кн. изд-во, 1953. – 286 с.*
- Свиточ А.А., Сорохтин, Ушаков С.А. Палеогеография. – М.: Издат. цент “Академия”, 2004. – 448 с.*
- Свод Законов Российской империи. Т. II, ч. 1. Приложение об инородцах. Разд. 1. – Ст. 1–224.*
- Сельское хозяйство Сибири. – 1956. – № 2.*
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России // Зап. ИРГО. – СПб., 1910. – Т. X, вып. 2. – 87 с.*
- Сибирская советская энциклопедия. Т. 2: З–К. – Новосибирск: Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1931. – С. 595, 599.*
- Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. – Новосибирск, 1929. Стлб. 602.*
- Сибирь в составе российской империи. – М., 2007. – 362 с.*
- Сибирь периода феодализма. Вып. 3: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1968. – 245 с.*
- Сибирь. Атлас Азиатской России. – М.: Топ-книга, Дизайн. Информация. Картография, 2008. – 480 с.*
- Силина И.Г. К истории картографирования территории Алтайского края // История. Карта. Компьютер: Сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 114–135.*
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. – М.: Наука, 1976. – 309 с.*
- Скубневский В.А., Ивонин А.Р. Барнаул // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. – Новосибирск: Изд. дом “Историческое наследие Сибири”, 2009. – С. 171–172.*
- Славкина М.В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзорение. Вып. 10. – М., 2005. – С. 146–162.*
- Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск, 1995. – С. 174–175.*
- Солодовников А.Ю., Чистобаев А.И. Влияние нефтегазодобычи на социально-экологическую среду Обского Севера. – СПб.: ВВМ, 2011. – 310 с.*
- Сонич Г.Ф. Иркутская государственная экономическая академия (исторический очерк). – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. – 288 с.*
- Сорокин М. Кузнецкая пашня: Разыскания // Историко-краеведческий альманах. – Кемерово, 1993. – Вып. 3. – С. 18–23.*
- Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX–начало XX вв.). – Омск: Изд. ОмГУ, 1999.*
- Социалистическое земледелие. – 1932. – № 9–10.*
- Социалистическое хозяйство Западной Сибири. – 1934. – № 2.*
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – 1975.*
- Стеллер Г.В. “Иркуцкие нравы и образ жизни” / Пер. и публ. А.Х. ЭлERTA // Наука из первых рук. – 2007. – № 6 (18). – С. 37–38.*
- Степанов Н.Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в. // УЗЛГУ. Сер. ист. наук. – 1939. – Вып. 5, № 48. – С. 53–79.*
- Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М.: Наука, 1973. – С. 108–129*

- Супоницкая И.М.* Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // *Одиссей: Человек в истории.* – М.: Наука, 1989. – С. 219–240.
- Суходолов-А.П.* Внешнеторговая деятельность Сибири в дореволюционный период // *Иркутский историко-экономический ежегодник.* 2012. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 25–37.
- Сычева С.А.* Ритмы почвообразования и осадконакопления в голоцене (сводка ¹⁴C-данных) // *Почвоведение.* – 1999. – № 6. – С. 677–687.
- Тишков В.А., Чешко С.В.* Предисловие // *Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты.* – М.: Наука, 2005. – С. 5–8.
- Тойнби А.Дж.* Постигание истории. – М., 1991.
- Томский Императорский университет* // *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. 34.
- Тураев В.А.* Традиционные культуры в условиях модернизации и реформ: проблемы и перспективы // *Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: Материалы докл. ведущих ученых на 50-й РАЭСК.* – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 129–135.
- Туров М.Г.* Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX–начале XX в. – Иркутск: Изд. Ирк. ун-та, 1990. – 176 с.
- Туров М.Г.* Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории. – Иркутск: Амтера, 2008. – 228 с.
- Туров М.Г.* Традиционное природопользование в ретроспективе этнической истории коренного и русского старожилого населения Катангского района Иркутской области // *Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: Материалы докл. ведущих ученых на 50-й РАЭСК.* – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 144–160.
- Тюркские народы Восточной Сибири* / Отв. ред. Д. Функ. – М.: Наука, 2008. – 422 с.
- Тюркские народы Сибири* / Отв. ред. Д. Функ. – М.: Наука, 2006. – 678 с.
- Украинцева В.В.* Растительность и климат Сибири эпохи мамонта // *Тр. государственного природного биосферного заповедника “Таймырский”.* Вып. 4. – Красноярск: Вост.-Сиб. фил. Междунар. ин-та леса, 2002. – 192 с.
- Усков И.Ю.* Кемерово // *Историческая энциклопедия Сибири.* Т. II. – Новосибирск, 2009. – 53 с.
- Фель С.Е.* Картография России. XVIII в. – М.: Изд-во геод. лит., 1960. – 226 с.
- Фильшин Г.И.* Экономика Приангарья: проблемы и перспективы. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 208 с.
- Фойгт Л.И.* Сталинск в годы репрессий: воспоминания. Письма. Документы. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – Вып. 2. – 141 с.
- Формозов А.Н.* О фауне палеолитических стоянок европейской части СССР // *Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР.* – М.: Наука, 1969.
- Функ Д.А.* Современные “традиционные” культуры народов Севера // *ЭО.* – 2013. – № 2. – С. 3–5.
- Хагдаев В.В.* Шаманизм и мировые религии. – М., 2000.
- Хафизов Р.* В новых условиях – в новое качество // *Политический вестник.* – Иркутск, 1988. – № 16.

- Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 640 с.
- Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации // Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык). – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 70–92.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
- Хотинский Н.А. Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М., 1982. – С. 142–147.
- Хохлов В., Косыгин М., Плешакова В. Институт в первые годы его становления и в годы Великой Отечественной войны // Иркутскому политехническому институту – 40 лет. – Иркутск, 1970.
- Цыбенов Б.Д. Распространение буддизма среди хори-бурят. – Улан-Удэ: БГУ, 2001.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ, 1998. – 288 с.
- Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III–первая половина II тыс. до н.э.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – 236 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972. – С. 227–229.
- Чеканинский И.А. Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях р. Чуны Енисейской губернии // ЭО. – 1914. – № 3–4. – С. 61–80.
- Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей – удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.
- Шашин В.Д., Щербина Б.Е., Муравленко В.И. и др. Нефть Сибири. – М.: Недра, 1973. – 256 с.
- Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2005. – С. 44.
- Шенников А.А. Земледельческая неполная оседлость и “теория бродяжничества” // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 76–93.
- Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. II. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – Иркутск: Кн. изд-во, 1957. – 673 с.
- Шерстобоев В.Н. Земледелие Северного Предбайкалья в XVII–XVIII вв. // Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. – М., 1952. – С. 279–302.
- Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII–начала XVIII века. – Иркутск, 2001. – 604 с.
- Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 163.
- Шибанов Ф.А. Обзор русской картографической литературы XVIII в. // Вестн. ЛГУ. – 1958. – № 18. – С. 112–124.
- Шибанов Ф.А. О сущности и содержании истории картографии и итоги работы советских ученых в этой области за 50 лет // Вестн. ЛГУ. – 1967. – № 12, вып. 2. – С. 104–108.
- Шибанов Ф.А. Очерки по истории отечественной картографии. – Л., 1971. – 362 с.
- Шинкарев Л. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 488 с.
- Ширяев Ф.Г. Университет в Иркутске: историческая справка. – Иркутск, 1915.

- Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в конце XIX–первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2010. – С. 3–36.
- Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII веков. – М.: Наука, 1946. – С. 17–18.
- Шунков В.И. Географическое размещение сибирского земледелия // Вопр. географии. – 1950. – № 20.
- Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири: XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 432 с.
- Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начало XVIII века // Вопросы аграрной истории России. – М., 1974. – С. 25–192.
- Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут, 1993. – С. 172–176.
- Шукин Н.С. Письмо из Иркутска // Северная пчела. – 1828. – № 3.
- Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.) / Отв. ред. А.К. Маркова, Т. Ванн Кольфсхотен. – М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2008. – 556 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004. – 370 с.
- Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. – М., 1953. – С. 50.
- Batuyev A.R. Thematic Mapping of Siberia // Geography of Siberia. – 2006 Research India Publications, Delhi. – P. 203–215.
- Frechen M., Zander A., Zykina V., Boenigk W. The loess record from the section at Kurtak in Middle Siberia // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. – 2005. – Vol. 228. – P. 228–244.
- Grand Larousse en 5 volumes. – Vol. 2. – P. 972.
- Kiryushkin F.V., Robinson P.E. Russian railway postmarks. – Sheffield, 1994. – 180 p.
- Koshkarev A.V., Antipov A.N., Batuyev A.R., Yermoshin V.V., Karakin V.P. Geoportals as part of spatial data infrastructures: Russian Academy-supported resources and geoservices // Geography and Natural Resources. – 2008. – Vol. 29, Iss. 1. – P. 18–28.
- Robinson P.E. Siberia: Postmarks and Postal History of the Russian Empire Period. – Sheffield, 1990. – 184 p.
- The Encyclopedia Americana. Intern. Ed. Danbury (Conn.). – 1987. – Vol. 9. – P. 68–69.
- The New Encyclopedia Britannica. 15-th Edition. Chicago. – 1992. – Vol. 4. – P. 68–69.
- von Strahlenberg Ph.J. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In verlegug des Autoris, 1730.
- Webster's Third International Dictionary of the English Language. Unabridged. Springfield (Mass.). – 1971. – P. 625.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

- Андреенков С.И., Ильиных В.А. Аграрная политика советского государства в Сибири // <http://russiasib.ru/agrarnaya-politika-sovetskogo-gosuda/> (дата обращения 27.12.2012).
- Андреенков С.И., Ильиных В.А., Рынков В.М. Заготовки сельскохозяйственной продукции. – URL: <http://russiasib.ru/zagotovki-selxozprodukcii-gosudarstvennye/> (дата обращения 24.12.2012).

- Андреев С.Н.* Целинных и залежных земель освоение // <http://russiasib.ru/celinnux-i-zaleznyx-zemel-osvoenie/> (дата обращения: 2012).
- Антонов Е.П.* Промышленное освоение Якутии в 1920–1930-е годы // Сибирская заимка (электрон. журнал). – 2002. – № 3. – http://zaimka.ru/03_2002/antonov_sakha/ (дата обращения: 2013).
- Артемов М.* История России с Forbes. Заманчивая и ненужная Сибирь. – URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/opytu/84886-istoriya-rossii-s-forbes-zamanchivaya-i-nenuzhnaya-sibir> (дата обращения: 08.12.2012).
- Великий Сибирский путь 1891–1916 гг.* – <http://www.ids55.ru/ais/articles/stroitelstvo/277---1891-1916-.html> (дата обращения: 2012).
- Все почтовые отправления.* – <http://www.postalhistory.ru/catalogue.htm?cat=1> (дата обращения: 2012).
- Железнодорожная почта.* – <http://www.postalhistory.ru/catalogue.htm?cat=18> (дата обращения: 2013).
- Земледелие и промыслы народов Сибири/* – URL: <http://www.protown.ru/information/hide/6550.html> (дата обращения: 23.12.2012).
- Земледелие и скотоводство.* URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000171/st002.shtml> (дата обращения: 18.11.2012).
- Иголкин В.И.* Из истории Сибирского золота. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-182464.html> (дата обращения: 2012).
- Ильиных В.А.* Зерновая проблема. – URL: <http://russiasib.ru/zernovaya-problema/> (дата обращения: 13.12.2012а).
- Ильиных В.А.* Интенсификация сельского хозяйства в 1960–80-е гг. – URL: <http://russiasib.ru/intensifikaciya-selskogo-hozyajstva-v-1960-80-e-gg/> (дата обращения: 14.12.2012в).
- Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX веке: Поиск модели устойчивого развития. – URL: <http://hum.sbras.ru/iva95.htm> (дата обращения: 29.12.2012б).
- История русской почты. Политика Сайта.* – URL: <http://www.postalhistory.ru/index.htm> (дата обращения: 01.03.2013).
- История строительства Байкало-Амурской магистрали.* – URL: http://gendocs.ru/v14091/байкало-амурская_магистраль (дата обращения: 2013).
- Климат Сибири.* – URL: <http://www.polnaja-jenciklopedija.ru/geografiya/sibir.html> (дата обращения: 12.12.2012).
- Народная энциклопедия Усть-Илима.* <http://priilimie.ru/economy/lesprom/material/node/42> (дата обращения: 2012).
- Об особенностях русской колонизации Сибири.* – URL: <http://z1studio.com/z1/viewtopic.php?p=374#wrapheader> (дата обращения: 2012).
- Освоение Сибири* // <http://sib.net/contents/history/osvoenie-sibiri/> (дата обращения: 2013).
- Очерки по истории земледелия Сибири, Развитие сельского хозяйства, промыслы в Сибири* // <http://protown.ru/information/hide/6568.html> (дата обращения: 2012).
- Покровский Н.Н.* Земледельческая колонизация востока России. – URL: <http://www.zaimka.ru> (дата обращения: 11.12.2012).
- Почта иностранных управ.* – <http://www.postalhistory.ru/forumtema14.htm> (дата обращения: 01.03.2013).
- Присоединение и освоение Сибири в XVII в.* – URL: <http://www.Russian-chronicle.ru/moskovskoe-gos/prisoedinenie-i-osvoenie-sibiri-v-XVII-veke> (дата обращения: 12.10.2012).

- Развитие* сельского хозяйства, промыслы в Сибири. – URL: <http://protown.ru/information/hide/6568.html> (дата обращения: 09.12.2012).
- Развитие* Сибири с 16 по 19 века. Присоединение к Российской Федерации. – URL: <http://protown.ru/information/hide/6581.html> (дата обращения: 2013).
- Сельское хозяйство*. – URL: <http://russiasib.ru/istoriya-sibiri/> (дата обращения: 19.11.2012).
- Сельское хозяйство и промыслы крестьянства в Сибири*. – URL: <http://www.protown.ru/information/hide/6559.html> (дата обращения: 01.11.2012).
- Сельское хозяйство Сибири*. – URL: <http://russiasib.ru/selskoe-hozyajstvo/> (Дата обращения: 01.12.2012).
- Справочник статистических показателей*. – Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus> (дата обращения: 29.03.2013).
- Хозяйственное освоение Сибири русским населением*. – URL: <http://1novosib.usoz.ru/publ/8-1-0-78> (дата обращения: 02.12.2012).
- Шиловский М.В.* Крестьянская колонизация и развитие земледельческих районов Сибири. – URL: <http://www.sibheritage.nsc.ru> (дата обращения: 2012).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От главного редактора</i>	7
<i>Введение</i>	10
Глава 1. ПАЛЕОЛАНДШАФТЫ СИБИРИ И ДРЕВНИЙ ЧЕЛОВЕК . . .	13
1.1. Развитие палеоландшафтов в Сибири в позднем неоплейстоцене и голоцене	13
1.2. Окружающая среда и древний человек	22
Глава 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ЕЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ	26
2.1. Степные империи (кочевничество).	26
2.2. Охотники – олениводы тайги и тундры	41
2.3. Формирование сети острогов и городских поселений	66
2.4. Географические исследования Сибири	78
2.5. Географические открытия в Арктике (сибирский сектор). . . .	102
Глава 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ	121
3.1. Транспортное освоение.	–
3.2. Становление почтовой сети.	130
3.3. Земледельческое освоение	145
3.4. Промышленное освоение	171
Глава 4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	189
4.1. Административно-территориальное устройство и система управления Сибири в XVII–начале XX вв.	–
4.2. География сибирской уголовной ссылки.	201
4.3. Этноконфессиональный фактор социокультурного освоения Сибири XIX–XXI вв.	209
4.4. Диаспоры в переселенческом сибирском обществе: динамика формирования и развития	220
4.5. Становление и развитие высшего образования в Сибири	231
4.6. Сибирь в системе международных отношений	245
4.7. География развития системы СМИ	252
Глава 5. ИСТОРИЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СИБИРИ	267
5.1. Ранний период в истории картографирования Сибири (конец XV–начало XIX вв.)	–
5.2. Новый период в истории картографирования Сибири (начало XIX–середина XX вв.)	277
5.3. Новейший период в истории картографирования Сибири (с середины XX в.)	282
Заключение	294
Литература	297
Электронные ресурсы.	314

Тематический план выпуска
изданий СО РАН на 2014 г., №

ГЕОГРАФИЯ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

в 6 томах

Том 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН*

Редактор
Художественный редактор *Н.Ф. Суранова*
Оформление обложки *Л.Н. Ким*
Корректор *О.А. Кислова*
Компьютерная верстка *Н.М. Райзвих*

Подписано в печать 00.00.2014. Формат 70×100 1/16.
Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 000 экз. Заказ №

ООО “Академическое издательство “Гео”
630055, Новосибирск, ул. Мусы Джалиля, 3/1
Тел./факс: (383) 328-31-13, <http://www.izdatgeo.ru>

Отпечатано